

Жизнь, пожалуй, можно сравнить с морской волной, на хребет которой сперва стремительно взлетает твоя лодка, и тебе кажется, что ты плывёшь в поднебесье, к солнцу, обретая любовь друзей, надежды, знания, научаясь делу, которое дорого, в вечном и вечно неизбывном заблуждении, что чем ты дальше плывёшь, тем дольше и прочнее твой путь. Но, увы, жизнь не есть земная твердь, и путь твой пролегает по зыбкой материи, вовсе не напоминающей склон пика — пусть трудного, каменистого, но всё же надёжного своей плотью, нет, жизнь и вправду похожа на зыбкую волну.

Вот ты, сам того не понимая, достиг гребня, в какое-то мгновение показалось, что ты совсем близок к небу, но податливая плоть расступилась, и ты, всё ещё не сознавая этого, не соглашаясь с данностью, сперва медленно и незаметно, а потом всё быстрее, точно разгоняясь, летишь вниз, и обретения подъёма оборачиваются потерями спуска — тусклее становятся чувства, уходят друзья, надежды, силы, а знания твои и умения отягчаются постижением сущего. Что знания, что опыт... Не из этого ли объективного хода бытия, который ещё никому не удалось изменить, родилась грусть то ли истины, то ли простого вздоха: если бы молодость знала, если бы старость могла...

Мчится вниз ладья жизни, и с каждой потерей окорачивается твоё существование. Не есть ли смерть близких репетиция нашего собственного ухода? И не заключено ли в потерях строгое взывание к живым душам: так ли вы живёте, так ли, как надобно, тратите дни, дарованные судьбой, не выйдет ли боком щедрая расточительность не помнящих предела...

Читайте в следующем номере воспоминания
Альберта ЛИХАНОВА “Верность до конца. Судьба в письмах”

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 4 2017

Пасха Христова

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

*Первое Послание к Коринфянам
апостола Павла*

Передовым спецназом народа, открывавшего кладовые Российской империи и Советской страны, всегда были геологи, геологоразведчики, рудознатцы, маркшейдеры, которые находили подземные сокровища от Донбасса до Чукотки, и одновременно, увлечённые своим призванием, своей романтической судьбой — создавали летопись своего сословия, сочиняли стихи и песни, романы и рассказы, писали не только камеральные отчёты, но и воспоминания о жизни и работе на “сырьевых” просторах страны. Недаром вся их жизнь протекала, как они говорили, в “полевых сезонах”, а попросту “в поле”.

Вот почему в нашей истории появились геологи-литераторы — Михаил Ломоносов, Вячеслав Шишков с романом “Угрюм-река”, Олег Куваев с “Территорией”, Валерий Осипов со сценарием “Неотправленное письмо”.

А ещё можно вспомнить публикацию Владимира Чивилихина “Серебряные рельсы”, в которой он опубликовал дневники трёх геологов — Стофато, Кошурникова и Журавлёва, погибших в 1943 году в отрогах Саян. А сколько дала геология русской литературе поэтов с геологической закваской: Глеб Горбовский, Эрнст Портнягин, Александр Городницкий, Леонид Агеев, Владимир Британишский, Владимир Павлинов и многие, многие другие.

Вот почему редакция журнала “Наш современник”, высоко ценя труды наших геологов всех времён, посвящает этот апрельский номер — а именно в апреле мы празднуем День геолога — людям с геологическими молотками, с пикетажками и полевыми сумками, обутым порой в трикони, порой в кирзовые сапоги, с рюкзаками на плечах для сбора образцов флоры и фауны, в брезентовых куртках, ватниках и накомарниках.

Читайте материалы под рубрикой
“Геология — жизнь моя...” на стр. 73–230.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Станислав МИШНЕВ
Камень. Рассказ 16
- Захар ПРИЛЕПИН
"За нами горы тел кровавых" 27
- Анатолий ДИМАРОВ
Вершины. Повесть 91

Поэзия

- Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ
Небесный Иерусалим 3
- Николай КОНОВСКОЙ
Лето Господне 6
- Священник Владимир НЕЖДАНОВ
Слышу свет —
это Пасха сама... 21
- Николай БЕСЕДИН
Пусть душа отдохнёт 23
- Евгений ЮШИН
В весеннем хоре все едины 56
- Валерий ФОКИН
Что тебе надо, товарищ?.. 60
- Валерий ХАТЮШИН
Хранимый Богом дом 65
- Александр НИКИФОРОВ
Ледоход 68
- Натали ДОНЧ
Ожидание 71
- Эрнст ПОРТНЯГИН
К опасной работе приучен давно.
С предисловием
Станислава КУНЬЯЕВА 82
- Глеб ГОРБОВСКИЙ
Какая вокруг красотища! 88
- Станислав КУНЬЯЕВ
Тянь-Шанские сны 159
- Ярослав ВАСИЛЬЕВ
Ведь жизнь не оборвать
на полпути 164
- Алексей КОЛОМИЕЦ
Лучшие мои деньки.
Переводы из Бёрнса 166

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Очерк и публицистика

Братья солнцу и ветру 73

Сплав поэзии и геологии.
Беседа Станислава КУНЯЕВА
с первым министром природных
ресурсов России
Виктором ОРЛОВЫМ 75

Сергей МИРОНОВ
Геологическая “поэма” 170

Виктор ФЕДОРЧУК
Геологи нескольких
поколений 208

Валентина МАРТЫНОВА
Судьба подарила мне
геологию 219

Владимир ЛОГАЧЁВ
В горох Карамазара 221

Георгий ЦАГОЛОВ
Революция Гэлбрейта 231

Валерий ГАНИЧЕВ
Цивилизация Донбасса 243

Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Преступность эпохи промышленной
революции XXI века 250

Критика

Наталья ЕГОРОВА
“Разлитая вечность...” 13

Николай КРИЖАНОВСКИЙ
Новый голос
“Родной Кубани” 265

Виктор ПЕТРОВ
Колыбельное слово 270

Борис КУРКИН
Русское колесо 279

Роман СЕНЧИН
Между котельной
и подъездом 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 07.04.2017. Формат 70х108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 328-2017. Тираж 5200 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

НЕБЕСНЫЙ ИЕРУСАЛИМ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ — ЭТО КРЕСТНЫЙ ХОД

Великий пост — это Крестный ход.
Грехам своим насолим!
Душа пошла в великий поход
В Небесный Иерусалим.

Душа распрямляется в полный рост!
Пусть долог путь и непрост,
Но ты головой касаешься звёзд
Только в Великий пост!

Без груза житейского налегке
Идётся куда бодрей —
Достаточно книг святых в рюкзаке,
Да чутка сухарей.

Тебя покаянье вгоняет в пот,
И совестью ты палим...
Великий пост — это Крестный ход
В Небесный Иерусалим.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителемствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Иоанна Богослова. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

ЗАЛЕЗ НА КРЫШУ

Залез на крышу — снег скидать.
И — загляделся в даль...
Там — Греция... Там благодать,
Вовсю цветёт миндаль!

А тут... Да тоже благодать!
И не сдержат мне слёз
Над крышей... Небеса видать,
А там — Христос... Христос!!

ДОСПЕХИ

Зло переходит в атаку?
Что же, пополним и наш —
В пику вселенскому мраку —
Светлых идей патронташ.

Порохом станут молитвы,
Пулей — Евангельский стих.
Апокалипсиса битвы
Нам не осилить без них.

Вера — надёжная каска.
Таинства — бронедоспех.
Ждёт нас вселенская встряска...
Но и не меньший успех!

КАБЫ ЗНАЛИ МЫ

Кабы знали мы,
сколько горести
в этой жизни нам уготовано,
сколько раз слезами зальёмся мы,
полоснёмся отчаянья ножичком...
То взмолились бы не родиться,
в материнской утробе остаться!

Кабы знали мы,
сколько радости
щедрым Богом нам приготовлено,
как на Пасху — сладких куличиков —
там, где Пасха вовек не кончится,
точно дети ко храму светлому
побежали бы к Царству Божьему:
лишь бы там навеки остаться,
лишь бы только не расставаться!

ЗЕМЕЛЯ

Народился и вымахал в теле —
А крепки же сибиряки!
И скажу я: “Здорово, земели!”
Все в Сибири мои земляки!

А души моей родина — Волга.
Ярославлю вослед Кострома,
Хоть со мной и промучилась долго,
Доводила меня до ума.

Много слёз я по юности вытер.
Но для сердца открылись слова
И в тебе, обожаемый Питер,
И в тебе, золотая Москва.

А забуду ль красавицу Ригу?
Я в Прибалтике тоже родня,
Там я вписан в Небесную книгу,
Ибо в Риге крестили меня.

А не Псков ли души повелитель?
Не отцы ли мои Соловки?
Я и Дона казачьего житель —
Все по духу мои земляки.

Если молодость выбрала Вятку,
Вятка мне словно сердце в груди.
А слабó замахнуть на Камчатку?
Там ведь тоже земели, поди...

Много всяких событий мелькало,
Только Мама-Россия одна...
И куда я теперь без Байкала?
Там ведь тоже моя глубина.

И какие б ни встретились мели
Посреди этой жизни реки,
Будьте Богом хранимы, земели,
Дорогие мои земляки!

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

* * *

Под веянье широколиственных глав
Забыться в свечении полдня!..
О, пышное великолепие трав —
Цветущая щедрость Господня!

Как будто бы дальние горы и лес,
Нависший над водною гладью, —
Весь мир поднебесный, простёртый окрест,
Пронизан Твоей благодатью!

И в ней — свиристенье, движение, жизнь,
Сплетение тени и света...
О, ливней мгновенная вечность,
Продлись! Продлись, долгожданное лето!

Гляжу, как речная текучая сталь
В глуби растворяется горней...
И мнится: не минувшей жизни мне жаль,
А краткого лета Господня...

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ОДИЧАНИЕ

Задача нелёгкая выпала — благоустроить
Участок земли,
Одичавший давно без присмотра
Хозяйского глаза,
И рук, и души, и усердия.
С обжитой земли
Только стоит уйти человеку,
Как, водам подобно,
В пустые проломы пространства,
Собой заполняя его,
В первозданной,
Ликующей, вечной
И всепобеждающей силе,
Живущая лишь по своим
Изначальным законам,
Противница праздности,
Властно рванётся природа.

Вот поздний “антоновки” плод,
Вот “анис”, вот “осенняя радость” ...
В конце сентября
Их, ещё незрелых,
Срывают,
Хотя лишь чрез месяц предзимний
Наступит их спелость,
Плодов ароматных,
Имеющих сочную мякоть,
Зернистую, сладкую,
С вкусом приятной кислинки.
Ах, если бы, если бы!..

Бедные эти деревья
С плодами, покрытыми
Сплошь безобразной паршой,
Корою усохшею,
В трещинах-ранах глубоких;
Иные шипами терновника
Ожесточились,
Ветвями, имевшими некогда
Мягкость и гибкость
И льнувшими
С нежным доверьем
К руке человека...

Гляжу на картину
Забвения и одичанья,
И мысль невесёлая
Сердце нежданно пронзает
О том, что душа наша станет
Таким же угрюмым,
Запущенным садом,
Землёю бесплодной и дикой,
Наследьем “волчцов” сплошь и “терний”,
Ведь стоит
Лишь только на время,
На малое время
Оставить её без ухода...

ПРАВОСЛАВНОМУ ПОЭТУ

Божественная лишь звезда
В твоих твореньях заблестала,
Как мира древнего вражда
И злоба на тебя восстала.

Крепись оружием поста
И жертвенною изначала
Небесной силою Креста
Во тьме вселенского провала.

Грядущему не прекословь
И душу к бедам уготовь,
Поскольку нет путей бескровных
В безжалостной пучине лжи...

И что за дело нам, скажи,
До мненья мертвецов духовных?

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

1

Ещё немая бездна пролегла
До светлого Христова Воскресенья
От скорби той, от траурных одежд,
От храмовых коленопреклонений;
От Сада Гефсиманского, где предал
Владыку злочестивейший Иуда;
От ночи той и от того двора,
Где трижды убоится слов служанки
Апостол Пётр до пенья петушина
И отречётся Господа; от криков
Безумия, Пилата превозмогших
Неистовством: “Распни Его, распни!”

“Свершилось!”

Миг — и надвое завеса
Разодралась в ветхозаветном храме.

2

Но что за чудо: словно бы светает
Среди вселенской неподвижной ночи,
Как будто где-то ангельские звуки
Касаются измученного сердца,
И сердце плачет и обнять готово
В слезах любое Божие творенье...
А, может быть, доносит ветер восточный
С собой благоухающее миро,
Что жены-мироносицы готовят
К помазанию Спасителя...
О Боже,
За что, скажи, Твоя любовь и милость,
Твоё неистощимое терпенье
К созданию Твоему?..
Помилуй грешных.

ГДЕ-ТО В ДАЛЁКОМ КРАЮ

Где-то в далёком краю
Солнечно, и к октябрю
Терпкою ягодой полн
В почву вцепившийся тёрн.

Всхолмия, кручи, поля —
Данная Богом земля,
Светом пропахшая твердь
В лепете клёнов и верб...

Там, где мне жить бы да жить,
Медленный коршун кружит;
Где на камени, прост,
Выситя древний погост.

Там обрела благодать
Многострадальная мать.
О, как над ней и отцом
Воздух пропах чабрецом!..

В той неземной стороне,
С веком моим наравне,
В глуби задумчивых вод
Вечное небо плывёт.

.....
То ли полыни тягчит
Запах, и кровоточит,
Бьётся в силках забвения
Смертная память моя?

В ОТБЛЕСКЕ ГОРНЕМ

Время недвижно, а сердце не спит...
Сумраком солнца
Буря нисходит, и бор мой скрипит,
Бор мой трясётся.

Блещет кривыми изломами твердь.
Словно с испуга
В страхе объятую смертную клеть
Бьётся пичуга.

Длится безумный неистовый пир.
В отблеске горнем
Огненным прахом становится мир,
Вырванный с корнем.

Хаос — в распахнутом бурей окне!
Слышная еле,
Плачет в надмирной душа глубине,
В горестном теле...

Справа ли, слева ли — над головой
Длится неровный,
Бедное сердце пронзающий вой,
Скрежет зубовой...

КУПАНИЕ НА РЕКЕ ЗУША

Быстрая Зуша-река.
Медленные облака.
Влажно трепещут листья
Ивы у самой воды.

Не оставляя следа,
Чистая эта вода
Светится, обнажена
До каменистого дна.

До измождения в плоть
Разгорячённую плоть
С плотью прохладною слить!
Плыть по реке бы да плыть.

Всё в этом мире забыть.
К дальнему берегу плыть,
Где от бывшего вода
Не оставляет следа.

В СУМРАКЕ ГОЛЫХ АЛЛЕЙ...

В давнего счастья алчбе
Всё я прощаю тебе:
Молнии света во мгле
На бесприютной земле

За безрассудство речей,
Дивное солнце ночей
И роковую напасть —
Сердце сжигавшую страсть;

За благовонный елей
Липовых душных аллей
В тот нескончаемый год,
Что безвозвратно уйдёт.

Некого в этом винить.
Судьбы — не соединить.
Осень... И путнику рад
Тихий, как сон, листопад —

Бедному сердцу елей
В сумраке голых аллей...

ЛИСТОПАД

Водный блеск — как блеск холодной стали.
Налетевший ветер — не вздохнуть.
Острие неведомой печали
Леденисто проникает в грудь.

Долгим вздохом облетают кроны...
Где-то здесь, невидимая, ты...
Листопад таинственно хоронит
Наши одинокие следы.

Стелется, сходя огнём на воды,
Тихий сон смирившийся листвы...
Осень! Долгожданная свобода
От людей, и страсти, и молвы.

...Здесь ли ты, иззябнувшая, рядом,
В сердце и смятении моём
Дышишь обнажённым листопадом,
Греешься струящимся огнём?..

И ГОЛОС ТВОЙ СЛАЩЕ ВИНА...

И вновь — после стольких-то зим
И вёсен небесных! —
По самому краю скользим,
По краешку бездны.

Минувшее превозмогли
Безвестные силы,
Что некогда нас развели...
И — соединили...

И вновь я тебе изолью
Всё горе и муку;
И вновь я целую твою
Прекрасную руку.

Ловя своё счастье, как дым,
Страстям потакая,
Я стал безнадежно седым...
А ты — молодая!

И вроде бы заживлена
Давнишняя рана,
И голос твой — слаще вина
В предутренней рани...

Весь век, не мешаясь с толпой,
На чуждом нам пире, —
О, как мы прожили с тобой
В жестоком сем мире?..

Но пахнет жасмин, и вино
В бокалах искрится.
И нам уж теперь — всё одно:
Скользить иль разбиться!..

СЕРДЦЕБИЕНЬЕ

Р. П.

Полночь завьюжила путь,
Стала болящая грудь
Нежности схроном.
Смутно, как будто в бреду,
В лютую стужу бреду
Скованным Доном.

Чувствую сердце твоё:
Словно в ладони поёт
Солнечный зяблик.
Птахой над бездной вися,
Как ты измаялась вся!
Как ты озябла!

Сослепу б нам не упасть,
В дикой пурге не пропасть:
Дальше — могила...
Сердца трепещущий стих
Грею в ладонях своих —
Как ты просила.

Сердце твоё ли? Родник?
Жадно губами приник
К дивной кринице.
Благословенной беды,
Животворящей воды —
Пить, не напиться!..

Это ль — не любящим рай,
Богом забытый твой край:
Сосны да ели...
Томно, который уж час,
Ветер баюкает нас,
Как в колыбели...

Всё утонуло во мгле.
Милая, здесь, на земле,
Жизнь — на мгновенье.
Вспышка — и вот мы летим
В страшную вечность — одним
Сердцебиением!

КОГДА СНЕГА И ХОЛОДА...

Небес пустынная звезда
Покой отъемлет,
Когда снега и холода
Грядут на землю.

О чём древесные верхи
Мягутся, молят?
День-два — и воды, и грехи
Лют выжжет холод.

Заледенеет кровоток.
Отступят страсти...
Душа свободна. Мир жесток.
Всё — в Божьей власти.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

“РАЗЛИТАЯ ВЕЧНОСТЬ...”

Несколько слов о поэзии Николая Коновского

Николай Коновской — поэт сокровенный. Не только потому, что тихо и прикровенно существует в русской литературе, не привлекая к себе лишнего внимания, не предпринимая никаких пиар-кампаний в пользу собственной поэзии... Сокровенно, несказанно, прежде всего, то, о чём он пишет. Его глубокие неторопливые смыслы прорываются в слова, будоражат восприятие читателя, заставляя его смотреть на мир глазами поэта, и вместе с тем как бы остаются за гранью слова... Вот-вот, и скажется нечто удивительное и неизвестное... Но нет, глубинное, сокровенное так и остаётся не сказанным:

*О бедность и скудость — суровая правда земли! —
И гул затаённый, едва различимый вдали
Соснового бора!
А всё-таки стоит, пусть даже мучительно, жить,
Когда в отдалённом безмолвии чайка кружит,
Да блещут озёра...*

*И время само замедляет стремительный ход
Под кровом, где медленно-медленно-медленно служба плывёт
Дыханьем надмирным,
Где ветры поклоны за стенами истоиво бьют,
И кроткие сёстры хваленье Творцу воздают
Распевом старинным...*

Николай Коновской владеет и словом, и смыслом, и смыслы сказанного в его стихах многогранны и многозначны. Зачастую муза Николая Коновского сознательно замолкает на полуслове, как в стихотворении об оптинской старице Сепфоре. Когда-то поэту удалось прикоснуться к чуду святости, и он пытается щедро поделиться им с читателями, проводя их вслед за собой в келью старицы: “Слаба была уж матушка, глаза // Её уже совсем не различали // Предметов мира, человеческих лиц, // Но милосердный даровал Господь // Ей зрение духовное, и тот // Смиранный угол, где она сидела, // На палочку склонившись, озарялся // Каким-то тайным несказанным светом // И тонким ароматом благодати”. Вот тут-то и зажигается читательское сердце неумолимой жаждой продолжения: “А что Сепфора? О чём она сказала? Что поведала?” Но поэтическое повествование неожиданно и резко заканчивается:

*А перед смертью матушки мне сон
Приснился ночью, только вот его
Я толковать не смею...*

Николай Коновской принадлежит к числу тех немногих счастливых поэтов, которые искали сокровище и нашли его. Начиная в молодости как трепетный и глубокий философский лирик, обращающий на себя внимание глубиной смысла и умением передать непередаваемый трепет живого – дыхание ветра, скольжение лучей по листе, трепыхание крыльев бабочки, неуловимые смены освещения и настроения, – зрелый Николай Коновской, не оставивший своей основной поэтической линии, сумел придать ей другую высоту: он дерзнул стать поэтом христианским. В чём и судьба, и веяние времени, и закономерный плод поэтического развития, поскольку, если мы станем искать, из какой почвы выросло поэтическое древо Николая Коновского, нам, конечно же, придётся вспомнить о любомудрах. А какие любомудры без христианства? Вот они-то – от Тютчева до Хомякова – и вели Николая Коновского за руку к Свету Христа, заставляя хранить строгость строки и не давая душе разменять себя на броские сиюминутные заблуждения. Ещё в истоках поэзии Николая Коновского ясно слышатся и прозрачный и трепетный Фет, и Бальмонт с его несказанностью и вечным желанием передать невыразимое. Бальмонтовскую “Безглагольность”: “Есть в русской природе усталая нежность, // Безмолвная боль затаённой печали, // Безвыходность горя, безгласность, безбрежность, // Холодная высь, уходящие дали”, – во многом можно поставить эпиграфом к лирике Николая Коновского, замороженного красотой русской природы и пытающегося за неброской красотой среднерусского пейзажа разглядеть душу России. Коновской много занимается поэтическими переложениями – святых отцов, псалмов Давида – и к созданию душеполезных, но всё же не совсем авторских текстов относится с большой ответственностью. Но какой свежестью и новизной, каким неисчерпаемым чудом жизни дышат его собственные авторские стихи! И, как ни странно, особенно остро ощущаешь это после вынужденно сдержанных и оправданно отстранённых переложений. Нет, чуда разговора с живой душой не заменить ничем, как ничем не заменить на этой земле личного творчества. Казалось бы, против такого утверждения свидетельствует духовный опыт самого автора – Коновского-паломника, которого “Отец // Гурьянов Николай благословил // На творчество, помазав пред иконой // Священным маслом Иерусалима”, а вот архимандрит Кирилл “сказал: “Что людям невозможно – // Возможно Богу то, и что стихи // Писать не надо – зряшное то дело...” Вместе с Николаем Коновским не дерзну и я как-то трактовать разноречивые утверждения наших старцев – дальше простирается священная область молчания. Но, как человек грешный и земной, всё же позволю себе восхититься чудом человеческой души, явно возникающим в каждом авторском стихотворении поэта. Что здесь? Любование красотой мира. Но, следя за чудом впитывающей Божий мир человеческой души, как-то просто и ясно понимаешь, почему тайна спасения – это тайна личности.

*Взлетает с добычей, на землю стремительно пав,
Распластанный хищник. Дурманит полуденных трав
Разлитая вечность.
С дерев поднебесных янтарная каплет смола,
И бабочка — диво! — порхает, легка и светла, —
Святая беспечность.*

*Скажи: эти травы, и птицы, и бархатный шмель
В пространствах грядущих надмирных всего лишь — ужель! —
Созвездия праха?..
А милая гостья в стозвонной медовой глуши
На камень холодный моей безотрадной души
Садится без страха...*

Всего-то – бабочка пролетела. Всего-то – протрепыхали невесомые крылья мгновенного радужного существа. Но как ясно видна наблюдающая за ней

человеческая душа, как напряглись и заиграли её струны, натянутые от земли до Неба! Многие в стихах Коновского создаётся сложным и выверенным синтаксическим рисунком, внутренним ритмом, идущим поверх ритма внешнего. Вот этим, на первый взгляд, словесным излишеством “Всего лишь – ужель! – // Созвездия праха” и держится стихотворение. Но именно это “Всего лишь – ужель!” и позволяет не прочитать мастерское и выверенное описание, а увидеть само трепетное и неуловимое движение крыльев бабочки, что в поэзии – большая редкость. А прочитав эту небольшую лирическую миниатюру, хочется повторить знаменитые слова гётевского Фауста: “Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!”

С поэзией Николая Коновского я знакома давно. Николай всегда обращал на себя внимание скромностью, неторопливой вдумчивостью и очень серьёзным, обязательным отношением к творчеству. Николай Коновской не гнался за сиюминутным. Он тихо делал своё дело. И произошло то, что по нашим непростым для поэзии временам можно назвать чудом: Николаю Коновскому удалось выжить и состояться как самостоятельному, значимому, глубокому и ни на кого не похожему поэту. А это значит, что его дорога неутомимого паломника и искателя Небесной благодати и благодати земного слова и земной поэзии была верной.

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

КАМЕНЬ

РАССКАЗ

Идёт липучий снег. Рыхлые, тяжёлые водянистые капли устилают землю. То, что этот снег долго не залежится, знают и Егор Михайлович, и Алексей Николаевич.

Тарахтит старенький колёсный трактор. Стеклоочиститель усердно трудится, сгребая со стекла пухлые молочные сгустки. Чувство заброшенности, одичания вызывают у обоих мужиков многолетняя дурная трава, густо поработившая поля, исхлётанные ветрами голые деревья, деревня с обвалившимися крышами, поваленные столбы радиолинии, снег, что летучая мошкара, лезущий в кабину...

Сырость, слякоть.

Солнце уже давно не тужится, солнце сделало длинный пас осени и ушло в дремотный отпуск.

Тесно в кабине. Пассажиры Егор Михайлович сидит боком, стараясь дать возможность управления Алексею Николаевичу. Алексей Николаевич похож на пилота, ведущего машину при нулевой видимости. Сухое, жёсткое лицо с немигающими глазами усиливает сходство. Высокий лоб лохматится дремучими седыми бровями. Алексей Николаевич не конфликтный товарищ, для него мнение жены (спокойной, как танк) важнее указа президента страны.

Они едут за мельничными камнями. С год, как бывший колхозный бригадир Егор Михайлович вынашивает идею поставить у входа в районный музей два мельничных камня. Станут любопытные граждане мимо проходить и увидят чудо из чудес, станут гадать да головами качать: это надо же! Как это в диком камне диаметром метр тридцать сантиметров, пятьдесят сантиметров

МИШНЕВ Станислав Михайлович родился в 1946 году в Вологодской области. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии имени В. М. Шукшина, имени В. И. Белова. Член Союза писателей России. Живёт в д. Старый Двор Вологодской области.

в поперечнике, высверлить дыру диаметром пятнадцать сантиметров? “Во, — скажут гордые за своих далёких предков, — а то некоторые грамотеи отягивают презрительно губы: “Де-рев-ня!” Вот тебе и дикая да тупая деревня! А хвати эдакую тяжесть весом килограммов шестьсот отесать, обровнять потом, заготовка была во сколько раз больше? Чем, каким инструментом? А как погрузить? Как и откуда эти камни привезли? Музейным работникам подсказать, чтоб никакой информации не давали. Где была мельница, кто последний владелец — тайна. Пускай народ котелком своим обихаживает своё родословное древо: в нашем роду мельники были?”

Оба пенсионеры, оба инвалиды. У Алексея Николаевича — сахарный диабет, у Егора Михайловича пошаливает сердце.

— Баба моя... — говорит Алексей Николаевич, скосив на пассажира глаза.

Егор Михайлович придвигает к нему тёмное, хотя и чисто выбритое лицо.

— Баба говорит, не от большого ума кинулись камни собирать.

Егор Михайлович обидчивый человек, он очень страдает, если его задумка не удалась, и хотя его успокаивают, мол, по причинам, от него не зависящим, сорвалась затея, огорчённо и недоумённо пожимает плечами, порой фыркает рассерженно, а иногда стучит согнутым пальцем по своему черепу: чего-то плохо сработали мои извилины.

Сейчас, услышав от Алексея Николаевича высказывание его жены, досадливо отодвинулся.

— Ещё бы, связался со мной!

Помолчали.

Егор Михайлович смотрел в мокрое окно: мир кутался в сырой белый саван.

— Там-то как, а? — неопределённо произнёс Алексей Николаевич и указательным пальцем правой руки показал в потолок кабины.

— Не дразнись! Чего надо каждый раз уколоть меня? — сердито сказал Егор Михайлович.

— Ну, зашипел опять ежом... Я, понимаешь... а как... — опять указательный палец полез вверх. — Потревожим, а?

— Кого?

— Хозяина. Хозяина камней этих.

— Далёко тебя кинуло... Под угол, слышал, камни да жернова класть нельзя, всю жизнь извертят, а тут... будут у музея стоять... Чего тут худого?.. У Шуры Совы, сказывают, под углами жернова лежат, так потому и парня зарезали в драке, и девка утонула, и матку парализовало...

Мельника Терентия Россохина раскулачили в тридцатом. Пошвыряли второпях, как воры, сказывали очевидцы, контуженные винными парами партийные товарищи кой-какого добра на дровни, вывели связанными из дому хозяина и хозяйку, усадили, рыдающих, на другие дровни кинули тулуп, велели: “Живо прыгайте, кулачки!” — плачущим семерым детишкам и повезли всех в лютой мороз на Печору. Нынче на месте Терёхиной мельницы вымахали высокие осины. В начале семидесятых годов остатки мельницы разломали большими тракторами — проводилось осушение наволоков. Но елань, рубленную одним топором, даже трактора не могли выдрать!

В дороге, в раздумье легко уйти в себя, оборвать разговор, и ехать, ехать, не замечая времени, и возобновить его на том же самом месте.

— Чего тут худого? — продолжает мысль Егор Михайлович. — Наоборот!

— Не знаю.

Трудно дались им эти камни. Сначала трактором выгнали на сухое место — Алексей Николаевич не раз прошупал ногами путь: “Как да усядусь, кто меня выгачит?” Он раза два напомнил Егору Михайловичу, что трактор ему “по рублику, по копеечке, по бутылочке водочки” достался, “не сверху в подвал свалился”: когда колхозную технику разворовывали и пропывали, ему по паям начислили в колхозной конторе “хрен целых ноль десятых”, а его жену, которая работала тогда дояркой, “премировали” десятью тоннами навоза и месячным телёнком... Выкопали ямки под колёса прицепа — всё ниже подъём! — и длинным тросом, не раз меня положение

трактора, затащили. Ещё и указательный палец правой руки Алексея Николаевича порвали ржавым, найденным лет пять назад в лесу тросом с лебёдки трелёвочного трактора. Пришлось оторвать полоску тельняшки и перебинтовать в полевых условиях.

Перепотели оба. Алексей Николаевич съел горбушку чёрного хлеба: с сахарным диабетом не шутят! Егор Михайлович проглотил две таблетки.

Вбллок от Терёхиной мельницы до дому — десять километров. Тихонько едут обратно, часто оглядываются: тут ли камни, не сползли ли по скользкому днищу?

Оттирает Егор Михайлович шапкой лицо, тяжело дышит.

— Я всё равно, понимаешь... — забинтованный указательный палец Алексея Николаевича тычется в потолок кабины. — Непокойно на душе. Сидеть бы сейчас у ящика... тут ещё баба стружку снимает...

— Звоню директору музея, так и так, а она: “Увы, нет денег. Художник принёс картины, наваливает: “Возьмите бесплатно, двадцать четыре картины! Оплатите только стоимость рам. — Да оплатим, когда в бюджете будут деньги”. Даже приехать и посмотреть камни — денег нет! Смех на ниточке. Иконы, самовары, братыни, полотенца, кросна, Господи-и! Всё вычистили проходимцы, а для музея, для детишек, для будущего!.. Вот что мы за люди? Какую силу сердца свеял наш век, какую силу погубил! У нас вот тут, — Егор Михайлович стучит пальцем по своему темечку, — пустота космическая!

— На днях по ящику болтали: на смену серой власти придёт чёрная. Негры, что ли? Или китайцы?

— У нас своих негров до выгребу — Москва захлебнулась!

Привезли камни домой.

День идёт, другой топчется, топчутся и Егор Михайлович с Алексеем Николаевичем возле камней.

— Может, в интернет выложить, мол, камни продаём, а? Запросить так тысячи три на топливо? Велю внучонку, он на это дело смышлённый, — предлагает Егор Михайлович.

— Кабы колокол литой тонн под десять, тогда бы американцы или евреи залебезили, а то камни какие-то, — говорит Алексей Николаевич. — Баба моя говорит... — вздыхает. — Говорит, дураки вы старые. Вас жизнь ничему не научила. Страну разворовали, а вы камням рады.

— Это верно, — смеётся Егор Михайлович. — Скажи бабе, что “нам чужой земли не надо пяди, но и своей клочка не отдадим!”

— Ага, нас с тобой спросят, кому отдавать, — хмыкает Алексей Николаевич. — Ты где свою землю застолбить собираешься, в Арктике? Там, по “ящику” чушь несут, нефть для всего мира качать будем.

— Не-е, на своём кладбище.

Неделя минула — три раза по мобильнику наседали на директора музея Егор Михайловича, грозился самому главе района пожаловаться на бездействие.

— Да поймите вы: погрузить — надо нанимать машину, привезти, сгрузить, установить! Где, где мне взять деньги? Вы не поверите, у нас в музее даже туалета нет. Придут школьники на экскурсию, мы заранее ведро ставим, — отбивалась женщина.

— Вам камни надо? — горячился Егор Михайлович.

— Боже мой! Да как не надо?! Может быть, камни — последнее, что есть от нашей малой родины! Но как, как, вы подскажите... А вы привезти не можете?

— Дожили! При красной власти весь райком партии эти камни, как бурлаки на Волге, тащить бы вышел, а теперь!.. Куда, куда мы на своей развалюхе сунемся? Нам за наш трактор такой штраф выпишут — мама, не горюй! Под Курском с поля боя мой отец танки обгоревшие вытаскивал тачагом — лучше смотрелись. А на чём везти, на воде?

Четвёртый раз номер на мобильнике набрал, ну, думает, посолою всех чиновников крепким матом и шабаш, больше не потревожу, постоял, повздыхал и опустил мобильник в карман.

Воздух набух туманом. Туман шевелился, двигался по земле сизым сумраком, густел и жался к реке.

Ударил мороз, крепкий мороз.

Сошлись поделники, одетые по зимней форме в шубы, валенки, шапки.
— О-о-о! — сказал Алексей Николаевич, пряча лицо своё в воротник шубы.

— Поджидает, Николаич! Ну, как житуха? — спрашивает Егор Михайлович.

— Живу пока, на похороны деньги коплю. Под утро, понимаешь, грудь заложило... и вчера мяло-корёжило. Баба говорит: от камня. Дух Терентия, — забинтованный палец указывает в свинцовое небо, — смотрит... У бабы на языке мозоль выросла: “Нельзя трогать то, что не тобой положено!”

— Они сговорились, что ли, бабы-то? — раздул ноздри Егор Михайлович. — И моя в ту же дуду.

— Бабы народ чувствительный. Бабы, — говорит и оглядывается, — они, как ведьмы... Тут, — трясёт пальцем над камнем, — все слёзы Терентия, и жены, и детишек в себя вобрали эти каменюги.

Ладонь к камню приложил.

— Студёный камень. Понятное дело...

Думал да думал Егор Михайлович про слёзы, боль, тоску и обиду, лишения, про многое думал, что вынесла семья Терентия Россохина, и вот однажды под утро, как и Алексею Николаевичу, стало ему неудобно. Лежит на кровати, жена у печки хлопочет, и явственно видит он сидящего на снегу босого старика, одетого во всякое рваньё, и усмехается ему старик удивительно доброй и ласковой улыбкой, и с трудом, тихо говорит:

— Отдай мне моё.

И так трогательно проста была просьба, и такое человеческое величие было в том, что слышал Егор Михайлович! Есть ли на свете слова, могущие заменить душевный стон? Нет таких слов, и быть не должно!

— Это... это что мне отдать?.. Как тебя по имени-батюшке, прости, запомнил? — спрашивает, весь наполняясь страхом.

— Тятю не тревожь. Терёха я, мельник.

Того же дня повезли Егор Михайлович с Алексеем Николаевичем камни обратно. Топлива мало, потому в долг под запись выпросили у продавца тысячу рублей. Заказали такси. Часу не прошло — три канистры по десять литров стоят возле колеса трактора. Нарочно Егор Михайлович баню натопил, воды нагрел — старенького железного коня беречь надо.

Обратная дорога всегда легче.

— Баба утром икону умывала, — говорит Алексей Николаевич.

— Неужели у вас иконы настоящие сохранились? — удивляется Егор Михайлович.

— Какое! В церкви купила. Разве в том сила, настоящая она или нет? Сила, понимаешь... В левой руке — финиковая ветка, а в правой — копьё с белой хоругвью, а на хоругви — червлёный крест. Я по ящику про Михаила смотрел, он правильно зовётся Архистратигом всех сил небесных. Вот сила иконы, понимаешь, как бы доходчиво сказать...

— А чего бабу икону мыть бросило?

— Чего, чего... В смиреннии жить надо.

— А то мы с тобой жеребцы необъезженные! — фыркает Егор Михайлович. — Кто ещё смиреннее нас живёт, исправных налогоплательщиков, послушных избирателей? Тьфу! Слушать тебя не хочу!

С телеги выгружали бережнее, чем грузили.

И положили камень на камень, чтоб издали видеть. В самые осины сгрузили, для чего четыре дерева свалили пилой да трактором оттащили прочь.

Из берега бьёт родник. Будто отвернули кран у земного самовара, и льётся, льётся кипяток тугой сгруёй, только подставляй чашки. Вымыл в той воде руки Егор Михайлович, умылся, отирает лицо шапкой. А напарник Алексей Николаевич гладит шершавой своей рукой верхний, мохом поросший камень.

— Промоахнулись, с кем не бывает... Нет-нет, не корысти ради, по доброте, понимаешь... То в жар кинет, то в холод... — из горла его шла бес-связная, убедительная речь, что потревожили они спящий дух не со зла.

— Михалыч! Ты не поверишь!.. Иди, пощупай, ей-богу, камень тёплый! Сели в кабину, переглянулись и достали лекарство: один — кусок чёрного хлеба, другой — таблетки.

Алексей Николаевич приглаживает седые брови.

— Слава Богу, избавились. Я, понимаешь, давно бы один свёз, да, думаю, обидишься... — облегчённо говорит Алексей Николаевич. — Баба всю плешь переела, и там, — опять указательный палец тычется в небо, — там спокойнее... Я вот своим худым умом так раскидываю: тут, над этим местом, дух мельника и всей родни его завис. Я по ящичку насмотрелся, как мумии египетские вскрывали, как на всех кладоискателей небесная кара пала...

Тут звонит директор музея:

— Говорила с одним богатым бизнесменом, возьмёт ваши камни.

— Это тот, у которого бассейн с крокодилом под окнами, который скачки на страусах устраивает и машинами торгует? — Егор Михайлович подмигивает Алексею Николаевичу: мы в курсах, кто в районе главный буржуй.

— Да, да! А — очень большой человек! Даст вам две тысячи рублей.

Это “а — очень” выдало тайный восторг директорши.

Егор Михайлович со злостью ткнул пальцем на мобильнике кнопку.

— И нас бы продала, зараза!

Снова трещит мобильник.

— Не горячись, не горячись, поговори, она баба подневольная, — советит Алексей Николаевич.

С минуту трещал мобильник, а Егор Михайлович в себя приходил.

— Тут такая неувязка... прицеп понадобился, стали разгружать, мороз сегодня под двадцать пять, камень о камень шмякнулся, и всё, на куски! Вы уж извините, побеспокоили вас.

— Жаль, жаль... А может, оно и к лучшему.

Правятся домой Алексей Николаевич с Егором Михайловичем. Едут низом, вдоль наволоков. Сверху смотрят на них пустые глазницы окон брошенной, догнивающей деревни.

— Терёхин дом, сказывают, от конюшни вторым стоял, не помнишь? — спрашивает Алексей Николаевич.

— Мы с тобой за одной партой сидели, если ты не помнишь, откуда я помню?

Смеются: пишок тебе под носок, страусятник! Чтобы ты и подобная тебе беспардонная публика на наши камни мочились?!

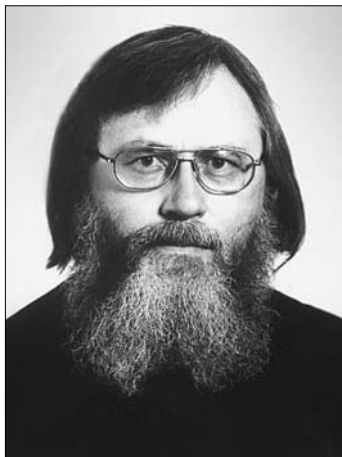
Белые деревья в брошенной деревне, одна лишь ель торжествует большим и ярким зелёным пятном. Воздух шуршит под колёсами трактора.

Ночью красная, уродливо отрезанная щербатым серпом луна, вся напрягаясь гневом, торчала в небе. А само небо отверстие было обсыпано звёздами, будто крупной солью. И медленно, почти осознанно, двигались по вечному волоку от Терёхиной мельницы, соль вжимая в твердь, два лёгких, белесых облачка. Куда? Туда, где вдумчивый рассвет высветит поутру новый день.

По “ящичку” четыре канала одновременно шприцевали запакованных в кресла и диваны жертв развлекательной “динамической нагрузкой”; это было и страшно, и захватывающе, и совершенно непричастно: из Москвы вырывалась банда с награбленными миллиардами, в Америке горел целый город, на японский берег высаживались саламандры, в Антарктиде бурили скважину и закладывали ядерный заряд. Уже давно обыватель не чувствует чужой боли, притерпелся.

“Мир не собака, сойдёт с ума — на цепь не посадишь. — Мысли у Алексея Николаевича сегодня ясные. — Не дал мне Бог таланту, а кабы дал, нарисовал бы я адскую мельницу, жернова, плотину, и бежит вместо воды в реке кровь людская, и стоит сверху дьявол в своём мерзком дьявольском камзоле и потешается, довольный... — Скосил глаза на спящую по соседству в кресле жену: фу, хорошо хоть вслух не произнёс такое! Приветал, на икону в углу посмотрел и сел обратно. — Кабы талант... Нарисовал бы я мальчонку с удочкой на берегу реки у Терёхиной мельницы, а небо над мальчонкой чистое и глубокое, и солнце... много солнца! За какую же горюшку закатилось ты, солнце моего детства?..”

СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

СЛЫШУ СВЕТ —
ЭТО ПАСХА САМА...

КРЕСТНЫЙ ХОД ОСВЕЩАЕТСЯ СОЛНЦЕМ

Крестный ход освещается солнцем.
Слышу свет — это Пасха сама
Распахнула навстречу оконца,
Отворила рассвет и дома!

И плывут с перезвонами звоны,
А в распахнутых окнах — весна.
И сияют по миру иконы —
Это молится наша страна!

Не даются пустые обеты,
Чтобы в жизни свершить перелом.
Праздник Пасхи, как праздник Победы —
Всей победы над смертью и злом!

Потому звуки русской тальянки
Будут слышаться с разных сторон:
Вот играют “Прощанье славянки”,
Вот запели Пасхальный канон!..

НЕЖДАНОВ Владимир Васильевич родился в 1950 году в подмосковной деревне Кривцово Солнечногорского района. Служил в армии. Работал редактором в издательстве “Современник”. В настоящее время служит священником в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Льялове Московской области. Автор пяти стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в подмосковном посёлке Менделеево.

ПТИЦЫ НА ПАСХУ

Птицы постятся зимою.
Всех бы дыханьем согреть,
Чтобы и птахи весною
Пасху смогли бы пропеть!

Чтоб на Воскресном наречье
В самом заветном краю
Песня летела далече —
Слышалась даже в Раю!

Будут смиренно питаться,
Будут поститься, говеть.
Силы ещё пригодятся
Пасху Святую воспеть!

* * *

В храмах плачут безмолвно родные иконы,
И по многим, по многим по русским домам
Слышим — слёзы текут, плачут матери, жёны...
Но Заступница первая плачет по нам.

ВЕРУЕМ

Просто так мы себя не спасём.
Значит, будем работать по силе.
Крест, который по жизни несём,
Станет позже в ногах на могиле.

Крепко веруем: он вознесёт
Из земли наше брренное тело.
Крест из праха до неба растёт,
Достигая иного предела.

Ни тяжелый, ни лёгкий — растёт,
Он приходится каждому впору.
Раз в году он весною цветёт
И в земле ищет Божью опору.

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

ПУСТЬ ДУША ОТДОХНЁТ...

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Виктору Лихоносову

С большака повернув на осенний просёлок,
Наш “уазик” в грязи то тонул, то всплывал.
В пять немереных вёрст путь казался нам долог
В тот фамильный удел, где Леонтьев бывал.
Три крестьянских двора затерялись на взгорке
Средь едва различимых дубовых аллей,
Где дышала земля волглым воздухом горьким,
Позабывшая запах озимых полей.
Дуб-монарх в шесть обхватов стоял отрешённо
От людской суеты, от страданий и бед.
Был чуть выше травы угол барского дома —
Знаменитой усадьбы единственный след.
Я пытался понять, где леонтьевских мыслей
Здесь, в российской глуши, животворный исток,
Евразийской мечты, неприятя жизни,
Где богатства и похоть превыше, чем Бог.
Может быть, в отрешённом величии дуба
Или в этих полях, где сиротство сквозит,
Или в страждущей русской душе однолюба,
Что о ближних и дальних бессонно болит?

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Да и есть ли ответы на самосожженье,
На служение миру любви и добра?
Только свет отдалённый развеет сомненье,
Что придёт благоденствия духа пора.

* * *

Гаснет день над Угрой.
Всё настойчивей запах сирени.
В небе ласточки чертят круги
высоко, высоко.
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени.
Пусть душа отдохнёт
от всего, что от нас далеко.
Всё равно не понять
эту жизнь, это время летящее,
Словно есть тот предел,
за которым закончился бег.
Всё равно не понять,
что же было у нас настоящее,
И зачем в этот мир сотворённый
пришёл человек?
Сквозь раkitную зелень
виднеется солнце закатное,
Погружается в сонный туман
городок за рекой.
И дома, и над церковью купол
как будто бы ватные,
И во всём этом странный
и грустный, предвечный покой.
Может, выпало время
для тихого праздника лени,
Или это усталость
от прожитых миром веков...
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени,
Пусть душа отдохнёт
от всего, что от нас далеко.

* * *

На старинной гравюре,
где небо врзлёт
Разместилось над полем,
Где ворон клюёт
На дороге ячменные зёрна,
Где легко и упруго
скользят облака,
Где не то, чтобы дни и года,
А века
Исчезают, как листья, покорно.
На старинной гравюре,
где сонный покой
От осокоя льётся,
И на водопой
Пастушонок торопит отару,
Там душа и пространство,
себя обретя,

Так слились воедино,
 как мать и дитя,
Как два промысла Божьего дара.
В окнах сумерки гаснут, стирая тона,
Размывая границы гравюры и сна
Поля этого, этой дороги.
Нет отары давно и её пастушка,
Бесприютен пустырь,
 тяжелы облака,
И исполнено небо тревоги.
На асфальте дорожном
 не зёрна, не тлен,
Задохнулось пространство
 в нашествии стен,
В бесконечности небо зловеще.
Но минувшее память жестоко хранит.
На обломке осокоря ворон сидит,
И возмездье в глазах его вещей.

* * *

Я люблю ту великую, грешную,
Ту, ушедшую в вечность, страну,
И за веру её сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости её, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было всё: упоенье победами,
Были всякие годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь за них.

* * *

Серп и молот, как символ труда,
На знамёнах и звёздочках наших.
Той страны не забыть никогда,
Что прошла по планете на марше.
Ни себя не щадя, ни врагов,
В созиданье искала бессмертье.
— Сколько было ей?
— Двадцать веков.
Крестный путь её — двадцать столетий.
Ибо сущность не в том, что она
Новый мир создавала без Бога,
А в надежде, что эта страна
Будет к Божьему миру дорога.
Сгинет власть золотого тельца,
А за ним все убийцы и воры,
Что насытятся правдой сердца
И не станет вражды и раздора.
Но роса очи выела нам,

Пока ждали мы солнца восхода.
И ушёл недостроенный храм,
Словно Китеж, в безумные воды.
Люди в пору разрухи и бед
Вновь приходят туда, где стоял он,
Чтоб под звёздами прежних побед
Силы вызрели в сердце усталом.
И тогда возникает порой
Необычного храма виденье.
Купол венчан звездой золотой,
Божий крест освящает ступени.
И идут к нему в вечном строю
Чётким шагом державным двенадцать,
И над ними святые поют,
А за ними иуды толпятся.

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

“ЗА НАМИ ГОРЫ ТЕЛ КРОВАВЫХ”

ВЛАДИМИР РАЕВСКИЙ

*Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огонь всежгущий, к нам притёк
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок... —*

в этих стихах 1812 года уже слышится предвестие пушкинского “... среди нечуждых вам гробов”.

Перед нами Раевский – поэт, солдат, каторжник, неистовый патриот Отечества.

Предки Раевского пришли в Россию из Дании.

Через князей Глинских Раевские были свойственниками Ивана Грозного, через Нарышкиных – Петра Великого.

Родился Владимир в слободе Хворостянке Старо-Оскольского уезда Курской губернии 28 марта 1795 года – третий сын надворного советника, отставного майора Феодосия Михайловича Раевского и его жены Александры Андреевны, в девичестве Фениной.

Всего детей было одиннадцать, но пятеро из них умерли в младенчестве.

В Хворостянке отец построил на свои деньги церковь: видимо, человек был совестливый, религиозный, щедрый. Старооскольские дворяне несколько раз выбирали его своим предводителем.

На сохранившихся прижизненных изображениях отец – воплощённый аристократ: утончённые черты красивого лица; мать – простоватая, курносая.

Будучи годовалым, маленький Володя сильно захворал. Вызвали местного врача – развёл руками. Вызвали знахарку – не справилась. Привезли врача из Курска – тот сказал, что надежды нет.

Послали за священником, изготовили гроб.

Мать рыдала.

Зная, что страшное неизбежно, и не в силах смотреть на это, отец за полночь ушёл спать; мать уволокли под руки. Стеречь детскую смерть осталась няня.

С утра вскочили, распахнули двери, ожидая увидеть то, чего никогда родительские глаза видеть не должны...

Мальчик сидел на руках у няни и пил с ложечки молоко.

Отец рванулся во двор и в минуту изрубил заготовленный гробик топором.

В тот день Феодосий Михайлович пел солдатские походные песни: а что ещё может столь же остро символизировать победу над смертью?

С тех пор сын не болел.

Отец у одного из соседей выиграл в карты настоящую скифскую каменную бабу, которой было не менее тысячи лет, и поставил её во дворе.

Однако постепенно по всей деревне пошли слухи, что эта баба – колдунья, и от её каменной ворожбы то корова подохнет, то дом сгорит. К дикому крестьянству присоединилась и жена Феодосия Михайловича. Пришлось бабу убрать и зарыть.

Обучали Володю специально выписанные гувернеры: немец и француз-женка.

Уже в детстве он получил так и прижившееся впоследствии прозвище Спартанец: военные игры занимали его более всего.

Отец видел в нём что-то, чего не было в других сыновьях.

С матерью, напротив, отношения не сложились, и не очень понятно, отчего они чурались друг друга. Хотя лицом он был сильно похож на мать.

Потом об этом будет в стихах:

*В младенчестве своём я радости не знал.
Когда лишь с чувствами, с невинностью знакомый
К родителям моим я руки простирал,
Врождённой добротой влекомый,
Я нежной ласки ожидал.
Увы! Тогда мой взор суровый взгляд встречал.
Я плакал, но ещё несчастья не знал.*

“Сетование”, 1817–1818

Судя по тому, что с отцом отношения у Владимира были тёплые, под “родителями” здесь, даже со скидкой на романтическую позу, подразумевается, в первую очередь, мать.

Быть может, у рожавшей каждый год Александры Андреевны не хватало сил на всех детей; а на своеобразного Володю – в первую очередь. Она просто не успела его толком понять и разглядеть: за беременностями, родами, кормлением и похоронами детей.

Но есть и другое мнение: уже в детстве он был аномально упрям и своелюбен.

В 1803 году Владимир, вслед за старшими братьями, поступает в Московский благородный университетский пансион.

Много лет спустя Владимир Раевский вспоминает: “Любил ли меня отец наравне с братьями Александром и Андреем – я не хотел знать, но что он верил мне более других братьев, надеялся на меня одного, – я это знал. Он хорошо понимал меня и в письмах своих вместо эпиграфа начинал: “Не будь горд, гордым Бог противен”; в моих ответах я начинал: “Унижение паче гордости”. . . Я воспитывался с братьями вместе, братья не были дружны между собой, но оба они искренне любили меня; и когда мать наша посылала нам деньги на конфеты в пансион, и всегда мне менее, нежели каждому из них, – они делились со мною поровну и как бы стыдились за мать. Я не просил никогда у отца денег, даже выигранные мною в карты в Хворостянке отдавал ему”.

Про “унижение паче гордости” запомним. Отца наш Раевский не слушается.

Александра Андреевна умрёт в 1810 году от чахотки. Последние семь лет её жизни с Володей она почти не виделась.

Крестьяне приписали смерть барыни злодейству каменной бабы. Нашлись даже очевидцы, которые видели, как каменная баба вылезала ночью из окна покойной... Просто рассказ Эдгара По...

Отец больше не женился.

Родные отмечали привычку ещё совсем маленького Володи выдвигать нижнюю челюсть вперёд: вид у него становился нарочитый, пугающий. Когда повзрослеет – привычка останется. Но все эти гримасы, как выяснится, не будут игрой или попыткой напугать то, чего и сам боишься; напротив, выдвинутая вперёд челюсть отвечала характеру Раевского. Это будет дерзкий тип – невысокий, коренастый и упрямый.

В 1811 году Владимир определился в Дворянский полк при втором кадетском корпусе. Полк именовали “грубосолдатским”: строевая подготовка,

фортификационные работы, ученья, смотры, караулы, маневры. Характерно, что это было самое престижное заведение подобного рода: кадеты едва ли не поголовно являлись представителями знатных родов, а шефом корпуса был великий князь Константин Павлович, которого, заметим, родословная кадетов нисколько не смущала: во время учения, когда ему что-то не нравилось, он врвался на коне в гущу войска, поливая всех наиотборнейшей русской бранью. Впрочем, самым страшным его ругательством было: “Я вам задам конституцию!”

В случае Раевского это ругательство оказалось в известном смысле провидческим. Уже в юности он близко общался со многими будущими декабристами, но ему “задали конституцию” самому первому.

Главный товарищ Раевского в те годы – Гавриил Батеньков, будущий воин, герой, поэт и декабрист; тоже, заметим, чуть ли не умерший в младенчестве, только в отличие от Раевского ожил он, к ужасу, а затем счастьем родителей, уже в гробике, когда тот готовился забивать.

Батеньков вспоминал о своём товарище две вещи, из дня сегодняшнего кажущиеся противоположными по смыслу, а тогда вполне совмещавшиеся в одних и тех же головах.

Первая: “...мы проводили целые вечера в патриотических мечтаниях”, – прощя говоря, грезилы войной, славой, победой.

Вторая: “...с ним я в первый раз я осмелился говорить о царе яко о чело- веке и осуждать поступки с нами цесаревича”.

И Раевский это осуждение не оспаривал.

Однако ж всё более критическое отношение к трону не противоречило патриотизму, но напротив, именно патриотическим чувством и было порождено; о чём мы ещё поговорим ниже куда подробней.

Воспитанием Дворянского полка занимался полковник Маркевич – артиллерист, автор лучшего на тот момент артиллерийского руководства.

Раевский станет не только поэтом, но напишет и ряд сугубо профессиональных работ по военному делу: “Теория стрельбы”, “О свойстве полигонов” и так далее; наряду с Денисом Давыдовым перед нами исключительный случай в русской литературе, когда сочинитель был ещё и военным тактиком.

На своё несчастье, зато в пользу собственной страшной и знаменитой судьбы, Раевский изучил в пору учёбы не только стрельбу по живым мишеням, но и “Вольность” уже отправленного в Сибирь Радищева, его же “Путешествие из Петербурга в Москву” и всяких европейских вольнолюбцев и смутьянов. Однако в ближайшие годы эти знания применить он не сможет.

Применит и самым подробным образом совсем иные: в мае 1812 года Раевский сдал экзамены на прапорщика артиллерии и получил направление в 23-ю артиллерийскую бригаду.

На границе России стояло 600 тысяч войск Наполеона. Надежда на чудо была ничтожна.

Не потерявший некоторого влияния в силу прежних знакомств отец Раевского предложил ему остаться в Петербурге – это можно было устроить.

Сын категорически отказался.

До войны оставалось три недели.

С Батеньковым они получают направления в разные места, расстанутся с тем договором, что увидятся при первой же возможности, которая не за горами. Знали бы они, что встретятся за всю жизнь считанные разы, причём второй раз – в тюремном коридоре, проходя мимо друг друга. Зато доживут до самой старости, и сложится так, что два сильных ещё старика будут переписываться, отправляя друг другу письма из Сибири в Сибирь. К этому времени каждый из них сначала вырастет в чинах, потом все чины растеряет и многие годы проведёт в тюрьмах и в ссылках. Чтобы сверить часы, в России надо жить долго.

23-й артиллерийской бригадой, куда попал Раевский, командовал подполковник Лавр Львович Гулевич. Она входила в 4-й пехотный корпус под командованием генерала Александра Ивановича Остермана-Толстого. Раевский уже будет в составе бригады, когда случатся крупные бои начала войны при Островно и Витебске.

Чтобы задержать Мюрата и обеспечить отход основных частей, Барклай-де-Толли приказал Остерману-Толстому и вверенному ему корпусу обеспечить отход армии.

13 июля авангард Мюрата подошёл к Островно. Остерман-Толстой решил принять бой. Свои войска он развернул в две линии поперек дороги, ведущей на Витебск.

Дело вскоре завязалось самое жестокое. Когда было доложено графу Остерману-Толстому о многих убитых и прозвучал вопрос, как быть, он, прислонившись к берёзе и нюхая табак, ответил: “Стоять и умирать”.

“4-й корпус упорно стоял на своей позиции, – констатируют историки. – Полковые командиры доносили о больших потерях. Но задачу, поставленную отряду, необходимо было выполнить, от её выполнения зависела судьба 1-й армии. Выдержка не покидала Остермана-Толстого ни на минуту”.

Батарейному начальнику, доложившему, что больше половины орудий подбито, Остерман-Толстой, продолжая невозмутимо нюхать табак, ответил: “Стреляйте из остальных”.

Как вспоминал впоследствии Г. П. Мешетич в своих исторических записках: “Флегматический нрав одного начальника нам всем известен был; в подкомандуемой им артиллерии он имел двух бригадных командиров по фамилиям: одного – Гулевич, а другого – Малеев и оных иначе не называл, как Гулевича – Малеевым, а Малеева–Гулевичем при всех частых с ними свиданиях”.

Сражение у Островно и продолжавшиеся бои под Витебском задержали неприятеля на несколько дней.

Согласно формулярному списку, первое своё отличие Раевский получает “августа 7-го под селением Барыкином”. Ему, напомним, всего 17 лет, но стрелял он преотлично и самообладание имел редкое.

Историк Илья Ульянов так описывает работу артиллеристов: “Сомкнутый строй пехоты попадал в зону действенного артиллерийского огня, находясь не далее километра от батареи. Люди в первых шеренгах пехотных батальонов напряжённо наблюдали за деловитой суетой артиллеристов на хорошо заметной неприятельской батарее. Наконец, расчёты у пушек замирали, блестящие или уже закопчённые стволы приземистых чудовищ жадно выцеливали близкие жертвы. Время замедляло свой бег. От поднесённых пальников загорались запальные трубки, струи огня и дыма били вверх, но тут же вся батарея скрывалась за мощными вспышками выстрелов. Залп... При скорости ядра или гранаты от 300 до 400 метров в секунду проходило до трёх секунд от момента выстрела до падения снаряда. Ожидание приближающейся смерти было ужасно”.

Ранние стихи Раевского точных датировок не имеют, однако есть мнение, что часть его “Песни воинов перед сражением” была начата накануне Бородинской битвы и затем была дописана уже в 1813 году:

*Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополчённый,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчётны...
Но нам не нужно их считать.*

Сочинение знаменательное, по-русски самурайское. “Сыны полуночи суровой, // Мы знаем смело смерть встречать...” Отлично сказано, на том державинском слове языка, которым спустя сто лет, а потом и двести, будут пользоваться как самой новейшей поэтической методой.

*Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
.....
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,*

*И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лият.
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут...*

.....
*Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.*

.....
*К мечам!.. Там ждёт нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огонь, и гром,
За нами — горы тел кровавых
И враг с растерзанным челом...*

В ночь перед Бородино Владимир переоделся в белое: "...смерть встретить". Сидел у костра со своими солдатами, пересказывал им греческие мифы: внимательно слушали — этого, между прочим, пацана, барчука, — но они уже видели его в деле. Старый артиллерист просил уточнить про Афродиту: наказали её за измену или обошлось. Раевский сказал: да, приковали к ложу вместе с любовником. Наказание солдатам, скорей, показалось неразумным (а ежели в избе такое — так и спотыкаться об них всю жизнь? И детям срамотно смотреть). Однако просьбу старого солдата неожиданно поддержали и все остальные: господин прапорщик, нельзя ли отписать жёнам, что за измену Господь накажет обязательно? Пусть боятся... В Бородинском сражении Владимир Раевский командовал двумя орудиями. Вся его 23-я батареинная рота была разделена и вводилась командованием по мере целесообразности.

Раевский вспоминал так: "Я составлял единицу в общей численности. Мы или, вернее сказать, все вступали в бой с охотою и ожесточением против этого нового Аттилы. О собственных чувствах я скажу только одно: если я слышал вдали гул пушечных выстрелов, тогда я был не свой от нетерпения и так бы и перелетел туда... Полковник это знал, и потому, где нужно было послать отдельно офицера с орудиями, он посылал меня".

Согласно документам, подполковник Гулевич, находясь в артиллерийском резерве 2-й армии при 12 орудиях (среди них два — Раевского) был выдвинут в помощь 2-й армии Багратиона, и "быв поставлен на высотах, с отличным успехом действовал по неприятельским батареям, заставил оные отретироваться и опрокидывал неоднократно усилившегося неприятеля".

Творилось невообразимое: грохот снарядов в какой-то момент стал непрерывным, как камнепад, солнце исчезло в дыму, повсюду лежали изуродованные и убитые. Жуткая жара, запах железа, гари, человеческой муки и гибели.

Французские гренадёры со штыками наперевес подошли на картечный выстрел.

Орудия молодого Раевского били прямой наводкой. Вот их лица, вот в рассеивающемся дыму лежат изувеченные трупы...

"Скорым действием из орудий и цельными выстрелами много споспешествовали к поражению неприятельских стремительно бросившихся колонн", — скупое, но торжественно сообщают документы.

"...каски и латы, сверкая, взлетали над всеми рядами..." — напишет французский мемуарист, полковник Любен Греуа, о том дне. Вообразите себе, как падает заряд посреди бегущих к батарее людей, и разлетаются ввысь и в стороны сияющие доспехи.

Когда Владимир Раевский писал: "...за нами горы тел кровавых", — тут не было никакой поэтичности, никакого гиперболизма; только констатация: "горы кровавых тел". Без рук, без голов, кости наружу, внутренности — на августовской траве.

"Смертельный зной".

И каждый этот блистающий гренадёрский штык может спустя минуту окатиться в твоём животе...

Затем Раевский был переведён на позиции в деревню Горки — батарейные окопы на 32 орудия, прикрывавшие Новую Смоленскую дорогу. Именно здесь на тот момент находился поэт Фёдор Глинка.

Находясь при батарее на Горицком кургане, непосредственный начальник Гулевича (а следственно, и Раевского) – командир 23-й пехотной дивизии генерал-майор Алексей Николаевич Бахметьев – потерял ногу.

Чтоб соединить судьбы ещё нескольких поэтов, напомним, что Бахметьева спас в тот день поэт Вяземский, а позже, именно к Бахметьеву, даже без ноги собиравшемуся вернуться в действующую армию, пошёл адъютантом поэт Батюшков.

Тем временем, на Курганной высоте, отлично видимой с позиций Горицкого кургана, началась очередная атака французов.

Находившийся на тех же позициях, что и Владимир Раевский, его однополчанин поручик И. Т. Радожицкий писал: “. . . вице-король Итальянский делал последний приступ на наш курганный люнет, батарейный и ружейный огонь, бросаемый с него во все стороны, уподоблял этот курган огнедышащему жерлу; притом блеск сабель, палашей и штыков, демов и лат от ярких лучей заходящего солнца – всё вместе представляло ужасную и величественную картину.

Мы от деревни Горки были свидетелями этого кровопролитного приступа. Кавалерия наша мешалась с неприятельской в жестокой сече: стрелялись, рубились и кололи друг друга со всех сторон. Уже французы подошли под самый люнет, и пушки наши после окончательного залпа умолкли. Глухой крик давал знать, что неприятели ворвались на вал, и началась работа штыками.

Французский генерал Коленкур первый ворвался с тыла на редут и первый был убит; кирасиры же его, встреченные вне окопа нашей пехотой, были засыпаны пулями и прогнаны с большим уроном.

Между тем, пехота неприятельская лезла на вал со всех сторон и была опрокидываема штыками русских в ров, который наполнялся трупами убитых; но свежие колонны заступали места разбитых и с новой яростью лезли умирать; наши с равным ожесточением встречали их и падали вместе с врагами.

Наконец, французы с бешенством ворвались в люнет и кололи всех, кто им попадался; особенно потерпели артиллеристы, смертоносно действовавшие на батарее. Тогда курганный люнет остался в руках неприятелей. Это был последний трофей истощённых сил их. Груды тел лежали внутри и вне окопа: почти все храбрые защитники его пали”.

Занятые французами позиции начали обстреливать, им пришлось прятаться на противоположном скате высоты.

В той вечерней перестрелке Владимир Раевский был ранен в левое плечо картечью, но остался при своих орудиях.

В ночи уже, едва держа перо, писал письмо домой: отец, я жив.

Получив весточку от сына, Феодосий Михайлович раздал на радостях всем работникам по рублю серебром. Бывший военный, родным сердцем он сумел из своего далека догадаться о кромешных масштабах случившегося сражения.

Владимир Раевский получил после Бородино золотую шпагу с надписью “За храбрость”.

В послании “К дочери” Раевский напишет:

*Под гулами убийственных громов
И стопами в крови лежащих братий
Я встретил жизнь, взошла моя заря...*

Вот уж воистину: заря кровавая...

Началось отступление.

Части Наполеона пытались организовать преследование, но в целом неуспешно: российская армия не бежала, но отходила, соблюдая порядок, что отменяли и французы.

В случае необходимости русские давали встречные бои.

29 августа Раевский участвует в бою под Татаркином.

После оставления Москвы Кутузов отдал приказ устроить фальшивое движение казачьих отрядов по Рязанской дороге, чтоб не дать понять Наполеону, куда именно отступала русская армия.

Отряды Наполеона двигались в самых разных направлениях, однако с Рязанской, Тульской и Калужской дорог пришли донесения, что русских войск нет. Сто тысяч человек исчезли!

Один из наполеоновских отрядов следовал по дороге от Подольска к Чирикову. Туда были перекинuty войска, в том числе 4-й пехотный корпус, где нёс службу Владимир Раевский.

Находившийся в составе 4-го корпуса поручик 11-й артиллерийской бригады И. Т. Радожицкий, уже упоминавшийся нами, вспоминал, что 13 сентября “едва успели мы пройти верст 15, как встретились с неприятелем... Французы, увидевши нас, подвинулись к нам версты на четыре ближе. Мы свёртывали и развёртывали колонны и, маневрируя, в боевом порядке отступали в виду их, без выстрела; остановились же для ночлега, не доходя села Александра”.

“Таким образом, 13 сентября, после вступления противника в соприкосновение с прикрывавшими правый флаг русских войск отрядами, ему удалось нащупать место, где расположились главные силы Кутузова, — пишет историк В. В. Бессонов. — Утром 15 сентября Наполеон уже знал, что русские армии находятся на Старой Калужской дороге, в одном переходе от Москвы... Поэтому Наполеон, передав под командование Мюрата 5-й армейский корпус и 3-й корпус кавалерийского резерва, приказал ему напасть на русские войска и отбросить их на несколько переходов от Москвы, вплоть до Оки”.

Радожицкий рассказывает, что 14 сентября русские “войска переменили боевые позиции и, маневрируя, отступили до вечера не более 8 верст, также без выстрела. Неприятель, казалось, не знал в точности наших сил, был осторожен, маневрируя также за нами, постепенно приближался и к ночи остановился в верстах в трёх от нас”.

Так Раевский с двумя своими пушками оказался в числе той русской части, что была на самом пике соприкосновения с силами Наполеона.

“В предписаниях, посланных 15 сентября из Главной квартиры Кутузова, — продолжает Бессонов, — указывалось Остерману-Толстому на рассвете 16 сентября атаковать противника, разбить его и прогнать, если удастся, до Подольска”.

В который раз все — и наш товарищ Раевский — были страшно взбудоражены: атака же!

Вместо этого Остерман-Толстой решил отступить, дабы занять более выгодную позицию.

Неприятель шёл по пятам — приходилось время от времени отстреливаться.

Наконец, 17 сентября у Чирикова произошёл бой.

4-му пехотному корпусу Раевского пришлось столкнуться с резервной кавалерией Мюрата.

“В отряде нашем, — писал Радожицкий, — до полудня было спокойно. Уже перед вечером, в четыре часа, неприятель стал развёртывать свои колонны по ту сторону возвышенного берега реки Мочи. Целый час рассматривал он нас, ничего не предпринимая; потом начал спускаться через речку на нашу сторону, в долину, сперва полвзвода кавалерии, потом взвод, эскадрон и так далее всею массою, не подкрепив этого движения артиллерию. Мы позволили им приблизиться сажень на 200 в добром порядке, потом вдруг из всех батарей с линии пустили ядрами и гранатами, так что в несколько минут расстроили тактику кавалерии, которая мигом улетела за речку, и тем нас довольно потешила”.

18 сентября Кутузов приказал отряду Остермана-Толстого держаться на своих позициях.

“Впрочем, войска противника активных боевых действий не вели, ограничив свою деятельность маневрированием и перестрелкой на аванпостах”, — пишет Бессонов.

22 сентября Раевского ждал очередной бой — у деревни Гремячево, к юго-востоку от Москвы, в пойме Москвы-реки.

Дело началось вечером и было жарким: с той стороны снова участвовали польские гусарские и уланские полки польского генерала Юзефа Понятовского.

В Гремячево до сих пор находят картечь с того страшного боя. Но едва ли кто-то знает, что заряжалась она в пушки поэта Раевского.

По итогам этого дела он награждается за мужество орденом Святой Анны 4 степени.

А с польскими солдатами Понятовского ему ещё не раз придётся встретиться.

6 октября Раевский отличился под Спасским при атаке и истреблении неприятельского авангарда.

22 октября 1812 года в огромном сражении под городом Вязьмой 17-летнему Раевскому доверяют до такой степени, что поручают отдельные задачи для его двух орудий.

Тогда на Смоленской дороге в районе Вязьмы авангард под командованием Милорадовича, в который вошло подразделение Остермана-Толстого, отсёк от императорских войск три корпуса сразу: Богарне (кстати, пасынка Наполеона), Даву и нашего знакомого Понятовского.

В четыре утра авангард Милорадовича выступил из села Спасское, которое находилось в 20 верстах восточнее Вязьмы. Левую колонну атакующих российских войск составлял 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого.

В том деле ещё участвовали казаки Платова, стоявшие между селом Фёдоровское и Царёвым-Займищем.

“Около 8 утра, – сообщают нам исторические хроники, – кавалерия Милорадовича подошла к селу Максимовка и обнаружила двигавшуюся в колонне по Старой Смоленской дороге 13-ю пехотную дивизию генерала Т. П. Нагля. Ахтырский гусарский и Киевский драгунский полки атаковали неприятеля... Эта удачная атака преградила путь войскам Даву, которые двигались из села Фёдоровское, однако передовые отряды французского арьергарда атаковали русскую кавалерию и смогли оттеснить её с дороги. Корпус Даву снова начал движение, но к этому времени в бой вступили казаки Платова, которые выбили французов из села Фёдоровское.

К 10 часам утра к дороге вышла 4-я дивизия принца Вюртембергского и отрезала корпусу Даву путь дальнейшего отхода. Одновременно с этим полки А. И. Остермана-Толстого заняли позицию у сел Большие и Малые Ржавцы”, – там в это время был Раевский.

“В это время, – цитируем мы хронику боя, – к Вязьме подходил корпус Богарне, который, оценив положение войск Даву, поспешил к нему на помощь, закрепившись у села Мясовое. Богарне опасался действий Милорадовича против своих войск, поэтому во второй линии развернул корпус Понятовского. Через некоторое время Ней из Вязьмы прислал к ним подкрепление – 11-ю пехотную дивизию генерала Ж. Н. Разу.

Войска Богарне перешли в наступление и оттеснили русскую пехоту с дороги, но к этому времени Милорадович успел развернуть несколько артиллерийских батарей, которые открыли огонь по двигавшимся к Вязьме колоннам Даву”, – именно в эти батареи был направлен с двумя орудиями Раевский.

Палили славно. Корпус Даву нёс жесточайшие потери, одновременно с тыла его начали крушить казаки Платова. Чтобы избежать полного поражения своего авангарда, маршал Даву бросил обоз и пошёл на соединение с Богарне по полям: грязища, в спину бьют из орудий... Жуть!

Но соединиться с корпусом Богарне Даву удалось.

“В 2 часа дня Милорадович начал очередную атаку, на этот раз основные силы бросив на правый фланг французской позиции, против сильно поредевших войск Даву. На правом фланге закипело кровопролитное сражение, русским войскам удалось сильно потеснить неприятеля. Опасаясь возможного прорыва и обхода справа, Богарне начал отходить к Вязьме. Первоначально его войска закрепились на высотах перед городом”.

Здесь снова появляется Раевский – именно там огонь русской артиллерии принудил французов сняться с позиций и отступить в Вязьму.

Французы перешли в контр наступление, но, как отчитывались Кутузову русские генералы, “открывшиеся батареи наши привели неприятеля в замешательство... всюду <лежали> поражаемые”.

Вот это работа, меткость и злость!

Около четырёх часов начался штурм Вязьмы. Бой шёл прямо на улицах.

Неприятеля из Вязьмы выбили в тот же день.

В сражении под Вязьмой со стороны французов было порядка 30 тысяч человек, со стороны русских – около 25 тысяч. Потери французов составили 4 тысяч убитыми и ранеными и 3 тысячи пленными.

Это было первым сражением 1812 года, в котором безоговорочную победу одержали русские, а потери наполеоновской армии превысили наши почти вдвое.

Проявивший себя безупречно, Раевский по итогам боя производится в подпоручики.

Сразу после этого ему, совсем, по нынешним временам, юноше, передают в подчинение четыре орудия.

Эти четыре орудия, лаконично пишет Раевский, были направлены “на большую московскую дорогу, по которой преследовали корпус Даву”.

В тот или следующий год Раевский напишет стихотворение, которое будет петься в армии:

*Полно плакать и кручиниться,
Полно слёзы лить горячие:
Честь и родина любезные
Мне велят с тобой не видеться.
О, девица, о, красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!
В поле знамя развевается,
И товарищи любезные
С кликом радостным волнуются
В ожиданье время бранного.*

.....
*Полно плакать и кручиниться.
Если любишь друга верного,
С верой к Богу, к другу с верностью
Дождись возвращения.*

.....
*Не захочет дева русская
Посрамить стыдом любезного,
Чтобы он священну родину
Позабыл для страсти пламенной.*

.....
*Если я погибну с честью,
Мы с тобою там обьемся.
Если я останусь с славою,
Нам любовь сто раз прелестнее.
О, девица, о, красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей.*

“Честь и родина... мне велят с тобой не видеться... Если я погибну с честью... мы с тобою там обьемся”. Раевскому выпало остаться с славою.

29-го и 30 октября он участвует в боях под Саковым перевозом, 31-го – в сражении под Цуриковым.

“Не только деревень, домов уже по всей дороге не было, – запишет Раевский, – одна зола и трубы от печей кое-где стояли. Платов шёл по Духовской дороге, мы под командой генерала Грекова – по Московской”. Имеется в виду легендарный генерал-майор Тимофей Дмитриевич Греков, донской казак, в своё время бывший под Очаковым, воевавший в Крыму, покорявший Варшаву и успевший повоевать с французами в кампанию 1806-07 годов. “Направо и налево от дороги сидели и валялись кучи умирающих французов, поляков, итальянцев и даже испанцев, – рассказывает Раевский. – Около огней некоторые глодали мясо дохлых лошадей, другие в беспамятстве глодали или кусали трупы своих лежачих товарищей; на лицах их выражались бессмыслие или страх; большая часть была в помешательстве. Мы проходили мимо этих несчастных совершенно равнодушно. Я не чувствовал ни сострадания, ни злобы... Наполеон, это чудовище, бич человечества, бросил армию, дорогою сказал несколько ласкательных слов легковёрным полякам и ускакал в Париж”.

“... была народная война со всеми ужасами и варварством... Народ русский зверски рассчитывался за пожары, насилие, убийства, свою веру”, – скажет Раевский.

“Выходит, нужно думать и об изгнании неприятеля, и о способах изгнать потом зверство из самих себя”, – странным образом прокомментирует эти слова исследователь жизни Раевского Натан Эйдельман.

Откуда это выходит? Из Натана Эйдельмана, его досужих рассуждений?

Но в тексте Раевского ничего об этом нет! Напротив, если приводить его целиком, там есть следующее: “Наполеон расстрелял в Смоленске двух поме-

щиков за патриотизм. Из церквей наших войска Наполеона делали конюшни, образа кололи и топили ими. Смоленск, Вязьму, Дорогобуж сожгли французы. Из деревень большой дороги крестьяне бежали, угоняя скот, забирая с собой всё имущество”.

По сути, перед нами констатация факта: если оскорблена вера, если сожжена Москва, если неприятель убивал и насиловал – наказание будет зверское и варварское.

И сам Раевский в этом наказании принимал прямое участие.

В его послужном списке записано 11 сражений. Это всего лишь цифра: но на самом деле она означает сотни людей, в которых Раевский стрелял, часто – в упор, и десятки убитых.

Ещё это означает, что Раевский в числе русских войск гнал наполеоновскую армию к границе и ежедневно видел вдоль дорог не сотни, а тысячи замерзающих и умирающих людей, и, как мы убедились, не спешил их спасти, отогреть или накормить...

Зимой 1812 года Александр I принял решение о новой военной кампании: уже европейской.

Это в нашем нынешнем понимании мы гнали прочь Наполеона, но, к примеру, с точки зрения польской, Россия вновь растоптала Польшу – вернее сказать, герцогство Варшавское, воссозданное Наполеоном в 1807 году.

Более того, именно раздел Польши и территориальные компенсации России за её счёт российский император считал одной из важнейших целей новой кампании. Великий князь Константин Павлович, брат императора, вообще считал, что, взяв Польшу, надо встать на границе Пруссии.

Защищать Варшаву должен был всё тот же Юзеф Понятовский, воюющий вместе с Наполеоном с 1806 года, а с 1807-го – военный министр герцогства Варшавского. Однако бедственное положение его войск, неоднократно битых в России, позволило взять Варшаву без боя.

В середине апреля 1813 года всей 23-й батареинной роте Гулевича пожаловали на кивер знак “За отличие”, и отдельно офицерам – шитые петлицы на воротники и обшлага.

Неделей позже, 21 апреля, ввиду воинских заслуг Раевский получил звание поручика.

После нескольких сражений, к лету было заключено перемирие с Наполеоном.

С сентября 1813-го по ноябрь 1814-го Раевский нёс гарнизонную службу на территории Польши. При этом, как сам он признавался, “вкушая плоды разнообразных удовольствий”. Ну, а что? Год в походах и боях! Кто упрекнёт боевого офицера осьмнадцати лет? Прекрасные польки, шампанское и мазурка... До службы в Польше у Раевского не было особых возможностей постичь эти стороны жизни.

На исходе зимы 1814-го, когда войска союзников были уже на подступах к Парижу, Раевский был направлен с заданием в места дислокации действующих войск.

Решил, наконец, с оказией повидаться и со своим любезным Батеньковым.

Нашёл позиции 13-й бригады: “Не подскажите, любезный, где разыскать мне такого-то.

– А вы ему кто, вашродие?

– Друг.

– Друг ваш погиб намедни, вот как, – ответили Раевскому”.

По окончании войны Владимир Раевский остался в действующей армии.

О Батенькове он узнает вскоре, что нет, не погиб, а получил 10 штыковых ран и попал в плен. Через месяц его заберут из плена, и в том же году героический офицер вернётся в строй.

В 1815-м находящийся на отличном счету и обладающий обширным военным опытом Раевский получает должность корпусного адъютанта по артиллерии при 7-м пехотном корпусе, располагавшемся в городе Каменец-Подольский, стоящем в низовье реки Смолрич, – это левый приток Днестра.

Военным губернатором города служил генерал Алексей Бахметев, спасённый, напомним, поэтом Вяземским под Бородино и вернувшийся после ампутации ноги в строй; адъютантом при Бахметеве в Каменце-Подольском состоял поэт Батюшков.

Именно там 30 ноября 1815 года Раевский создаёт очередной образчик военной поэзии – посвящение “Кн. А. И. Горчакову”: “Вождь смелый, ратным друг, победы сын любимый! // Склони свой слух к словам свободного певца: // Я правду говорю у твоего лица, // Не лестию водимый; // К поэзии в себе питаю смелый жар, // Восторгом вдохновенный, // Природою мне данный дар // Тебе я приношу, как дар определенный // Для славы юного певца; // Пусть струны скромная цевницы // Звучат хвалу тебе сторицей! // Не лавров я ищу, не почестей, венца; // Но в поле бранное тобою предводимый, // Хвалы твоей ищу; и если жребий мой, // О, славы сын любимый! Велишь ещё мне раз стремиться за тобой // На глас трубы военной – // Я смерть себе вменю за дар благословенный. // Не ты ль с Суворовым чрез Альпы проходил? // Не ты ли презирал опасные стремнины? // И под державною рукой Екатерины // Не ты ль полками предводил? // Князь духом, россов вождь, и вождь непобедимый, // Хвала тебе стократ! // С тобой всегда, везде полки твои счастливы, // С тобой они давно привыкли побеждать // И поле бранное считать себе забавой, // На лаврах отдыхать при звуке громкой славы...” Сумароковские и державинские интонации слышны здесь, но заплачено за написанное личным, своим. Не менее знаменательно стихотворение следующего, 1816 года “Послание”, обращённое к боевому товарищу Раевского Н. С. Ахматову: “Оставля тишину, свободу и покой, // Оставля отчий кров, семейства круг любимый, // Во цвете юных лет, неопытной стопой // Ты в шумный круг ступил тропой невозвратимой! // Отчизне, долгу раб, в краю чужом один, // От милых в отдаленье, // Обманчивой Фортуну сын! // Куда влечёт тебя твоё воображенье? // Отечество твоё, под скипетром священным // Монарха славного, закон царям даёт // И простирает длань народам угнетенным! И изумляет свет! Колосс надменный пал! // Европа в удивленье // Зрит победителя, свободу и закон! // Благословляя мир, повсюду в восхищенье // Благословляет русский трон! // Так, юноша! Гордись отчизною твоею!” То были счастливейшие годы Раевского: Россия одержала немыслимые победы – исчезла империя Наполеона, возник Священный союз, русские стали ведущей политической силой Европы... Будущность казалась великолепной. В январе 1817 года Раевский выходит в отставку в чине штабс-капитана с формулировкой “За ранами”... Устроили пирушку, попрощался стихами – в батюшковской и денис-давыдовской манере – со своими товарищами по оружию Кисловским и Приклонским:

*Быть может, Марс трубою
Из мёртвого покою
Нас в поле воззовет.
Приманчивые славы
И след войны кровавой
Нас к цели доведёт,
Быть может (сокровенья
Кто может предузнать),
В пылу огней сраженья,
Как к рати двигнет рать
Погибельной стезёю,
Нам суждено с тобою
В добычу смерти злой
Предвременну могилу
Узреть в земле чужой!..
Но нет! И мысль унылу
Забвенью предадим
За чашей круговую,
Весёлою мечтою
Свой слух воспламеним!*

То есть вроде бы и уезжал Раевский, но вроде бы и не совсем: а вдруг Марс призовет? Неужель дома усижу? Уговаривал себя в стихах: “Я был моей отчизны щит – // Теперь пора спешить к покою!”

*Под кровом родины святой,
С пером и книгами в беседе,
Я верный путь найду к победе,
Не лъстясь наружной мишурой.*

Слово “Родина”, заметим, в русской поэзии впервые ввёл в употребление Державин — имея в виду “малую родину” (страну именовали Отчизной). И вот оно уже начинает обживать в стихах, и в случае Раевского один смысл — родное поместье — понемногу наплывает на второй: вся Россия. В общем, решив для себя, — “уже я видел бурный свет” (стихотворение “К моим пенатам”, 1817), — он возжелал хотя б на время отдохновения. Вернулся в отчий дом: отец, братья, сёстры, застолья, места детские, удивительные, позаросшие бурьяном за годы военных странствий и службы. Могила матери... Книги, наконец! Можно ж теперь читать, сколько вздумается! Ах, да, чуть не забыли: невесту ему сестра подыскала. Раевский, хоть и пишет про “наслаждение с сельскими полуневиными нимфами”, но присматривается: а может, действительно?.. Взять и...?.. Но что делать 22-летнему молодому человеку, основная часть сознательной жизни которого прошла “под ружьём”?.. В Хворостянке залипнуть, как муха в янтаре? У отца был винокуренный завод — вот при заводике и сидеть, “в красном старом колпаке” (это из стихотворения Раевского), попивая наливочку и проходящую мимо жену, вдруг резко, пока слуги не видят, хватая за юбку и хохоча? “...как ленивец, — ни пера, ни книги в руки, — иногда с ружьём, и то не более как за версту, хожу стрелять”, — писал Раевский в письме к другу из Хворостянки. Ну, месяц так просидел, ну, два. Батеньков однажды заехал в гости — славно. Но ненадолго... Ну, третий месяц пошёл. Нет, не годится. В ноябре того же года Раевский восстанавливается на службе. Пример вольного обращения с его биографией содержится в книге Ф. Бурлачука “Вл. Раевский”. Непонятно чем руководствуясь, автор пишет: “В имени отца Владимир прожил больше года. И всё это время отец настаивал, чтобы сын вернулся в армию”.

Возможно, первопричиной тут послужил первый исследователь жизни Раевского П. Е. Щёголев, который также писал, что Раевский вернулся на воинскую службу “по желанию отца”.

Между тем, Раевский в письме своему ближайшему товарищу Приклонскому сообщает: “При всём желании моего отца, чтобы я оставил поприще военное, я решился продолжить службу”. Ситуация полностью обратная. Если Натан Эйдельман видит в Раевском человека, решившего бороться с русским народным “варварством”, то ряд других исследователей Раевский интересовал, в первую очередь, как “первый декабрист”. Но разве может борец с деспотией стремиться к армейской службе? Конечно же, кто-то должен его принудить. Вот пусть отец... Между тем, напомним, что уже в 1812 году Владимир отказался воспользоваться помощью отца, чтоб перевестись в тыловые службы. Как мог Феодосий Михайлович повлиять на боевого офицера спустя пять лет? Когда сын, с его-то опытом, вдруг стал в чём-то собственного отца старше? Спустя почти два года после возвращения на службу Раевский пишет своему доброму приятелю, тоже молодому офицеру: “Друг мой, не советую тебе оставлять службу; при всех её невыгодах она делает человека человеком и даёт тысячи средств к успокоению нравственному”. Пока же Раевский поступает в 32-й егерский полк, расположенный в Бессарабии. Стоит подчеркнуть, что в те времена на воинскую службу зачастую шли дворяне обедневшие, но это не случай Раевского: винокуренный завод приносил их семье серьёзные доходы. Позже Раевский признается, что был, он так и напишет, “богат”. Но отныне свою жизнь Раевский намеревается посвятить воинской службе и новым войнам, если таковые начнутся. Как там у него было в стихах: “Не страшно битвы приближенье // Тому, кто дышит лишь войной”.

6 декабря 1818 года Раевский перевёлся штабс-ротмистром в Малороссийский кирасирский полк, в город Старый Оскол. В апреле 1819 года он получил чин ротмистра.

В августе полк стоял в городе Липовец Киевской губернии, и Раевскому предложили взять в подчинение роту. Пока не дадут капитана, решает Раевский, роту брать не стану.

Друзья у него — под стать самому Раевскому: любопытство он питает к людям весьма определённого толка.

“Судьба меня познакомила с редким человеком, c’est un aventurier noble, – отчитывается Раевский о своём новом товарище в письме к Приклонскому. – Вот его биография: он служил с Наполеоном. Всё время был в Испании, в Италии, в России и, наконец, с ним же на Эльбе: имеет Legion d’honneur (орден Почётного легиона. – **З. П.**) и после сражения при Ватерло перешёл к австрийцам, там не понравилось, и он переходит к нам в Россию, на службу. Молодой человек хорошо говорит по-французски, по-немецки, итальянски и по-латыни. Рад случаю, я взял его к себе на квартиру, и с ним-то я провожу большую часть времени. Сверх того, изранен и имеет много солидных познаний – фамилия его Вольфсберг, родом иллириец”.

Ну, чем не собеседник? всю жизнь воюет, изранен, говорит на четырёх языках. Лучший из возможных приятелей нормального русского аристократа.

9 февраля 1820 года Раевский вернулся уже капитаном в 32-й егерский полк.

22 апреля 1821 года произведён в майоры.

В августе того же года ему передали в ведение сначала полковую школу юнкеров в Аккермане, а затем дивизионную – в Кишинёве. 26-летнему человеку поручили серьёзную задачу: можно представить, насколько очевидны и глубоки были разносторонние воинские познания Раевского.

Он готовит конспекты по российской истории, государственному праву, географии, политике и религии. Ведёт курс поэзии.

В учебных заметках Раевского есть интересные наблюдения.

О русских: “Народ здоровый, острого ума, способен к войнам и коммерции”.

“Честолюбие в праздности, подлость в гордости, желание обогащаться без труда, отвращение от истины; лесть, измена, коварство, пренебрежение всех обязательств, презрение должности гражданина, страх от государевой добродетели, надежда на его слабости и, что всего более, непрестанное осмеяние добродетели составляют, кажется, свойство большей части придворных”.

“Мы, краснеясь, читаем у Плутарха, что фивяне для смягчения нравов своего юношества установили законами такую любовь, которую запретить должны бы были все народы”.

“У деспота нет никакого правила, а его своенравие истребляет все прочее. – Честь в деспотизме не имеет никакого значения”.

Всё шло прелестно, он стал бы оригинальным и вполне современным преподавателем; в итоге так и до генерала бы дослужился, но...

Судьба вела к другому.

Командиром 32-го егерского полка, где служил Раевский, был полковник Андрей Григорьевич Непенин, и он уже состоял в Союзе благоденствия (созданном ещё в 1818-м).

Но если б только он!..

Были ли объективными предпосылки для перехода Раевского в число будущих заговорщиков? Да, конечно же: аракчеевщина, муштра, постепенное крушение многих иллюзий, связанных с победой над Наполеоном. “Сатрапы гордые среди роскоши скучают”, как он брезгливо писал в стихах (“К моим пенатам”, 1817). И ещё: “Возвышеньё инославных подлецов” (“Послание другу”, 1817) – когда имеются в виду иностранцы, растущие в званиях и должностях, и при этом начисто лишённые уважения к России и русскому народу.

Стоит обратить внимание, какую причину сам Раевский, ещё недавно славивший “монарха славного”, считал одной важнейших в определении его выбора.

“Восстановление царства Польского и намерение Александра присоединить отвоёванные наши русские древние владения к Польше произвели всеобщий ропот”, – напишет об этом Раевский.

Скажем, тот самый Каменец-Подольский, где год назад служил Раевский, возник в XI веке и входил в состав Древней Руси. В состав Польши попал лишь в начале XV века, а 1793 году вновь вернулся в состав России.

И тут пошли слухи, что император собирается вернуть Польше эти земли.

Польский язык официально господствовал почти на всём правобережье Днепра – делопроизводство шло на польском, в деревнях поляки вводили свои суды. Уже тогда было понятно, что продолжающаяся при потворстве

* это благородный искатель приключений (фр.)

российской власти полонизация малороссийского населения – вещь нелепая: это же мы захватили Польшу, а не она нас!

Слишком ретивое стремление государя умиловить находившееся в личной унии с Россией Царство Польское казалось Раевскому, и не только ему, попросту унижительным для русского народа.

Так что, повторимся, “всеобщий ропот” произвело не смирение Польши – это считалось совершенно естественным, в том числе и для Раевского, а то, что поляки претендовали на “русские древние владения”.

Говорили уже, что государь желает столицу перенести в Варшаву. Как такое могло нравиться русским офицерам?

Другой наиважнейшей причиной перелома, случившегося с Раевским, стала, конечно же, армейская система как таковая.

Призванные в русскую армию служили тогда, напомним, 25 лет (в то время как в Польше – восемь). Это русский дворянин мог уйти в отставку, когда желал, а солдат? Только инвалидом, без руки или ноги.

Отношение к солдатам у Раевского характеризовалось редкой по тем временам человечностью.

“В 1821 г. при содержании караула... – писал он, – во время сильной вьюги я велел фельдфебелю всех кавалеров и сильно раненых сменить с часов и поставить на открытых постах молодых и крепкого сложения солдат. Один из 12 кавалеров пришёл от имени прочих сказать, что они считают за стыд увольнение от службы. “Мы не лазаретные служители”, – сказал он, улыбаясь. И я с восторгом заметил всё благородство прямодушных солдат”.

Задолго до рассказов на эту тему Льва Толстого и Гаршина Раевский жёстко утверждал: “...первое зло, которое вкралось в русскую армию, есть несообразно жестокие телесные наказания, которые употребляют офицеры вопреки всем законам для усовершенствования солдат”.

И далее: “Ни один беспорядок в армии не возник собственно от солдат, либо жестокость и корыстолюбие и неразумие начальников были тому поводом. Русский солдат с каким-то благоговением видит власть, повинуется ей безмолвно, но любит видеть власть законную и справедливую”.

“Ни в одной статье строгого устава Петра Великого не разрешается самоуправие... Строго под изгнанием из службы запрещается жестоко и часто наказывать солдат без важных причин, а так как за важные причины определён суд и законы, следственно, всякое наказание самовластно есть противу устава.

От Петра Великого до наших времён ни один закон не разрешал того, что противно и религии, и природе.

Уставом воинским Александра именно воспрещается всякое наказание рекрут во время ученья.

Но наши офицеры, большею частью взрослые в невежестве и не получа хороших начал, презрели все уставы и порядок”.

Сокрушаясь теперь, как постреволюционная “пьяная солдатня” била и резала офицеров, надо хотя бы иногда вспоминать, что тому многие десятилетия подряд было причиной.

Любопытны данные, которые приводит Раевский о провинностях и наказаниях за них в той части, где служил он: “За первый побег рекруту – 500 шпицрутенов. Старому солдату – 1000. За воровство, – по воле капитана, – 50 ударов, за ошибку на ученье – 300; за то, что ограбили жида, – 70; за то, что один солдат скинул шапку с жида во время маршировки, – весь взвод по 100 палок. За то, что привёл девку, – 100 шомполов, за то, что ремень не вычищен, – кавалеру – 100 палок; за то, что усы не нафабрены, – избит часовой”.

В саркастическом письме своему другу Константину Алексеевичу Охотникову – тоже участнику войны 1812 года и члену “Союза благоденствия” – Раевский пишет о ситуации в армии: “...визирь выходит, чтобы иногда сказать: “Изрядно!” – а чаще всего: “Скверно, гадко, мерзко”, – прибавляя за каждым словом русскую солдатскую привычку... (имеется в виду мат. – **З.П.**) “Я вас перекаатаю! В говно зарюю!” Вот и Суворов, вот Румянцев, Кутузов, Воронцов... всё полетело к чёрту, и солдаты остаются всё те же, с тою разницею, что они забывают своих товарищей в роте, своих начальников и теряют то единодушие, которое было неразлучно с знамёнами Суворова!..”

При этом Раевский, конечно же, не находится в конфликте с армией как таковой. Презирая сложившееся в армии положение, возвращается он по-прежнему в среде военной.

Он часто бывает на обедах у командира 16-й дивизии (при которой и работала школа юнкеров) генерал-майора Михаила Фёдоровича Орлова.

На тот момент Орлов руководил кишинёвскими декабристами. А ведь в своё время он служил флигель-адъютантом Александра I, был его любимцем даже, по приказу государя принимал капитуляцию Парижа.

В марте 1821 года в гостях у Орлова состоялось знакомство Раевского с одним молодым человеком – Александром Сергеевичем Пушкиным.

Здесь имеет место своеобразный исторический анекдот: высланный на юг для излечения от заразы чрезмерного свободомыслия, Пушкин попал в логово к заговорщикам: с одной стороны, к будущим “декабристам”, с другой – к местным масонам; впрочем, чаще всего это были одни и те же люди.

Забавно применение самого слова “ссылка” к пушкинскому, по большому счёту, путешествию: государь передал ему тысячу рублей в дорогу, и поэт поехал: Кишинёв, затем Кавказ, Одесса... “Ссылный”...

Кишинёвским обществом Пушкин был некоторое время очарован: умнейшие офицеры! Бывалые вояки!

Раевский не стал в полном смысле другом Пушкина: сказывалась не только разница в опыте и возрасте, но и какие-то другие вещи, о которых скажем ниже; однако они очень близко приятельствовались.

Даже сочинили вдвоём, к сожалению, не сохранившуюся песню, посвящённую смерти полковника Адамова.

С другой стороны, известны заметки Раевского “Вечер в Кишинёве”, где он описывает разговор между неким язвительным майором (здесь майор Раевский имеет в виду, естественно, себя самого) и молодым человеком Е., решившим удивить военного новейшими стихами, их автора не называя. Но это стихи Пушкина.

“Е. (начинает читать):

*Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна.*

Майор:

– Не бледная ли луна сквозь тучи или туман?

Е.:

– Это новый оборот! У тебя нет вкуса, слушай:

*Уже на западе седой одетый мглою
С равниной синих волн сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.*

Майор:

– Не ослышался ли я, повтори.

Е. (п о в т о р я е т).

Майор:

– Ну, любезный, высоко ж взмостился Наполеон! Над скалою...

Е.:

– Ты несносен (ч и т а е т):

*Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор упрямый,
Свирепо прошептал:
— Вокруг меня всё мёртвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн...*

Майор:

– Ночью смотреть на другой берег! Шептать свирепо! **Ложится в туман** пучина волн. Это хаос букв! А грамматики вовсе нет!”

И так далее.

Отношение Раевского к Пушкину было отношением старшего брата; но, признаться, в то время Пушкин был и не прочь поучиться у Раевского.

Вместе с тем, при всём остроумии этого разбора, Раевский не вполне осознавал уровень пушкинского дара: хотя Александру Сергеевичу шёл в ту пору только 22-й год, значительное количество шедевров он уже создал. Раевский эти стихи наверняка знал.

Могло им двигать отчасти и завистливое чувство: смотрите, как расхвалили этого юношу, надо посмотреть, будет ли ещё из вашего Пушкина толк!..

В любом случае, это Пушкин, как подметил современник, “искал выслушивать бойкую речь Раевского”, а не наоборот.

Раевский порой бывал с ним резок, но Пушкин, как пишут современники, “далеко не обижался”; хотя шутки порой были – чересчур.

Скажем, однажды Пушкин перепутал название какой-то местности в Европе и даже забыл, где она находится. Раевский позвал своего слугу, тот вошёл и тут же показал на карте эту местность. Казалось бы, прилюдное унижение, но Пушкин смеялся громче всех.

В другой раз, когда Раевский настаивал, что русским поэтам нужно забросить всю эту греческую и римскую мифологию и перейти к славянской, к персонажам Древней Руси, Пушкин не соглашался и жарко спорил.

Однако ж поворот к “Руслану и Людмиле” в случае Пушкина мог сложиться и под воздействием Раевского тоже, а также другого воина, поэта и отъявленного русофила Павла Катенина.

Раевский и Пушкин сверяли друг с другом эстетические и политические воззрения.

В марте 21-го Пушкин собирался отправиться на помощь грекам, восставшим против турецкого владения. Сепаратистское, как сегодня бы сказали, восстание в другой стране поднял природный грек, князь, самовольно оставивший службу русский генерал Александр Ипсиланти. Пушкин был с ним знаком.

В днях нынешних с этой ситуацией имеются слишком очевидные ассоциации: отставной полковник из России едет в соседнюю страну поднимать восстание, и за ним отправляются добровольцы. Придётся признать: да, так бывало и раньше. Более того, турки и европейские наблюдатели в личную инициативу Ипсиланти не верили, но подозревали здесь козни российского императора.

К Ипсиланти собралось до шести тысяч инсургентов.

Все надеялись, что Александр I вот-вот поддержит восстание греков. Пушкину не терпелось пополнить ряды добровольцев. Раевский спокойно ожидал приказа о начале военного похода.

Стихи, сочинённые тогда Пушкиным, в комментариях не нуждаются:

*Война! Подъяты, наконец,
Шумят знамёна бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!*

Разделял ли пушкинское вдохновение Раевский? Безусловно, хотя про “гибельный свинец” он наверняка знал намного больше...

Однако основные побуждения Раевского тогда были уже иными, причём парадоксально иными.

В то же примерно время Раевский написал “Сатиру на нравы”:

*Из всех гражданских зол — всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье!*

Позже, на допросах, Комиссия военного суда спрашивала Раевского по поводу этого стихотворения: о чём тут речь?

Раевский, цитируемый, отвечал: “...из стихов сих видно, что я говорил о влиянии на нравы русские обычаев иноземных... Искрою гражданства разумел я чистую любовь ко всему своему или отечественному”.

В этом контексте надо понимать другие строки того же стихотворения:

*Напрасно умный наш певец,
Любовью чистою к отчизне возбужденный,
И нравам, и умам чумы иноплеменной
С войною хочет дать конец!*

Неизвестно, да и не очень важно, кого конкретно здесь Раевский имел в виду: готовность ещё раз пойти в Европу и навязать свою волю в греческом вопросе выказывали тогда многие “умные наши певцы”; важнее другое: Раевский когда-то успел понять, что, нынешним языком выражаясь, российское западничество само по себе опасней.

Раевский пишет о том, что пока “...наши знатные отечества столпы // О марсовых делах с восторгом рассуждают...”, в это же время “...жёны их, смеясь, в боскетах нежных лбы // Иноплеменными рогами украшают... // Но свет — орангутанг...”

То есть высший свет в России — обезьяна, подражатель, кривляка. Ещё одна победа над Европой ничего не решит: вот что мучает Раевского. Что, впрочем, возможности похода на помощь грекам или в любую страну Европы всё-таки не отменяет.

Но ситуация тогда сложилась иначе. Осознание того, что на ввод русских войск европейские державы отреагируют возмущённо, остановило Александра I. Грекам на помощь так и не пришли, Пушкин на войну не попал, и Раевский тоже.

Но разобраться в феномене отчаянного русофильства не только Раевского, но и многих будущих декабристов стоит.

Нам кажется, что оно имеет, как минимум, два простейших объяснения.

Во-первых, они были военными: многие успели пройти войну, то есть были кровью скреплены со своей землёй.

Во-вторых, большинство декабристов выросло в своих имениях: смоленских, ярославских, вологодских, курских, костромских; и помимо гувернёров немецких или французских, у каждого была кормилица или своя Арина Родионовна.

Будущие декабристы росли среди русских людей и в русских пейзажах, и воевали рядом с русскими людьми.

Эти важнейшие составляющие зачастую не могло размыть даже — никуда от этой темы не деться! — участие в масонских ложах.

В доме таможенного сборщика пошлин — грека Михалаки Кацика — старшие товарищи Раевского и Пушкина открыли масонскую ложу “Овидий”.

Мастером ложи стал 36-летний генерал-майор, на тот момент исполнявший должность командира бригады, член Союза благоденствия Павел Сергеевич Пушчин.

“4 мая я был принят в масоны”, — запишет Пушкин в дневнике. То есть всё произошло достаточно стремительно: в марте познакомились, в апреле почти ежедневно встречались, спорили, острили, размышляли и вот уже решили создать свою ложу.

Пушкина посвятили в степень ученика.

Вообще связь с масонами у Пушкина была в прямом смысле семейной. Отец поэта, Сергей Львович Пушкин, ещё в 1814 году вступил в Варшаве в масонскую ложу “Северного Щита”, в 1817-м оказался в шотландской ложе “Александра”, затем перешёл в ложу “Сфинкса”, в 1818-м исполнял должность второго стюарта в ложе “Северных друзей”. Дядя поэта — Василий Львович Пушкин — попал к масонам и того раньше: вступил в 1810-м в ложу “Соединенные друзья”, следом была Петербургская ложа “Елисаветы к Добродетели”, а в 1819 году он состоял секретарём и первым стюартом в ложе “Ищущих Манны”.

Вообразите себе эту паутину.

Кишинёвская история, впрочем, завершилась достаточно скоро: из местной метрополии пошли письма в Петербург о том, что здесь развелись в большом количестве невесты что замышляющие масоны; в январе 1822 года пришло указание Александра I с требованием ложу закрыть, как вообще все ложи в России.

Историки масонства пишут, что из ложи “Овидия” никаких существенных донесений о работе не поступало. Так что даже неизвестно, чем они там занимались, может, чай пили.

Прямых свидетельств о скором разочаровании Пушкина в масонстве нет, за исключением его в меру иронических стихов по поводу Пуштина: “О Кишинёв, о тёмный град! // Ликуй, им просвещённый!” И столь же иронического определения в одном из писем кишинёвского окружения – “мои конституционные друзья”.

В любом случае, в жизни Пушкина масонство было стихийным и случайным эпизодом, это признают даже ангажированные историки масонства.

У него был слишком хороший вкус, чтоб всерьёз наряжаться в фартук; он обязательно учинил бы какую-нибудь шутку на втором же заседании. Скорей всего, так и было.

Именно в Кишинёве начнутся те мировоззренческие изменения, что сделают Пушкина консерватором. И эти изменения будут, так или иначе, связаны именно с Раевским и его судьбой.

Не догадываясь или не боясь, что сказанное им может уйти слишком далеко, Раевский на проводимых им занятиях всё чаще позволял себе высказывать крамольные мысли, к примеру, настоятельно рассказывая о конституционном правлении как о “лучшем и новейшем”, со всеми отсюда вытекающими.

Сначала за Раевским установили слежку, два его учащих постоянно докладывали о нём. Потом было принято решение о его аресте.

Знаменательно, что о возможности ареста его успел предупредить... Пушкин.

В доме генерал-лейтенанта Иван Никитовича Инзова – в то время полномочного наместника Бессарабского края, где поселился “ссылный” Пушкин, – полномочного! наместника! – и, да, тоже масона, которого Пушкин называл “Инзушко”, произошёл знаменательный разговор.

Командир корпуса, где служил Раевский, генерал-лейтенант Иван Васильевич Сабанеев приехал поговорить с Инзовым.

Далее цитируем воспоминания самого Раевского:

“1822 года февраля 5-го в 9 часов пополудни кто-то постучался у моих дверей...”

Я курил трубку, лежа на диване.

– Здравствуй, душа моя! – сказал мне, войдя весьма торопливо и изменившимся голосом Александр Сергеевич Пушкин.

– Здравствуй, что нового?

– Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

– Доброго я ничего ожидать не могу... Но что такое?

– Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала. Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твоё имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил – приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, – ты знаешь, как он тебя любит! – отстаивал тебя горю. Долго ещё продолжался разговор, я многого недослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

– Спасибо, – сказал я Пушкину, – я этого почти ожидал! Но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается какой-то турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет”.

Растроганный и взволнованный Пушкин скажет:

– Ах, Раевский, позволь мне обнять тебя!

На что Раевский снова явит своё своеобразное отношение к этому юноше, ответив:

– Ну, ну. Ты же не гречанка...

На том и расстались.

Раевский ещё успеет попросить француженку-гадалку погадать ему:

“Пики падали на моего короля. Кончилось на том, что мне предстояли чрезвычайное огорчение, несчастная дорога и неизвестная отдалённая будучность...”

Возвратясь домой, я лег и уснул покойно. Я встал рано поутру, приказал затопить печь. Перебрал наскоро все свои бумаги и всё, что нашёл излишним, сжёг...

Дрожки остановились у моих дверей. Я не успел взглянуть в окно, а адъютант генерала Сабанеева, гвардии подполковник Радич, был уже в моей комнате.

- Генерал просил вас к себе, – сказал он мне вместо доброго утра.
- Хорошо, я буду!
- Но, может быть, у вас дрожек нету, он прислал дрожки.
- Очень хорошо. Я оденусь.

... Этот роковой час 12-й решил участь всей остальной жизни моей. Мне был 27-й год”.

Всё самое страшное зачастую происходит совершенно обыденно: от этой мысли Раевский потом не мог отделаться целую жизнь. Вот Пушкин зашёл, хотел обняться, но не удалось, гадалка погадала, адъютант генеральский явился, дрожки предложил: “Не хотите ль в ад, а то вам, поди, не на чем”.

А в итоге в качестве свидетелей по его делу было привлечено пятьдесят офицеров и более шестисот солдат.

И в ходе расследования всплыли крамольные работы Раевского “Рассуждение о солдате” и “Рассуждение о рабстве крестьян” (где в числе прочего упоминается о том, что известные автору помещики торгуют людьми и содержат собственные гаремы), разнообразные возмутительные стихи, непрерывные разговоры с офицерами о деспотии, страшные слова, сказанные однажды солдатам: “...должно защищать свою свободу и честь, и если один тиран покажется, выдьте десять человек и, уничтожив одного, спасите двести”.

Даже то, что он “курил с солдатами”, и то припомнили.

Ему вполне грозила за всё это... смертная казнь.

В заключении, ещё не зная о грядущем чудовищном приговоре, но предчувствуя его, Раевский напишет пронзительные стихи “К друзьям в Кишинёв”.

Стихи эти сложными путями попадут в руки к тем, кому адресовались: Орлову и Пушкину. Потом эти строки ещё семьдесят лет будут гулять с перепутанным авторством: сначала их припишут Константину Рылееву, потом Александру Полежаеву.

Раевский писал:

*Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Ещё убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья...
О, пусть благое Провиденье
От вас отклонит этот гром!*

Картины, которые рисует Раевский, сделаны на редкость жёстко:

*Быть может, — о, молю душой
И сил, и мужества от неба! —
Быть может, чёрный суд Эреба
Мне жизнь лютее смерти злой
Готовит там, где слышны звуки
Подземных стонов и цепей
И вопли потаённой муки;
Где тайно зоркий страж дверей
Свои от взоров кроет жертвы.
Полунагие, полумертвы,
Без чувств, без памяти, без слов,
Под едкой ржавчиной оков,
Сии живущие скелеты
В гнилой соломе тлеют там,
И безразличны их очам
Темницы мёртвые предметы.*

Стихи, что и говорить, замечательные; характерная для его прежней поэзии элегическая, полная размытых символов манера была разом преодолена. Обращаясь в тех же стихах к Пушкину, по сложившейся уже привычке старшего в их паре, но к тому же ещё в силу занимаемого теперь им положения, Раевский настаивал:

*Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как ясный заговор,
Как преступление, на плаху
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шёпотом роптать...*

Реакция Пушкина была совершенно неожиданной.

Сказав сразу по прочтении послания Раевского одному знакомому: “После таких стихов мы не скоро увидим нашего спартанца”, – Пушкин попытался ответить ему в стихах.

Первый ответ начинается так:

*Недаром ты ко мне воззвал
Из темноты глухой темницы.*

И здесь Пушкин останавливается. Дальше не знает, что писать. “Недаром”. Да, недаром. Недаром, да – и что? Что?

Пробует ещё раз, – Пушкина явно возмущает, что ему указывают, как и что писать, – и получается предеззостно:

*Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Внимание пламенных сердец,
Играя смехом и слезами...*

.....
*Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил...*

.....
*Иная, высшая награда
Была мне роком суждена —
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..*

Если попытаться переложить это в прозе, то вот: любезный Раевский, я больше не хочу спасать народ, подвластный страху, я по другой части: мечтанья, самолюбие, а ваши фартуки, молотки и всякое якобинство... Знаешь, я всё это как-то разлюбил.

Да.

Когда Пушкину предложили навестить Раевского в тюрьме, он отказался.

Но осознавая, что переправлять такое человеку в темницу не совсем милосердно, Пушкин пишет новое посвящение, где признаётся:

*Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.*

*Везде ярем, секира или венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран* (далее в строке у Пушкина пропуск. — З.П.) *льстец,
Иль предрассудков раб послушный.*

Каких-то слов Пушкину не хватило! “Тиран, льстец” — кто ещё? Кто и каких именно предрассудков раб? О чём речь? Так и не договорив что-то самое важное в первых трёх посвящениях, Пушкин уже позже берётся ещё за одно:

*Бывало, в сладком ослепленьи
Я верил избранным душам,
Я мнил: их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мнение —
Едва приблизился я к ним...*

И снова обрыв строки; и молчание.

Хотя здесь смысл этого молчания куда более ясен.

Приближался — и... если не разочаровывался, то, как минимум, начинал сомневаться в “избранных душах”.

В записях графа Струтынского приведены рассуждения Пушкина, касающиеся как раз кишинёвского периода и могущее объяснить эти обрывы: “Мне казалось, — якобы говорил Пушкин, — что подчинение закону есть унижение, всякая власть — насилие, каждый монарх — угнетатель, тиран своей страны, и что не только возможно, но и похвально покушаться на него словом и делом... Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в обе столицы и окружили меня строгим полицейским надзором. Я воображал, что сравнился с мужами Плутарха и заслужил посмертного прославления в Пантеоне!.. Но всему своя пора и свой срок. Время изменило лихорадочный бред молодости. Все ребяческое слетело прочь. Сердце заговорило с умом словами небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, чтимое — заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором!”

Безусловно, слушая пересказ графа Струтынского, мы рискуем быть им введёнными в частичное заблуждение: приведённая речь всё-таки слишком горяча и патетична для Пушкина. Однако общий смысл её кажется переданным верно, ведь до пушкинского “Нет, я не льстец, когда царю // Хвалу свободную слагаю...” остаётся не так много времени, а там про то же.

Но начало этому всему положено было в Кишинёве.

Здесь Пушкину грозила возможность преступления и, как он это понимал, позора.

Здесь он нашёл кого-то, кого стоит поставить меж “тираном” и “льстецом”, но имя не придумал. Да и разве дашь какое-то имя своим товарищам, от которых не отрекался, но с которыми тебя что-то, кажется, уже разлучает?

Раевский ответит товарищам, и Пушкину в их числе тоже, уже многие годы спустя, в 1846-м:

*Когда гром грянул над тобою,
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастье гордое чело
При слове казни и темницы
Могильной тенью повело.*

Ах, как сильно сказано! Про раскрашенные лица и эту могильную тень — невозможно как хорошо!

Имел ли право Раевский на такой ответ?

Имел: он заплатил тем, что сидел в одиночке, ожидая казни, смерти, ямы, а Пушкин к нему даже не пришёл.

Гордо отписав в очередном послании высочайшим инстанциям: “Я служил государю и отечеству 11 лет, видел войну, выслужил чины и отличие военным трудом и ревностью”, – Раевский сумел доказать ложность ряда обвинений.

И доплатил за свои стихи годами одиночки и долгой ссылки.

Но имел ли право Пушкин на сказанное им?

Да, и он наверняка знал свою правоту; но ни одного из своих ответов Раевскому так и не отправил. И здесь тоже проявил безупречный вкус. Зачем отправлять? Чтоб порадовать тюремщиков? И лишнюю боль принести брату? Брату не по масонству, конечно же, а по таким честным мыслям, которые могли привести к таким страшным заблуждениям.

По итогам начального этапа следствия по делу Раевского генерал-майор Орлов был отстранён от командования дивизией, а полковника Непенина убрали с полка.

Но посажен никто не был. Для кишинёвского сообщества всё обошлось так легко лишь потому, что Раевский на допросах ничего лишнего не сообщил, в том числе и о существовании заговорщических организаций внутри офицерского состава.

У него нашли один из списков заговорщиков, но Раевский сказал, что он переписал в час досуга самых умных людей из числа офицеров; и больше ничего от него не добились ни шантажом, ни лжесвидетельством, ни запугиванием.

Сказал бы больше Раевский на допросах, будущее декабристского движения могло б покатиться под откос ещё тогда, в 1822-м. Или в 1823-м. Или в 1824-м – ведь всё это время шло следствие.

Известно, что ему предложили вернуть золотую шпагу “За храбрость”, если он окажет помощь следствию. На что он весьма достойно ответил: “Вы предлагаете мне шпагу за предательство”.

Справедливости ради заметим, что Сабанеев сам не стремился дать делу слишком широкий ход, иначе выяснилось бы, что он не умел разглядеть в своём корпусе целую сеть заговорщиков.

Но и Раевского никто отпускать не собирался, год за годом он сидел в одиночке.

После декабристского восстания его доставили в Петербург, поместили в Петропавловскую, и всё началось заново.

“Значит, всё-таки был заговор уже в 1822 году? Недорасспросили тебя тогда, Раевский”.

В тюремном коридоре он увидит друга Батенькова, причастного к заговору и тоже проявившего в ходе допросов упрямство и мужество, что, вообще говоря, для декабристов было не очень характерно.

Раевский, уже свикшийся с тюремными стенами, находил в себе силы на новом витке следствия тонко дерзить.

Когда его выспрашивали, откуда он понабрался своих взглядов, он считал нужным начинать рассказ издали: “В царствование императрицы Анны, в девять лет казнено и сослано 21 тысяча русских людей по проискам немца Бирона”.

– Русских... по проискам немца... – мягко давил Раевский и поднимал свои большие светлые глаза, бесстрастно разглядывая выходца из Пруссии – генерала Дибича, ведущего допрос.

В 1826 году, находясь в крепости Замостье, Раевский говорил: “Если патриотизм – преступление, я преступник!.. Под именем патриотизма подразумеваю я любовь к своему отечеству, основанную на своих обязанностях!”

Он не лукавил вовсе.

Да и как это было не прочесть в его стихах, когда они были на руках у следствия?

*Мой друг! В наш дивный век науками, искусством
И россов доблестью и благородства чувством
Любви к отечеству достойных сограждан,
В наш новый век, когда властитель и тиран
Несметных орд к нам внёс убийства и пожары*

*И Провидения испытывал удары...
Неся в триумф побед победный бег и страх...
И трупы хищников рассеялись в полях,
Когда прошедшее из книги современной
Мечом росс вырубал и, лавром покровенный,
Секване начертал постыдный приговор...
Когда вселенной взор
России беглый бег к величью измеряет
И подвиги её в истории читает,
Тогда, мой друг, забыв свой подвиг славы,
Здесь дети робкие с изнеженной душой,
Чудесно исказя и нрав, и разум свой,
В очах невежества чтут модные уставы.*

.....
*Но, друг мой! Переждём — эпоха началась,
И наше сбудется желанье...
Орёл с другим орлом стремится в состязанье.
Гражданства искра в нас зажглась —
И просвещение спасительной рукою
Бальзам свой разольёт в болезненных умах,
И с новою зарею
<Всё> русское любить пройдёт безумный страх.*

Эти стихи можно издавать в одной книжечке вместе, к примеру, с пушкинскими “Клеветниками России” и распространять среди студенчества — у Раевского тоже ни одно слово не устарело. Не сегодня ли, снова забыв подвиги национальной славы, “дети робкие с изнеженной душой, // Чудесно исказя и нрав и разум свой, // В очах невежества чтут модные уставы”? Гражданское чувство Раевского было, в первую очередь, направлено на любовь “ко всему русскому”: даже в поэзию свою, как утверждал Пушкин, “Раевский упорно хочет брать всё из русской истории”. Печальная судьба — угодить в жернова государства с такими восхитительными порывами. Раевский несколько раз просил аудиенции у нового государя, надеясь ему лично доказать свою в самом высоком смысле невиновность и правоту. Ему было отказано.

В октябре 1827 года генерал Дибич представил императору решение о принятии для Раевского наказания. Император решение утвердил: Раевского лишили всех наград, дворянского звания и отправили в сибирскую ссылку.

Насиделся в крепостях — теперь его повезли в село Олонки Идинской волости Иркутского округа.

Раевскому было 33 года, и по приезде, глянув налево, глянув направо, он всерьёз собрался умирать: а куда жить, в какую сторону?

*Мне этот край — одно пространное кладбище,
В котором ищет взор безбедного жилища
Среди преступничьих гробов!
И мой ударит час всеобщую чредою,
И знак сотрёт с земли моих следов,
И снег завевет дёрн над крышей гробовою;
Весной оттает снег, за годом год пройдёт,
Могильный холм сравняется с землёю,
И крест без надписи падёт!..*

Прозрачные и больно действующие стихи, заключающие в себе истинное человеческое чувство, не обременённое никакой нарочитостью.

*Давно погибло всё, чего мой дух алкал!
Чего ж я жду с отжившею душою?
Кто к жизни мысль страдальца приковал?
И не в родстве ль давно я с прахом и землёю?*
“Послание К...ву”, 30 мая 1828

Но жизнь оказалась и здесь сильнее.

Сначала явилась любовь — крестьянская девушка, крещёная бурятка Евдокия Моисеевна. Раз сам уже не дворянин, чего дурачиться: вот тебе и свобода, и равенство, Владимир Федосеевич.

Они венчались в церкви в том же 1828-м.

По запросу из Санкт-Петербурга о Раевском отписывал местный губернатор: “Зимой занимается, сколько известно, книгами, летом — огородом, который он завёл, и ботаникой. Поведения чрезвычайно скромного”.

И далее самое важное в нашем рассказе: Раевский, согласно письму губернатора, высказывает “намерение утруждать государя цесаревича исходотайствовать милость у государя императора о позволении поступить рядовым полка действующей армии”.

Вот перед нами русский офицер: это неистребимо. Имея многие основания затаить жестокую обиду на Отечество, отсидевший пять лет и восемь с половиной недель в трёх крепостях, видевший из окна каземата в Петропавловке, как вешали пятерых декабристов, — а такое не забывается! — он вовсе не из очередной темницы, а из вполне умиротворённого своего быта — огород, ботаника, книжки, Евдокия Моисеевна — хочет хотя б рядовым, но на фронт.

Милостей Раевский не дожждётся ещё многие годы.

*И жизнь страстей прошла, как метеор.
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною! —*

напишет он в одном из своих поздних стихотворений. Сформулировано сильно.

Его амнистируют только в августе 1857-го.

Спустя 36 лет он съездит в ту часть России, что поневоле оставил.

Заедет в Нижний Новгород к военному губернатору Александру Муравьеву — товарищу по воинской службе.

В Москву, которую не имел права посещать, тоже завернёт, чтоб повидаваться с другим товарищем по службе — генералом от инфантерии Иваном Петровичем Липранди.

“Как дружески, как крепко обняли мы друг друга после 36-летней разлуки! Мы служили оба в 32-м егерском полку майорами... — напишет Раевский про Липранди. — Честный, прямой, без унижения, без происков, ласкательств и лакейства. Во время польского восстания, командуя полком, он первый при штурме Варшавы взшёл на укрепления”.

Надо ли пояснять, что Раевского это восхищает?

“Мы были молоды по-прежнему. Они удивились “моей молодости”. Ни одного седого волоса, все зубы крепки. Я был моложе с виду моих товарищей. Было о чём поговорить... и прошедшего как будто не было”.

Затем Раевский посетит свою родовую деревню Хворостянку, где последний раз был в 1819 году.

Проживёт там двадцать дней — человек с того света, с другой стороны земли... Сёстры даже не предложат ему передел наследства: мы рады, конечно, но ты поздно явился — всё уже поделено давно, братец.

И снова вернётся в Сибирь.

Доселе никаким мастерством не владевший, Раевский понемногу разживётся — устроит парники, чтоб выращивать в Сибири арбузы и дыни, займётся, приобретя огромный участок, хлебопашеством, купит мельницу, заведёт лошадей, будет заниматься самой разной работой — от набора людей на золотые прииски до винного откупа (и в ближайшие крупные города поставки от Раевского составят 164 тысячи вёдер вина!) Для местных крестьян-духоборцев он станет посредником в переговорах с купцами. С какого-то времени местный люд начнёт воспринимать его как мирового судью — и пойдёт к нему с любыми спорами и бедами.

Он поднимется с того дна, куда упал, и превратится в состоятельнейшего и виднейшего человека во всей округе.

Но подумайте, ведь Раевский был простым ссыльным, не имевшим никаких средств вообще!

Нам придётся произнести здесь то, с чем мы, наверное, и сами не согласны: то, что его отец был дворянин, богач, помещик, оказалось не случайным — перед нами на удивление хваткая порода.

Раевский сойдётся с местным губернатором и некоторое время будет дружен с ним. Анархист Михаил Бакунин напишет в письме Александру Герцену, что без соизволения Раевского в Сибири уже ничего не делается; это, впрочем, будет явным преувеличением, но очень характерным.

При этом взгляды Раевского на состояние России не станут радужными. В одном из писем 1864 года он изложит весь свой скепсис всего в трёх предложениях: "...либералы, консерваторы, нигилисты — из рук вон пошло, и не смешно даже. В России — общественное мнение? **Общественное** — в России?"

У Раевского родится девять детей: первый сын умрёт в младенчестве, остальные вырастут.

После дарованной отцу амнистии детям вернут дворянское звание.

Сын Александр станет юнкер-артиллеристом и примет участие в подавлении польского восстания 1863 года; дослужится до подполковника, то есть обойдёт в звании и отца, и деда.

Сын Михаил дорастёт до полковника казачьих войск.

Сын Юлий будет сотником забайкальского казачьего войска и адъютантом генерала М. С. Корсакова.

Вы, наверное, уже догадались, чему учил детей ссыльный Раевский? Точно не вольтерьянству, а совсем иному: служению и воинскому долгу.

Хотя кровь даст себя знать и в ином смысле.

Внучка его сына по имени Юлий — то есть, правнучка Владимира Раевского — станет матерью знаменитейшего советского поэта Анатолия Жигулина.

В 1948 году Жигулин вступит в юношескую подпольную организацию "Коммунистическая партия молодёжи", поставившую себе целью радикальную борьбу с разнообразными "перегибами". Он тоже был патриот — настоящий коммунист, а не антикоммунист. Что-то вроде прапрадеда, только на новый лад.

Евтушенко потом напишет, что Жигулин сидел за борьбу с "культом личности", — и приврёт. Биография товарища Сталина была настольной книгой у ребят из КПМ.

Но Жигулин уедет — в свои 17 лет — в колымские лагеря, получив десятку по "террористической" статье. Как прапрадед почти.

Как прапрадеда, могли бы и к "вышке" Жигулина приговорить: у жигулинской КПМ и оружие имелось. Так что сидел Жигулин, вообще говоря, за дело. Если исходить из тех законов, при которых довелось ему жить.

В 1954 году Жигулина аминистрируют. Пораньше, чем Раевского, но он и сидел пострашней.

Про Жигулина мало кто знал, что он по крови потомственный дворянин: поэт до какого-то момента не распространялся. Но сам знал, конечно.

То ли прапрадед чему-то его правильному научил, то ли, напротив, совсем неправильному.

У Жигулина в стихах было:

*Как будто может повториться
на том печальном рубеже
и эта даль, и эта птица,
и этот лютик на меже, —*

да-да, и ещё один политзек, несущий беспокойную кровь.

Закваска сохранилась!

Критик Лев Аннинский, писавший о Жигулине, первым заметил странную связь между ироничными словами Жигулина о своей юности, когда "...три десятка мальчишек хотели силою свергнуть советскую власть? Ерунда!", и саркастичным диагнозом Грибоедова о декабристах: "...сотня прапорщиков вознамерилась изменить лицо России".

Жигулин, написавший уже на исходе советской власти повесть "Чёрные камни" — о своём тюремном сидении, — не вписался в святцы тюремной прозы: что-то в нём чувствовалось не то, по крайней мере, для тех людей, кто эти святцы тогда составлял.

Жигулинские зэка не рефлексировали и позволяли себе убивать.

И самое, наверное, важное: несмотря на пережитое, по всем итогам своего сложного пути, написав горькое: "...тревожно мне в сердце смотрела Россия. // Спасибо тебе за твою лебедь", — Жигулин не вынес Отчизне обвинительного вердикта.

И единственную свою эпическую поэму — "За други своя" — он написал именно о войне, и даже не ближней, Отечественной, а русско-турецкой 1878 года; это показательно.

Ведь Россия больше твоей боли, милый человек. Ведь русская слава — неизбывна.

Но с таким ощущением закрепиться в русской литературе куда сложнее, чем с обвинительным приговором своему народу.

Жигулин как поэт занимал серьезнейшее место в советские годы: издал множество книг, имел сотни тысяч читателей.

Но сейчас у него — никакого места. Как и у прапрадеда.

*Но не хочет всех лелеять
Век двадцатый, век другой.
И опять кружится лебедь
Над иркутской тайгой.
И легко мне с болью резкой
Было жить в судьбе земной.
Я по матери — Раевский.
Этот лебедь — надо мной.
"Белый лебедь", 1986*

Ушёл из жизни Владимир Федосеевич Раевский таинственным образом: 8 июля 1872 года его, ещё крепкого старика, убили. Ехал на лошади, трое неизвестных остановили, попросили спешиться и ударили чем-то тяжёлым по голове.

Деньги не забрали — это не было ограблением.

Убийство раскрыть не смогли.

Похоронен он был на кладбище в селе Олонки.

Такая странная судьба, которой сложно подвести итог каким-то одним и бесспорным словом.

На единственном памятнике Раевскому в Тирасполе написано, что он "декабрист", но ведь он не участвовал ни в декабрьском восстании, ни в его подготовке.

Строго говоря, он вообще не декабрист.

И точно не "первый декабрист", как часто о нём пишут, потому что пришёл в "Союз благоденствия" на четвёртом году существования организации.

Перед нами русский поэт, проживший свою традиционную судьбу, а вернее сказать, несколько судеб — и военную, и заговорщическую, и тюремную. И ещё вдобавок — сибирскую, завершившуюся такой жуткой и дикой смертью.

И тут уж всякий выберет, на какого Раевского он хочет смотреть и о каком размышлять.

Он имеет будто бы двоящийся или троящийся облик: разглядывая портреты пожилого, обросшего бородой, словно пережившего тяжелейшие инсульты Раевского, никак не можешь разгадать в нём молодого офицера с прямым взором.

Веря в его бескорыстие и мужество, сострадание к народу, всё равно думаешь: а тщеславие? Было ли оно? А эта готовность использовать всякие средства при достижении желаемого — докуда могла довести?

И ответа не находишь.

Иные скажут, что тюрьма и ссылка придали его судьбе иной объём: ну да, наверное.

Однако подавляющее большинство стихов написаны им до тюрьмы; заметки о Пушкине, при всём их сарказме, позволяли подозревать в Раевском отличного критика, а несколько его прозаических заметок предсказывали настоящую русскую прозу, которой тогда ещё никто не делал.

Взгляните, в этой аристократической речи, без улыбки и всякого желания удивить или рассмешить, в этом удивительном и точном лаконизме таится на-

чало и пушкинской, и – следом – тургеневской интонации, а писано Раевским в 1819 году:

“Я ехал с молдавских границ на милую родину. Лето было жаркое, пыль столбом вилась около повозки. Проехавши более шестисот вёрст, я чувствовал усталость.

Извозчик, казалось, не замечал этого и беспрестанно погонял лошадей. “Тише!” – сказал я. Он взглянул на меня и улыбнулся. “Вы, верно, боитесь”, – отвечал он и, как нарочно, пустил лошадей. Не более как через четверть часа мы очутились у почтовой станции. Я вышел, досадуя на извозчика и на русские почты. Меня встретил на пороге станционный смотритель – с важною миною, в тиковом халате, с трубкой во рту и с цветущими фиалками на плоском лице. Я подал дорожную.

– Подождёте немного, – сказал он охриплым голосом, вздёрнув кверху свой красный нос.

– Не думаю, – отвечал я”.

Этот отрывок сам по себе – готовое стихотворение в прозе.

Ему надо было сочинять, выдумывать, делать прозу.

Но тюрьма и ссылка надломили его в желании являть себя. Раевский не знал, что за любовь к Отечеству бывают такие наказания!..

Но и на, прямо говоря, патриотических понятиях Раевского это всё равно не сказалось.

Он болезненно переживал неудачи в Крымской войне.

В биографии Раевского, написанной Фоккой Бурлачком, сделано весьма смелое допущение: отчего-то Владимира Федосеевича там сделали на старости лет сторонником свободной Польши. Видимо, автору так хотелось, и он навязал свою волю Раевскому.

Между тем, в 1861 году, после многочисленных польских восстаний, Раевский не без брезгливости писал: “О польских делах я не буду говорить много. Манифестации в Варшаве суть польско-католические. С гвоздём в манишке (эмблема распятия и страдания Христа), с крестами в руках или с палками, вроде архиерейских посохов, в траурной чёрной одежде и в конфедератках, панифиды по убиенным, вследствие их сумасбродства, молебны на улицах и пр. и пр. доказывают, что народ этот не знает сам, что он делает? с какою целию? – Оставь их на собственный произвол, и они друг друга вырежут. В продолжение моей службы я шесть лет прожил в Польше и Западных губерниях. Государь дал им конституцию, но, поверь мне, они даже не поймут выгод своих и всегда будут недовольны”.

Здесь Раевский забыл написать, что, как минимум, дважды бил по польским частям прямой наводкой. А они стреляли в него.

Есть сведения, что как-то Раевский пустил к себе переночевать польских ссыльных бунтовщиков, но из этого поступка никаких далеко идущих выводов делать не стоит. Разве что привести вдруг помогающие и здесь что-то важное понять стихи Жигулина:

*В округе бродит холод синий
И жметя к дымному костру.
И куст серебряной полыни
Дрожит в кювете на ветру.*

.....
*А если вдруг махры закуришь,
Затеplишь робкий огонёк,
То встанет рядом Ванька Кураш,
Тщедушный “львівский” паренёк.
Я презирал его, “бандеру”.
Я был воспитан — будь здоров!
Ругал я крест его и веру,
Я с ним отменно был суров.
Он был оборван и простужен.
А впереди — нелёгкий срок.
И так ему был, видно, нужен
Махорки жиденский глоток.
Но я не дал ему махорки,*

*Не дал жестоко, как врагу.
Его упрёк безмолвно-горький
С тех пор забыть я не могу.
И только лишь опустишь веки —
И сразу видится вдали,
Как два солдата
С лесосеки
Его убитого несли.*

.....
*Жива ли мать его — не знаю...
Наверно, в час,
Когда роса,
Один лишь я и вспоминаю
Его усталые глаза...
А осень бродит в чистом поле.
Стерня упруга, как струна.
И жизнь очищена от боли.
И только
Памятью
Полна.*

(“В округе бродит холод синий...”, 1964)

Эти стихи — место удивительной встречи Варлама Шаламова и Владимира Раевского: запоздалого сына Серебряного века и потерянного сына века Золотого. Встреча (хоть и был стилистически Жигулин насквозь советским поэтом) случилась, и никто её не заметил.

Самое удивительное в ней то, что Жигулин ни Шаламова не читал тогда, ни стихов деда толком не знал. Но их интонации сами проросли в нём — сквозь кровь и опыт.

Простил ли, судя по этим стихам, поэт Жигулин “бандеру”?

Простил, но не как “бандеру”, а как несчастного зэка, которого не угостил однажды махоркой. Дали б возможность переиграть — угостил бы, ибо человеческое надо сберечь, невзирая ни на что.

Но увидел бы Жигулин этого Ваньку в “бандеровском” обличье — и не подумал бы прощать.

Так и с Раевским: он пускал ночевать несчастных поляков, таких же ссыльных, как и он.

Увидел бы, будучи офицером и командиром своих двух пушек, этих же повстанцев — была бы полякам смертная печаль.

В 1860 году Раевский с каким-то мальчишеским чувством сочинял письмо тому самому, из ранней юности Гавриилу Батенькову — вояке, герою, поэту, декабристу, ссыльному, а затем амнистированному, как и он, — в общем, в некотором смысле своему отражению.

“Ты пишешь, что Любенков в Москве, где он? Что он? — спрашивал Раевский Батенькова об их общем знакомом. — В 1812 году мы оба с ним поступили в самые боевые артиллерийские роты: он — в 17-ю лёгкую Башмакова, я — в 23-ю батарею Гуревича. Обе роты за отличие получили знаки на кивера, а офицеры — золотые петлицы”.

Раздери нас чёрт, если это не самая настоящая ностальгия! В 65 лет!

Правда, у своего героического командира, умершего в феврале 14-го от полученных ранений, Раевский спутал одну букву в фамилии: тот был Гулевич. Да ведь 48 лет прошло — чего только не забудешь за эти годы! Но вот золотые петлицы...

Нам запомнилась заметка из следственного дела Раевского: будучи офицером, он любил стрелять “из пистолета в цель”. Такое у него было развлечение, постоянное и даже в офицерской среде слишком заметное. Тренировал руку, чтоб не дрогнула.

Один из современников, заставший Раевского уже стариком, напишет: “Минутами, когда он читал стихи или рассказывал что-нибудь возбуждающее, к нему возвращалась осанка человека властного и бесстрашного”.

Вот какие черты были в нём определяющими: власть и бесстрашие.

Может, было бы лучше, если б он так и стрелял по мишеням?

Но толку ли говорить о том, когда есть, как оно есть.
Раевский за жизнь свою сочинил несколько сильнейших стихов, однако
самые, странно сказать, радостные из них, конечно, эти:

*Шумит от севера ветр бурный,
Ветр с милых отческих полей
Принёс отмщенья зов перунный
И жизнь за братий, за друзей
Иль смерть на трупах в поле чести
В урок сотысячным врагам,
Сей кубок духу бранной мести
Завтра, братья! к знаменам.*

.....
*Сигнал раздался!.. Други, к бою!
Допьём же кубки — край о край...
Перун дробится за горою
И по горам гремит: “Ступай!
Ура!”*

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

В ВЕСЕННЕМ ХОРЕ ВСЕ ЕДИНЫ

ТОК-ШОУ

— Послушайте меня! — взмахнул рукой оратор,
 Но перебил другой: — Послушайте меня!
 И вострепнулся зал, и закипел театр.
 — Меня! —
 молила ночь, склонившись у огня.
 — Я всё вам расскажу! —
 гудел охрипший ветер.
 — Послушайте! —
 шипел, посвистывая, снег.
 — Меня!
 Меня!
 Меня! —
 Кричали все на свете,
 И голосили все
 под слёзы и под смех.
 Чего хотелось им?
 Сочувствия? Вниманья?
 Отдать свою печаль,
 и радость, и покой?
 И всё слилось в одно смятенное дыханье,

ЮШИН Евгений Юрьевич родился в 1955 году в г. Озёры Московской области. Окончил пединститут в Улан-Удэ. С 1986 года работает в журнале “Молодая гвардия”. Автор десяти поэтических книг, лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского и Большой литературной премии России. Его стихи переведены на болгарский, немецкий, французский языки.

Но ни одна душа не слышала другой.
И ни одна душа не мучилась другими,
И даже тишина молчала о своём,
И ссадина луны над рощами пустыми
Зияла в темноте, не мысля ни о ком.

* * *

Сначала март всегда обманет.
Под солнцем выпорхнет капель,
Но день-другой — и затуманит
Просторы хлёткая метель.

А ты доверился, открылся,
Как шубу, распахнул себя.
Весна — великая актриса:
То зло посмотрит, то любя;

То в ноги бросится ручьями,
То ледяной покажет клык,
Погладит ласково лучами,
Ветрами бьёт за воротник.

Иду к любимой в ливне света,
Горю весенним куражом!
Темнеет снег, но мил и этот
Сугроб, свернувшийся ежом.

В весеннем хоре все едины:
Грачи бунтуют у леска,
И хрустко вздрагивают льдины
И друг о друга трут бока.

И неизбежное — свершится!
Коснись твоих надменных рук.
Попробуй мне не покориться
Теперь, когда весна вокруг?!

НА ЗАРЕ

Красный конь летит по небосводу,
Поджигает гривой облака,
А войдёт в мерцающую воду —
Белым паром выдохнет река.

Жадно бархатистою губою
Поднимает лёгкую волну.
Я люблю рассветным водопоем
Посмотреть на талую луну.

Конь ступает в реку глубже, глубже,
Камышами, омутом плывёт.
На травинке, на крыльце, на луже
Золотой его мерцает пот.

Выскочил и над просёлком взмытым
Поскакал, сменяя мрак и тень.
Бьёт по окнам бронзовым копытом:
— Эй, вставайте, люди! Новый день!
Не о том ли Бога вы просили?
Вот Господь и даровал — иди! —

Бьют колокола по всей России
Жарко, словно солнышко в груди.

— Пить-попить! — попросит перепёлка.
Но по лугу сочному скользя,
Режет травы знающе и тонко
Смертью заострённая коса.

Помню, помню: ходим все под Богом,
Все пришли сюда на краткий срок,
Чтобы в мире нежном и жестоком
Развязать узлы своих дорог.

* * *

Я колю дрова — не поддаются.
Жила к жиле — скрученная прядь.
Вот присяду малость раздохнуться,
Годовые кольца посчитать.

Круг — потоньше, а другой — потолще,
А в ином — дожди и холода.
Это значит, у деревьев тоже
Разные сбываются года.

На ветру просушатся поленья,
Наберут последний солнца свет.
Вот и я стал крайним поколеньем:
Ни отца, ни мамы больше нет.

С думами о всех моих утратах
Брошу в печь полено, вздёрну бровь.
Ярко полетит огонь крылатый,
Запоёт про первую любовь.

И ему невольно подпевая,
Загрущу о юности всерьёз.
Изумрудным, захолустным маем
Бьются в небо родники берёз.

И гудят поленья, тянут выи.
Огонёк играет гребешком.
Догорают кольца годовые
Петушиным трепетным пушком.

Гляну в угол. Строгие иконы
Безотрывно смотрят на меня.
И поёт огонь, гудит и стонет,
Как гудит и стонет кровь моя.

ПО РЕКЕ

Мимо правого, левого берега, сёл крутоярных,
Мимо тропок, сбегаящих к серым мосткам у осок,
По кочующим волнам, поющим в осоках туманных,
Я плыву и плыву, как оброненный ветром листок.

Эти воды не раз над землёй поднимались парами
От жемчужных озёр, от рубах мужиков на полях,
От солдатских дорог, от горячей слезы моей мамы,
Но очистились небом — и крыши мокры на домах.

И очищены небом под окнами вишни и груши.
И плыву я, плыву, и роятся на сердце стихи.
Кабы так вот дождями и наши очистились души!
Кабы так вот очистились боли и наши грехи!

У тебя под окном муравей на травинке хлопочет.
У меня под окном развесёлая птаха поёт.
Что он хочет от нас, этот мир золотой, что он хочет?
Я плыву по реке, и река подо мною плывёт.

И случайный листок проплывает то слева, то справа.
По загровку волны заревой растекается мёд.
Кто-то смотрит в прицел, выжидая гордыню и славу,
Кто-то завистью выжжен, а кто-то у брата крадёт.

В неустанной вражде берега затаились и воды.
Что же я, проплывая рекой, не пойму одного:
Ничего этот мир не желает, а только свободы,
И ещё — чтобы мы уважали за правду его.

И кукушка у дальнего бора о чём-то пророчит.
Огурцы под студёным туманом поникли плетьюми.
Ничего-то от нас этот мир и не ждёт, и не хочет,
Разве только, чтоб мы оглянулись и стали людьми.

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ЧТО ТЕБЕ НАДО, ТОВАРИЩ?..

НАУКА НЕНАВИСТИ

*Лишь бы не забыли белые,
За что их били красные...*

Евгений Чепурных

“Всё меньше остаётся смелых —

Им на коленях не стоять.

Раз вы за красных,

я — за белых:

Мы с вами встретимся опять...”

“Всё меньше остаётся страстных,

Любить готовых горячо.

Раз вы за белых,

я — за красных,

Чтоб с вами встретиться ещё...”

Тут ни при чём семья и школа —

Какой тут мир,

какой тут лад!

Осколки этого раскола

В нас генетически сидят.

И ни к чему считать убытки —

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Учился на ВЛК в семинаре Ю. П. Кузнецова. Автор девяти поэтических сборников, книги прозы “Всего-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. Живёт в г. Кирове (Вятке).

Они всё явственней видны,
Ведь все мы — только недобитки,
Что с той,

что с этой стороны.

И ни к чему давить на жалость
Нам со святою простотой,
Пока подспудно в нас осталась
Наука ненависти той.
Вот потому-то не напрасно
История нам всем в ответ
Вновь проступает кровью красной
Сквозь белый бинт минувших лет.

ОПЛОТ

Жизнь ещё не выпита до дна.
Господу хвала за это чудо!
Только та, отцовская война
всё-таки сидит во мне покуда.
Словно генной памяти оплот
в помощь историческим наукам,
что со мною вместе не умрёт —
перейдёт и сыновьям, и внукам.
И когда придёт последний срок,
перед боем помолясь без страху,
развяжу солдатский вещмешок
и достану чистую рубаху.

СЛОВО И ДЕЛО

*Публичная дискуссия времён
“перестройки” и “гласности”
по вопросам истории*

Нет,

я не верю в доброго царя!

А верю в злых —

таких, как Пётр и Сталин.

Они народ изрядно покровсали,

Но кой-кого, пожалуй, и не зря.

“Кто в деле зол, тот подлинно велик”, —

В запале спора я твержу упрямо.

“Ваш Сталин — кровожадный большевик!” —

Визжит в ответ напуганная дама.

Ну что ж, она по-своему права.

Но я зачем-то повторяю снова:

“Когда людей казнили за слова,
Все понимали, что такое Слово”.

Конечно, этот постулат не нов,

И козырять особо им не стоит...

Но молча улыбнётся Гумилёв

И портсигар последний раз откроет.

Пока он курит — он ещё живой...

По-разному страну свою любили

И те, кто поплатились головой,

И те, кто эти головы рубили.

А здесь у нас к началу сентября

Опять желты берёзовые рощи.

Нет,
я не верю в доброго царя,
Хоть, может быть, жилось при нём бы проще...
Пусть этот спор — почти на кулаках,
Но он скорей для истеричных женщин.
Лишь бы стояла Родина в веках,
И слёз,
и крови
было бы в ней меньше...
Но только как закончить этот спор?
То “перестройка”,
то война,
то мор...
Так хочется, по правде говоря,
И мне поверить в доброго царя.
Так хочется поверить!
Только вот
История надежды не даёт...

НАШ “ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ”

Всё яростнее спорят люди
Про наш “великий перелом”.
Такой страны уже не будет,
А мы пока ещё живём.
А может, надо б вместе с нею
Уйти туда, куда она?!
Сижусь,
молчу,
почти немею
Над рюмкой горького вина.
Что ж, за помин я выпью молча —
И не богат,
и не красив.
Как хочется завывать по-волчьи,
Язык до крови прикусив.
Раз нет приёма против лома,
То я приму — один, до дна,
Чтоб сдюжить боль от перелома —
Так переломана страна.
Но всё ж, скорбя по перелому,
Опять задумаюсь до слёз:
Срослись ли кости по-живому,
Насколько крепко и всерьёз?
Быть стыдно дурочкой убогой,
Ища копеечку в пыли.
Встань
и шагай своей дорогой,
Чужие бросив костыли!

ТОВАРИЩ

Каши в ладошке не сваришь
Даже с живою водой.
Что тебе надо, товарищ,
Что тебе надо, родной?

Что же ты тянешь ладошки?
Кто же подаст тебе тут?!
Слышишь, как драные кошки
Снова на сердце скребут?
Если в огне нету брода,
Волен сгореть и пропасть.
Всё отдала для народа
Эта народная власть?
Только туфту нам не впаришь:
Власть эта слишком жадна.
Что тебе надо, товарищ?
Нет у меня ни хрена!
Нет той страны,

той свободы,

Веры,

с которой росли.

Схлынули мутные воды —
Сколько дерьма нанесли!
Что же в кармане ты шаришь,
Если давно он пустой?
Лучше подумай, товарищ,
Лучше подумай, родной:
Родина сира и боса,
Силы у Родины нет
Требовать нового спроса
На справедливый ответ?
За топоры да за вилы?!
Может, и так —

да не так!

Пусть собираются силы
В крепкий народный кулак.
Стоит ли дуть нам на воду,
Чтоб вскипятить молоко?
Дайте работать народу
Творчески, смело, легко.
Мы ведь и сами с усами,
Всё мы, товарищ, смогём,
Только б не гнил под ногами
Мусор недавних времён.
Надо от корки до корки
Родину перетрясти.
Для генеральной уборки
Веники надо плести.
Встаньте,

и слесарь,

и плотник,

Время пришло опять,
Чтобы на главный субботник
Вместе нам не опоздать.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Веткою краснотала
память вновь бьёт на жалость...
Как ты тогда постанывала,
плакала и смеялась...
Господи, сделай милость —
обереги от зла!

Вербочка распустилась...
Мать-мачеха расцвела...
Ах, как весна журчала!
Солнце в глаза — до слёз.
Веточку краснотала
я тебе преподнёс.
После того, как это
всё же произошло,
лишь начиналось лето,
холодно, но светло.
Я не ослеп от света
и не умчался ввысь,
только вот помню это
всю остальную жизнь.
Душу грузить не стану —
проще ведь належке!
Вербочки-то —
 в стакане
на подокон-ннн-нике...
Нет для души спасенья —
разве что с вербой в храм.
Вербное воскресенье —
веткою по глазам...

ПОД КРЫЛОМ

Радость весеннего света
первого тёплого дня:
лёгкое крылышко лета
скоро коснётся меня.
Ждут его с дрожью земною
поле,
 и речка,
 и лес,
чтоб насладиться со мною
ангельской лаской небес.
В первой капли я слышу
лета грядущий прилёт.
Словно прощенья свыше,
жду я его каждый год.
Вот уж оно и настало —
машет мне с разных сторон:
пёрышком щекокатало,
сладкий наваяло сон.
Словно, как в детстве,
 мы с мамой
к речке по лугу идём...
Буду до осени самой
я у него под крылом.

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

ХРАНИМЫЙ БОГОМ ДОМ

* * *

...Ангелы вышли из огненной пыли
и растворились бесследно во мраке...

...Два самолёта свой груз отцепили
над Хиросимой и над Нагасаки.
И развернувшись, ушли на Бермуды,
скрылись в безумии позавчерашнем,
чтобы в наш век, прилетев ниоткуда,
точно вписаться в нью-йоркские башни...

* * *

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.

И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...

ХАТЮШИН Валерий Васильевич родился 13 ноября 1948 года в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Первая книга стихотворений "Быть человеком на Земле" вышла в 1982 году. С 1986 года — член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах "Москва", "Наш современник", "Молодая гвардия", "Слово", "Кубань", "Дон", "Аврора", в альманахе "Академия поэзии". Автор многих книг. Главный редактор журнала "Молодая гвардия".

Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе — тишина.

Но как прежде, как прежде, грустят обо мне
уходящие вдаль поезда
и белёсое облако в тёмном окне,
и манящая эта звезда...

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Стоит хранимый Богом Дом
времен на переломе...
Чем меньше света за окном,
тем больше света в Доме.

Где холодней ночная мгла,
там ласка звёзд теплее...
Чем в подлом мире больше зла,
тем мы добром сильнее.

А где раздор, там и разор —
бездомная дорога...
Но чем бесовский громче ор,
тем в сердце больше Бога.

И мы очнёмся от своей
душевной летаргии.
Чем тьма всемирная плотней,
тем ярче свет России.

ЗОМБИ

Идут, уставившись в мобильники,
вокруг не видя ничего,
в ушах — наушники-дебильники,
рабы безумства своего.
А этот мир? Да словно нет его!
Они, довольные собой,
уже ушли из мира этого
в мир невозвратный, в мир иной...
Он зазеркально, соблазнительно,
зазывно манит каждый взгляд...

Упорно, ярко, упоительно
в себя затягивает ад.

* * *

О любви мне сладкий голос пел...
М. Ю. Лермонтов

Ещё одно угаснувшее лето,
Ещё одно иссякшее тепло...
В сырых лучах осеннего рассвета
моим глазам прозренья низошло.

Сквозь облаков завесу жестяную
я разглядел свой невозвратный путь.

В дороге этой в область неземную
я не смогу присесть и отдохнуть.

Я понесу с собою груз несметный
желаний, дел, сомнений и грехов,
ожог сердечный, многим незаметный,
навет врагов и грустный свет стихов.

И память этой осени дождливой,
и жестяную серость облаков,
и седину берёзки сиротливой,
и ледяную сладость родников.

И долгим будет этот путь кремнистый.
Несметный груз никто не облегчит.
И всё ж однажды невозможный, чистый,
тот сладкий голос тихо зазвучит...

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

ЛЕДОХОД

БАБУШКА НАСТЯ

Соседские окна крест-накрест
Забиты какой уже год...
Одна только старая Настя
В родимой деревне живёт.
За чёрною дранью забора
Сибирский проносится тракт.
Там где-то есть каменный город
Надежды её и утрат.
Старушка встаёт до восхода.
Подойт корову, вздохнёт.
И с первой оказией в город
Таёжных гостинцев пошлёт.
Случается, в летнюю пору
Наедет к бабуле родня.
Припомнятся добрые годы,
И нет ей счастливее дня.
Родня пошумит и отчалит.
Автобус умчит суету,
А бабушка будет печально,
Как свечка, мерцать на тракту́.

НИКИФОРОВ Александр Георгиевич родился в 1944 году в г. Черногорске Красноярского края. Работал автомехаником, шофёром, дизелистом, водителем вездехода. Публиковался в журналах "Полярная звезда", "Сибирь", "Сельская новь", "Служу Отечеству". Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в с. Верхоленске Качугского района Иркутской области.

ЛЕДОХОД

Александр Торохову

Вновь скинула река
 постылые одежды.
На жёлтых берегах
 тоскуют глыбы льда.
И журавлиный клич,
 как вечный зов надежды,
Поманит в синеву,
 и плачешь без стыда...

Что стóбит наша жизнь,
 когда б не эти вехи?
Гляжу на сбег реки,
 и легче груз потерь.
О вечном и живом
 свистит весенний ветер,
И радуются дню
 и человек, и зверь.

* * *

Разольём по рюмкам, перекрестимся:
— Господи, помилуй и прости!
Все в Ковчег, конечно, не уместимся.
Но кому-то надобно грести...
Истинно, что не единым хлебом
Насыщались люди испокон.
СЛОВО нам дано под этим небом,
Чтобы жить светло и высоко.
Посудачим, друг мой, и за дело,
Прозой жизни выверяя слог.
В миг, когда волна вокруг кипела,
Ной молился —
 СЛОВО всех спасло.

ПРЕДЗИМЬЕ

Цветы и травы смётаны в стога.
Все лодки кверху дном на берегу.
Угрюмая сибирская тайга
С утра встречает первую шугу.

Октябрь — тут и стужа на порог.
Дохла снегом новая зима.
В деревне год итожат на Покров,
Поведают о многом закрома.

Мы живы, слава Богу! Я шепчу:
— За добрый урожай, за страданный час.
За то, что дело было по плечу,
За то, что дух наш русский не угас.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Оле Гусевской

Тепло развеялось, как грёзы.
Пришел октябрь. Холодный свист
На голом венике берёзы
Колышет одинокий лист.
Кусочек лета над землёю,
Свидетель жарких дней и гроз.
В последний миг перед зимою
Я задаю больной вопрос:
“Давно ли с шумною гурьбою
Ты цвёл и рос одной мечтой?
А нынче никого с тобою,
Мой беспризорник
Золотой!”

НАТАЛИ ДОНЧ

ОЖИДАНИЕ

* * *

Когда-то кто-нибудь и про твою
Жизнь скажет, что она была глупа,
А кто-то, побывавший на краю,
Судить не станет: будничность слепа.
А солнце в небесах горит цветком
И сеет пыль лучей на груды скал,
Навстречу солнцу тянутся легко
Трав изумруды и цветов коралл.
Старик взирает, как вокруг него
Всё дышит светом, юный день поёт,
Но поглощая медленно его
Живую силу, вечер уже ждёт.
Серебряные капельки росы
Вновь падают на землю со стеблей,
И нет давно той взлётной полосы,
Бегущей от ромашковых полей...

* * *

Меня не обижает дождь,
Что хлещет в окна самолёта.
На память обо мне возьмишь
Воспоминания полёта.

ДОНЧ Натали родилась в Москве. Окончила Академию управления. Автор двух сборников стихов: "Голос любви" (2014) и "Человек — путь" (2016). Победитель IV Всероссийского литературного конкурса "Проба пера" в 2015 году и Всероссийского творческого конкурса "Зимний вечер" в 2017 году. Живёт в Москве.

Откроется мне мир иной,
Сражусь я с горными хребтами,
Вновь небо вызовет на бой,
Не восхищусь ветров следами.
Небесным краскам и земным
Я удивиться не успею,
Секунды падают, седин
Прибавится — не пожалею.
И в позолоте облаков,
Закатных и неповторимых,
Прощу друзей, прощу врагов,
Ища звезду в глазах любимых.

* * *

Как отдаляет друг от друга нас
Наш внутренний неповторимый мир!
Мы прячем выраженья наших глаз,
Не замечая, как душой парим.
Из слов, молчанья, мыслей, что не вслух,
Ты королевство создаёшь опять,
Твои мечты — преграда, я к ним глух,
Ты вся в привычках, тайнах — не понять.
И все вокруг чужие для тебя,
Рождённой ветром и морской волной,
В твоих владеньях, трепетно любя,
Я — отголосок памяти одной.

ОЖИДАНИЕ

Прорезает небо молния
Огнедышашей иглой,
Дождевой водой наполнена
Темнота в дали ночной.

Превратил сердечко девочки
В ледяной комочек страх,
Прикоснулся холод к веточке,
Замер ужас на губах.

Ты не плачь, моя хорошая,
Слышу слёзоньки твои...
Каплей катится непрошеной
Средь людской речной струи.

Голос сказки чередуется
С голосом суровых дней,
А душа твоя волнуется
В ожиданье новостей.

БРАТЯ СОЛНЦУ И ВЕТРУ

Вот уже много лет в наших либеральных властных кругах, в рядах нашей “пятой колонны” и даже в патриотической среде раздаются гневные крики: “Россия сидит на нефтяной игле!”, “Россия сидит на газовой игле!”, “Россия сидит на сырьевой игле!”, “Это не может продолжаться долго! Нужны экономические реформы!”

Да, реформы нужны. Но не либеральные, а мобилизационные. И пока они не начнутся – спасение России в её сырьевых богатствах.

То, что у нас есть необъятная территория с необъятными запасами сырья – это не слабость, а сила России, её “золотой запас”, выручавший страну в труднейшие времена – начиная с эпохи Петра Великого, продолженной в эпоху Иосифа Сталина и востребованной во время президентства Владимира Путина.

Слава Богу, что история и судьба предоставили нам такие пространства с богатейшими недрами. Слава Богу, что наш народ отстоял эти земли от немцев и монголов, от поляков и шведов, от турок и японцев, от двенадцати языков Наполеона и от многоголовой Антанты во время Гражданской войны, от всеевропейского гитлеровского коричневого Интернационала в эпоху Великой Отечественной, сохранил эту землю для себя в борьбе с “цивилизованными народами” Запада и Востока. И каждый раз во время мирных передышек между войнами и нашествиями наш народ добывал железную руду и каменный уголь, бокситы и никель, нефть и золото, медь и алмазы. Не случайно же именно в России благодаря Высшей Воле родился человек всемирного масштаба Дмитрий Менделеев со своей гениальной таблицей земных элементов.

А передовым спецназом народа, открывавшего кладовые Российской империи и Советской страны, всегда были ученики Менделеева – геологи, геологоразведчики, рудознатцы, маркшейдеры, которые находили подземные сокровища от Донбасса до Чукотки, и одновременно, увлечённые своим призванием, своей романтической судьбой – создавали летопись своего соловья, сочиняли стихи и песни, романы и рассказы, писали не только камеральные отчёты, но и воспоминания о жизни и работе на “сырьевых” просторах страны. Недаром вся их жизнь протекала, как они говорили, в “полевых сезонах”, а попросту “в поле”.

Вот почему в нашей истории появились геологи-литераторы – Михаил Ломоносов, Вячеслав Шишков с романом “Угрюм-река”, Олег Куваев с “Территорией”, Валерий Осипов со сценарием “Неотправленное письмо”.

А ещё можно вспомнить публикацию Владимира Чивилихина “Серебряные рельсы”, в которой он опубликовал дневники трёх геологов – Стофато, Кошурникова и Журавлёва, погибших в 1943 году в отрогах Саян. А сколько дала геология русской литературе поэтов с геологической закваской: Глеб Горбовский, Эрнст Портнягин, Александр Городницкий, Леонид Агеев, Владимир Британишский, Владимир Павлинов и многие, многие другие.

Вот почему редакция журнала “Наш современник”, высоко ценя труды наших геологов всех времён, посвящает этот апрельский номер – а именно в апреле мы празднуем День геолога – людям с геологическими молотками,

с пикетажками и полевыми сумками, обутым порой в трикони, порой в кирзовые сапоги, с рюкзаками на плечах для сбора образцов флоры и фауны, в брезентовых куртках, ватниках и накомарниках.

Не о каждой профессии современного общества написаны песни, живущие в народе. А о геологах они есть. Вспомним хотя бы песню Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова: “Наш путь и далёк и долог, и нельзя повернуть назад, крепись, геолог, держись, геолог – ты солнцу и ветру брат”.

Когда-то в далёкой молодости, размышляя о судьбах своей Родины–СССР, один поэт “с геологической прививкой” написал в 1980 году такие стихи:

*Окину взглядом Север и Восток,
песчаную и ледяную сушу,
и не географический восторг,
а мысль прожжёт мятущуюся душу
о том, что предки шли не торопясь,
осваивая реки и наречья,
не для того, чтоб износилась связь
полустальная, получеловечья.
Пусть Ермаку воздаст мансиец честь,
узбеку впору Скобелева славить,
за то, что нефть, и лес, и хлопок есть
и есть пространство, где ракеты ставить.*

Станислав КУНЯЕВ

СПЛАВ ПОЭЗИИ И ГЕОЛОГИИ

Беседа Станислава КУНЯЕВА с первым министром природных ресурсов России Виктором ОРЛОВЫМ

Ст. Куняев: Виктор Петрович, задумали мы материал о геологах нашей страны сделать. О том, как им приходится работать в условиях рыночной экономики. Честно говоря, это давняя моя мечта, я даже в своих воспоминаниях посвятил целую главу жизни и работе геологов в советское время. Вам дарю книгу, где есть глава о том, как я семь сезонов провёл в Средней Азии коллектором в геологической партии, начальником там был Портнягин Эрнст Александрович, геолог и поэт.

В. Орлов: Фамилия-то знакомая...

С. К.: Да, он погиб в своей последней экспедиции на Тянь-Шань. Он работал во Львовском университете, писал стихи, а я как раз военные курсы проходил во Львове в 1963 году. Мы с ним сдружились на всю жизнь, и он стал меня таскать за собой по своим геологическим маршрутам. Потом он стал членом Союза писателей, издал книгу "Камень безымянный", к которой я написал предисловие. Где мы были? Мы работали в таджикской депрессии в золотоносных районах Кокпатас, Мурунтау. Потом в Джиргитале на границе с Киргизией. Я был у него коллектором, таскал в рюкзаках образцы породы, еду, в общем, был рабочей лошадкой несколько сезонов. Бывали мы часто в Душанбинском геологическом управлении, где нас всегда встречали радушно после полевых сезонов.

В. О.: Интересно, конечно. Значит, имеете представление о полевой геологии.

С. К.: Да, эти годы были серьёзной страницей в моей жизни, ведь геология и литература – это сёстры. Я Вам сейчас просто перечислю, какие геологи стали литераторами и в журнале "Наш современник" печатались. Мы напечатали знаменитую "Территорию" Олега Куваева. По этой повести был поставлен фильм. Один из моих друзей, а ему сейчас 85 лет, когда был молодой, не вылезал из геологических экспедиций. Сейчас это знаменитый поэт из Питера Глеб Горбовский. Знаменит в геологической среде и Александр Городницкий – автор легендарной песни "Перекаты". Не раз я бывал в Воркуте, в Инте, где познакомился с геологом и замечательным поэтом, которого Вы хорошо знаете. Это Ярослав Васильев, он жил и работал в геологическом посёлке Кожим-рудник. Там же был главным геологом интинской экспедиции золотоискатель Леонид Акимов, который за границей работал как геолог по золоту. На его вездеходе с водителем мы путешествовали по всем отдалённым геологическим точкам Северного Урала. Я хорошо знаю историю создания

“Североалмаза” – как он образовывался, как он складывался, как он отпочковывался от “Алросы”. Помню всех крупнейших геологов “Алросы”, всех руководителей “Североалмаза” – Веричева, Гриба, Фартыгина, Валуева. В Архангельск приезжал на охоту и на рыбалку, а где охота и рыбалка – там без геологов не обойдёшься. Всё это перерастало в дружеские отношения не только с геологами, но и с местными деревенскими жителями. Бывал я на Кольском в Апатитах, в Кировске. Фёдорова Сергея Геннадьевича знаю, который строил там шахты, горно-обоганительный комбинат и жилые посёлки. Вот потому я и пришёл поговорить с Вами – это не случайно. Ведь я немножко этого воздуха хлебнул с настоящими людьми, с геологами советского времени, с 70-го года. Потому мы задумали сейчас журнал ко Дню геолога сделать. Мечтаем, чтобы этот номер распространился по многим ещё существующим геологическим городкам, экспедициям, учебным заведениям. Некоторые из таких посёлков на севере Архангельской области сейчас исчезли, что прискорбно, но буровые работы продолжаются, ГОК работает, геологи стихи пишут.

Вот, я посмотрел Ваши книги и вспомнил Портнягина. Когда он приезжал сюда, он знакомил меня с такими легендарными людьми, как Пейве, Белоусов, водил меня в университет на геологический факультет к своему другу, известному геологу Книпперу.

В. О.: А Портнягин – это не тот геолог, который погиб от случайного выстрела, от одной дробинки или картечины – вошла в сердце?

С. К.: Да, именно тот. Неумелый человек держал ружьё в руках. Мы стояли у оврага, а там тропы заросшие. На одной стороне оврага наш лагерь стоял, а по другой иногда бегали кабаны. И вот шофёр вечером услышал, как шуршат кусты, и на шуршание выстрелил. А Эрик возвращался из маршрута... Да... Похоронили мы его на Хованском кладбище, до сих пор я туда приезжаю иногда. Ему хороший памятник там стоит. Известный скульптор Юрий Чернов, друг Портнягина, сделал этот памятник.

Уважаемый Виктор Петрович, вся Ваша жизнь связана с геологией. Скажите, пожалуйста, современный геолог в духовном плане как-то отличается от Ваших товарищей, формировавшихся при Советской власти? Изменения в государстве, слом советской экономики – как это повлияло на характер геолога? Сохранилась ли черта этой отрасли – быть государственниками, понимать, что копь весь народ защищал в годы войны эти воды и недра, то так или иначе все земные сокровища должны работать на благо народа? Осталась ли у геологов забота – прилагать все силы ради открытия новых месторождений, или всем теперь правят только деньги, только личные интересы? Сохранились ли черты плановой экономики в геологоразведке?

В. О.: Ситуация, в общем, понятна. Современный геолог стал более прагматичным по сравнению с тем, каким был в советское время. Стало значительно меньше романтизма и меньше государственной ответственности. “За туманом и за запахом тайги” в поле уже не едут, а если и едут, то единицы и не более, чем на один полевой сезон. “Болеет” полем в основном старшее поколение. Изменились условия жизни, труда, быта, материального и морального вознаграждения, резко снизилась популярность, престижность, героика профессии. Раньше геолог рвался в поле, полевой опыт значил очень много в профессиональной оценке специалиста товарищами, коллективом. Эта оценка была важнее государственной и являлась частью внутренней системы коллективной самоподдержки, которая годами вырабатывалась и передавалась от поколения к поколению. Раньше задания геологам выдавало государство, оно же и принимало результаты. Геолог знал, что любое его открытие идёт на пользу государству, считайте, всем людям. За это открытие кому – орден, кому – медаль, кому – благодарность, кому – грамоту, кому – денежную премию. А это уже всенародное признание. Успех своего товарища, как правило, праздновала вся геологическая партия, вся экспедиция. Но главное было не в медали и не в премии, а в осознании своей полезности государству! А сейчас всё по-другому. Геология стала сервисной отраслью и в значительной мере растворилась в добычных отраслях, обслуживает горный бизнес. Кто даёт нам заказы? 90% геологических работ в стране выполняется по заказам бизнеса, которые геолог должен ещё найти и выиграть на конкурсе, а 10% заказывает государство, и это тоже, считайте, через конкурс. Результаты, в том числе и открытия, геолог сдаёт заказчику, то есть бизнесу в лице государственной или частной компании – не так важно.

Важно, что твоё открытие на самом деле не твоё и не государства. Ты выполнил работу, с тобой рассчитались и забыли. Ты идёшь искать следующий заказ и рад, если тебе повезёт, и ты не останешься без работы, а всё достоинство от твоего открытия принадлежит добывающей компании. В положении геолога сегодня нет уверенности, стабильности, надёжности, начиная с трудоустройства, уровня зарплаты, профессионального и карьерного роста и кончая возможностью получения жилья. Раньше поощрялось желание повысить профессиональные знания, получить кандидатскую или докторскую степень, расти дальше. Для этого были все условия. Закрытой была только секретная информация, да и то не для всех. Сегодня геологи, заключая контракт, связаны обязательством не разглашать любую информацию о своей работе. Бизнес закрыл доступ ко всем геологическим материалам, а без них невозможны ни дипломные, ни научные работы, ни передача опыта, ни обоснование новых идей, ни развитие науки. Специалисты оказались изолированными друг от друга. К тому же численно измельчали предприятия. В связи с разукрупнением коллективов в ходе приватизации потеряны традиции, многие научные и производственные школы. Произошёл большой разрыв поколений, из геологической жизни выпала сорокалетняя возрастная группа – молодежь 90-х годов.

С. К.: Что же, 10–15 лет не было живого спроса на Вашу замечательную профессию?

В. О.: Да, времена были тяжёлые. Деньги стали делаться не в поле, а в офисе, где перелопачивали и упаковывали в новые обложки материалы предшественников. Геолог перестал чувствовать заботу государства. Создаётся впечатление, что он ему уже не нужен. Возьмём пример с первооткрывательством. Раньше геолог, открывший месторождение, мог получить государственное денежное вознаграждение. Не такое уж и большое, но на вечер в ресторане с друзьями хватало. А иногда и не хватало, тогда добавляли друга. Сегодня же можно получить первооткрывательскую премию, только если работы выполнялись на бюджетные средства. А это, как я уже сказал, всего 10 процентов от всех работ, и нацелены они не на открытие, а на подготовку поисковых участков для бизнеса. В итоге государство за последние 25 лет ничего не открывает. Обязанности государства и бизнеса перераспределились. Государство, в основном, ответственно за общегеологическое изучение территории, а за открытия и за восполнение запасов ответственен бизнес. К тому же у геолога, работающего в государственном секторе, мне даже стыдно говорить, работа за полевой сезон оплачивается ниже, чем у секретарши среднего руководителя. А он ведь пашет в поле и за себя, и за грузчика, и за маршрутного рабочего, за охранника, за всех, на ком экономит заказчик. Поэтому и не удивительно, что около 50% выпускников геологических кафедр вузов не идут в геологию. Система первооткрывательства у бизнеса закрыта. Об открытии знает только геолог и хозяин.

С. К.: А каково положение с молодым поколением геологов? Достаточно ли выпускают специалистов? Будет ли геологическая отрасль обеспечена необходимым количеством грамотных профессионалов? Не снизился ли уровень знаний студентов? Геологические вузы обеспечены ли необходимым количеством преподавателей? Нет ли попыток ликвидации учебных заведений? И ещё вопрос о трудоустройстве. Фактически Вы уже ответили, но надо думать не только о профессиональном росте, но и о будущей или уже настоящей семейной жизни. Скажите, осталась ли практика “подъёмных” денег, неукоснительно соблюдавшаяся в Советском Союзе?

В. О.: Никаких “подъёмных”! 32 вуза сегодня готовят специалистов для геологии. Единственный специализированный – Московский геологоразведочный университет. Ценятся выпускники МГУ, Санкт-Петербургского горного университета, Томских вузов и ряда других. Преподаватели ещё есть, но стареют. Есть и попытки сокращения числа вузов и среднетехнических учебных заведений нашего профиля.

С. К.: Вас распределяли после окончания? Меня – распределяли. Предлагали целых три варианта – центральная Россия, Сибирь, Средняя Азия. Я выбрал Сибирь.

В. О.: Конечно, распределяли. Это давало гарантию трудоустройства, приличной зарплаты и жилья. Но ты обязан был отработать 3 года. И это не только справедливая плата за обучение, но и решение кадровой проблемы.

Сегодня уже мало у кого голова болит об этом. Молодой специалист сам должен всё себе обеспечивать. Сейчас разговор идёт о том, чтобы вернуться на государственный уровень системы распределения выпускников, обучающихся на бюджетных местах.

С. К.: Ну, конечно, это правильно, раз государство вложило средства в их образование.

В. О.: Коммерческие предприятия, бизнес тоже вкладывают деньги в обучение, обучают часть специалистов за свой счёт. Естественно, у них есть трудовой договор, в соответствии с которым выпускник, получивший диплом, должен отработать определённый срок в этой компании. А иначе должен вернуть деньги за своё обучение. В целом сегодня выпускников вроде бы достаточно. Но вопрос в качестве образования. Корпус преподавателей также поредел и потерял несколько возрастов молодых преподавателей. У преподавателей сейчас нет доступа к свежим геологическим материалам. Учим на старых данных. Раньше у студентов никогда не было проблем с производственной практикой. А геолог не может состояться без полевой практики. Я в своё время прошел четыре производственные практики, начиная с первого курса. В Томском государственном университете, где я учился, отличникам давали право досрочной сдачи экзаменов, чтобы в мае-июне они могли выехать в поле, и не наказывали, если мы возвращались на занятия не к первому сентября, а в конце октября, когда заканчивался полевой сезон.

С. К.: В те времена был значительно больший объём полевых работ.

В. О.: Это так. Но важно было познать весь цикл полевых работ от заезда до выезда. Четыре полноценных полевых сезона позволяли последовательно пройти путь от рабочего до младшего техника, потом техника, а на последнем курсе уже и до должности инженера. После таких практик достаточно было год-два работы, и ты уже готовый специалист, старший, а то и главный геолог. К тому же и зарплата за время практик позволяла безбедно жить в студенчестве. Сегодня же проблема трудоустроить студента на практику! И даже если его возьмут – проблема в материалах, которые в каждой компании конфиденциальные. Ничего нельзя называть своим именем – ни месторождение, ни запасы, ни экономические показатели. Я и мои коллеги являемся в вузах председателями аттестационных комиссий и видим, на каком скудном материале защищаются дипломники. Им требуется, как минимум, пять, а то и десять лет, чтобы после получения диплома стать инженерами. Причём при опытном руководителе. А это возможно только в тех коллективах, где сформировались опытные кадры. Такие коллективы есть, особенно в крупных добывающих компаниях. В них и наука поддерживается. Естественно, она не охватывает все геологические проблемы, а решает только те вопросы, которые необходимы компании. А вот обобщающие работы, которые традиционно выполняла отраслевая наука, фактически заброшены. Денег на это государство не выделяет.

С. К.: Да, это очень важно. Эрнст Портнягин, мы с ним в одной палатке жили, мог после маршрута целые лекции по геологии прочитать. Фауна, флора, в какой эпохе образовались и всё прочее. Вплоть до того, что такое геологические разломы, как и куда движутся материи.

В. О.: Раньше у нас работало в отрасли около 3 тысяч кандидатов наук и около 700 докторов наук, а сегодня если найдётся 400-500 человек, имеющих учёную степень, то и это уже хорошо. Сегодня особо не поощряется обучение в аспирантуре, нет той тяги к познанию и среди молодёжи. От научных институтов фактически сохранились только названия, а научных тем давно уже нет. Люди в них работают от заказа до заказа, от гранта до гранта. Сложно стало, особенно старшему поколению, которое выросло в одной стабильной информационной системе и тяжело адаптируется в среде, где отсутствует подпитка новыми материалами как по России, так и по другим странам мира.

С. К.: Вот об этом я тоже хотел расспросить. Многие мои друзья-геологи были востребованы в своё время в разных зарубежных странах. Престиж советской геологии был очень высок. А что сейчас? Есть ли спрос на наших геологов за рубежом?

В. О.: Сейчас и это поставлено на частную основу, а наши специалисты и геологические организации сами ищут работу за рубежом. Раньше была государственная система технического содействия Советского Союза раз-

вивающим странам, в том числе и в сфере геологии. Поэтому много работ делалось за наши же деньги и нашими же специалистами, одновременно на широкий поток в вузах была поставлена подготовка зарубежных специалистов. И сейчас в Московском геологоразведочном университете учатся студенты из 30 стран. Мы работали более чем в 60 странах мира и много чего открыли. Все работы организовывались объединением “Зарубежгеология”. Это была единственная организация, которая формировала геологические экспедиции, подбирала специалистов и направляла их по контрактам в разные страны. Сегодня всё по-другому. В России отсутствует какая-либо системная работа даже не по организации, а хотя бы по координации и учету геологоразведочных работ, выполняемых нашими геологами за рубежом. А такие работы проводятся, но в частном порядке. По моим данным, как минимум, в 30 странах.

С. К.: Затронем попутно ещё одну тему по экспорту. Когда я несколько лет назад был на Кольском, в Апатитах, мне представилась такая картина: нам своих удобрений не хватает, а значительный процент их мы продаём за рубеж. Разумно ли это?

В. О.: 80% и более идёт за рубеж, а наши земли истощаются и не восполняются внесением органических и минеральных удобрений.

С. К.: Государство здесь может вмешаться, чтобы исправить такое ненормальное положение?

В. О.: Приказать государству не может. Оно может только создавать условия для разворота экспортного потока на внутренний рынок. Ежегодно выделяются дотации сельскому хозяйству на закупку минеральных удобрений, но этого не хватает. Сами сельхозпроизводители должны пополнять свой фонд удобрений, но у них денег нет.

С. К.: Правда, и в советское время были свои недостатки. Я вот как журналист ездил по полям и видел груды бесхозных мешков с удобрениями, которые под дождём растворялись... Что было дёшево и бесплатно, то не берегли. Но есть, Виктор Петрович, ещё один вопрос. Доходы бюджета России во многом обеспечиваются за счёт добычи газа и нефти. А каково положение дел с другими полезными ископаемыми, хватает ли их? Слезаем ли мы потихонечку с нефтяной и газовой “иглы”?

В. О.: Доходы федерального бюджета недавно ещё формировались на 50% за счёт добычи полезных ископаемых, сейчас – на 40% с небольшим. Нужно понимать, что высокая доходность и ведущая роль этого сектора экономики будет сохраняться ещё несколько десятилетий. К сожалению, мы не видим серьёзных подвижек в опережающем развитии других, более высокотехнологичных отраслей. Все эти лозунги о модернизации и импортозамещении остаются на бумаге. А фактически мало что делается. Нам необходим второй виток индустриализации страны. За счёт нефти и металлов Россия выжила и не распалась в 90-е годы. Мы, геологи, пока не видим альтернативы сырьевым отраслям. Поэтому и озабочены состоянием сырьевой базы. Запасов в наших недрах пока недостаточно, но ход подготовки новых запасов нас не устраивает. Их качество ухудшается. И это закономерно. Открываются в основном мелкие месторождения, с меньшим содержанием полезного компонента в руде, к тому же и залегающие значительно глубже, а значит, и более дорогие в разработке.

С. К.: Работы идут на пределе технических возможностей?

В. О.: Стоимостная отдача инвестиций снижается. Технический прогресс не успеет компенсировать ухудшение природных условий залегания полезных ископаемых. В 70-е годы прошлого века мы открывали по 50 месторождений нефти и газа в год. Примерно столько же открываем и сегодня. Но раньше открытое месторождение содержало около 50 миллионов тонн продукта, а сегодня – 1,5-2 миллиона тонн. Вот вам и новое качество сырьевой базы! Промышленность пока обеспечивается за счёт эксплуатации крупных месторождений, открытых ранее, а восполнение запасов идёт за счёт средних и мелких. Только этих средних и мелких надо открывать на порядок больше, а значит, наращивать объёмы геологоразведки как бизнесу, так и государству. Конечно, у нас огромная территория – 1/7 часть земной суши и четвёртая часть мирового шельфа, есть абсолютно все виды полезных ископаемых. Много площадей недоизучено. А главное – есть пока люди. Этот совокупный потенциал надо разумно использовать. Поэтому мы прогнозируем лет на 50 вперёд полное обеспечение промышленности сырьём, но при определённых

условиях. В геологическом измерении 50 лет – это мгновение. Надо смотреть дальше, такова уж наша профессия.

С. К.: В общественном совете нашего журнала активно работает Вячеслав Анатольевич Штыров, член Совета Федерации России, руководитель компании “Алроса” в недавнем прошлом.

В. О.: Мы с ним хорошо знакомы, в том числе и как с успешным руководителем крупнейшего сырьевого региона России – Республики Саха-Якутия.

С. К.: В лихие и грабительские 90-е годы он не допустил приватизации “Алросы”. Один из авторов нашего журнала Вячеслав Щепоткин пишет работу, посвящённую судьбе алмазной промышленности. Но в последнее время я слышал из уст авторитетных руководителей, что “Алроса” будет всё-таки приватизирована. Что, от этого повысится эффективность работы компании?

В. О.: Я знаю Вячеслава Щепоткина по работе в Совете Федерации. Он мне дарил Ваш журнал со своими публикациями. Думаю, что он поднимет эту тему. А что касается “Алросы”, то информация была о продаже части акций компании. Контроль должен остаться за государством. Скорее всего, так и будет. Частник не более эффективен, чем государство. Важен уровень профессионализма менеджмента. Результаты мало зависят от формы собственности, в большей степени они обусловлены применяемыми технологиями и системой организации производства. По большому счёту, для нас с Вами частные и государственные компании ничем друг от друга не отличаются. Закон един для всех, в том числе по налогам, трудовым и социальным отношениям. А спортивные клубы содержат и те, и другие компании. Сочи, например, всем миром к Олимпийским играм строили – и государственные, и частные компании. Главное – не лишиться национального контроля над отраслями промышленности и важнейшими компаниями, к числу которых относится алмазная отрасль и её флагман – компания “Алроса”.

С. К.: Напоследок хотелось Вас спросить: с какого времени начинается наша геология?

В. О.: С каменного века и далее. Нужно было искать подходящие камни, из которых изготавливали наконечники стрел, ножи, скребки, топоры. Потом металлы – бронзовый век, железный век. Поиски золота имеют самую древнюю историю. Первый орган государственного управления геологией в России был создан указом Петра I в 1700 году. Он сначала назвал его Приказом рудосыских дел, а потом переименовал в Приказ рудокопных дел при дворе финансов, то есть при министерстве финансов.

С. К.: Главные предприятия геологии возникли на Урале?

В. О.: Нет, но на Урале был большой разворот работ в связи с производством оружия – пушек, ядер и прочего, а основные геологические силы концентрировались в Петербурге. А 135 лет назад, в 1882 году император Александр III своим указом создал геологический комитет России, который сохранился и после 1917 года, неоднократно преобразовывался, дорос до Министерства геологии, снова стал геологическим комитетом в 1992 году, а теперь вот растворился в федеральном агентстве по недропользованию. Так что официально в названиях органов государственного управления современной России слово “геология” отсутствует. Считайте, мы вернулись в Петровское время, поскольку рудокопное дело более чем 300-летней давности – это и есть современное недропользование. Грустно, если не сказать больше.

С. К.: Сейчас, слава Богу, возродилась государственная практика, когда президент награждает молодых учёных. Уже несколько раз проходили эти церемонии. Есть ли среди них геологи?

В. О.: Пока нет... К сожалению, за открытия сегодня почти не награждают. В почёте артисты, деятели культуры, военные...

С. К.: А Вы помните, кто открыл кимберлитовые трубки? Помню, мой друг Валерий Осипов писал сценарий об этом. Фильм назывался “Неотправленное письмо”. Там ещё Самойлова играла. А какая реально женщина была первооткрывательницей? Кажется, её звали Лариса Попугаева?

В. О.: Да, конечно. Но много людей к этому примазалось потом. Пришлось достаточно долго бороться, чтобы её признали первооткрывателем. Памятник ей поставили. Отдали должное человеку, который нашёл первые алмазы.

С. К.: А понятие геологической экспедиции существует сейчас?

В. О.: Нет. Сейчас есть предприятия.

С. К.: А экспедиция – это была такая отработанная производственная структура в геологии?

В. О.: Да. Иерархия организации производства была следующей: отряд, партия, экспедиция, объединение. Потом на базе партий и экспедиций были сформированы предприятия в форме акционерных обществ или государственных предприятий.

С. К.: В Архангельске много моих друзей занимались этими проблемами. Многие стали крупными чиновниками. Многие ушли на пенсию. Замечательные были 70–80-е годы! И о многом из того, что Вы сейчас сказали, мне говорили тогда. О примазавшихся. Вы сами испытали это?

В. О.: Пришлось. В конце 80-х был вычеркнут из числа претендентов на звание лауреата Государственной премии СССР в области науки и техники, поскольку являлся генеральным директором крупного геологического объединения. Было сказано: “О, ещё и генеральные директора примазываются!” А тему эту я начал, будучи ещё старшим геологом и кандидатом наук, готовя по ней докторскую диссертацию. Но по масштабам она переросла докторскую. Мы решили представить работу на госпремию, естественно, под моим руководством. Для себя решил не торопиться с защитой диссертации, так как успех по госпремии гарантировал и успешную защиту докторской. Список претендентов, включая и рабочих, а такие тогда были условия, формировал сам. В итоге премия была присуждена всем, кроме автора и руководителя работы. А защищать докторскую не стал из принципа. Сменил тему, погрузился в сферу управления и через три года стал доктором, но не геологических, а экономических наук.

С. К.: Уважаемый Виктор Петрович! В заключение нашей беседы я хочу вспомнить о том, как несколько лет тому назад я встретился на Кольском полуострове с геологами, горняками и строителями горно-обогатительного комбината “Олений ручей”. После работы мы сидели у костра на берегу Варзуги, в руках у почётного горняка Российской Федерации Сергея Фёдорова была гитара, под которую он сначала исполнил гимн фосфорной компании, написанный на его слова, потом исполнил знаменитую песню на слова Ярослава Смелякова “Если я заблею – к врачам обращаться не стану”. Потом я вспомнил, что великий поэт моего поколения Николай Рубцов учился здесь, на Кольском, в городе Кировске, в горном техникуме, и прочитал несколько лучших стихотворений своего покойного друга под аплодисменты.

В ответ я услышал, что в Апатитах постоянно проходят Рубцовские чтения, что в Кировске существует небольшой музей бывшего Кировчанина Венички Ерофеева, что в эти края приезжали и Даниил Гранин, и Юрий Рытхэу, а также популярные барды Юрий Визбор со Львом Куклиным...

Словом, Виктор Петрович, связь геологии и поэзии продолжается. А потому позвольте Вам подарить мои книги и наш журнал. Здесь не только моя литературная жизнь, здесь и стихи, “написанные в поле”, о лучшей части моей жизни, когда геология и поэзия сливались в единое целое!

В. О.: Спасибо большое, Станислав Юрьевич! Кировский горный техникум закончил близкий мне человек – Логинов Владимир Александрович, известный геолог Камчатки, первооткрыватель ряда месторождений, а потом губернатор Корякского автономного округа, с которым мы вместе работали пять лет. К сожалению, он рано ушёл из жизни. Но тоже был поэтом, только не литературным, а геологическим романтиком, костровым (у вечернего костра) душевным исполнителем наших песен, в том числе и песни Смелякова, с той лишь разницей, что Логинов просил, если он заболел, подстелить ему не степь, а бескрайнюю тундру, в которой он маршрутил десятки лет в поисках богатств для государства. В поэзии, по Маяковскому, надо перелопатить “тыщи тонн словесной руды единого слова ради”. В геологии ради одного открытия надо апробировать сотни идей, пройти тысячи километров маршрутами, зажечь несчитанное число костров, на своих плечах принести людям своё открытие в виде образцов руд. Поверьте, это делается не ради зарплаты. Это одержимость, романтика, творчество, поэтическая суть нашей геологической профессии. Успехов Вам и вашему журналу. И ещё спасибо за то, что Вам близка эта тема, и Вы болеете за нашу отрасль.

СТИХИ, РОЖДЁННЫЕ ПРОСТОРОМ

Я подымаю взгляд от письменного стола к книжным полкам на дорогу для меня фотографию: два молодых человека, положив руки на плечи друг другу, едут на лошадях по долине реки Каниэ. На горизонте за их плечами в голубой дымке тают горы – отроги Гиссарского хребта. Лошади идут рядом, так что их вытянутые шеи соприкасаются и нежно трутся одна о другую. Долина цветёт. Жёлтые лисьи хвосты, мощные медвежьи дудки, зелёные ворохи ядовитой, но прекрасной юган-травы тянутся к холодному сверкающему небу справа и слева от тропы, по которой медленным шагом едут два всадника. Один из них – Эрнст Портнягин. Другой – я. Я – на белой лошади. Эрнст – на чёрной...

Он, нелепо погибший в своём последнем маршруте во время своего, как он думал, последнего полевого сезона, был одним из ярчайших людей, с которыми мне посчастливилось пройти бок о бок какую-то часть жизни. Двадцать лет из сорока двух Эрнст Портнягин провёл, как говорят геологи, “в поле”.

А его поле было широким: от амурской тайги до горячих Каракумов, от полонин Закарпатья до ледников Памира. Он своими ногами исходил тысячи километров, вложил свой личный вклад в составление многих геологических карт, сам совершил немало научных открытий, сам открыл десятки нужных родине месторождений.

Закружило меня ремесло,
слава путника и следопыта,
слишком быстро по свету несло,
слишком лихо звенели копыта.

Будучи уже известным геологом, он разделил сердце между двумя стихиями – работой и поэзией. Вернее, не разделил, а соединил их в сердце. Но с каждым годом поэзия занимала в этом сердце всё большее и большее место. Не только две талантливые книги, изданные им, были подтверждением этому. Уважение, которое образовалось в нашем кругу вокруг его личности и его творчества, также чего-то стоило. Освоив родину судьбой и работой, пройдя по её просторам, в своей поэзии он как бы начал заново осмыслять истоки родства, истоки патриотического чувства...

Недаром незадолго до гибели Эрнст Портнягин несколько раз успел побывать на своей малой родине – в Зауралье, успел осмыслить в стихах связь истории и времени с дорогим его сердцу кусочком земли.

Вот оно, обновление духа,
вот оно, перед чем я в долгу.
Я вошёл в эти двери без стука,
я — родной в пятистенном дому.

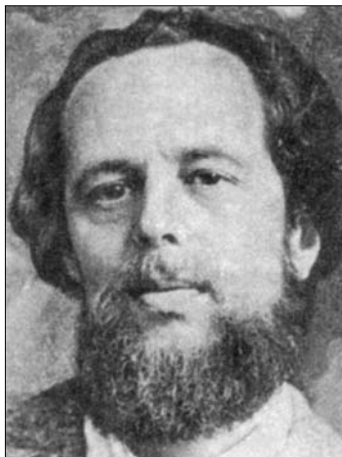
Он был одновременно учёным, поэтом, рабочим, интеллигентом – да всего не перечислишь: родина и любовь, дружба и дело, “бремя страстей человеческих” и бремя гражданского долга – вот чем жила его поэзия.

Многие из его стихотворений я узнал лишь после гибели Эрнста. Его друзья прислали мне черновики, наброски, блокноты, оставшиеся после него в командирской палатке. Эта третья его книга, которую он сам успел назвать словом “Родное”, надеюсь, скажет нам, какого человека – талантливого, честного, бескорыстного служившего дружбе и поэзии, – мы потеряли.

В моей же памяти его образ останется неизменным: на чёрной лошади, с чуть небрежной молодцеватой посадкой – одно плечо немного вперёд, – бородатый, кареглазый, с широкой улыбкой, в линялой штормовке, а вокруг – снеговые хребты да несколько орлов над ними, да сурки свистят на склонах, да шумит в мраморном русле ледяная вода Ягноба... Вечность...

Станислав Куняев

ЭРНСТ ПОРТНЯГИН

К ОПАСНОЙ РАБОТЕ ПРИУЧЕН ДАВНО

* * *

Мне — двадцать три. Мне — двадцать три.
Откуда взяться мудрости.
— Давай, начальник, говори! —
ждут работяги хмурые.
Чужой души потёмки, тьма
печатями закреплена,
прикрыта документами:
лишение прав, побег, тюрьма,
Алдан, Печора, Колыма —
огонь и трубы медные.

— А ты зови меня Стальным,
прозвали так за то, что я
был понадёжней остальных,
был молодым и был шальным,
но это дело прошлое.
Я понимаю, помогу,
твоя наука строгая,
сухой закон, тайга, Амур —
ну, в общем, геология!

Мне — двадцать три. Их — двадцать три.
Погрузка, утро раннее,
плывёт баржа на край земли.

Учителя, поводыри,
о, если б видеть вы могли,
как этим летом “год за три”
мне шло образование.

Дробилась сталь, редела мгла
отчаянного ремесла,
всё реже мучила и жгла
привычка окаянная.
В тепле осеннего костра
осколки льда, остатки зла...
И листопадом замела
свобода долгожданная.

* * *

К опасной работе приучен давно,
я знаю: привычка надёжней отваги.
За друга тревожусь. В долине темно,
луна задыхается в облачной вате.

А я задыхаюсь в табачном дыму:
“Неужто в потёмках он сбился с дороги?”
Курю и гляжу в непроглядную тьму
и скоро отряд подниму по тревоге.

За друга боюсь, потому что люблю
и помню себя новичком оглашенным,
сто раз рисковал, искушая судьбу,
пока не увидел цены искушеньям.

Покуда своим ледящим крылом
лавинное горе меня не задело.
Мой спутник остался под белым холмом.
Беспечность осталась под саваном белым.

Покуда весёлую лошадь мою
не снёс водопад, а мальчишку отбросил...
Но я не просил, а сегодня молю,
берёг до сегодня единую просьбу.

Других не найти. Он — единственный друг.
Храните поэта, Небесные Горы!
Он первый заметил, как сузился круг,
такой необъятный в недавние годы.

* * *

Ещё по плечу кутерьма
тропы, каравана и вьюка,
и лошади сходят с ума,
завидев старинного друга.
Ещё подниму на скаку,
достану любую потерю.
Ни другу, ни ученику
я трудный маршрут не доверю.
Как прежде, высоты люблю,
в низинах впадаю в отчаянье,

но только всё чаще ловлю
себя на внезапном молчанье.
На первой своей немоте,
на страшном бессилии слова:
всё, что отболело во мне,
назад возвращается снова.
То тихой осенней водой,
то гулом и паводком вешним,
но нет безграничности той,
но нет беспечальности прежней.
Горячий туман поредел,
и чувства лишились обмана.
Наверное, первый предел
дано мне почувствовать рано.
Любимцу порожистых рек,
питомцу тайги неоглядной
узнать, что сжимается век
и скорость растёт беспощадно.
Изведать ещё молодым,
что шум — это жизни дыханье,
и мы неизбежно летим
к холодной границе молчанья.

* * *

Степь дотянулась
до самой черты снеговой,
мне подарила
частицу забытых просторов.
В этом году
я не раз был одёрнут судьбой,
в этом сезоне
достаточно ран и проколов.
Только и сил,
чтобы тело забросить в седло
и, припадая к горячей
и пляшущей холке,
видеть, как чёрный клинок —
вороное крыло —
небо рассёк,
и посыпались солнца осколки.
То ли мне чудится
после знобящих ночей,
то ли мерещится
после трёхдневного жара:
вещая птица
нависла над долей моей,
конь вороной
охраняет меня от удара.
Зубчатой тенью
в дорогу впечатался мрак,
ворон летит
и грозит непроглядною мглою.
Я отпускаю поводья,
а друг — не дурак:
тоже ведь знает,
что рано прощаться с землёю.
Тоже ведь знает,

что рано прощаться со мной:
время приходит
судьбе и недугам перечить...
Ворон свернул
и пропал в ущельюге глухой,
синий чабрец и полынь
полетели навстречу.

* * *

Станиславу Куняеву

Как грохочет и плачет река,
как стенают скалистые кряжи.
Спи, мой милый, палатка легка,
а грехи безрассудные тяжки.

В тихом доме тебе не уснуть,
невозможно прервать напряженье,
и слова, прожигавшие грудь,
по ночам продолжают движенье.

Как забыт и как снова глубок
он у края глубокой теснины,
где судьбой управляет Ягноб,
безразличный к законам равнины.

Сон обрушенным снегом плывёт,
растворяясь в заоблачных водах.
Только изредка землю потрянёт
от обвала ледового свода.

Слишком жёны от нас далеко,
дорожат слишком мало мужьями.
Распустилась коса Ханако,
вдоль Гиссара взметнулась дождями.

Слишком воздух наполнен грозой,
слишком дороги сны молодые,
слишком рано архангел трубой
призывает нас в дали иные.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение блудного сына,
возвращение дальнего внука
в материнский и дедовский свет...
Нет больше гумна и овина,
всё тесней от машинного звука,
пешеходного воздуха нет.

Вся родная деревня грохочет.
Пыль столбом. Трактора и комбайны.
Свист уборочной. Сроки горят!
Но приезжий смириться не хочет:
в одиночку, украдкой, тайно
норовит оглянуться назад.

На просторные детские годы,
где природа и предки живые
связь времён открывали ему.
Там бездонны озёрные воды,
тропки еле видны луговые,
и волшебник в пчелином дыму.

Знает старец какое-то слово,
причитает, гудит тем же тоном,
что певучий клубящийся рой.
Дарит сладкого воска осколок,
раздвигает рукой золочёной
пелену голодухи сплошной.

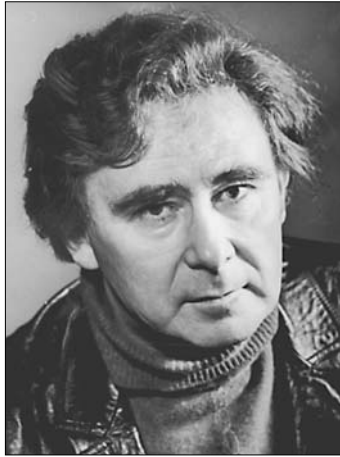
Всё припомнилось первой же ночью,
я по дому брожу и воочью
вижу горницу, сени и клеть,
рядом с русской печью — залавок;
неизменен великий порядок,
и не с нами ему умереть.

Но со мною уйдёт, угасая,
свет озёрный, осока сырая,
запах сена в потёмках сарая.
Перечёркнута пряслом луна —
на холодном светиле искусства
три черты беззащитного чувства:
мать... разлука... родна сторона...

ЗАВЕЩАНИЕ

Ведь сомкнётся всё-таки земля,
ляжет надо мною плотным слоем.
Если живы будете, друзья,
подыщите место под сосною.
Чтобы мой пригорок или холм
весь на солнцепёке золотился,
чтобы шёл просёлок на подъём,
за увалом где-то расходился.
Растекалась надвое струя
вечного родного раздорожья:
до развилка — верная стезя,
ну, а там, что будет, — воля Божья!
В этой вере нету тайных сил:
Родина молиться разучилась...
Ничего при жизни не просил —
после жизни подарите милость.
Чтобы я лежал у колени
и дожди проваливались в хвою,
сквозь песок легко текли, текли,
как при жизни, их ловил рукою...
Тишина покорная моя,
как тебя при жизни не хватало!
Я летел, а отчая земля
на подзолах и песках стояла.
Напоследок оставляла грусть
у золотоствольного подножья
и ждала, когда остановлюсь
на родном извечном раздорожье.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

КАКАЯ ВОКРУГ КРАСОТИЩА!

* * *

Ковыряюсь пальцами в горе,
собираю камушки в мешочек...
Дорогая ткань на сентябре
нашим парням головы морочит.
Парни все повыгорели сплошь,
белогривы парни, желтоносы.
А один особенно хорош —
задаёт наивные вопросы:
почему я песен не пою,
почему я писем не читаю?
Я стою у жизни на краю,
на скале, как будто улетаю.
И ни слова пареньку, ни звука.
Кто же в душу ломится без стука?

* * *

Человек застрелился. В плаще и в очках.
Он лежит у палатки на хвойной постели.
Переваривал пищу, стоял на ногах,
и никто не заметил, что он на пределе.

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич родился в 1931 году. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических книг "Поиски тепла", "Косые сучья", "Тишина", "Новое лето", "Возвращение в дом", "Черты лица", "Однажды на земле", и др., а также нескольких книг прозы. Лауреат Государственной премии и.м. А.М.Горького. Живёт в Санкт-Петербурге.

Иногда улыбался куда-то туда —
в голубую, зовущую сторону юга.
Может, в той стороне, где дымят города,
разлюбила его, погубила подруга.
Мы его положили в плаще в мерзлоту,
мы его пожалели, известно.
А потом навалили потолще плиту
и ушли торопливо на новое место.
И осталась река, да гора, да луна...
Человеку нужна тишина.

* * *

Это всё деревья на ветру
на ухо навывли, точно волки,
что я в одиночестве умру
где-нибудь у пристани на Волге.
Заливная рослая трава,
дебаркадер, стонущие сходни...
Две печали — Волга и Нева —
овладели памятью сегодня.
Потонуло детство на Неве,
а на Волге — юности не стало...
Это ветер мечется в листве,
это звон зелёного металла.
На заре отвалит пароход,
три гудка взовьются и растают.
Никаких лирических невзгод,
голова счастливая, пустая.
Словно крылья, реют берега.
За кормой, как прошлое, клубится
голубая русская река,
приглашая вечности напиток.

1964

УТРО В ТАЙГЕ

Наколю дровишек,
заварю чаёк.
По брезенту крыши
ходит червячок.
На полу палатки
громко спит народ.
Возле красной пятки
приоткрытый рот.
...Далеко на небе
гасятся миры.
Начали молебен
утру комары.
Чай тревожит душу,
чай — как Летний сад...
Десять ярких кружечек
выстроились в ряд.
И будить не надо:
чувствует ноздря,
что над этим садом
занялась заря.

1964

* * *

Если я отсюда не вернусь
(между нами, только между нами),
ты смени отчаянье на грусть...
А когда печаль заменишь снами,
я хочу являться молодым,
сильным, бородатым и поющим,
с незнакомым голосом густым,
на далёком севере живущим.
Словно я в реке и не тонул,
не летел, распластанный, в ущелье...
Просто я прилёг и отдохнул,
как бывало некогда с похмелья.
Вот я встал... В переплетенье льдин,
в северном сиянии... Один.

ПАВОДОК

А вода прибывает, и я — уже остров.
Уплывает кастрюля в дождливую даль.
Совершается всё и красиво, и просто.
Залезаю на дерево.
Всё-таки жаль
в середине спектакля тонуть в одиночку.
И река без названия. И слишком грязна.
Вот исчезла в потоке последняя кочка —
муравьиный мирок, Атлантида, страна...
Скоро ночь. Заполярная, жадная, хищник.
Без улыбок людей, без огней, наяву...
Красотища!
Какая вокруг красотища...
Каждой клеточкой праздную время.
Живу.

1964

* * *

И. К-ву

Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку,
В рот налью ледовитой небесной воды.
Я сегодня устал.
Я едва дотащился до ночи.
Капли пота, как птицы, в колючих кустах бороды.
Я пишу эту песню широким размером сказаний.
Это зрелый размер.
Это говор дремучих лесов.
Я на солнце смотрю раскалёнными злыми глазами,
а затем закрываю глаза на железный засов.
И лежу. Тишина.
Только кровь куролесит...
Зверь обходит меня. Облетает меня вороньё.
Я серьёзен. Я камень.
Я всё перетрогал и взвесил.
И всего тяжелее — раздетое сердце моё.

1962

АНАТОЛИЙ ДИМАРОВ

ВЕРШИНЫ

ПОВЕСТЬ

ХРОНИКИ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

*Анатолию Скригитиллю,
геологу, альпинисту*

1

И снова этот ветер. Этот, будь он проклят, ветер! Швыряет песок, сбивает траву. Люто треплет палатки, задувает в каждую щёлочку. Гудит по узкой глубокой долине... Долина! Четыре тысячи двести над уровнем моря! Влетит, как реактивный самолёт. Согнувшись, вылезает наружу и сразу попадаю под ветер. Ледяной, неистовый, беспощадный. Пружинистый, словно вода. С трудом переставляю ноги, отхожу подальше от лагеря.

В адски чёрном небе враждебно застыли звезды. Острые хребты, с двух сторон стиснувшие долину, грозно нависают над лагерем. Лунный пейзаж: порой кажется, что мы не в долине, а в гигантской аэродинамической трубе, нацеленной прямо в небо. Ещё один резкий порыв ветра, ещё один натиск — и все наши палатки будут сорваны, смяты и вышвырнуты в космос.

Вчера среди ночи наша палатка не выдержала и разорвалась пополам. Ветер бешено ворвался внутрь, выдрал из печки трубу, скрутил, швырнул её

ДИМАРОВ Анатолий Андреевич — участник Великой Отечественной войны. Воевал на Юго-Западном фронте с первых дней и до 1944 года, когда был демобилизован как инвалид войны. Был дважды ранен и контужен. Закончил Львовский государственный университет и Московский литературный институт. Много лет проработал в Таджикистане, участвуя в поисках самоцветного сырья. Автор романов "Поэма о камне", "Его семья", "Идол", "И будут люди", "Боль и гнев" и нескольких сборников повестей и рассказов.

в Анатолия. Одним духом выдул горячий уголь, залепил пеплом лицо. Ослеплённый, оглушённый, кашляя и отплевываясь, я барахтался в спальном мешке, пытаюсь найти замок от “змейки”, а полотнище оглушительно стреляло над самым ухом, и звёзды сыпались в злобеще разодранное отверстие. Всё, что было в палатке, вмиг ожило, взлетело в воздух, закружилось в бешеной карусели.

Пока я возился в спальном мешке, Анатолий выплясывал посреди палатки, ловя оборванные концы полотнища.

До утра мы провоевали с ветрищем. Разодранная пополам палатка то вздувалась, отрывая нас от земли, то вдруг опадала, наотмашь ударяя по лицу. Переполненный отчаяньем и злостью, я ругался, как последний биндюжник, Анатолий же молча держал свою половину палатки и, кажется, ухитрялся даже дремать.

Дождавшись рассвета, мы принялись спивать палатку. Ветер, поиздевавшись вволю, улетучился прочь, холодный рассвет стремительно вливался в долину. Вокруг валялись наши пожитки — намучились же мы, собирая их потом по лагерю!

— Разбросало по всему Памиру, — сказал Анатолий. И, как всегда, добавил свое любимое:

— Это что, бывает хуже...

Преодолеваю упругое сопротивление воздуха, бегу к палатке. На дворе ниже нуля, вода в бачке покрылась льдом: утром к ней придётся добираться с геологическим молотком. Хотя днём солнце печёт так, что у нас дым от плеч идёт.

Понемногу начинаю привыкать к памирским контрастам. Меня уже не удивляет метель среди лета, когда жара — не продохнёшь, а старательно подметённое небо такое чистое и пустое, что не за что зацепиться глазом. Но вот вдруг (тут все начинается вдруг) из-за ближайшего хребта стремительно вырывается туча, и через какое-то мгновение всё вокруг погружается во тьму. Температура падает ниже нуля, первые порции снега, подхваченные ледяным ветром, беспощадно секут лицо. Быстрее свитер, куртку, капюшон — и в какую-нибудь щель, если не хочешь превратиться в сосульку. Вокруг уже так крутит, что света белого не видно, — сплошная снежная стена, белая смерть, беспощадно дышащая в глаза.

Туча исчезает так же внезапно, как и появилась. Только что всё перемешивалось в диком хаосе, снег валил, как из пропасти, и вдруг покой и тишина. Чистое небо и солнце. Такое ясное и горячее, будто и не завывала только что выюга. А снег, который белеет вокруг... Что снег! Пройдёт десяток минут, и от него следа не останется. Ни струйки, ни капельки влаги: даже не тая, снег испаряется в сухом, как в доменной печи, воздухе...

Заползаю в палатку (тут вроде бы ещё холоднее, чем снаружи, из печки давно уже выдуло последнее тепло), тщательно пристегиваю клапан: останется малосенькая щелочка, и ветрище тут же ворвётся вовнутрь. Стремительно залезаю в постель, в пуховый спальный мешок (а поверх него ещё ватный), ныряю с головой, чтобы выгнать дрожь из тела. Постепенно согревшись, погружаюсь в сон. Но это не тот сон, спокойный и глубокий, который бывает на равнине. Над головой всё время стреляет полотнище палатки, где-то что-то металлически лязгает, стонет и скребётся, а внутри, надувая плотную ткань, гуляет ветер. И главное — не хватает воздуха. Вдыхаю изо всех сил, аж грудь трещит, вдыхаю, но каждый раз хочется вдохнуть ещё больше, ну, если не вдохнуть, то хотя бы глотнуть — кислородная жажда всё время мучает меня, особенно по ночам, когда остаюсь наедине со своим нетренированным телом.

— Адаптация, — объясняет Анатолий. — Это что, это детские забавы! На восьмимысячнике вы и полчаса не выдержали бы: сразу сыграли бы в ящик!

Спасибо за утешение! Мне с головой хватает и этих четырёх тысяч. Четырёх памирских, которые приравнены к пяти на Кавказе, где нет такого, будь он проклят, ветра. С ума можно сойти от него.

Вот так полусплю, полудреmlю всю долгую ночь.

Под утро ветер как будто немного стихает. Можно спокойно заснуть, но дышать ещё труднее: чувствую, как каждая клеточка моего немощного тела вопиет по кислороду. Неужели наступит минута, когда я не буду чувствовать себя рыбиной, брошенной в гибельную для неё стихию?

Совсем светает. Анатолий сладко спит, завернувшись, словно в кокон, в спальный мешок. Виден только облупленный нос и встопорщенная щётка усов: в поле Анатолий принципиально не бреется, обрастая щетиной, словно ёж, и всё на нём начинает торчать: реденькая, как у монгола, борода, усы, торчит во все стороны смолистая непокорная чуприна. Даже брови заодно наёживаются, и под ними задорными огоньками сверкают чёрные угольки глаз. Чёрные глаза, чёрные волосы, почерневшая обветренная кожа, туго натянутая на скулах, — ласковое солнце Украины давно не гостило на нём...

Седьмой час, пора вставать. Высвобождаю одну руку, нащупываю свитер. Вся одежда предусмотрительно сложена рядом, потому что одеваться, если не хочешь окоченеть, нужно по мере того, как выползаешь из “спальника”: сперва свитер, потом пуховая куртка, шерстяная шапка на голову. Затем тёплые лыжные штаны, две пары носков и туристские, на толстой резиновой подошве ботинки. Одеваюсь, как на пожар, чтобы удержаться в теле хоть остатки тепла, и что есть духу — к печке. Тут загады заготовленные дрова, берёзовая кора. Набиваю дровами полную печь, подкладываю кору, беру с десятка спичек, складываю вместе: сквозняк такой, что одной не подожжёшь. Ярко вспыхивают спичечные головки, загорается берёзовая кора, в печке уже гудит, как в преисподней, и если подняться на гору и посмотреть вниз, то можно увидеть огромный язык, вырывающийся из металлической трубы.

Проходит минут десять, и в палатке становится жарко. Печка малиново светится, от неё катятся раскалённые волны. Согревшись, чайник начинает тихонько напевать, точно кот, примостившийся на тёплой лежанке.

— Порядок! — роняет Анатолий.

Проснувшись, он не лежит ни секунды. Заведённая ещё с вечера пружина вышвыривает его из спального мешка: несколько минут — и он уже одет. Чёрная тенниска, толстый, домашней вязки свитер из верблюжьей шерсти, который побывал на самых высоких вершинах Памира, спортивные брюки, а поверх них — шорты из крепчайшей, как железо, ткани. Таких шорт, скорее напоминающих трусы, у Анатолия не меньше десятка. Впервые увидев Анатолия в этой одежде наизуот (брюки — снизу, а поверх — шорты), я не мог удержаться от смеха, но со временем, когда мои собственные штаны за один день “сгорели” на острых камнях, я уже с завистью поглядывал на эту деталь туалета.

Дольше всего он возится с обувью. Трикони, тяжеленные альпинистские ботинки, мало того, что шиты из воловьей кожи, так ещё и подбиты металлическими шипами. Каждый вечер, готовясь к очередному походу, Анатолий мудрит с ними: вколачивает новые шипы вместо утерянных, заменяет стёртые. Потому что нигде так не снашивается обувь, как в здешних оголённых горах. Сплошные камни, километровые поля острой щебёнки, угрожающе сползающей вниз, как только ступишь на неё (прыгай, не зевай!), головокружительные подъёмы и спуски, где недолго и шею свернуть, — всё это ожидает Анатолия. К тому же есть у него ещё одна причина столь сосредоточенно рассматривать каждый ботинок, прежде чем обуться.

— Порядок! — наконец говорит он и идёт умываться. Умывается исключительно ледяной водой, чтобы *не баловать лицо*. Аж здесь слышать, как он отфыркивается. Затем залезает назад, энергично вытираясь.

Чайник тем временем вызванивает крышкой, парит, как миниатюрный вулкан. Я не тороплюсь заваривать чай: ожидаю, пока это сделает Анатолий. После того как я однажды заваривал, мне дана отставка.

— Это чай? Это, извините, напиток для младенцев, а не чай! — и вылил заварку на землю.

Он заново залил чайник, закипятил, всыпал полпачки. Дождлся, пока тот настоится, налил полную кружку чернющей, как смола, жидкости, вбросил, не жалея, сахара:

— Вот это чаёк! — отхлёбывал, и чёрные глаза его блеснули от наслаждения.

Ежевечерне, частенько до самой полночи мы с Анатолием балуемся памирским чайком: обязательно полпачки заварки на чайник. Выпив одну трёхлитровую посудину, ставим вторую, а бывает, что и третью. Обезвоженный в течение дня организм жадно требует влаги, и, хотя живот уже натяннут, как бубен, всё равно хочется пить. “Чай не пьёшь, откуда ж сила?” — вспоминаю казахскую поговорку, которую то и дело произносили геологи в Бекпакадале, прибалхашской пустыне, на пятидесятиградусной жаре, среди солончаков и барханов. Здесь, на Памире, эта поговорка ещё более уместна: безжалостное, почти космическое солнце в вознесенной к небу долине, сухой, словно на углях, ветер, и ни капельки влаги. Тело даже не потеет: жидкость просто испаряется из него, и кожа становится похожа на почерневший пергамент. С грустью смотрю на свои руки, покрытые потресканной кожурой, губы же спасаю от глубоких, до крови, трещин бесцветной губной помадой.

“Чай не пьёшь, откуда ж сила?” Мы пьём кружку за кружкой, орошая пересохшие клетки, блаженствуем по несколько часов, наливаясь до краев водой — нас просто замучила бы мысль, что чайник остался недопитый! — и ничего, спим, как младенцы, потому что тела наши впитывают жидкость, как пересохшая земля, как нагретый песок в пустыне. А если и подхватишься среди ночи, то скорее по привычке, нежели по нужде.

Утром же пьём чай совсем по-иному, чем вечером: по одной только кружке, да и то наспех, — вот-вот позовут на завтрак. Заливаем остальное в баклаги: запас на целый день, до самого вечера. В мою вмещается ровно семьсот пятьдесят граммов, в баклагу Анатолия — литр. Залив водой и закупорив, он прожарил её в костре: баклага стала круглой, как бочоночек. Мне же пока достаточно и такой: я в далёкие походы не хожу, я адаптируюсь. Вот уже вторую неделю меня не берут в поле, и я начинаю бунтовать.

— Ещё рано, — неуступчиво отвечает Анатолий. — Вам что, хочется поехать вслед за Виталием?

Виталия я застал уже серьёзно больным. Обыкновеннейшая простуда, на которую внизу, на равнине, никто и внимания не обратил бы, здесь едва не свела человека в могилу: на здешней высоте лёгкие горят, как бумага. Ожидая назавтра машину, которая должна была отвезти его в Мургаб, Виталий окаменело сидел в палатке и тяжело, со стоном дышал. В его потемневших глазах стыло страдание.

Кто-то вспомнил, что жир сурка помогает от простуды, особенно при воспалении лёгких. Был немедленно подстрелен сурок, вытоплен жир — полная кружка, и Виталий вместо ложки или двух (лечиться так лечиться) выдул кружку до дна. Несчастный Виталий! Всю ночь мимо нашей палатки гремел конский топот: в туалет и назад.

В палатке становится душно, восточная стенка начинает ярко светиться: солнце уже поднялось над хребтом. Отставив кружку, Анатолий отгибает клапан палатки, и в то же время над самым ухом звучит пронзительный стон. Я подскакиваю, хотя давно уже должен был бы привыкнуть к этому металлическому звуку. Анатолий сердито выбегает из палатки.

— Мухла! — кричит он. — Сколько нужно напоминать перевесить рейку подальше?

Возле нашей палатки вкопано что-то наподобие виселицы, на ней давно уже висит стальная рейка: достаточно ударить по ней чем-то железным, и она завопит, терзая душу. Сейчас дежурный по кухне Мухла бьёт во всю мочь по билу, созывая людей на завтрак, и молодое лицо его вдохновенно сияет. Каждый раз повторяется одно и то же: Анатолий громко ругается, чтобы перенести это проклятое существо подальше, у меня ещё целый час звенит в голове, но на следующий день я снова вскакиваю от душераздирающего лязга: все дежурные по кухне почему-то убеждены, что истязать рейку следует непременно над ухом начальства.

Наконец, Мухла оставляет билу в покое. Сияя белозубой улыбкой, он приветливо выкрикивает:

— Салам, начальник!

До пояса оголённое тело его будто вылиты из бронзы: ни единой складочки жира, сплошные стальные мускулы.

— Что сегодня будешь делать? — спрашивает Анатолий.

— Футбол!

— А может, пойдёшь со мной? — вопрос поставлен в шутку, и Мухла хорошо это понимает.

— Э-э, начальник, лучше футбол! — и водит по земле ногой, показывая, как он будет гонять мяч.

В лице Мухлы мировой футбол теряет если не Пеле, то уж Блохина определённо. По воскресеньям он готов гонять мяч с утра до вечера, а в будни, едва возвратившись с работы, быстренько хватается за мяч и выбегает на “поле”. “Поле” начинается за нашей палаткой, по причине малочисленности футбольной команды в нём лишь одни ворота, обозначенные двумя валунами, вокруг же набросано столько камней, что я каждый раз удивляюсь, как эти футболисты до сих пор не остались без ног. Тем более что, жалея обувь, играют они все как один босиком: страшно смотреть, когда они бьют изо всех сил по мячу, застрявшему между камнями.

Футбол в нашем лагере — зрелище для богов. На высоте четырёх тысяч метров, под самыми небесами, мечутся фантастические фигуры. В штормовках и джинсах, в ватных таджикских халатах, в шапках и тибетейках, а то и вовсе лысые, и уж обязательно все босиком. Развешаются полы халатов и правоверные бороды, шелестят брезентовые штормовки, гремят гортанные выкрики. Наголо бритый Мухла гоняет, словно одичавший як, готовый жизнь положить за мяч, он ничего не видит, кроме мяча, и горе тому, кто станет на его пути!

Как-то меня уговорили постоять на воротах: никто не хотел быть вратарём (почему — это я понял через несколько минут). Я стал и стоял, ожидая, когда мяч полетит в мою сторону.

Баллах! Осатанелый клубок футболистов накатился на меня, сбил с ног, подмял, чей-то локоть ударил под рёбра, чья-то затвердевшая, словно, копыто ишака, пятка саданула меня в поясницу. Обезумев от боли, я, в свою очередь, молотил кулаком по чьей-то бритой балдешке. “Мала куча”, наконец, распалась. Задышавшись, я пытался подняться, и первый, кто подал мне руку, был, конечно же, Мухла: это ему досталось от меня.

— Гол! — провозгласил он, рафинадно сияя зубами. — Давай, становись в ворота!

Но я от этой чести отказался: прихрамывая, со стоном побрёл в палатку — считать синяки. После этого Анатолий каждый раз ехидно интересуется:

— Так как, сыграем в футбол?..

Но хватит воспоминаний: время завтракать. Столовая в противоположном конце лагеря. Вдоль огромной палатки вкопан стол из неструганных досок и две длинные лавки на сорок персон. Тут же, рядом с палаткой, и кухня: халабуда из фанеры, в которой с утра до позднего вечера пылает огромная плита с вмазанным в неё котлом. В том котле изо дня в день булькает, клокочет, дымится одно и то же блюдо: суп с бараниной. Этому супу, кажется, никогда не будет замены: и утром суп, и в обед суп, и на ужин суп. Это единственное блюдо, которое кое-как умеет готовить кухарка, толстая девушка с такими сонными глазами, что кажется, будто она одолжила их у коровы. Её глаза, наверное, ничего не видят: из огромного черпака может вылить тебе суп прямо на живот, если ты своевременно не успеешь подставить тарелку.

Летаргическое состояние покидает кухарку лишь тогда, когда появляется Жёня — молоденький геолог. Движения её становятся резкими и порывистыми, глаза сразу же проясняются. В Женину миску наливается столько супа, что им хватило бы накормить пятерых. Жёня сердится, но это не мешает кухарке напирать на него грудью, раскалённой на любовном костре.

Кухарка эта — проклятие нашего лагеря. Везли её из Душанбе, как самую большую драгоценность: тот, кто по полгода живёт в поле, знает, что такое хороший, опытный повар. Наша же имела даже диплом, он-то больше всего и привлек Анатолия. Чего он до сих пор не может себе простить. Но уже поздно: найти повара в радиусе тысячи километров от лагеря —

дело невозможное. Видели, как говорится, очи, что покупали... И мы должны хлебать этот осточертевший суп изо дня в день, из месяца в месяц. Кухарку все тихо ненавидят, постепенно назревает бунт, особенно среди рабочих: еда для них — не последнее, попробуй помахать целый день на высоте пять тысяч метров кайлом или лопатой, а тут только суп и баранина.

— Шайтан! — ругается, воюя с мясом, Мухла. — Ты свинья, да? — и швыряет костью в кухарку.

— Мухла, прекрати! — кричит Анатолий.

Но Мухла разошёлся не на шутку: ругается по-таджикски, а потом переходит на русский — тут больше простора его святому возмущению.

— Я кому сказал!

Ругань становится ещё отборнее: Мухла объясняет, куда бы он послал кухарку, если бы его власть и воля.

— Выйди вон! — взрывается Анатолий. — И можешь собирать свои вещи: ты больше здесь не работаешь!

В мрачном молчании заканчиваем завтрак, даже чай на этот раз не пьется. Анатолий оставляет недопитую кружку, выходит из-за стола. Я иду следом.

— Зачем вы так?

Мне жалко Мухлу. Не могу себе представить без него наш лагерь: без его белозубой улыбки, приветливых, доверчиво открытых глаз. Припоминаю, как рассказывал он об огромной змее, едва не укусившей его... “Ядовитая, Мухла? — Вах, очень ядовитый!.. Забыл, как её фамилия. — Чья фамилия? Гадюка? Гюрза?” — спросил я, смеясь. “Гюрза, только черный”. Он всегда охотно брался всем помогать, и мы частенько этим злоупотребляли. “Мухла!.. Где Мухла? Позовите-ка Мухлу!..”

И его среди нас не будет...

— Вы же сами говорили, что Мухла — самый лучший рабочий.

Это уже с моей стороны нечестно: удар ниже пояса. Лицо Анатолия мгновенно каменеет. Он быстро снаряжает рюкзак и выходит из палатки, даже не посмотрев в мою сторону.

Я, не менее мрачный (чёрт меня дёрнул за язык!), тоже начинаю снаряжать маленький рюкзак: баклага с чаем, кусок хлеба, кубиков десять рафинада — полдник и обед. Штормовка и свитер, без которых не обходится ни один поход: мой путь пролегает вниз по долине, за четыре километра отсюда, к гранатовой горе. Имею задание от Анатолия: насобирать пробный мешочек гранатов.

— Попробуем дать на огранку. Женское украшение — первый сорт.

У Анатолия всё, что разведано в урочище Зор-Бурулюк, не ниже первого сорта. У него нет никакого сомнения, что все горы вокруг нашпигованы драгоценными камнями, достаточно только копнуть как следует. Зор-Бурулюк для него звучит, как музыка, как самая прелестная песня.

— Мы ещё себя покажем! — часто говорит он, влюблённо глядя на горные хребты. — Придете годика через три-четыре — не то здесь увидите.

— А что? — интересуюсь я.

— Нагоним технику, пророем дороги, тогда мы самоцветами не одну фабрику завалим.

И мне иногда кажется, что он видит их насквозь. А чем же тогда можно объяснить, как он нашёл жилу, в которой залегают золотистые топазы?

Когда он достал из металлической коробки золотистый топаз, мне сперва показалось, что я брежу. До сих пор я видел топазы прозрачные, как родниковая вода. Топазы голубые, словно весеннее чистое небо. Топазы благородного коричневого цвета. Огранённые, они солнечно сверкают и в то же время холодны, как лед. Не нагреваются даже в самые жаркие дни.

Но золотистого цвета! Золото самой высокой пробы и одновременно прозрачное, как самый чистый хрусталь. Это было что-то нереальное, что-то на грани фантастики.

— Представляете, как они засверкали в своём гнезде? Мы чуть не ослепли!

Можно было и в самом деле ослепнуть. Тут глаза от одного начинают болеть.

Так вот. На том месте, где залегали топазы, копались не один десяток геологов. Асы, зубры геологического поиска. И ничегошеньки не находили. Пока один из шофёров случайно не наткнулся на золотистый обломок. Можно себе представить, какой ажиотаж поднялся в отряде: топаз неслыханного золотистого цвета! Кандидат наук (пожалев, не будем называть его фамилии), находившийся как раз в отряде, порекомендовал бить канавы значительно выше, почти на середине горы. Анатолий стал возражать: был убеждён, что в сланцах топазов нет.

— Ты что? — сказал ему Абос, подрывник. — Он кандидат, а ты кто? Заложили взрывчатку, рванули. Расчистили — пусто.

— Нужно искать ещё выше, — сказал кандидат. — Топаз явно скатился с горы, — сказал и уехал домой: кончалась командировка.

Анатолий же облазил эту гору сверху донизу, обнюхал каждый сантиметр. И наткнулся на гранитное тело, пронизанное пегматитами, залегающими снизу. Ходил по высыпке, подбирал чёрные, как антрацит, морионы, полевые шпаты, и все ему казалось, что топазы шевелятся в глубине под ногами. Под личную ответственность уговорил начальство заложить крестоподобную канаву. И с первого же взрыва, после того как выгребли раздроблённую породу, открылась полость или “погреб” — голубая мечта каждого искателя драгоценного камня. Дрожащими руками доставал Анатолий кристаллы за кристаллом золотистые топазы.

У кандидата наук челюсть отвисла, когда Анатолий уже в Душанбе рассказывал, где он взял кристаллы...

— Но ведь могло ничего и не быть?

— Могло... Только вот он, кристаллик! — золотые вспышки отражаются в глазах Анатолия. — Ювелиры будут довольны — женские украшения высочайшей пробы!..

Вот и я иду за будущими женскими украшениями.

По-летнему печёт солнце, тонко вывистывает ветер. Он сейчас совсем не злой, даже мог бы быть приятным, если бы не бросал в лицо песок. Сворачиваю с дороги выше, где растёт реденькая травка. Иду, жадно вбирая в лёгкие на редкость чистый воздух, почти не задыхаясь. И это уже немало-важное достижение, я всё-таки адаптируюсь: две недели назад я полз бы здесь на карачках. Нет, жить тут можно, если бы не проклятые ночи... Но хватит об этом, где там ещё та ночь: впереди целый день...

Вздрагиваю от разбойничьего свиста. Чёртов сурок, подстерёг всё-таки!

До сих пор не могу привыкнуть к этому внезапному свисту. Первый раз, когда так свистнуло, я долго вертелся на месте, пытаюсь разглядеть памирского соловья-разбойника, решившего таким образом со мной познакомиться. Но вокруг не было ни одной живой души, только какие-то тёмненькие столбики торчали метрах в ста впереди. Я шагнул вперёд, и снова уши заложило от разбойничьего свиста. А столбики вмиг исчезли. Только что были — и ни единого! Остались только бугорки с аккуратными отверстиями, ведущими в подземелье.

Так я познакомился с памирскими сурками. Животными чертовски наблюдательными и к тому же страшно любопытными. Их интересовало всё, что происходило в радиусе двухсот метров вокруг. Как-то я подкрадывался к зайцу. Заяц сидел, как нарисованный, погружённый в какую-то свою заковычую думу, и поэтому не заметил охотника, который полз по расклеванной тверди, волоча за собой здоровенное ружьё. Все колочки, встречавшиеся на моём пути, впивались в тело, все камни и обломки, и я обязан был убить зайца хотя бы за все те муки, на которые он меня обрёл. Заяц же сидел, даже не подозревая о своём неотвратимом конце, а рядом, метрах в тридцати, замер здоровенный сурок. Он аж голову втянул, чтобы ничего не прозевать. И когда я, наконец, дополз и прицелился, он восторженно свистнул.

Заяц исчез, словно привидение; мушка моего ружья закачалась на фоне чистого неба. В ярости я повернул ружьё на сурка: ещё один свист, теперь уже насмешливый, и дьявольское создание молниеносно нырнуло под землю. А вообще это милые и приятные существа, которые очень скрашивают нашу пустынную долину. Сидя на двух задних лапах возле своих нор, они напо-

минают профессоров, обременённых знаниями и немалым чувством собственного достоинства. Или философов, пытающихся разгадать тайну бытия всего сущего. Но вот раздаётся тревожный свист — и происходит мгновенная метаморфоза: теперь это уже располневшие киевские дамочки, в часы пик штурмующие метро.

Сурков можно было бы назвать ещё и помощниками геологов: возле каждой норы — гора свежего грунта. Подходи и изучай, какие породы залегают на глубине доброго десятка метров. Именно так посреди нашей долины был обнаружен амазонит чудесного бирюзового цвета. Я как раз прохожу мимо голубой горы, извлечённой уже рабочими нашей партии.

Так что на месте Министерства геологии я бы обязательно зачислил этих трудолюбивых существ в штат геологов с соответствующими ставками и снабжением. Подумать только, как им приходится трудиться, чтобы запастись жиром на суровую памирскую зиму!

Уже рукой подать до гранатовой горы. Охваченная малиновым огнём, она вырастает прямо на глазах. Тысячелетиями разрушалась порода, и из неё выщипывались миллионы кристаллов, огненной рекой стекая вниз.

Сбрасываю рюкзак, прилаживаю под нависшую глыбу, в тень. В случае чего здесь можно спрятаться и самому. Беру пробный мешочек, начинаю собирать кристаллы. Нагретые солнцем кристаллы излучают тепло. Подношу особенно крупные и совершенные к глазу, и горячий малиновый цвет переливается в меня. Кристалл кажется бездонным, в нём есть что-то магическое, нечто от таинственных подземных глубин. Собираю и собираю, забыв обо всём на свете. Время остановилось, всё отдалилось, исчезло, остались только гранаты, множество гранатов, миллионы, миллиарды гранатов, рассыпанных по серебристой породе. Не выдержал, лизнул ее языком — полчаса плевался: было такое ощущение, будто набрал полный рот негашёной извести.

Устав наклоняться раз за разом, становлюсь на колени. А через некоторое время, напав на особенно богатую россыпь, ложусь на живот. Вот так, лежа на животе, и выклёвываю кристалл за кристаллом. Начинает припекать по-настоящему. В глазах расплывается и мигает. Смежаю воспалённые веки: слепящие малиновые круги наплывают из темноты. Нужно отдохнуть, а то недолго и ослепнуть.

Который час сейчас? Половина одиннадцатого. Собираю всего лишь час, а кажется, что прошло Бог весть сколько времени. Беру мешок, заползаю под глыбу, в тень. Ложусь на спину, подложив под голову рюкзак. Хорошо! Распаренное тело жадно вбирает прохладу, глаза отдыхают в бездонном небе. Оно не голубое сейчас, а синее, и одиночные белые облака лёгким пухом зависают на горизонте.

Двенадцатый час. Замираю, ожидая взрывов, но тут же вспоминаю, что взрывов не будет: сегодня же воскресенье. Абос сидит, наверное, над десятой кружкой чая и почтительно разговаривает с муллой. Все наши таджики, в том числе и Абос, из одного кишлака, расположенного высоко в горах, и мулла пришёл в отряд вместе с ними: то ли оберегать свою паству от мирских искушений, то ли самому мулле деньги понадобились, во всяком случае, работает он как проклятый. И каждый раз, как только начинается футбол, он приходит к нашей палатке. Чинно здоровается, пожимая нам по очереди руки, а мы с Анатолием почтительно уступаем место: как-никак духовная особа. Мулла важно усаживается, распушив поверх ватного халата серебристую свою бороду, начинает перебирать чёрные эбонитовые чётки. И чем напряжённее становится игра, тем быстрее двигаются чётки. А в глазах загораются уже совсем не божественные огоньки.

Гол! Мулла срывается и что-то гневно кричит. Потом, спохватившись, садится и снова начинает шептать молитвы...

Так что, возможно, они как раз сейчас пьют чай и решают, что делать с Мухлой.

Мне жалко Мухлу. Неужели наш лагерь останется без него?..

Не заметил, как задремал. Проснулся оттого, что замёрз: холодная струя воздуха дует откуда-то из-под глыбы, не хватало ещё простудиться. Ящером выползаю на солнце и попадаю в поток огня. Ветер почти утих, вокруг

необычайная тишина, воздух сухой и горячий. Нещадно печёт сверху, малиново горит под ногами, вспыхивая миллионами искр. Хочется пить, и я достаю из рюкзака баклагу.

Чай, сахар, полкраюхи хлеба — весь мой обед. Аппетита нет, хотя после завтрака прошло уже почти пять часов, если можно назвать завтраком три—пять ложек супа и кусок плохо сваренного мяса. Анатолий объясняет это низким содержанием кислорода в воздухе, а отсюда — замедленным обменом веществ в организме. За эти две недели я стал худым, как гончая, и всё время поддергиваю штаны, которые держатся на честном слове. Боюсь, что это станет привычкой, и несчастной моей жене, полжизни уже воюющей с моими плохими привычками, которые почему-то цепляются ко мне, придётся вступить в бой ещё с одной. Но странно: не чувствую никакой слабости. Наоборот, каждый день адаптации прибавляет мне сил, и я уже в состоянии пройти, не умерев, пять километров. Не было даже волдырей, в позапрошлом году густо обсыпавших всё моё тело и вызывавших ужасный зуд. Я тогда думал, что сойду с ума, кто-то предложил раздеть меня догола и закатать на всю ночь в плотную кошму, — дескать, обязательно поможет, но я своевременно вспомнил, что Чингисхан именно таким способом душил самых прославленных своих противников (почётная смерть, без кровопролития), и категорически отказался. К счастью, на следующее утро мы покинули высокогорную долину, спустившись на пятьсот метров вниз, и волдыри мои исчезли...

Пообедав, я снова принимаюсь собирать кристаллы. Пробный мешок ощутимо потяжелел, кристаллы в нём шевелятся, словно живые, пересыпаются с приятным шорохом.

К вечеру возвращаюсь домой. Болит поясница, болит каждая мышца, четыре километра, которые я прошёл утром, почти не заметив, растянулись теперь на добрый десяток, и если бы не гранаты в рюкзаке за спиной, я вряд ли дошёл бы. Да ещё ветер, нетерпеливо толкавший в спину. Поворот... Ещё один поворот... Цистерна с горючим — левее... Огороженная халабуда правее — под взрывчатку... И, наконец, открывается лагерь.

В один длинный ряд вдоль высохшего русла (вода в нём бывает только весной) выстроились палатки. Между ними пестреет бельё: рубашки, майки, трусы и подштанники, лишь возле одной стыдливо прячутся женские блузки, трусики и лифчики. Там живут кухарка и Соня. Соня — геолог, ей Анатолий доверил собирать из “погребов” скаполиты — удивительные кристаллы густо-фиолетового и янтарного, а иногда и нежно-розового цветов. Соня приносит их ежедневно в маленьких мешочках, они с Анатолием старательно их сортируют: ювелирные — в одну кучу, коллекционные — в другую. Анатолий говорит, что кристаллы эти, если их огранить, не уступят игрой бриллиантам. Соня же больше молчит, а если и произнесёт что-нибудь, то вроде даже нехотя. Она не по годам серьёзна, эта девушка, я никогда не видел, чтобы она смеялась, — улыбнётся едва заметно и тут же пригасит свою улыбку. Возможно, она, единственная женщина в лагере (кухарка в счёт не идёт), прибегает к столь крайней серьёзности как к своеобразной защите от порой нескромных взглядов мужской половины нашего лагеря, особенно молодой, которая так истоскуется в эти несколько месяцев по женской ласке, что хоть на цепь привязывай. А может, такой уж у неё характер, только я иногда ловлю себя на мысли, что Соня будет кому-то не просто верной женой (в Таджикистане этим никого не удивишь), а и надёжным, до последнего вздоха другом.

Над кухней вьётся густой дым, оторвавшись от трубы, он стелется по земле, и кажется, что кухня мчится мне навстречу. Выше, около толстых берёзовых и сосновых колод, хлопочет народ с пилками и топорами: заготавливают каждый для своей палатки на вечер и утро дрова. Эти колоды долгое время были для меня одной из самых больших загадок: ведь вокруг на сотни километров не то что древесины — жалкого кустика не найдёшь, а тут — целые колоды! Они не раз выручали геологов. Но где их достают — это, очевидно, самая большая государственная тайна.

Возле своей палатки встречаю несколько старших таджиков: возвращаются с вечернего намаза. Каждый вечер после работы, зажав под мышками молитвенные коврики, направляются они подалее от любопытных глаз, чтобы остаться наедине с Аллахом. Тут на четыре километра ближе к Богу, нежели на равнине, поэтому нет никакого сомнения, что каждая молитва будет услышана, выслушана с надлежащим вниманием и пройдёт небесную канцелярию без лишней волокиты: удовлетворить просьбу Муссы и послать ему десяток сыновей, а каждый баран Ахмета пусть нагуляет пудовый курдюк... Очищенные молитвами, они идут, торжественные, как мусульманские апостолы, а впереди выступает мулла и, погружённый в молитву, притворяется, что не замечает моей скромной персоны.

Я нисколько не обижаюсь, я даже им завидую, ведь каждого из них ожидает мусульманский рай, где вечно цветут розы и лежат горы щербета, где семь гурий — по числу дней в неделе, — прекрасных, как мечта, чистых, как утренняя заря, по очереди будут сидеть на их правозверных коленях. Не стать ли и мне правозверным? И вымолить у щедрого мусульманского бога хоть одну-единственную гурию — авансом, не дожидаясь далёкого рая. Несколько уютнее стало бы в нашей холостяцкой палатке!

О, Аллах ибн Аллах!.. Не успели зайти в палатку и рассупониться, как следом заскочил новопечённый (в прошлом году) геолог Коля. Запыхался так, словно гнался за мной от самой гранатовой горы.

— Анатолий Михайлович ещё не пришёл?

— Как видите... Он вам очень нужен?

— Да нет... — оглянулся, словно хотел убедиться, что никто не подслушивает, тайно склонил ко мне лицо: — Таджики собираются домой.

— Как?!

— Все до одного. Кроме Абоса. Вместе с Мухлой.

Вот так новость! Представляю, что будет, если все рабочие покинут лагерь. Тут не повесишь объявление: “Нужны разнорабочие”. Сбегутся разве что сурки.

Коля всё ещё трётся-миётся. На молодое лицо его наплывает нерешительность.

— Ещё какая-то новость? Говори — добивай!

— Ребята жарят блины... Так что приглашаем.

Блины! Это как раз то, чего мне не хватает для успокоения.

— Сейчас бегу. Только умоюсь.

Проблема с рабочими вмиг отошла на задний план. Да и не мне её решать. От того, что я не пойду есть блины, ничего не изменится. Успокоив таким манером свою податливую совесть, быстренько умываюсь и иду в соседнюю палатку.

Тут живут четыре геолога: Коля, Ахмат, Рафик и Жёня. Все ровесники, вместе защитили дипломы и вместе пришли в партию. Каждую неделю, пусть хоть горы завалятся, у них традиционные блины. Из пшеничной муки, на масле яков. Масло желтющее, твёрдое и сладкое на вкус. И такое калорийное, что больше ложки не съешь. Достают его ребята у пастухов, гоняющих по соседним долинам огромные табуны.

Жёня, или Евгений, бросился мне в глаза своими пшеничными усиками: завёл их, должно быть, сразу же после защиты диплома — для солидности. Он их носит, как носят только что надетую обнору, не забывая о ней ни на минуту. Поглаживает, подёргивает, пощипывает то левой, то правой рукой. Лицо его от этого не стало взрослее, юность продолжает цвести на нём всеми своими привлекательными красками, и я уже в который раз удивляюсь, почему мы так охотно, не оглянувшись даже, спешим расстаться с этой самой светлой порой жизни.

Ах, Жёня, Жёня, если бы ты знал, что тебя ждёт впереди, побрил бы свои недозревшие усики и не хмурился бы так серьёзно и строго.

Блины, как всегда, печёт Рафик, он в этом деле непревзойдённый мастер. Красивое татарское лицо его сосредоточенно и озабоченно, пот мелким бисером усеял смуглый лоб. Рафик манипулирует огромной сковородкой, как жонглёр: взмах руки — и на сковородку выливается ложка теста, ещё один

взмах — и тесто растекается тоненькой плёнкой; теперь — на печку, по которой искры так и скачут, потом ещё один взмах — и румяный, пахучий блин, не толще папиросной бумаги, ложится на тарелку поверх других блинов. Ахмат разбалтывает в большой кастрюле жидкое тесто, а Жёня следит за ведёрным чайником. За столом, стоящим посредине, ещё одна гостья, их однокурница Соня. Ради такого события она, освободившись от своей ежедневной робы и тяжёлых ботинок, нарядилась в лёгкое цветное платьице и модельные туфельки на высоких шпильках. Я смотрю на эти туфельки, как на седьмое чудо света, такие они неожиданные в нашем геологическом быту. Соня же, делая вид, будто не замечает, какое впечатление произвела её модельная обувь, кончиками пальцев берёт очередной блинчик и осторожно макает его в растопленное масло. Ест она аккуратно, как кошка. И очень похожа на строгую учительницу, которая пришла проверять знания своих учеников. Коля подставляет свободный стул, приглашает к столу. Его ясное лицо светится гостеприимной предупредительностью.

— Попробуйте наши блины, — говорит он скромно. — Жёня, давай сюда чай.

И вот передо мной литровая кружка чая и миска блинов.

С чем сравнить этот ароматный сладкий напиток, который не пробовали даже олимпийские боги? Впрочем, древнегреческие небожители обитали значительно ниже и не ходили ежедневно в маршруты. А блины! Каждый блин, обмакнутый в масло, тает во рту, заливаясь чаем. Это последний, говорю себе снова и снова, а рука тянется за очередным блином. “Да имей же совесть, не объедай этих детей!” — и ничего не могу с собой поделать.

Пресыщенный, налитый до краёв чаем, покидаю гостеприимных хозяев. Там уже дребезжат струны гитары, звучит приятный тенор Ахмата: он исполняет свою любимую песенку о такой же юной, как сам, маркитантке:

*Пулю пробита крышка котелка,
Маркитантка юная убита...*

Следовало бы загрустить под эту трогательную мелодию, но блины и меланхолия несовместимы. Мир прекрасен, даже на высоте четыре тысячи двести, даже с ветром, начинающим завывать всё сильнее. Солнце уже село за горы, фиолетовые тени покрыли долину. Они густеют, становятся всё холоднее. Скорее в палатку, пока совсем не выдуло оттуда остатки дневного тепла. Немедленно растапливаю печь, блиноед несчастный и обпивайло доверчивых аборигенов геологического племени!..

Только что мёртвая печка оживает, уютно потрескивает, начинает всё больше струиться теплом. Ложусь на койку поверх спальных мешков и, полусонный, наблюдаю, как по двигающимся стенкам палатки весело бегают огненные зайчики. А тут ещё чайник начинает напевать свою мурлыкающую песенку, тихонько позванивая крышкой, — музыка, которую я не променял бы ни на какую в мире! Я и не заметил, как заснул.

Проснулся от холода. Вскочил, бросился к печке. Дрова прогорели, тлет только жалкая кучка углей. Быстренько вбрасываю берёзовую кору, она чернеет на глазах, свёртываясь, вспыхивает ярко и горячо, облизывая чёрные стенки смолистым густым дымом. Кладу сверху дрова. Через некоторое время тепло снова наполняет брезентовое мое жилище, и слышится мурлыканье чайника, но я уже не ложусь: до сих пор нет Анатолия. Тревожные мысли лезут в голову — мало ли что может случиться в пути! Сорвался со скалы, сломал ногу... Не выдерживаю, надеваю штормовку, выхожу наружу.

В лицо бьёт чёрный ветер, в чёрном небе стыннут звёзды. Всё потонуло в сумраке, узкая долина как бы сжалась, и мне начинает казаться, что до хребтов можно достать рукой. Неуютно, жутко, словно на какой-то вражеской планете, за тысячами парсеков от родного Солнца, а каково ему, одинокому, затерявшемуся среди обрывов и скал! Тревога всё больше сжимает моё сердце, я уже готов поднять весь лагерь. Одна только мысль, что это ведь не кто-нибудь — Анатолий, что это у него не впервые, заставляет меня вернуться в палатку.

Сижку и прислушиваюсь к малейшему шороху: всё кажется, что идёт Анатолий.

— Не помешаю?

Чёрт! Сатанище неумытое!

— Где это вы пропадали?

Готов его сейчас обнять.

Он молча подходит к постели, тяжело сбрасывает рюкзак. Усталость осела на нём, как пыль, даже лицо покрылось серой плёнкой, а запечённые губы стянулись в шнурочек. Отмахал, наверное, не один десяток километров, а каждый памирский километр не сравнить с теми, что на равнине.

— Я уже и не думал, что вы придёте!

— Да ну?.. Этого быть не может!

Ещё хватает сил шутить! Я на его месте замертво упал бы на койку.

— Как наш чаёк?

Господи, что ж это я себе думаю! Человек умирает от жажды, а я лезу с упрёками.

Схватил кружку, наполнил, оставив место для сахара, достал из тяжелой коробки твёрдое, как камень, печенье. Печенье это покупали в Мургабе: завезли его, вероятно, ещё до войны, да так и лежало, ожидая геологов. Эти всё перемелют.

Жадно опорожнил кружку, уже сам налил вторую. Лицо понемногу оттаивало, избавляясь от серости. И уже после второй кружки сидел передо мной привычный Анатолий: щетинистый, насмешливый. Чернющая чуприна торчит во все стороны, словно намагниченная, реденькая борода, как щётка.

— Так, говорите, мог заблудиться?.. За это стоит выпить по третьей.

Наполнил ещё раз, налил и мне. И уже после третьей вздохнул удовлетворённо:

— Порядок!.. Вот теперь можно и почаёвничать по-человечески.

И мы чаёвничали до полуночи.

— Обследовали одну чрезвычайно интересную горку, — начал он после энной кружки. — Давно она мозолила мне глаз, да всё не доходили руки.

— Что-то нашли?

— Если бы каждый день что-то находили, многоуважаемый Анатолий Андреевич, то давно б уже прикрыли нашу контору. За один сезон на сто лет наоткрывали бы.

— А всё же?

— А всё же многообещающая горка. Есть смысл по ней как следует топтаться. Пошло туда на какую-нибудь недельку ребят, пусть ходят, обнюхают. Чует моё сердце, что она не пустая. Там такая пегматитовая жила — целовать хочется! Вы когда именинник?

— Уже отбыл.

— Жаль. Ну, хорошо, будем считать, что у вас сегодня ещё одни именины, — он уже роется в рюкзаке. — Держите для своей коллекции!

То, что он мне подаёт, — чёрное, как смола. И тяжёлое, как чугун. Килограммовый кусок, величиной в два кулака.

— Мумиё?!

Жадно нюхаю: пахнет прополисом, живицей, хвоей. И ещё чем-то, таинственно волнующим. Я давно мечтал увидеть природное мумиё — этот могучий регулятор обмена веществ в организме, пользуюсь им пятый год и забыл, что такое ревматизм и ангины, а до того болел чуть ли не каждый месяц.

— Где нашли?

— Ещё на одной горке, — таинственно улыбается Анатолий. — В симпатичной пещере. Слава Богу, туда не так-то легко добраться. А то давно уже выбрали бы. Стенка метров на шестьдесят, а в ней — отверстие. И вот такая узенькая полочка. Как раз для лунатиков.

Я не лунатик, поэтому сразу же прощаюсь с мыслью побывать в этой пещере. Уже знаю, как умеет лазать Анатолий: мурашки по спине начинают бегать, когда смотришь, как он, цепляясь за невидимые выступы, поднимается на отвесную скалу. Однажды попробовал было и я, но сразу же завис: ни туда, ни сюда. “Приземлился” — руки-ноги дрожали.

— Всё забрали? — допытываюсь.

— Всё невозможно в один раз забрать. Там его несколько десятков килограммов. Сплошная стенка. Хватит не на одну аптеку.

— Почти чистое, — люблюсь, поднеся к свету. Керосиновая лампа кладёт на драгоценную находку маслянистый свет. Мумиё кажется живой субстанцией, добытой из древнейших глубин. Не случайно ведь древние персы молились на него, считая мумиё стувившейся кровью богов.

— Что ж, пора и на боковую, — поднимается Анатолий из-за стола.

И тут я вспоминаю о таджиках.

— Что же вы сразу не сказали? — сердито спрашивает он. Надевает толстый свитер и с непокрытой головой выходит из палатки.

Я же на всякий случай наполняю водой чайник, ставлю на печку. Подкладываю дрова, выбирая потолок, чтобы дольше горело, раздеваюсь, залезаю в спальный мешок, кладу возле лица мумиё. Мне кажется, что когда оно рядом, то вроде дышать легче. Лежу, ожидая Анатолия, и у меня такое чувство, будто я в этой палатке провёл не две недели, а много лет. Тот мир, который я недавно оставил, с его машинами, улицами, домами, магазинами, с постоянной суетой и толкотнёй, с вечной спешкой и вечной нехваткой времени, отсюда, с расстояния во много тысяч километров, кажется таким неестественным и искажённым, что хочется иногда спросить: а существует ли он на самом деле? Но вот выплывают родные лица, и я уже начинаю тосковать по ним, и мне уже кажется, что там осталось самое существенное, без чего вообще невозможна жизнь. Странное создание — человек!

Анатолий возвратился далеко за полночь. Я уже успел заснуть и несколько раз проснуться, а его всё не было; но вот громко скрипнула койка, на мои веки навалилась темнота.

— Ну, как?

Долго нет ответа — только шуршанье спального мешка.

— Порядок, — ответил неохотно.

Я хотел ещё спросить о Мухле, но не решился. Хорошо, утром узнаю, уже недолго. А теперь — спать, спать... Тесное гнёздышко моё, тёплое и уютное, и так сладко спалось бы, если бы хватало воздуха... Настанет ли время, когда я вволю надышусь?..

— Вы, уважаемый, кажется, заспались?

Анатолий! Когда он успел подняться? В печке весело потрескивают дрова, горячие волны плывут по нашей парусиновой хатёнке.

— Чай готов, маэстро.

Анатолий уже одет, обут. Вспоминаю, что сегодня у него радиосвязь. Перед завтраком.

— Готовьтесь штурмовать Тау-Мику, — говорит он, идя к выходу.

Тау-Мику? Сегодня?

Обожжённый радостным возбуждением, вылетаю из постели.

Тау-Мику! Венец моих турмалиновых мечтаний!

— Не сегодня, — охлаждает меня Анатолий. — Сегодня подниметесь на скаполитовую горку.

Что ж, и на том спасибо. Скаполитовая “горка” возвышается прямо перед лагерем. Вверху, венчая перевал, торчат плоские скалы. Как у гигантского динозавра. Под тем гребнем ровно в двенадцать поднимаются бурые султаны. Содрогается земля, серия взрывов колышет долину: работа Абоса. Ежедневно он поднимается в горы. Левый нагрудный карман оттопыривают капсулы-детонаторы. Не хочется даже думать, что может произойти, если Абос споткнётся и вместе со всеми этими капсулами упадёт на камни. Но ничего не подделаешь: как Анатолий ни отчитывает его, Абос всё равно упрямо набивает карманы детонаторами.

— Э-э... На то воля Аллаха, — и любовно поглаживает оттопыренный карман.

За Абосом тянется целая процессия со взрывчаткой в красных пакетах. Немного необычно видеть и муллу с дьявольской начинкой за святыми плечами. Что же делать, хлеб даром не даётся даже мулле.

Соня поднимается вверх немного позднее. Идёт легко и свободно, словно пританцовывает. Только у прирождённых горянок такая гордая и грациозная походка.

Я же ползу слизняком. Шестьсот сорок метров... Всего шестьсот сорок... Ребёнку пробежать — раз плюнуть! Если б только они, эти проклятые метры, да не стояли торчком!

Ноги — точно гири пудовые, лёгкие словно забиты горячей ватой. На ней мгновенно сгорает тот жалкий глоток кислорода, который вбирает из разреженного воздуха мой жадно раскрытый рот. Каждая клеточка моего немого тела вопиет по кислороду... задыхается без кислорода... И я, сделав десяток-другой шагов, бессильно ложусь на щебень. С отчаянием смотрю на гребень, который всё отдаляется. Мне уже не верится, что я когда-нибудь смогу к нему доползти. На миг появляется мысль: а зачем? Зачем эти муки? Что заставляет меня карабкаться на эту проклятую гору? Я не геолог, не рабочий, я свободный человек, хочу — иду, хочу — не иду, так не лучше ли повернуть, пока не поздно, назад? Но какая-то сила толкает меня всё выше и выше, заставляет переставлять ватные ноги, цепляться за выступы скал. Что-то, что сильнее усталости, боли, отчаяния.

И я постепенно наполняюсь злостью на себя. На своё такое неуклюжее, нетренированное тело. “Врёшь, дойдёшь! Ну-ка, поднимайся, лентяй несчастный!”

Гребень появился так неожиданно, что я сперва не поверил: неужели дополз? А когда поверил, когда прильнул спиной к каменной стене, когда посмотрел вниз в долину, на игрушечные отсюда палаточки и тонкую нитку сухого русла, когда вобрал взглядом ближние и дальние хребты, купавшиеся в неправдоподобно густой синеве, а ветер, совершенно другой, нежели там, внизу, без пыли и песка, чистый горный ветер дохнул в лицо, остудив распаренную грудь, и белое-пребелое облачко неожиданно вынырнуло рядом и удивлённо застыло, мягко коснувшись глаз; когда я подумал, что на этой горе уже ничего нет выше меня, — я выше всех, вверху только небо, захочу — и до него достану; когда всё это я почувствовал, тогда все мои муки, вся моя усталость уже ничего не стоили против этого блаженного мига!

Вот он я, взбрался, дошёл, доказав, что ещё чего-то стою!

Эй, вы, там, внизу, мелкие букашки, прикованные земным притяжением! Хоть откликнитесь, если не можете подняться ко мне!

Откликнулся Абос. Содрогнулась земля, зашаталась скала, рванул воздух — перед глазами взлетели камни. Не успел упасть, забиться в щель, как ударило снова и снова. Абос решил, наверное, поднять в воздух всю гору. Я прижимался к скале, со страхом глядя на камни, дождём сыпавшиеся невдалеке от меня. Угостит таким камушком, и уже не уйдёшь — снесут.

Переждав, пока отгремели взрывы и осела рыжая пыль, спускаюсь вниз. Беру немного правее, за скалы, которые защитили меня от камнепада.

Глубокий ров подрезал склон горы. Там уже кипит работа — оголенные до пояса таджики выбрасывают породу. Тут я впервые увидел прославленный “таджикский экскаватор” — мудрую выдумку народа, который издавна живёт и трудится в горах. К большой совковой лопате привязана верёвка. Двое держат эту верёвку за оба конца, третий загоняет лопату в грунт. Взмах руки, верёвка натягивается, лопата взлетает вверх, грунт выбрасывается далеко вперёд. Вверх-вниз, вверх-вниз — зарядка, от которой за несколько минут глаза на лоб лезут! А они хоть бы что, они вроде забавляются, вымахивают с утра до вечера, изо дня в день, из месяца в месяц. Ещё и улыбаются мне навстречу. И самая приятная, самая ослепительная улыбка Мухлы.

— Мухла, будет сегодня футбол?

Смеётся, кивает головой, что будет.

И я себе обещаю, что стану в ворота. Хотя бы пришлось потом лечь костями.

Сим торжественно свидетельствую: самые красивые девушки в Таджикистане.

И не просто в Таджикистане, а на Памире, на высокогорных долинах, где над буйной зеленью величественно поднимаются покрытые вечным снегом

вершины, где небо всегда голубое и синее, а до звёзд можно дотянуться рукой; где гремят хрустально-чистые потоки, где воздух такой, что хочется его не вдыхать, а пить, смакуя каждый глоток. В таких долинах не могут не родиться самые красивые в мире девушки.

Голубые глаза, блестящие, с капризным изгибом брови, сияющие зубы и пышная коса, гордая осанка и благородной смуглости кожа... Где вы, художники, авторы будущих полотен, перед которыми благоговейно замирали бы последующие поколения? А может, это к лучшему, что вас тут нет: в отчаянии выбрасывали бы вы свои серые, как смертная тоска, полотна. И, навек ослепнув, уже ничего больше не видели бы...

— Остановите! — закричали мы в один голос.

Водитель наш, Гирштейн, с испугу подумал, что кто-то на ходу выпал из машины, и затормозил так, что колеса окутались дымом.

— Сдайте назад... Ещё сдайте... Ещё... А теперь все замрите и не дышите!

Последнее можно было не говорить: мы и без того замерли и не дышали. Смотрели, всё ещё не веря, что вот такое чудо может существовать на свете. Но “чудо” не исчезало, “чудо” стояло в нескольких шагах от нас, реальное, как солнце, как горы, как деревья и дома, как вода, которая, вытекая из-под камня, играла радугой. Грациозно наклонившись, “чудо” подставляло под воду из настоящего золота кувшин, и каждый из нас невольно подумал, какой же вкусной должна быть вода в кувшине! Раз напиться — и умереть!

И было этому “чуду” лет шестнадцать, не больше.

— Фотоаппарат! — застонал Григорий Михайлович. Не отрывая от юной красавицы глаз, он на ощупь шарил вокруг себя руками. — Где фотоаппарат?... Куда девался мой фотоаппарат?! — В последней фразе прозвучало столько отчаяния, будто речь шла о его собственной жизни.

Окрик Григория Михайловича привёл меня в чувство, и я вспомнил о собственном “Зените”, привычно висевшем на груди. Позвал:

— Григорий Михайлович!

Григорий Михайлович уже бежал, но в обратном направлении.

— Ведь всё равно не застанете! Она уже ушла!..

— Поехали следом. А то ещё женится, — сказал Анатолий. И мы повернули назад.

Красавицы, конечно, уже не было. Сиротливо журчала вода, все краски вокруг казались поблекшими.

Григорий Михайлович дулся до самого вечера. Молча сидел, жалостно моргал и был похож на большую птицу, оскорблённую в самых святых своих чувствах.

— Вы понимаете, Андреевич, насколько это важно для меня, — жаловался он уже ночью, когда все, кроме нас двоих, заснуло. — Как можно так делать?

Мы лежим в спальных мешках поверх надувных матрацев под высокой скалой, упирающейся своей чёрной громадой в небо. Прошитое яркими звёздами небо нависает так низко, что если бы не скала, подпирающая его, оно опустилось бы прямо на нас. Немного ниже реактивным самолётом ревет могучий поток. Поначалу, пока не привык, часто просыпался: казалось, что вода начинает нас заливать. Вот-вот подхватит, швырнёт вниз, в стремительное течение, в яростно вспененные волны, разобьёт о лобастые камни. Но в конце концов, привык, и постоянный этот грохот уже не тревожит, а убаюкивает.

Как могу, утешаю своего друга. Говорю, что Виктор Никитич заметил фотоаппарат уже после того, как мы выехали за кишлак, так что всё равно было поздно. А сказал это шутливым тоном.

— Как можно так шутить?

Бедный Григорий Михайлович! Он всё воспринимает всерьёз. Он совершенно не понимает, как можно говорить неправду. Поэтому и обмануть его легче, чем маленького ребёнка.

Вчера, например, мы остановились посреди широкой долины, на берегу мёртвого озера. Да и долина вся была мёртвая: ни единого растения, даже

травинки, одна только глина, ну, и белые пятна солончаков. Остановились из-за нескольких буровых скважин: Виктор Никитич как гидрогеолог должен был взять из них пробы воды. Да ещё надеялись найти агаты. Какие-то геологи вроде бы здесь подняли (ох, уж это вроде бы!) несколько сказочных агатов: на пурпурном фоне — снежно-белые муаровые линии. Нам не удалось увидеть агаты собственными глазами, о них рассказали те, кто вроде бы их видел (снова это вроде бы!), но мы обязаны были проверить эти данные. Натягивали палатку и смотрели, облизываясь, на красные холмы метрах в трёхстах от нашего временного лагеря: именно там, по рассказам, должны были быть агаты.

— Григорий Михайлович, пошли, пока видно.

— Идите, я вас догоню.

Я и Анатолий не успели ступить несколько шагов, как позади прозвучал отчаянный крик:

— Где мой молоток?.. Кто видел мой молоток?..

Все вещи Григория Михайловича имели удивительное свойство исчезать именно тогда, когда они были более всего необходимы.

Я подумал, не повернуть ли назад, Но Анатолий уже подходил к красным холмам. И я, заглушив голос собственной совести, бросился вслед. Агатов мы там не нашли.

— Будем знать, что их здесь нет, — утешил меня Анатолий — он всегда находил причину для утешения. — А где же наш Григорий Михайлович?

Заинтригованные, возвращались мы в палатку. И ещё издали увидели странную картину...

Но чтобы представить себе эту картину как можно чётче, попытаемся изобразить самого Григория Михайловича.

Возьмите чистый лист бумаги, подберите самое тонкое перо. Проведите длинную ломаную линию — это и будет Григорий Михайлович. Вот такая линия, сломавшись пополам, и катила на наших глазах огромный валун.

— Неужели агат? — удивился Анатолий.

— А может, золотой самородок?

— Вот, — сказал с упрёком Григорий Михайлович, когда мы подошли, — пока вы где-то ходите, я спасаю палатку.

— От чего?

— От урагана.

Около палатки уже лежали два валуна.

— Кто вам это сказал?

— Крат... Ночью будет ураган.

Мы переглянулись: глаза Анатолия загорелись предчувствием очередного розыгрыша.

— Виктор Никитич, — обратился он к Крату, который как раз возвращался с буровой скважины, — действительно будет ураган?

— Господь с вами, какой ураган?

— Да вот Григорий Михайлович говорит...

— Так он шутит.

— Да ведь вы же сами говорили! — вопль несчастного долетал до небес.

— Я вам говорил? Я сказал совсем другое: вы так храните, что может сорвать палатку. Поэтому её нужно закрепить как следует...

— Я храплю?.. Я?.. — задохнулся Григорий Михайлович. И весь вечер не мог успокоиться:

— Нет, вы только подумайте: я храплю!

Его почему-то больше всего возмутило не то, что Крат заставил его катить тяжелейшие валуны, а утверждение, что он храпит.

— Поверьте мне, Андреевич, сколько я живу — никогда не храпел.

Я слушал этого взрослого ребёнка и не знал, что делать: сочувствовать или смеяться. Такое трогательное сочетание детской наивности со старческой мудростью мне встречалось впервые. Настоящий учёный, ясная голова, ведущий работник научно-исследовательского института, руководитель большой темы: экспедиция наша совершалась, собственно, потому, что с нами ехал Григорий Михайлович.

— Григорий Михайлович, ну, кому же, как не вам, знать геологов! Вы же сами геолог. Нигде, кажется, так не “покупают” друг друга, как среди этого народа. Родного отца не пожалеют, если представится удобный случай. Это уже традиция...

— Идиотская традиция!.. — сердится Григорий Михайлович. Он никак не может понять, как на подобные мелочи можно расходовать драгоценную энергию мозга. — Я храплю!..

— Да не храпите вы!

Успокоился, наконец. Повернулся на спину и моментально заснул. Так, как может засыпать только он: без дремоты, экономя время. Силой своей бешеной воли, в чём я имел возможность убедиться не раз. Как-то (это было в Казахстане) он простудился. Температура под сорок, пылает огнём.

— Вы лежите, я сам пойду за агатами.

Он вскочил, поспешно стал обуваться:

— Я тоже пойду.

— Куда вам идти! Умрёте!

— Андреевич, мне лучше знать, умру я или нет. Через час буду абсолютно здоров.

Вышел из палатки. Под холодный ветер и дождь. Через час в самом деле от горячки не осталось и следа...

Во второй раз он спас уже меня. Когда я, перегревшись под безжалостным солнцем пустыни, свалился от теплового удара. Я уже даже не болел — я умирал. Всего меня выворачивало, голова разваливалась, сердце трепетало в груди. Лежал в какой-то покинутой мазанке, попавшейся нам на пути, и в болезненной агонии ожидал неминуемого конца.

И тут надо мной склонился Григорий Михайлович — всё это время он ни на шаг не отходил от меня.

— Андреевич, вам очень плохо?

Я только застонал.

— Я вам сейчас помогу. Мне только надо выйти наружу, чтобы сосредоточиться, — стояла ночь. — А вы постарайтесь расслабиться.

Я, кажется, уже бредил, потому что не заметил, когда он вышел, когда вернулся.

— Сейчас вы заснёте.

Две тёмные ладони нависли надо мной. И столько ласки, столько тепла было в этих ладонях, что я всем своим существом трепетно потянулся им навстречу. Растворился в них и сразу же провалился в сон. Глубокий, крепкий, без сновидений. До самого утра.

Поднялся, всё ещё не веря в чудо, которое свершилось: как будто и не болел. Чувствовал себя свежо и бодро.

— Я передал в вас частицу своей энергии, — объяснил Григорий Михайлович. У него был такой вид, словно он сам только что поднялся после тяжелого недуга.

Не знаю, что это было: гипноз или действительно какая-то биотерапия. Только от болезни моей не осталось и следа...

Речка разгулялась не на шутку: аж земля дрожит. Скала, нависавшая над нами, тоже вроде бы начинает вздрагивать. Гляди, ещё завалится! “А что, если землетрясение?” — возникает тревожная мысль. По дороге из Душанбе в Ленинабад, если спускаться с перевала, в мрачном и глубоком ущелье, куда и солнце боится заглянуть, ещё до революции во время землетрясения произошёл грандиозный обвал. Гигантская гора сползла вниз, похоронив целый кишлак. И хотя с тех пор прошло уже столько времени, жутко проезжать по той дороге: речка здесь исчезает под горой камней, заваливших кишлак, чуть слышно шумит внизу, и кажется, что это обращаются к нам, к живущим, души погибших. Не случится ли с нами такое?

Настороженно поглядываю вверх. Чёрная громада неумолимо и тяжело нависает над головой, готовая вот-вот завалиться вниз. Становится по-настоящему страшно, и уже не греет спальный мешок, а надувной матрац становится твёрже камня.

А спутникам моим хоть бы что! Крепко спит Анатолий (ему не привыкать к горам), недвижно торчит борода Виктора Никитича, из машины высовывается спальник Гириштейна. Как всегда, хозяйственный и собранный, он ещё с вечера заправил паяльную лампу, положил на неё спички, а в чугунок набрал воды. Кто первый встанет — всё под рукой. Матово отсвечивая фарами, отдыхает наш трудяга-“уазик”, который намотал сегодня не одну сотню километров по таким головокружительным подъёмам и спускам, что можно их показывать в цирке. Спит Григорий Михайлович, только на этот раз забыл, должно быть, “включить” глубокий сон: всё время вздрагивает, будто что-то ищет. Не видится ли ему та красавица, которую так и не сумел сфотографировать?

Непрочный, словно призрачный, мирок, достаточно дунуть — не останется и следа, а какой же милый и уютный!

Вздыхаю от полноты чувств, насильно закрываю глаза, заставляя себя не думать о миллионах тонн, нависающих над головой.

А о чём же тогда думать?

О неожиданной для меня этой экспедиции, об Огневых и Анатолии.

Всю жизнь буду благодарен Григорию Михайловичу за то, что он познакомил меня с Анатолием, а позже с Огневыми.

Мы с ним принадлежим к тому неистребимому племени каменщиков, которые готовы на край света податься за одним-единственным агатом. Почему именно агатом? Да потому, что каждый камушек этого самоцвета неповторим. Среди миллионов агатов вы не найдёте двух абсолютно похожих. Агаты — ярко выраженные самобытные существа, со своим, только им присущим рисунком и цветом. Только в агате, особенно муаровом, бывает столько самых тонких линий на один миллиметр; их трудно не то что посчитать, а и отличить. Григорий Михайлович говорит, что если космические гости и побывали на нашей планете, оставив какую-то информацию, то её следует искать, прежде всего, в агатах. Эта красивая гипотеза всегда приходит на память, когда я люблюсь очередным камнем с особенно причудливым и замысловатым рисунком. В закономерности цветов, в взвихренности линий, в необычайной чёткости и завершённости есть что-то от разума, а не от слепой игры природы.

Анатолий не раб агатов, ему подавай кристаллы — ведь они любят забираться высоко вверх.

Я не знаю, как он набрёл на Григория Михайловича, а тот уже по эстафете передал его мне.

— Андреевич, хотите познакомиться с интересным человеком? — Григорий Михайлович всегда разговаривает по телефону так, будто у него вырывают из рук трубку: быстро и сердито.

“Ну, что вы меня вроде как ругаете! — Да никто вас не ругает!” — звучит ещё более сердитый ответ.

— Хочу.

— Тогда я его сейчас к вам пришлю. Учтите: это товарищ с Памира, где мы с вами ещё не были.

Не скажу, чтобы “товарищ с Памира” мне сразу понравился. Было в нём что-то такое ершистое и колючее, такое нескрываемо въедливое, что невольно вызывало настороженность. Рассматривал мою коллекцию агатов с таким видом, будто вот-вот собирался сказать: “И это всё?..”

Задетый за живое, я выкладывался, как говорится, до конца: доставал особенно ценные и редкие экспонаты, рассказывал, насколько они уникальны.

— Ничего камушек, — соглашался он с какой-то ноткой превосходства в голосе. А когда, заведённый им окончательно, я открыл свой заветный ящик и предложил взять что угодно на память о нашей встрече, он вроде бы даже как-то нехотя отобрал несколько агатов. — Не ограбил вас, надеюсь?

Ну, и типчика подсунил мне Григорий Михайлович!

Единственное, что меня удержало от въедливой реплики (“Ну, куда уж нам, серым, тягаться с вашим Памиром!”), это его ноги. Я сразу же обратил внимание на его необычную походку. Он ступал, как будто падал, ступал, словно каждый раз одолевал невидимую преграду. Только тогда, когда

он разулся, чтобы не топтаться по ковру (расшнуровывал высокие, очевидно, на заказ сшитые ботинки), когда вошёл в комнату, я понял причину такой его походки: у него не было ступней. Их вроде б обрубили топором, и ходил он фактически на пятках...

Попрощались мы теплее, чем встретились. Во-первых, я выяснил, что он мой земляк, с Украины. А на Украине, как утверждает писатель Александр Ковинька, плохих людей просто не бывает. А во-вторых, я пригласил его пообедать, и уже за обедом он немного оттаял: стал рассказывать о памирских семитысячниках так, как будто сам там побывал, а мне, признаться, всегда нравились во что-то влюблённые люди.

— Приезжайте в Душанбе! — пригласил он на прощание. — Сходим в горы.

“Куда уж тебе, бедняге, ходить в горы!” — подумал я, стараясь не смотреть на его обрубленные ноги.

Прощаясь, он первый подал мне руку. Пожатие было энергичное и крепкое.

Где же он всё-таки умудрился вот так покалечить ноги?..

Во второй раз я встретился с Анатолием уже в Таджикистане, в Душанбе. Правда, прилетел не к нему: Григорий Михайлович однажды с присущей ему манерой позвонил и выпалил:

— Андреевич, немедленно собирайтесь!

— Куда?

— Летим в Душанбе.

— Когда?

— Завтра. Я уже заказал билеты на самолёт. Есть реальная возможность побывать на Памире.

— А сегодня мы не могли бы полететь? — Я вложил в свой вопрос как можно больше сарказма.

— Андреевич, вы думаете, мне так легко было заказать билеты! — сразу же сорвался на крик Григорий Михайлович. — Я всю академию на ноги поставил!

Что он это мог сделать, я ничуть не сомневался. При всей своей неорганизованности в быту, при всей своей жизненной незащитности Григорий Михайлович там, где речь шла о делах служебных, мог любую бетонную стенку пробить. “Не сам ли президент бегал заказывать билеты?” — подумал я.

— Так что собирайтесь! — у него не было никакого сомнения, что я не откажусь.

И я, кладя трубку на рычаг, уже знал, что полечу-таки. Полечу, хотя меня ожидали тысячи срочных дел, которыми обрастает человек, живущий в городе... Стой, а билеты!.. Два билета в оперный театр, которые достала жена. “Мы с тобой никогда не ходим в театр. Всё дела, дела, и на люди некогда выйти! — Как же, голубушка, выйдешь!” Я уже доставал свой огромный рюкзак, куда можно было пол-Киева втиснуть, искал туристические ботинки и спальный мешок...

— Летим прямо к Огневым, — сообщил Григорий Михайлович уже в самолёте (рейс 3248, Киев — Душанбе, десять тысяч метров над горой дел, которые так и остались недоделанными, над моими терпеливыми женой и мамой).

— А кто такие Огневы?

— Огнев — мой давний товарищ. Вместе учились в институте. Они оба геологи... Да вы сами убедитесь, какие это прекрасные люди!

— Дети у них есть?

— Что-то, кажется, есть, — как всегда, от того, что непосредственно не относится к делу, небрежно отмахнулся Григорий Михайлович.

У Огневых было аж трое детей: старшая дочь и два сына. Сами же Огневы, действительно, оказались на диво сердечными людьми: приняли нас, как родных, и на протяжении недели, когда мы сидели на их шеях, делали все от них зависящее, чтобы мы не скучали. Хотя Николай Сергеевич и Валентина Сергеевна давно уже распрощались с полем, в душе они оставались такими же молодыми геологами из того непоседливого племени, которое

с первым дуновением весны теряет покой и начинает собираться в дорогу, как птицы в тёплые края. Да, собственно, они никогда не порывали с геологией: Николай Сергеевич до сих пор работает в геологическом управлении Таджикистана первым заместителем начальника и, как говорится, минуты свободной не имеет; Валентина Сергеевна движет вперед геологическую науку в одной из проблемных лабораторий. Они и приняли самое деятельное участие в подготовке нашей экспедиции.

Несколько вечеров подряд просидели мы над картами Памира, определяя самые интересные места, которые стоит посетить, и главный гидрогеолог Виктор Никитич Крат, который должен был осуществлять инспекторскую поездку по буровым скважинам, только и знал, что остуживал наши горячие головы:

— Здесь машина не пройдет!

Или:

— Это слишком в стороне от основного маршрута.

— Но ведь там должны быть агаты! — стонали мы с Григорием Михайловичем.

— В следующий раз поедем. Вы что же, одним махом хотите весь Памир ограбить?

Потом к нам присоединился Анатолий, который как раз ушёл в отпуск:

— Зор-Бурулюк!.. Если что-то интересное и есть на Памире, то только на Зор-Бурулюке!

— А где он, этот ваш Зор-Бурулюк? — допытывались мы, очарованные уже самим названием.

— На Восточном Памире. В районе Мургаба.

Две пары глаз — мои и Григория Михайловича — молитвенно смотрели на Крата.

— Можно, — кивнул аккуратной бородкой Виктор Никитич. — Нам всё равно нужно быть в том районе: недалеко от Мургаба работают наши гидрогеологи.

Восточный Памир, Мургаб, Зор-Бурулюк... Названия эти уже вошли в нашу кровь, как яд. Жадно рассматриваем карту, сплошь закрашенную в густо-коричневый цвет. Высота не ниже четырех тысяч метров. Тоненькая ниточка дороги, тянущаяся сперва над Пянджем, поднимается потом на коричневое плато, упираясь в небо.

— Захватите побольше тёплой одежды, — предупреждает Огнев.

Я недоверчиво смотрю на милого нашего хозяина: “Тёплая одежда? Посреди лета? Когда на улице в тени почти сорок? Садись в троллейбус — выходишь насквозь промокший...” Не очередной ли геологический розыгрыш?

Но Крат серьёзно отвечает:

— Я уже сказал Гирштейну.

Фамилия Гирштейна упоминается в течение всего вечера. Памирский шофёр неровня нашему белоручке, который только и знает, что крутить баранку и нажимать на педали. Памирский шофёр — это и завхоз, и начпрод, и повар, а часто и геолог. Он должен проследить, чтобы его пассажиры среди ночи не стучали зубами, а днём не ходили голодными. Должен помнить, где что лежит в фантастической горе снаряжения и вещей, чудом уместившихся в машине. И ко всему ещё должен вести эту машину. По двенадцать, а то и по восемнадцать часов в сутки, днём и ночью, по таким высокогорным дорогам, что наш самый смелый водитель, выскочив из кабины, упал бы на дорогу и, закрыв глаза ладонями, закричал бы в отчаянии: “Мама!” Памирский шофёр должен иметь зрение орла, сердце льва, реакцию кобры. Иначе на первом же повороте он полетит вместе с машиной в пропасть.

Впрочем, иногда и это не спасает. Когда мы уже забрались в горы, я поначалу полагал, что столбики над аккуратными кучками камней расставили орудовцы, отмечая особо опасные участки дороги. И только потом узнал, что так обозначают тут места, где погибли водители. Десятки столбиков попадались нам по дороге, а в одном месте, в зоне камнепада, мы тоже чуть было не заработали столбик: огромный двухметровый валун, нависавший над самым узким участком дороги (слева — сплошная каменная река, которая так

и дышала, справа, под самыми колёсами — чёрная бездна, куда и смотреть жутко), — валун в несколько тонн вдруг надумал сдвинуться с места: раздался страшный треск, наша машина, дёрнувшись, замерла, а в прорванное отверстие злобеще заглянула каменная серая мордяка. И столько тупой безжалостной ярости было в той морде, что, онемев, мы продолжали неподвижно сидеть и загипнотизированными кроликами смотрели на неё.

— Из машины! — закричал Гирштейн.

Как мы очутились на дороге, не помню. Стоя позади нашего “уазика”, глядели на каменное чудовище, которое, упершись лбом в машину, пыталось спихнуть её в пропасть.

Оставшийся за рулём Гирштейн снова завёл мотор. Машина вздрогнула, точно раненая, и стала осторожно, сантиметр за сантиметром, продвигаться вперёд. И нам всем казалось, что валун, не желая её отпускать, медленно движется за ней...

— Можете считать, что нам повезло, — сказал Виктор Никитич. Он так и не оставил машину — сидел рядом с Гирштейном. И рассказал, что на этом самом месте полетела в пропасть целая таджикская свадьба: грузовая машина вместе с молодой, молодым, гостями и оркестром.

— Неудивительно, — отозвался Анатолий. — Вы разве не видели, как они ездят?

Видели. Шофёры-таджики ездят так, будто у каждого за спиной крылья. Основную свою задачу они видят в том, чтобы выжимать из машины всю скорость, какую она только способна развить. Страшно смотреть, как летит над пропастью вот такой обезумевший кусок железа, дерева и резины. Как его мотаает из стороны в сторону, как заносит и кидает. Изю всех сил сигнала, машина вихрем обгоняет осторожный наш “уазик”, а таджики, сидящие в кузове, вместо того чтобы выпрыгивать, спасая свои души, что-то весело нам кричат и машут руками. Вот так, крича, смеясь, размахивая руками, полетят прямо в рай, где, говорят, розовые напитки и сладкий щербет. И по семь гурий на каждого. Непостижимо отчаянный народ!

Киевские наши орудовцы за час поседели бы, если бы их поставили регулировать движение на памирских дорогах. Не то таджикская милиция. “Торопись на тот свет? Гоняй, дорогой!”

Накануне отъезда мы побывали у Анатолия. Он давно звал к себе (“Министерских закусок-напитков не будет, — намёк на Огневых, — мы люди скромные, зато увидите пару прелюбопытнейших кристалликов”), но нам никак не удавалось выбраться. Наконец, получили ультиматум: “Либо приедете ко мне, либо я с вами не поеду!”

Анатолий жил на окраине, поэтому добирались к нему почти час. Пятиэтажные стандартные дома, возведённые ещё в шестидесятые годы, во время борьбы с архитектурными излишествами, стояли, напоминая рахитичных близнецов. Не будь они обозначены номерами, даже тот, кто в них живёт, не смог бы попасть домой. Узкие лестницы, стены, выкрашенные ядовито-зелёной краской, столь любимой нашими управдомами, клетушки-комнаты, в которых потолок можно достать рукой. Двухкомнатная квартирка, где, кроме Анатолия, жил тогда его сын Михаил, а теперь и ещё один сын, так что живут они уже вчетвером, не считая матери Анатолия, вынужденной нянчить внуков. Но тогда был только Михаил: пятилетний человечек, обещавший в будущем стать точной копией своего папочки. Те же волосы, неподвластные никакому гребешку, те же чернющие, угольками, глаза, та же упрямая складочка, едва заметная пока на детски чистом лбу. И, конечно же, собственная, отдельно от отца, коллекция: малюсенькие кристаллики в деревянной коробке, которую он держал в руках с самого утра, ожидая гостей.

Так что сначала мы должны были отдать должное Мишкиной коллекции, а потом уже перейти к отцовской. Мальш ревниво следил за каждым кристалликом, заглядывая нам в глаза: понравилось ли? В общем, достойная смена нам обеспечена.

В коллекции Анатолия друзья и отдельные кристаллы самых разнообразных цветов и размеров переливались, мерцали, сочились живыми огнями. До сих пор равнодушный ко всему, кроме агатов, я впервые понял тогда, что

и кристаллы, со вкусом подобранные и удачно расставленные, могут произвести большое впечатление. Могут понравиться не меньше, нежели агаты.

— Больше, Андреевич! Больше!

Я сразу же вспомнил, с какой миной рассматривал Анатолий мою лекцию, и решил отплатить ему той же монетой. Сделал выражение лица как можно более равнодушным, ещё и губу скептически надул.

Уникальный кристалл аметиста?.. Да у нас дороги мостят такими кристаллами!.. Редкостный японский двойник?.. Подумаешь, редкость!.. Два кристалла срослись крест-накрест, и уже редкость. Вот если бы так срослись кристалла четыре...

Но я еще не знал как следует Анатолия.

— Походим как следует по Памиру — найдём и четыре!

А вот что меня потрясло по-настоящему, так это огромное, в полстены, фото, больше напоминавшее картину, настолько впечатляющей была на нём каждая деталь.

Анатолий потом говорил, что автор этого шедевра — самый талантливый фотограф во всем Союзе. Не знаю. У него всё, что касалось Памира, начиналось с “самый”, но эта фотография действительно представляла собой настоящее произведение искусства. Где-то высоко в горах, среди хребтов гигантским холмом изогнулось поле застывшего снега. Снег, камень, чёрное, как в космосе, небо — и тишина. Всё онемело, замерло, скованное вечным молчанием, где нет места ничему живому. Тем сильнее поражала одинокая фигура альпиниста, который, прокладывая за собой тоненькую ниточку следа, упрямо преодолевает этот холм. Я почти ощутил, как тяжело даётся ему каждый шаг, каждое движение среди этой снежной беспредельности, и в то же время понимал: он не остановится. Ни за что не остановится, что бы там не случилось! Столько упорства было в этой фигуре. И было в этом альпинисте что-то очень знакомое.

— Неужели это вы? — спросил я с удивлением.

— Было такое дело, — и его обветренные губы шевельнулись в едва заметной улыбке.

Выходит, Анатолий раньше был альпинистом. Потому что без стоп он ведь не мог уже забраться на такую высоту.

В том, что он был альпинистом, я имел возможность убедиться ещё раз. Неделю назад, на Бартанге. Когда мы отправились в первый поход, оставив в кишлаке Гириштейна с машиной.

Там, вдали, в конце длиннейшего сая, протянувшегося на много километров и разрезавшего высокие хребты, должны были быть турмалины. У Анатолия была схема, начерченная знакомым геологом, который побывал на месторождении.

— Кристаллики — закачаешься!..

Целый день, с утра до вечера, одолевали этот сай. Едва заметная тропинка, поднимающаяся все выше и выше, вела то по правому, то по левому берегу безымянного потока, впадавшего в Бартанг. Безымянность не мешала ему пробить глубочайшую расщелину там, где скалы грозно нависают над головами, прижимая нас к потоку, катившему вниз бурные свои воды; где гигантские камнепады преграждают путь, и приходится скакать с камня на камень, испуганно поглядывая вверх: не начинает ли двигаться миллионотонная масса породы; где головокружительные подъёмы и спуски выматывают душу, а солнце печёт так, словно вознамерилось сделать из нас мумии; где лёгкий поначалу рюкзак с одеялом и спальным мешком, “сухим пайком” на трое суток, штормовкой и свитерком с каждым шагом становится всё тяжелее и тяжелее, а лямки всё больше врезаются в плечи. Мы всё чаще останавливались отдыхать, потому что сай тянулся бесконечно: за последним, казалось, поворотом появлялся новый, а того бокового сая, в котором и должны были залегать турмалины, было не слышно и не видно. Мы уже не шли, а обречённо тащились, и даже Виктор Никитич, который бодрился всю дорогу, замолк. Один Анатолий шёл так, словно только что отправился в путь, шёл, как машина, вроде бы и не спеша, но и не останавливаясь. И когда мы устроили привал и тут же попадали на землю, освобождаясь от

рюкзак, он и не думал отдыхать: то карабкался на какой-нибудь особенно интересный утесик, чтобы постучать по нему молотком, то бродил над потоком, рассматривая отшлифованную гальку, забывая даже рюкзак сбросить, а рюкзаки у него весил вдвое больше наших: кроме спального мешка, харчей и маленькой палатки, было там альпинистское снаряжение: металлические крюки, мотки шнуров, тяжеленные запасные триконы, окованные железом. Я никак не мог понять, для чего он взял вторую пару обуви, пока мы с ним, немного поотстав (снова вскарабкавшись на какой-то утёс, он крикнул: “Идите, я догоню!”), не прозевали очередной мостик, и дорогу нам преградила совершенно неприступная скала; вверху нависало такое, что заколебался даже Анатолий.

— Вы не пройдёте. Придётся возвращаться назад.

Я чуть не взвыл от мысли, что нужно возвращаться. Потерять с таким трудом завоеванные метры!

— А может, как-нибудь перебрём на ту сторону?

— Здесь? — саркастически спросил Анатолий. — Здесь от вас, уважаемый, и следа не останется, по камням размажет. А если уж перебираться, то в каком-нибудь другом месте.

И мы повернули назад. Поток через несколько сот метров расширился, наконец, разлился по ложбине, разделившись на три ручья. Тут уже не так жутко ревело, не ходили ходуном вспененные волны, вода мчалась густая и прозрачная, как расплавленное стекло. Анатолий достал нож, вырезал две большие палки, одну дал мне.

— Будете упираться в дно со стороны течения. И не смотрите в воду. Дайте свой рюкзак.

Повесил спереди мой рюкзак, шагнул, как был в ботинках, в поток. Вода забурилась, обтекая ноги. Анатолий шёл, осторожно нащупывая дно, прежде чем поставить ногу. Перебрался через один рукав, через другой, преодолев третий, махнул мне рукой, чтобы начинал перебираться и я. Я сел разуваться.

Я всё ещё стоял, колеблясь: мне не хотелось мочить ботинки — запасных я не имел. “Да что это я, в самом деле, лето ведь на улице! Перебреду босиком!” Быстренько разулся, повесил ботинки на шею и, радуясь собственной сообразительности, ступил в поток.

То, что сразу впелилось в мои босые ноги, можно назвать чем угодно, но только не водой. Что-то пружинистое, плотное и такое ледяное, что я чуть не задохнулся. Оно било в ноги, сдирая кожу, а в мои изнеженные размягчённые ступни городского жителя и лежебоки, не знавшего ничего более твёрдого, чем войлочные стельки, злорадно впелись острые камни.

Кое-как преодолев первый рукав, я долго пританцовывал на горячей гальке, пытаясь хоть немного согреться. А меня ведь ожидало ещё два рукава!

Третий я преодолевал на последнем дыхании. Ноги уже были не мои: две ледышки ступали по дну, острая боль от холода докатывалась до самого сердца. Казалось, что и сердце уже начинает остывать и вот-вот остановится. Дрожь, как в лихорадке, выщёлкивая зубами так, что слышно было, наверное, в Душанбе, выбрался я, наконец, на берег и сразу же упал, задрал ноги к солнцу. Готов был воткнуть в него свои ноги по самые колени.

— Чайку не хотите?

Он ещё спрашивает!

Стеная и всхлипывая, я схватил алюминиевую кружку, стал пить тёплый чай, густой и сладкий, налитый из баклаги. А рядом уже трещал небольшой костёр — под чай, и Анатолий следил, чтобы я не залез в огонь с головой.

Почаевничав как следует, мы отправились догонять своих спутников. С каким же наслаждением ощущал я на своих бедных ногах шерстяные тёплые носки и сухие ботинки!

Нужный нам боковой сай вынырнул аж под вечер. Солнце уже успело спрятаться за горы, с покрытых снегом вершин, величаво поднимавшихся к небу, подул, стекая стремительно вниз, холодный ветер. Только что мы задышали от жары, мечтая о малейшей тени, а теперь приходилось поспешно натягивать свитера и штормовки. Ещё достаточно хорошо видно, но нужно

заботиться о месте для ночёвки, потому что найти ровную площадку здесь не так-то легко. Наконец, Анатолий, взобравшись на тридцатиметровую крутизну, утыканную валунами, держащимися на честном слове, крикнул, чтобы мы поднимались к нему, и мы полезли вверх. Пока поднимались, он уже расчистил площадку и стал готовить место под костёр. Виктор Никитич, освободившись от рюкзака, отправился вниз по воду, а мы с Григорием Михайловичем собирали хворост.

Потом, когда надули матрацы и разостлали спальные мешки (палатки ввиду ясного неба решили не ставить), когда немного пожевали консервов и напились властью, до изнеможения, горячего чаю, ещё долго сидели у костра, не двигаясь, чувствуя, как усталость постепенно выходит из натруженных тел. Над нами уже сверкали неправдоподобно большие памирские звёзды, далекий их свет сеялся торжественно и спокойно, а чёрные хребты, поднимавшиеся им навстречу, дышали вечностью. Всё, что до сих пор волновало и тревожило нас, что казалось чрезвычайно важным и жизненно необходимым, растворилось в тишине, такой первозданно могучей, что все хлопоты наши выглядели теперь смешными и ничтожными. Мы сидели, замерев, чувствуя, как тишина входит в наши тела, наполняя сердца наши и души, и что-то постепенно меняется в нас самих: мы как бы приобщались к вечности, к её первоисточникам, давно нами утерянным.

— Что ж, пора спать, — отважился нарушить тишину Виктор Никитич. — Никто больше чая не хочет?

Никто не хотел — налились до краёв.

— Тогда, с вашего позволения, я допью...

И тут Григорий Михайлович, решив, очевидно, что нам стало скучно, настроился на ночь почистить зубы.

— Виктор Никитич, вы весь чай выпили?

— Весь.

— Чем же я почищу зубы?

— А вы что, не можете потерпеть до утра? — удивился Анатолий. — Целоваться здесь не с кем...

— Анатолий Михайлович, если вы не понимаете, как для меня важно почистить зубы, то лучше помолчите!.. Виктор Никитич, вы действительно выпили весь чай?

— Выпил. До последней капли.

— Странно, странно...

Григорий Михайлович какую-то минуту стоит, покачиваясь на одной ноге (он всегда поджимает одну ногу, когда начинает волноваться), потом склоняется над рюкзаком, что-то достаёт, идёт на край обрыва.

— Вы куда?

— Как куда? К реке, чистить зубы.

— Вы что, хотите себе шею свернуть? — спрашивает Анатолий сердито. — Ничего ведь не видно!

— Но я ведь должен почистить зубы! — голос его уже долетает откуда-то из бездны.

Через какое-то время слышим грохот, словно полгоры обвалилось.

— Почистил! — раздаётся замогильный голос Анатолия. Он срывается и бежит к пропасти.

— Посидите, Андреевич, здесь, — встревоженно говорит Виктор Никитич и бросается вслед за Анатолием.

Усидеть я, естественно, не могу. Подошёл к краю пропасти, стал напряжённо вслушиваться. Черно так, будто залито смолой. Глухо шумит поток: ни крика, ни голоса. Мысли, одна тревожнее другой, забираются в голову, и начинает мерещиться такое, что я теряю остатки покоя. Мне уже кажется, что там вообще не осталось никого в живых. Вспоминаю об электрическом фонарике, лежащем в рюкзаке. Лихорадочно шарю, выбрасывая всё подряд, и мне кажется, что меня кто-то зовёт. Оттуда, из бездны. Нащупываю, наконец, фонарик, бегу к пропасти. И тут до меня доносятся сердитые голоса. Всё во мне обмякает, ненужный теперь фонарик бессильно повисает в руке.

— Чтобы это было в последний раз!

— Но ведь должен же я почистить зубы!

— Я бы вам почистил!

— Сколько можно объяснять, что вы запросто могли сейчас разбиться? Кому были бы нужны ваши чистые зубы?

— Анатолий Михайлович, как вы не понимаете, что я не могу заснуть, не почистив зубы!..

Первой появляется тонкая фигура Григория Михайловича. Белое полотенце в руке несколько не означает, что он капитулировал. Чёрт его знает, что за человек: у него странные, совершенно неприемлемые представления о собственной безопасности. Затяни его на Джомолунгму — среди ночи ползет вниз, вспомнив, что у него нечищенные зубы.

— Но ведь вы действительно могли разбиться! — говорю ему, когда мы уже улеглись.

Он так и взвился в своём спальном мешке:

— Андреевич, запомните: я никогда не разобьюсь! Если сам этого не захочу, — в нём, наверное, ещё до сих пор кипит спор с Анатолием и Кратом...

“А может, и в самом деле? — шевелится крамольная мысль. — Может, они, эти учёные, из другого теста выпечены?.. Для чего-то же он изучал философию йогов, тибетские манускрипты? Поговорить с ним, послушать хотя бы его космогенную гипотезу — голова идёт кругом! Неужели у учёной этой братии участвует в мышлении не десятая часть мозга, а значительно большая? И для чего, зачем мы всю жизнь носим этот мёртвый капитал, ни разу не воспользовавшись им? Дух захватывает при одной только мысли, как далеко шагнуло бы человечество, если бы включило свой мозг на полную мощность! А может, мы не готовы к этому? Может, общество, которое состояло бы сплошь из гениев, просто не в состоянии было бы существовать? И посредственности, возможно, не менее необходимы, чем гении? Ведь и природа вся замешена на контрастах...”

Вот такие мысли приходят в голову. Не там, в районе Бартанга, в безымянном сае, над пропастью, где едва не оставил свои зубы Григорий Михайлович, а за хороших полтысячи километров, на пороге Восточного Памира. Гигантская скала нависает над головой, и под ней не так-то легко заснуть.

Мы так и не нашли в том сае турмалинов, хотя обшарили все подозрительные места. Обшарил, правда, в основном Анатолий: перепады в несколько сот метров быстро остудили мою и Григория Михайловича поисковую горячку. Виктор Никитич как гидрогеолог тоже старался держаться потока, один только Анатолий неутомимым муравьём сновал то вверх, то вниз, не зная усталости. И нам оставалось разве что удивляться: только что был рядом, а через какой-то десяток минут уже вон где — упрямо взбирается на скалу. И когда уже где-то в полдень он сказал, что турмалинами здесь и не пахнет, мы ему сразу поверили. Тем более охотно поверили, что уже и руки болят, и очень хотелось есть.

— Турмалины нас ждут в Зор-Бурулюке, — сказал Анатолий, прихлёбывая чай; тугое худощавое лицо его дышало при этом такой непреодолимой верой в тот Зор-Бурулюк, что никто из нас не посмел высказать сомнение.

Зор-Бурулюк! Ещё совсем недавно недоступный район, белое пятно на геологической карте Памира. Где долины приподняты на высоту Эльбруса, а по пятитысячникам запросто шагают местные таджики, пасущие яков. Где дорожными указателями служат рога архаров, закрученные в могучие спирали, а к звёздам иногда ближе, чем к огням родного города. Где и поныне не присыпаны следы от копыт древних караванов, которые месяцами путешествовали среди суровых гор, везя экзотические товары из таинственной империи хинов. Где в километровой отвесной стене чернеет гигантская пещера, в которой, по рассказам, один из хинов-разбойников спрятал своё несметное богатство: серебро и золото, драгоценные камни и ювелирные изделия, способные потеснить ценнейшие коллекции всемирно известных музеев. Несколько дней и ночей там забивали мулов и лошадей, а затем прикладывали к каменной стене большие куски дмящегося мяса. Схваченное морозом, мясо намертво примерзало к скале — так возводилась самая удивительная

в мире лестница, по которой потом и занесли в неприступную пещеру награбленные ценности.

Гора эта высится и сейчас, а пещера в ней чернеет так же, как и столетие назад. Только не тоненькая тропинка, поотоптанная копытами мулов и лошадей, а хорошо накатанная дорога огибает ту гору. И как же было не выйти из машины и не рассмотреть, задрвав голову, загадочное отверстие! Оно казалось нам снизу величиной с тарелку, хотя мы уже знали, что туда запросто могла въехать грузовая машина.

Жутко было смотреть на неприступную крутизну и представлять себе фантастическую лестницу из примерзшего мяса, а на ней — муравьиные фигуры, выполнявшие волю грозного своего властелина. Я, возможно, и не поверил бы этому старинному преданию, если бы собственными глазами не видел овринги, кое-где ещё сохранившиеся на Памире. В дичайших саях, в неприступнейших местах, где самая тонкая тропка обрывается над грозным потоком, и впереди — только отвесно стоящие скалы, где не проползти даже муравью, а не то что человеку, местные таджики прокладывают овринги. Находят в скале едва заметные трещины и забивают в них кольшики. Кольшек за кольшком, кольшек за кольшком, все выше и выше, на головокружительную высоту: сорвёшься — трижды умрёшь, пока долетишь до земли или воды. А потом кольшики эти переплетаются ветками, настилаются старательно подобранными каменными плитами, и овринг готов. Узенький, шириной в десяток сантиметров серпантин — дьявольское сооружение, пригодное лишь для тех, кто родился в горах. Даже альпинисты, рассказывал Анатолий, боятся сразу ступить на это шаткое сооружение, даже они бледнеют и прижимаются к скале, когда под ногами над бездонной пропастью вдруг зашевелится плита или затрещит, прогибаясь, бог знает когда забитый кольшек, а ты ничем не застрахован: только скала, и под ногами — бездонная пропасть. А они, горские таджики, спуют по этим дьявольским сооружениям с таким видом, словно у них под ногами душанбинский асфальт. Однажды мне стало нехорошо, когда я увидел таджика, который не только сам поднимался по оврингу, а ещё и нёс на плечах малыша...

Зор-Бурулюк! Высокогорная долина с пересохшим руслом, в котором только в конце июня, когда в горах бурно начинает таять снег, появляется вода. Отшумит, пронесётся в своём древнем ложе, исчезнет бесследно, и снова зажелтеет сухой перемытый песок, заискрятся россыпи полевого шпата и кварцита, а уж тогда ходи — не зевай, всматривайся до боли, до судорог в глазах, не сверкнет ли среди этого моря огня холодная искорка топаза, вымытого высоко в горах? Не зарозовеет ли целомудренно скаполит, прикрываясь от пылающего солнца халцедоновой кепочкой? Не ударит ли в глаза чистейшей синью благородный сапфир, не запламенеет ли драгоценный рубин только что пролитой голубиной кровью? А то и сам турмалин, заветный кристалл Анатолия, чего доброго, засияет радугой...

— Турмалины! Многого вы, ребята, хотите! Я десятый год тут вкалываю, облазил всё вдоль и поперёк, а даже намёка не встретил...

Всеволод Митрофанович Дроздов — старожил Зор-Бурулюка и всего Восточного Памира. Белая, как вершины окрестных гор, голова, собранное в окаменевшие морщины лицо, неестественно светлые, пронизывающие глаза на фоне почти чёрной кожи: хоть отмывай, хоть скреби стальной щёткой — не побелеет! Сколько же лет этому человеку? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят? Дорого же даётся постоянное пребывание на крыше Памира!

Приземистая, с каменными стенами хижина, узенькие, словно старинные бойницы, окошечки, грубо сбитый стол, топчан и пенёчки вместо табуреток. Сам Дроздов, кухарка и шофёр — такие же просмоленные солнцем и ветром, да ещё грузовая машина-полуторка с начисто ободранной краской, отполированным до невыносимого блеска металлом, будто по нему старательно прошли наждаком, — вот и всё его хозяйство.

— Скаполиты нашёл. Завтра поведу — покажу.

И высыпал на стол несколько десятков кристаллов.

Мы замираем: на тёмных досках — застывшие в кристаллах солнечные лучи. Застывшие лишь внешне, в гранях плоскостей, а там, в глубине,

под прозрачной плёнкой, встревоженно мечутся во все стороны, вспыхивая золотистыми зайчиками; вот-вот вырвутся из векового плена, и тогда вся эта низенькая хатёнка озарится реликтовым светом, пойманным ещё в ту пору, когда наша Земля была на много миллионов лет моложе. Потом, уже в палатке, мы с Анатолием возбуждённо говорили об этих кристаллах, о Зор-Бурулюке!

Стояла холодная высокогорная ночь. Гирштейн, Крат и Григорий Михайлович остались ночевать с гостеприимным хозяином, а мы с Анатолием решили натянуть палатку: в хижине стоял неистребимый дух овечьего помёта — ещё недавно пастухи здесь держали овец. Наша палатка представляет собой альпинистское сооружение, приспособленное к тому, чтобы ставить её высоко в горах: лёгкая, удобная, не нужно ни морочиться с кольями, ни носить с собой металлическое крепление. Зато в ней не разгуляешься — два надувных матраца едва ложатся рядом; вот такой уютненький гробик — два на полтора. Да тут ещё и Всеволод Митрофанович предупредил: ночью может выпасть снег.

И действительно, едва мы угнездились, как ветер, до сих пор сильно тревоживший палатку, словно испытывая её на прочность, вдруг затих, а над нашими головами разнёсся сухой шелест. Как и всё на Памире, здесь и снег был сухой, и когда падал на кожу, то только лишь охлаждал, а не увлажнял. Шелестело всё сильнее, сыпало всё гуще. Я сначала подумал было с досадой, какой там, к дьяволу, может быть завтра поиск, ежели вот так будет мести всю ночь? Покроет всё с головой. Но тут же и утешился, вспомнив: а солнце! Горячее памирское солнце, способное за несколько минут расправиться с любым снегом. И так тепло, так уютно стало лежать в палатке под непрерывный этот шелест, что даже жалко было засыпать. И я, чтобы отогнать сон, переспросил Анатолия:

— Так как, найдёте завтра свой скаполит?

— Обязательно найду!

— Дроздов же там всё выклевал.

— Мой оставил.

— Напрасно вы всё же отказались. Найдёте или нет, а кристалл бы уже имели.

Анатолий повернулся ко мне:

— Уважаемый Андреевич, сразу видно, что вы никогда не были геологом. Знаете ли вы, что такое профессиональная слепота?

— Не знаю.

— То-то и оно!.. Почему Дроздов облазил весь Зор-Бурулюк, а нашёл лишь скаполиты? Да и то случайно.

— Потому что кроме скаполитов здесь, очевидно, ничего нет.

— Вы так думаете?

— А почему же тогда?..

— Потому что Дроздов всю жизнь ищет пьезокварц... Только пьезокварц... И замечает только лишь то, что связано с этим оптическим кристаллом. Вы думаете, только в физике или в медицине узкая специализация? Мы, геологи, слава Богу, тоже не плетёмся в хвосте... Веду поиск угля или нефти — пройду по алмазам, даже не наклонюсь. Подошвы о них, проклятых, сотру, а не замечу. Разве что в следующий раз это место буду обходить стороной... Агат?.. Турмалин?.. А что это такое?.. С чем их едят? Памир беден на драгоценные камни! Кто это сказал? Ходят только по долинам, землю носами роют, вверх глянуть некогда! А желуди над головой висят! Над головой, уважаемый!.. Есть у меня мысль... Идея одна... Покопался я в литературе, сопоставил — там кое-что имеется, уважаемый. Вот перейду работать в "Самоцветы" — попытаюсь приоткрыть этот ларчик. Так что годика через два приглашаю вас на Зор-Бурулюк...

Только теперь я понял, что он поехал с нами не случайно.

— Вы что, в самом деле хотите перейти в "Самоцветы"?

— Есть такая мыслишка.

— А возьмут?

— Вы о моих ногах? — спросил он жёстко. — Три года назад просился — отказали. Именно из-за ног. Как ты, мол, по горам будешь ходить? Там, дескать, физически здоровые сезон не выдерживают, а ты ведь калека...

— Ну, какой вы калека! Дай бог здоровому за вами угнаться!

— А я теперь не с голыми руками к ним явлюсь — золотце им принесу, — как будто не услышал меня Анатолий.

— Вы нашли золото?

— Нашёл. На семитысячнике. Такая аккуратная медалька, на ленточке муаровой. За сложнейшее стенное восхождение. На всесоюзных сборах.

— Что же вы раньше не показывали?

— А к чему она вам? Для коллекции вашей непригодна. Вы ведь, насколько я помню, интересуетесь только агатами.

Но его насмешливый тон сейчас на меня не действует.

— И вы поднимались на семитысячник? С вашими ногами?

— Было такое дело.

— Так вы что же, ещё и альпинист?

— Тоже, кажется, угадали.

— Вы не обидитесь, если я вас ещё о чём-то спрошу?

— На вас, Андреевич?! Что вы! — снова насмешка в голосе. Ну и колочий же человек!

— Стоп своих... вы когда лишились? На семитысячнике?

— Нет, не на семитысячнике — отнёс их немного ниже. На Ключевскую. Есть такая сопочка на Камчатке, может, слышали?

Ещё бы! Кто не знает о Ключевской сопке — знаменитом вулкане на Камчатке!

— Вы что, жили на Камчатке?

— На Камчатке не жил — на Камчатку свои стопы отвёз. Молодой был, глупый, вот и показались они мне лишними... А не пора ли нам хоть немного поспать? Учтите: Всеволод Митрофанович поднимет всех на рассвете.

Конечно, пора. Но я ещё долго не могу заснуть: думаю об Анатолии.

II

Думаю об Анатолии. Все время думаю об Анатолии. Хотя, кажется, со временем эти мысли понемногу меркнут... Нет, даже не мысли. Мысль можно прогнать, забыть, наконец, отмахнуться от неё... Нет, какое-то беспокойство, глухое и постоянно ощутимое, как глубоко загноившаяся боль, которая, куда бы ни шёл, что бы ни делал, а она вечно с тобой, она в тебе... Это неотступное беспокойство жило во мне и год, и два после совместного нашего путешествия на Восточный Памир. И чем больше проходило времени, тем сильнее я проникался судьбой необычайного этого человека.

Более или менее регулярно переписывался с Анатолием (преимущественно осенью и зимой: с мая по ноябрь он исчезал из Душанбе, поскольку устроился все-таки в "Самоцветы" и дорвался до своего Зор-Бурулюка. А посылать туда письма — всё равно, что по воде их пускать). Писал я в Душанбе и получал аккуратно ответы, и уже знал о золотистых топазах, и о скаполитах редкостного фиолетового цвета, которые дадут сто очков форы всем амethystам в мире, и о гранатах, а ведь это только начало, ещё ведь и не копнули как следует, потому что не доходят руки до всего. Похоже на то, что богиня Пандора в самом деле вытряхнула над Зор-Бурулюком если не весь свой знаменитый ящик, то по крайней мере значительную часть его. Знал я уже и то, что Анатолий буквально за один сезон из рядового геолога вырос в старшего геолога партии, хотя, наверно, не очень жаждал этого, и, представляя себе, как он ежедневно отправляется в длиннющие свои маршруты, как преодолевает крутизны и спуски, я стал ловить себя на том, что иногда пробую идти не всей ступней, а на одних лишь пятках. Десять, двадцать, наконец, тридцать шагов — и всё, и дальше не мог. Так ведь я по асфальту, по ровному! За каждой строчкой, за каждым словом очередного моего письма стояло одно: как вы ходите? Ну, как вы там ходите?

Я, разумеется, не мог об этом прямо писать, чтобы не обидеть человека. Не позволяя себе и намёка, хотя всё время думал об этом. И мне уже иногда казалось, что у меня самого пятки покрываются водянками, кровавыми пузырями...

А он писал бодрые и едко-иронические письма. Дескать, вы, белоручки, оранжерейные существа, шаркуны паркетные, — что вы знаете о настоящей жизни? И каждый раз звал к себе в горы. Но однажды получил вдруг уже не письмо — посылку. Урюк и кишмиш. Полный ящик кишмиша и урюка. А сверху небольшая записочка: “Ешьте, только осторожнее”. Стало быть, посылка с секретом: я уже хорошо знал, что за ягодка Анатолий. Застелив целлофановой скатертью стол, стал осторожно высыпать присланное сушеное. Небольшой пакетик. И снова аккуратно выведенная надпись: “Такие кристаллики у вас на Крещатике не валяются, не правда ли?” Сердце моё екнуло, я осторожно развернул бумагу. И обмер. Там лежал слайд.

Достал проектор, посмотрел: кристалл величиной с мизинец. Нереальный, фантастический, найденный не на нашей грешной Земле, а на какой-то далёкой планете. Три цвета переливались в нём: зелёный, голубой, розовый. Нежные и чистые, как дыхание весны, и в таком гармоническом соединении, которое могла создать одна только природа. Я ещё не видел ничего более красивого и носился с этим кристалликом весь день, а ложась спать, положил его под подушку. И всю ночь мне снились полихромные турмалины. Будто я собираю их над речкой: огромные кристаллы такой совершенной красоты, какая может только присниться.

А утром, ещё глаз не раскрыв, уже знал, что поеду. Что никакая сила в мире не удержит меня в Киеве, как только там, в Душанбе, геологи отпрявлять в поле. Придётся, конечно, повоевать с домашними, которые каждый раз допытываются, почему я так жажду свернуть себе шею где-то за пять тысяч километров, а не на пороге родного дома. Женщины остаются женщинами, и могущественный клич Охотника никогда не прозвучит в их заземлённых душах. В тысячный раз придётся давать обещание не бросаться вниз головой в каждую пропасть, не прыгать в ледяные потоки, не забираться на семитысячники, не дразнить змей, а тем паче медведей, которые, облизываясь, будут поджидать за каждой скалой, а особенно не поднимать ничего тяжёлого. “Не забывай о своём радикулите! И тебе уже не восемнадцать лет! И когда ты уже поумнеешь, горе ты наше!..”

Пожалуй, никогда. Потому что уже и билет в кармане, и огромный за плечами рюкзак, и тяжеленная сумка в руке... Обвешанный, как ишак, я выхожу, покачиваясь, во двор, где меня уже ждёт такси, а в Борисполе нетерпеливо подёргивает крыльями авиалайнер. Он перенесёт меня за какие-то четыре часа в Душанбе. А в боковом кармане, у самого сердца, как заветный пропуск в рай, пригрелся маленький кристаллик удивительной весенней окраски.

Потом был Душанбе с его почти тропической жарой (ведь лето в разгаре), с фантастическими рынками, где арбузы поднимаются горами, а дыни стоят, как древнегреческие амфоры, разве что только без ручек; где прямо на земле, на растеленных кошмах, сидят седебородые аксакалы, попивая зелёный чай; Душанбе с пропечёнными солнцем улицами и журчащими арыками; со смуглыми женщинами, в сравнении с которыми наши красавицы кажутся, извините, чуточку полинявшими; с разговором таджикским, русским, а иногда и украинским. Шагают себе две такие неистребимые тётеньки с узлами за спинами, как будто у себя в Лубнах, и все горы им, как говорится, до лампочки... Новейший этот Вавилон, в который превращаются все современные города, оглушил, закрутил и вытолкнул меня на одну из боковых улочек, где в дремотном покое среди глинобитных стен и плоских крыш застыли столетия...

А затем снова аэропорт, и суматошная посадка на самолёт, который безбожно задержался, теперь уже на Хорог, когда я, сдавленный со всех сторон, пробкой проскочил через контрольный пункт, а рюкзак мой остался по ту сторону, и сердитые контролёры никак не могли понять, почему этот гражданин, которому посчастливилось прорваться в аэросервисный рай,

вдруг словно сумасшедший снова пробивается в посадочный ад. И раскалённая кабина самолёта, в которой можно было запросто вола стушить; и опять же седобородые аксакалы, важные и невозмутимые, которых не удивишь никаким самолётом, поскольку всё равно не поднимаешься выше Аллаха; и таджички, усеянные детьми, будто маком, у каждой — собственный детский сад; и деловитый рёв турбин; и хребты внизу, поднимающиеся всё выше и выше, как бы кичась друг перед другом пышностью своих снежных шапок; и глубокие долины с тоненькими ленточками речушек; и синева неба, и всё мощнее гул самолёта, порой перерастающий в звон; горы всё выше и выше, и нет им конца. Но вот хребты расступились, словно разрубленные пополам гигантским топором, сверкнули воды бурной реки, и мы стали осторожно спускаться в долину, где среди высоких тополей засветлели аккуратные домики: Хорог, административное сердце Памира, центр Горно-Бадахшанской автономной области.

Пять суток адаптации под Хорогом, в Поршневе — теперь уже административном центре памирских геологов, где днём такому, скажем, как я, можно одуреть от тоски и безлюдья. Спасают только вечера, когда общий чашек-чифирок собирает вместе геологов, которые почти ежедневно сваливаются с высокогорных перевалов, одичавшие, заросшие, как дикие кабаны, щетиной. Тут уж только наставляй уши и слушай, хотя попадаются порою такие молчуны, что хоть бей его геологическим молотком, всё равно слова не высечешь!

А потом снова самолёт, тот же трудяга Як-40. Бесстрашно взмыв над самой речкой, он сразу принимается осуществлять свой привычный акробатический полёт в Мургаб: слева скала и справа скала, и расстояние между ними — на размах крыла, зацепится — поминай как звали, а вот впереди вырастает крутой лоб, наглухо замкнувший ущелье. Впиваешься ладонями в кресло: ф-фу, кажется, пронесло, а “Як”, заложив головоломный вираж, так, что небо, кажется тебе, провалилось под ноги, проскакивает это адское лобище, едва не коснувшись его брюхом, и уже летит к другому, ещё более тесному ущелью.

Господи, да неужели нельзя подняться на какой-то там километр выше, чтобы не выделявать эти смертельные трюки?

Оказывается, нельзя. Самолёт и без того достиг своего потолка в разреженном океане воздуха. Лишь теперь я догадываюсь, почему так долго не было воздушного сообщения между Хорогом и Мургабом.

Продутый всеми на свете ветрами Мургаб встретил нас обычной пылью. Ветер швырял её в лицо пригоршнями, гнал по широкой улице меж одноэтажных домов, закручивая в миниатюрные смерчи, а по тротуарам в ярких платьях, в модельных туфельках, в моднейших причёсках отважно прохаживались молоденькие женщины — каждая непременно с коляской. Казалось, грудной ребёнок стал здесь такой же необходимой деталью туалета, как губная помада или сумочка, — без младенца неприлично появляться на люди.

Налобовавшись вдоволь на этих отчаянных молодых женщин, топтавших Памир с таким видом, словно под острыми каблукками каждой лежали тротуары Ленинграда или Киева, я поймал, наконец, попутную машину и знакомой дорогой отправился на Зор-Бурулюк, где и прожил почти два месяца.

Тонкая парусина палатки, не знавшая ни минуты покоя, разжаренная спасительница-печка, мурлыкающий чайник (замурзанное существо, которое никогда нас не подводило), полные кружки горячего чая, конвульсивная лампочка, то гаснущая, то снова вспыхивающая под стук движка, — редкостные вечера, с таким нетерпением ожидаемые мной, когда мы с Анатолием остаёмся вдвоём, и никто уже не зайдёт к нам, не перебьёт нашего разговора.

— Так на чём мы остановились? — спрашивает Анатолий каждый раз, хотя, лукавый хитрец, сам, конечно, помнит, на чём.

Пока я перелистываю блокнот, рассматривая при тусклом свете свои торопливые каракули, он прихлёбывает чай, время от времени вытирая лицо и шею полтавским рушником, вышитым красными петухами. Украинские эти петухи уже не один год путешествуют за своим непоседливым хозяином.

Читаю последние записанные фразы, Анатолий кивает головой, отодвигая кружку:

— Так что, пойдём дальше?

И мы идём дальше.

Понемногу, из вечера в вечер блокнот мой заполняется. Не расstaюсь с ним ни днём, ни ночью, так боюсь его потерять, а когда придёт время ехать домой, не суну его ни в сумку, ни в рюкзак, а спрячу в кармане. Дома же положу в письменный стол, где он и пролежит более двух лет, и вспоминать о нём я буду каждый раз, садясь работать. Но не буду вытаскивать: ещё не время, не пришла пора, ещё не вызрело. А когда, наконец, засяду работать над повестью и прочитаю написанное, то с ужасом почувствую, что мне не хватает деталей. Тех самых мелких, на первый взгляд, совсем маловажных деталей, без которых, однако, невозможно настоящее писание. Это всё равно, что вышивать рушник одной лишь иголкой, без цветных ниток... В отчаянии я позвонил Анатолию в Душанбе: не приедет ли он в отпуск на Украину? (Отпуск у него, как у большинства геологов, всегда приходится на зиму.) Нет, не приедет, будет готовиться сдавать кандидатский минимум. Если я не возражаю, можем встретиться в Москве. Его вызывают в “Кварцсамоцветы”. — Если хотите поглядеть на московских девиц, то берите билет на самолёт!

Там, на Памире, он давно позабыл, что куда-то можно добраться и поездом.

А я тем временем поспешил приобрести билет на Москву, хотя девицы меня интересовали меньше всего. Уже собрался и через каких-нибудь пятнадцать минут должен выехать на вокзал, когда раздался звонок междугородной:

— Вас вызывает Душанбе. Анатолий!

— Вы взяли билет на Москву?

— Взял. А что? — у меня шевельнулась тревога.

— Мягкий или купейный?

— Да в чём дело, чёрт вас бери?!

— Дело в том, Андреевич, что билет придётся сдать. Я в Москву не лечу.

— Вы шутите?

— Какие там шутки! У меня сын родился!

— А вы не могли меня предупредить? — заревел я в трубку. —

Вы что, только что узнали, что у вас должен родиться сын?!

— Угадали, Андреевич! — прозвучал радостный голос. — Так что не очень меня ругайте...

— Ругать!.. — я задышался от возмущения. — Да вас кислым молоком нужно расстреливать!.. Каймаком!.. Кумысом!.. Кефиром!..

— Ничего не выйдет: не долетит!

В трубке щёлкнуло, насмешливо запикало.

Ну и Анатолий!.. Ну и негодник!..

Сердился, ругался, проклиная минуту, когда связался с этим чёртом безрогим, а в душе уже знал, что мне осталось одно: лететь в Душанбе.

Он не был ни поражён, ни удивлён внезапным моим появлением, встретил меня так, словно я не из Киева, а из соседнего парадного забежал:

— Хо, Андреевич!

Руки не подал — руки были заняты: из продолговатого свёртка выглядывало ещё как следует не оформившееся личико, обещавшее в будущем стать ещё одной копией Анатолия.

— Заходите!

По всей комнате, как флаги во время праздника, развевались развешанные пелёнки. Пелёнок было столько, что в них, казалось, можно было запеленать всех младенцев Таджикистана.

— Это всё он, — объяснила жена Анатолия Элла. — Пока я лежала в больнице, он успел ограбить все магазины.

— А зачем размениваться! — глаза Анатолия безудержно смеялись. — Мы на мелкие не считаем. Мы себя ещё покажем! Дайте только подрасти!

— Ну, оседлал свою лошадку! — махнула Элла рукой. — Ты бы, чем хвастаться, лучше подал стул Андреевичу. Он же устал с дороги.

— Андреевич? Да он семитысячники брал — не уставал нисколько!

Анатолий остался Анатолием: весело ошетилившаяся густая шевелюра, насмешливые взлески колючих глаз. И те же обветренные губы, к которым навечно пристал высокогорный загар.

В тот день так и не смогли приступить к делу: всё внимание Анатолия было приковано к крошечному существу, даже тогда, когда Элла брала его кормить. И я, договорившись, что мы встретимся завтра, уехал к себе в гостиницу.

И вот мы вдвоём, только теперь не в палатке, а в номере. Пьём чай, а вид у Анатолия такой, будто он только что вернулся с маршрута, переоделся, умылся, покончил со всеми служебными делами и вот, наконец, присел к нашему самодельному столу... Анатолий, как тогда на Памире, традиционно спрашивает:

— Так на чём мы остановились, если не секрет?

Я раскрываю блокнот и терпеливо объясняю, что нужно начинать сначала. Говорю ему о деталях, которых мне не хватало, без которых мой рассказ начнёт задыхаться, как человек без кислорода. Анатолий кивает головой: это сравнение ему близко и понятно.

— Что ж, давайте сначала.

На миг прорвались тучи, сверкнуло солнце.

— Посмотрите, как чум!

Вулкан и в самом деле напоминал чум. Идеальный конус, который вознёсся на пять тысяч метров. Над аккуратно срезанной вершиной дымит днём и ночью, как будто жильцы этого гигантского шатра всё время мёрзнут, всё время дрожат от нестерпимого холода и непрерывно подбрасывают дрова в огромный костёр. А он все не греет, он только дымит, бухает паром и пеплом и столбом поднимается в небо, когда тихо, или трепещет, обрываясь, на сумасшедших ветрах. А подступы к девственно белой громаде забиты таким глубоким снегом, что шагу не ступить без лыж, скованы таким лютым морозом, что леденеет воздух. И здесь, внизу, у подножия, густой от мороза туман, белый сумрак поглощает, вбирает, гасит всё: и звуки, и движения, и человеческие фигуры, облепленные инеем, которые, кажется, и не движутся, а толкуются на месте, как проклятые, упрямо уминая снег. Не люди, а привидения в зыбком нереальном мире, в молочном пространстве, где от белого молчания веет застывшей вечностью, где хочется застыть тоже на столетия, тысячелетия, как застыли вот эти вздыбленные скалы, скованные нещадным морозом.

Анатолий раздирает запечатанные холодом губы, оборачивается к тем, которые идут позади него:

— Всё, мужики!

“Мужики” останавливаются, наваливаясь телами на палки. Дышат, как загнанные лошади. Семь часов, с семи утра до двух, не останавливаясь, не разгибаясь, по снегу, что до пояса, сквозь белый, как вата, туман, в котором не видно ничего, только покрытая инеем спина товарища, идущего впереди, да отупляющий скрип лыж, и мысль, туда ли идём, не сбились ли с дороги, и усталость, горячая, насыщенная потом, всё сильнее обливающим телом. Семь часов безостановочного движения за этим сумасшедшим, который не останавливается ни на секунду. Оставалось только сцепить зубы и отчаянно месить этот снег.

Обед.

А они всё ещё стоят белыми привидениями. Белые штормовки и куртки, белые рукавицы и штаны. Белые шапки и капюшоны, белые маски и шарфы, прикрывающие лица. Только глаза блестят сквозь узенькие щёлочки, и кажется, что и глаза уже седые, аж белые-белые у всех.

Разминая снег, вытоптали небольшую площадку. Достали примус, кастрюлю, консервы. Молча, без слов, без напоминаний: каждый знает, что должен делать.

Трудолобивой пчёлкой зашумел примус, и туман как будто расступился, и мороз вроде как ослабел, и как-то даже уютно стало на этом небольшом пространстве, отвоёванном у безмолвной вечности. Они сидели на рюкзаках, похожие на фантастические существа, вылепленные из снега; ели, не остужая, огнём заправленную кашу; пили, обжигаясь, из алюминиевых кружек кипятков. Жадно вбирали тепло, запасались теплом на очередной бросок, всё вверх и вверх, где с каждой сотней шагов будет становиться всё холоднее. Сколько сейчас? Минус тридцать пять? Стало быть, там, наверху, будут все пятьдесят, если не больше. Да плюс воздух разреженный, да плюс жгучий ветер...

Так как, “мужики”? Может, кто хочет назад во Владивосток? Где сейчас только десять, ну, от силы пятнадцать. Где зима мягкая и ласковая...

Допили молча чай, спрятали посуду.

— Лыжи оставляем здесь, — сказал Анатолий. — Дальше на лыжах не поднимемся.

Выходит, впереди уже, собственно, вулкан. Ключевская, царица Камчатки.

Начинают складывать из лыж пирамиду. Хотя ещё, кажется, можно бы немного и пройти. Но приказ старшего в группе выполняется безоговорочно: таков закон альпинистов.

— Минутку!

Сергей-рыжопер. Рыжопером его прозвали за то, что носил огненно-рыжую, как у лисы, шевелюру. А “опер” — от оператора: таскал с собой портативный киноаппарат — для будущего фильма.

— Станьте вот так. Плотнее, для исторического кадра.

Потом все эти кадры будут изучаться в разных инстанциях. Разные служебные особы будут делать разные предположения и выводы. Но они ещё ничего не знают. Они просто стоят, плечо к плечу, локоть к локтю, не замечая чёрной тени, зловеще застывшей над ними.

— Готово! Мерси!

С медвежьей галантностью Сергей кланяется и взмахивает перед собой рукавицей. Как будто в ней шляпа из восемнадцатого века.

— Всё?.. Тогда двинули. Пошли, пока не стало смеркаться.

Фирн, уплотнённый снег, громко скрипит под ногами. Появляются скальные выступы. Чёрная, продутая ветрами порода выступает хребтами ископаемых ящеров. Идти было бы легче, не будь крутизны, которая с каждым шагом становится всё ощутимее. Ногу нужно не просто ставить — вбивать в снег, чтоб не съехать вниз. Шаг — удар, шаг — удар. Сколько шагов, столько и ударов. Ветер, который свистит всё сильнее, продувает уже и одежду, бросает в лицо миллиарды колючих снежинок. Зазеваешься, подставив оголённую кожу — начисто сдерёт и кожу. Шаг — удар, шаг — удар... Скоро ли дойдём? И дойдём ли вообще?

Вперёд, “мужики”! Короткий отдых — бросок... Передышка — бросок... Всё выше и выше, преодолевая усталость, густо осевшую на мышцах. А горные ботинки — трикони — с каждым преодоленным метром становятся все тяжелее.

И уже начинает недоставать воздуха. В перегретых лёгких кислород сгорает, как порох: вспышка — не остаётся и следа... “Ещё кислорода, ещё!” — взывают уставшие мышцы. Хочется сорвать этот шарф, который, обледенеv, закрывает доступ воздуха, выбросить его к чёрту, как ненавистное существо, или упасть на фирн мокрой спиной, разбросав руки, и занеметь...

Вперёд, “мужики”! А почти все “мужики” ещё не переступили двадцатипятилетний рубеж. “Четверть столетия, — говорит Володя Берсенев, друг Анатолия. — Четверть столетия — чувствуете, чем пахнет?!..” А чем, Володя, пахнет сейчас этот небольшой подъёмчик? Эта горка, которой ни с того ни с сего захотелось подняться на пять тысяч метров? Да ещё зимой, в самые лютые морозы... Это тебе не самбо, не прыжки с парашютом, не подводное плавание!.. “А иди ты!” — слышится весёлый голос Володи в голове Анатолия, ибо Володя и ответил бы именно так, всегда весёлый, никогда не вешающий нос Володя. Этот красавец блондин, по которому тайком вздыхают

девушки не только их курса... Куда делась твоя атлетическая осанка, Володя? Посмотри только на себя: чучело чучелом!.. “Пошёл ты, знаешь, куда?” — ещё веселее отвечает Володя: рассердить его — вещь почти невозможная. Ну, топай, Володенька, топай. Только не очень старайся: ещё гору завалишь. Камчадалы нам тогда и ноги поотрывают...

Вот так, мысленно шутя, идти как будто бы легче...

— Всё, мужики! На сегодня достаточно.

Семь часов. Фиолетовые сумерки окутывают вулкан, поднимаясь с ним наперегонки. Там, внизу, колышется густым океаном туман. А может, и облака — две тысячи семьсот над ногами! Если не врёт альтметр. И из того океана, расколышенным над свинцовой беспредельностью, выступают другие вулканы — застывшие великаны, скованные морозом гиганты. Впереди, позади, направо, налево — сколько может охватить взгляд, до самого горизонта. Выступают чёрно-белыми громадами, диким хаосом, титаническими всплесками, когда миллионотонные камни взлетали до небес.

— Да-а...

— Ради одного этого вида стоило попотеть!

Стоят, ошеломлённые грандиозностью зрелища, развернувшегося вокруг. Где ещё увидишь такое? Стоят, забыв об усталости, о разреженном воздухе, о рюкзаках, от которых давно нужно освободить намозоленные плечи. О ветре, который строгаёт уже так, что дай Бог удержаться на ногах. А им ещё ставить палатки. На этом продуваемом склоне, где камушек не удержится, запрыгает вниз, где рюкзаки нужно пришивать к синему фирну ледорубами, а для ноги не найти ровной площадки. Две палатки из лёгкой ткани: базовый лагерь, который будет их ожидать, пока они, “сделав” эту “горку”, повернут назад.

— Ну-ка, мужики, за работу!

Засветели ледорубы, вгрызаясь в фирн. Брызнул осколками спрессованный снег. Вырубали большие “кирпичи”, выкладывали их аккуратной стеной. Вот когда пригодились практические занятия на своеобразном полигоне под Владивостоком! Из “кирпичей”, которые там нарубали во время тянувшихся месяцами занятий, можно было бы выложить высотный дом.

Становится жарко, не хватает воздуха. А тут ещё этот шарф, насквозь промёрзший! Не ткань — кусок льда. Развязать его, швырнуть под ноги...

— Пашка, надень!

Ч-чёрт! У него что, и в затылке глаза? Стоял же за спиной...

— Ты что, хочешь сжечь лёгкие? Немедленно надень!

И Пашка, которого почему-то прозвали Пашкой-лейтенантом, покорно надевает ледяной этот хомут. Заледеневшую эту мuku. А как свободно дынулось было незакрытым ртом!

Удар... Ещё удар... Глубже и глубже. Снег становится всё более подвижным, он уже пересыпается с сухим шорохом, и ветер, врываясь, выдувает его из-под руки. Ещё раз... ещё раз... Сцепив зубы, собрав все силы. Каждый, как может, каждый по-своему. Володя замахивается так, словно перед ним не снег, а взбесившийся от злости медведь: или он зверя — или зверь его. “Эх!.. Э-эх!..” — бьёт, приседая. Силушка есть, слава Богу, всю на подъём не растратил. Пашка-лейтенант долбит с таким видом, будто вот-вот сядет и расплатится. Не от отчаяния — от злости. Сережка-рыжопер зарылся в снег, как барсук, выгребает, аж пыль идёт. Один Якубенко работает так, будто делает он это ежедневно: спокойно и буднично. Видно, что ему это не впервой. Виктор среди них самый старший, он единственный переступил двадцатипятилетний рубеж и к тому же не один год ходит в горы. Ему по праву и быть здесь старшим, а не Анатолию, если бы не трагический случай на далёком Кавказе и гибель напарника. Дисквалифицировали, начиная всё с азов. Альпинистские законы столь же беспощадны, как и естественный отбор: если ты ошибёшься, оступился хоть раз — прими как должное самое суровое наказание. Потому что почти каждая ошибка фатальна.

Наконец, площадка расчищена, огорожена снежной стеной. Можно натягивать палатки. Ставят две, каждая рассчитана на два человека, а если лечь, как шпроты в консервной банке, то как раз для четверых. А если ещё

плотнее, так, чтобы рёбра трещали, то освободится немного места для рюкзаков и обуви.

Ветер разошёлся не на шутку: постоянный пронзительный свист, выматывающий душу, ни на секунду не даёт забыть. Ткань палатки бешено плещется, сухой снег сечёт, как ножами, вот-вот сорвёт, швырнет вниз. Сон уже не сон, тревога, не покой. Хоть бы быстрее кончилась эта ночь, лучше уж идти, нежели лежать вот так в ожидании неизвестности.

В соседней палатке звучит смех. Не иначе, Пашка-лейтенант рассказал очередной анекдот. Его хлебом не корми — дай посмешить народ. Анекдоты для него, как болезнь, как эпидемия: о чём бы ни шла речь, обязательно вяжется в разговор:

— К слову, свеженький анекдотик!

Сперва его слушали охотно, смеясь, потом стало приедаться. И в самолёте, в продолжение многих часов, и в Петропавловске, уже в гостинице, и на сейсмостанции под Ключевской звучал неугомонный его тенорок:

— Кстати, свеженький анекдотик...

Анатолий улыбается, вспомнив, как Якубенко придумал отучить Пашку от привычки рассказывать анекдоты. Было это позавчера на сейсмостанции. Едва Пашка, заранее улыбаясь, стал рассказывать очередной анекдот, все дружно закричали:

— Борода! Борода!

То есть анекдот с бородой. Сто раз рассказанный, сто раз слышанный.

Пашка умолк, ещё не предчувствуя, что его ждёт впереди.

— Кстати, свеженький анекдотик, — ввязался он снова в какой-то разговор.

— Борода! Борода! — закричала вся честная компания.

В Пашкиных беспечных глазах затрепетало смятение. На этот раз он молчал минут десять, выбирая из своего необъятного репертуара такой анекдот, который был бы свежим, как только что испечённая булочка.

— Однажды француз, немец, англичанин и русский, — начал он, беспокойно ёрая, — стали рассказывать о собственных жёнах...

— Борода! Борода! — дружно прозвучал хор.

Пашка онемел. В его глазах застыла растерянность. И когда через полчаса, собравшись с духом, он попытался рассказать ещё один анекдот, в его голосе было столько мольбы, что дрогнуло бы сердце самого закоренелого злодея.

— Борода! Борода! — аудитория была безжалостной. Пашка какое-то время хватал воздух ртом, как вытщенная из реки рыба, потом швырнул кружку с недопитым чаем под ноги и, ругаясь, выбежал наружу. В чём был.

— Пойдите, верните, — сказал Якубенко. — Ещё, дурак, замёрзнет.

Весь тот вечер Пашка сидел, как филлин. А утром снова звучал его жинеродостный тенорок: Пашка демонстрировал очередной фокус с картами. Долго сердиться он просто не умел. Анатолий не перестаёт удивляться: на что расходует человек свои силы и энергию! На анекдоты, на фокусы разные, на умение шевелить ушами: ставить их, скажем, торчком, как у породистого пса. И когда над ним смеются, его нос картошкой победно краснеет.

В соседней палатке замолчали: даже у Пашки не хватило больше сил. Ночка — врагу не пожелаешь! Анатолий то и дело возвращался к мысли о доске. Металлическая доска с барельефом Владимира Ильича. К столетию рождения. Они должны были доставить её на Ключевскую. Для того, собственно, и прилетели сюда.

— Толь, почему не спишь? — Якубенко. Лежит рядом, за спиной.

— Вить? — таким же шёпотом. — Где доска?

— Ты что, сдурел?!

Всё в порядке. Теперь можно и заснуть. Обожди, а рация? Нужно проверить. Теперь согреться хоть немного. Свернуть всё тело в клубок, чтобы занять как можно меньше холодного пространства, жадно высасывающего из тебя тепло, сосредоточить это тепло у себя как можно глубже, у самого сердца, плотнее сжаться всем своим существом, защищая его, как огонёк под ветром (пока огонёк горит, и я не погасну), расслабить усталое сознание.

Разогнать, приглушить все мысли, кроме одной: спать, спать... Я уже не слышу ветра. Полотнище стреляет всё дальше и дальше от меня... Я засыпаю... Я сплю...

Я проснулся! Я бодрый! Я отдохнул! Я полон сил!

Встать! Мне несколько не холодно! Энергично обувшись (ботинки будто железные), сразу же разжигаю примус. Седьмой час. Темно, как в сапоге. Ветер свищет, кажется, ещё пронзительнее, чем прежде. Так свистит реактивный самолёт перед тем, как сорваться с места. Такое впечатление, будто гора уже сдвинулась, двигается быстрее и быстрее, вот-вот взлетит на воздух.

— Ну и погодка!

— Чёрт ей не рад!

— Ребята, кто съел мой ледоруб?

— Ещё кипяточка?

— Плесни, если остался...

О чём угодно, лишь бы не о том, что у каждого гвоздём сидит в сознании: сегодня — на штурм! Об этом — ни слова, на это наложено молчаливое табу, которое никому не дано нарушить. Как у солдат, которые перед атакой старательно обходят в разговоре даже слово “атака”.

Вышаченные светом электрического фонаря, мелькают руки, лица, кружки с горячим какао, галеты с кусочками консервированного мяса: наедаются на весь день, потому что там вряд ли удастся поесть. Наконец, с завтраком покончено, в рюкзаки запаковано самое необходимое. Остальное останется здесь, в палатках.

— Аптечку не забыли?

— Вот, у меня.

Потом Анатолий не сможет себе простить, что не проверил аптечку.

— Ну что, мужики, присядем перед дорогой? — хотя и так все сидят: здесь не то что стоять — разогнуться невозможно.

Один за другим вылезают из палатки. За ночь снега надуло — под самую крышу. Посвистит до вечера — занесёт весь лагерь.

Не беда: теплее будет спать. В соседней палатке, пробивая ткань, бегаёт белый круг. Они что, не собрались? Анатолий бьёт ледорубом по стенке, громко кричит:

— Подъём, курортники!

Там кто-то ойкает, палатка конвульсивно вздрагивает, расшвирипевшим медведем выкатывается Витька Дахин:

— Ты что, сдурел?!

— По какому месту досталось? — интересуется Якубенко.

— По спине!

— Жаль, что не по затылку! Нашли время отлёживаться!

Тем временем вылезают остальные. Тёмные фигуры кажутся неправдоподобно большими, а движения их — удивительно неуклюжими. Выстраиваются в молчаливую цепочку, оставляют за собой лагерь. Никто даже не оглядывается.

Быстро светает. Всё чётче вырисовывается каменная безграничная громада. Скованная льдами, спрессованная снегом, неприступная, как вражеская крепость. Каждый шаг, каждый метр подъёма даются с боем, с тем человеческим напряжением сил, что на грани возможного, когда выкладываешься весь, до конца, будто этот шаг, этот метр станет последним. Камни и камни, острые выступы скал, где и чёрт ногу сломаёт, а ветер дует прямо в лицо с такой убийственной силой, с такой тупой яростью, что воспринимаешь его как некое живое существо, задавшееся целью сдуть тебя с этой горы. И небо, леденеющее вверху, тоже продето насквозь. И подъём, которому конца-краю нет, отшлифован так, что ногу негде поставить.

Всё чаще остановки — передышка. Безумно стучит сердце, что-то сдавливает горло, хочется чуть ли не руками растянуть лёгкие, чтобы вдохнуть лишнюю порцию воздуха, усталость набивается в тело, больно охватывает перетруженные мышцы. Каждый шаг — *через не могу*, каждое движение — через муку, которую обязан преодолеть непременно, если хочешь двигаться, а не застрять здесь ледяным обломком. Что, “мужики”?

Шаг... Ещё шаг... Ещё... Цепляешься взглядом за вон тот выступ, чернеющий в десяти метрах впереди: только там, ни на сантиметр ближе, — желанный отдых. А до того не смей останавливаться, иди, хоть умри! Всё вверх и вверх. Вперёд и вперёд.

В полдень стал отставать Сережа-рыжопер. Всё чаще останавливался, покачиваясь... Ступит шаг и всем телом навалится на ледоруб... Ступит и навалится... Дышит судорожно, в глазах стынет мука. Анатолий молча подошёл, обвязал шнуром себя, потом — Сергея: давай, не отставай! Держись за шнур! На самых трудных участках на подъёмах-крутизнах почти на себе его вытягивал. Врубался в лёд, вгрызался в скалы; спина трещала, но тянул. Это и называется *идти в одной связке*, когда более сильный ведёт за собой более слабого, менее тренированного. Давай, Серёжа, давай! Не боги брали эту горку — возьмём и мы!

Потом остановился Дахин. Перворазрядник, мускулы, как сталь, а вот высота и его доконала. Анатолий, заметив фигуру, застрявшую в снегу, искал глазами Виктора Якубенко. Но тот уже сам быстро спускался вниз. По схваченной льдом поверхности, тормозя ледорубом, как на коньках. Подъехал, затормозил, что-то, видно, сказал, потому что Дахин подался к нему, и вот уже вторая связка упорно карабкается вверх. Всё выше и выше. Через камни, завалы, стенки, собственную усталость и собственное “не могу”...

— Всё, “мужики”!

Анатолий с силой вогнал ледоруб в спрессованный снег. Как ни жаль, а нужно расстаться с мыслью уже сегодня побывать на вершине. Выйти на конус, к кратеру, где снег не держится даже в самые лютые морозы, оттого что рядом огонь, идущий из глубины, и лава клокочет на дне. Припасть бы к неостуженным скалам, вобрать бы глубинное тепло всем телом, потому как сейчас все пятьдесят, если не ниже; хоть ветер вроде и ослабел, а мороз — прямо глаза стынут. И смерзаются застывшие веки.

Четыре тысячи метров, сегодня пройдено тысяча триста. Тринадцать минут нормальной ходьбы, там, внизу, на равнине, по хорошо утоптанной дорожке. А они одолевали весь день, уже не метрами считая расстояние — сантиметрами.

— Ребята, а ветер вроде стихает!

— Погодка завтра будет — по заказу!

— Смотри, не глаза!.. Где ставить палатку?

Потому что шестой час. И нужно управиться, чтобы не застала ночь.

Сбросили рюкзаки, стали расчищать площадку. Четверо, которые будут ночевать в палатке, готовили площадку, другие принялись рыть глубокую пещеру в снежном сугробе под острым, как бритва, заступом. Жаль, что нашёлся такой только один: в пещере значительно теплее, чем в палатке. Да спасибо и за этот: чем выше, тем меньше снега. Одни лишь камни и лёд, лёд и камни, а весь снег сдувает вниз. В пещере разместили самых слабых: пусть ребята хоть согрются, по-человечески переночуют. А остальные — снова в палатку.

— Ух, жарко! Финской бани не нужно!

Володя Берсенев. За что его любит Анатолий — никогда не жалуется.

— Спим, мальчики, до двенадцати. Потом меняемся.

Ну, конечно, кто же, кроме Якубенко, берёт это на себя. Любит порядок во всём. Погрелся полночи меж друзьями — и отваливай, грей теперь другого!

— Хорошо, Витя, разбужу — не просплю, — отвечает Анатолий, упираясь спиной в холодную ткань. — Давайте спать!

Но не спится Володе.

— Вот это, ребята, житуха! Чувствуешь, что ты в этом мире не просто молекула. Сделаем Ключевскую, рвану в каникулы на Памир. На семитысячник.

— А на Джомолунгму не хочешь?

— На Джомолунгму? — переспрашивает Володя таким тоном, словно от него одного зависит восхождение на самую высокую вершину мира. —

На Джомолунгму ещё, пожалуй, рановато. Вот сделаю семитысячник, тогда подумаю о Джомолунгме.

— Ты сначала сделай Ключевскую.

— А мы разве где? Не на Ключевской? Нет, завтра я на край кратера обязательно ступлю! Камушек брошу в лаву. Лава, где ты, ах!..

— Ну, пропали девушки! И так по тебе помирали, а теперь, как вернёшься, совсем пропадут! Альпинист, покоритель вершин!..

— Грудь колесом — попа ящичком! — добавляет хулиганистый Володя Пахомов, четвёртый в палатке.

Больше всех смеётся Берсенев. Лишь Якубенко неодобрительно хмыкает: не выносит, как он говорит, словоблудия. И этот разговор на высоте четырёх тысяч метров, в насквозь продуваемой палатке Анатолий тоже запомнит на всю жизнь.

В ту ночь мерзли ещё сильнее, чем в предыдущую. Из-за этого поднялись в пять часов утра. Растопили снег, заварили чаёк, позаливали в термосы какао с молоком: будут обедать уже там, на вершине, опустив ноги в кратер, дышащий жаром, — в этом никто не сомневался. Потому и чувствовали себя, как перед праздником.

— А ветер снова разгулялся.

— Напрасно радовались.

— Ничего, уже недалеко. Толь, может, я пойду первым? За полчаса сбегая. Пока вы тут копаетесь, я и доску прилажу.

Берсенев сегодня весел, как никогда. Даже песню мурлычет. Выбравшись наружу, разбросал руки, словно хочет обнять весь мир:

— Эх, красота! — хотя вокруг ещё почти ничего не видать. Одни лишь звёзды в чёрном небе, а далеко-далеко на востоке розовеет узенькая полоска. Подойдя к норе, чернеющей в снегу, он коннул ногой. — Эй, барсуки, выползайте! Солнце проспите!

“Барсуки” вылезают один за другим, опухшие от сна.

— Не мерзли ночью?

— Нет. Даже жарко было.

Ну что ж, отдохнули как следует — и в дорогу. Анатолию все кажется, что им не хватит времени: подняться на вершину, а потом спуститься в лагерь. К тем двум палаткам. И снова подъём. Идут втроём в связках, первую, как ни прорисил Берсенев, повел Якубенко. Он самый опытный, ему и выбирать самый оптимальный путь в этом обледеневшем хаосе. У него и памятная доска: уж если Якубенко не дойдёт, то не дойдёт никто.

Виктор Якубенко, рыжопер Лобанов и Коробков. Анатолий — во второй, с Виктором Дахиным. Виктор слепо спотыкается, останавливается, протирает всё время потеющие очки, Анатолий уже раскаивается, что взяли его, но как было не взять, если Виктор однокурсник, да к тому же заядлый спортсмен, да ещё и сосед по общежитию, кровати рядом стоят, и никогда не было случая, чтобы Виктор в чём-то подвёл. Разобьётся вдребезги, но делает! Как же такого не взять? Только теперь Анатолий по-настоящему начинает понимать, что не каждого можно брать в горы. Даже если ты мастер по самбо или рекордсмен по прыжкам. В горах имеет значение даже такая мелочь, как очки. Разбил, потерял — и запросто свалился в пропасть. “Улетел”, как принято говорить у альпинистов. Улетел в смерть, в небытие, вспыхнув мгновенной искрой, упрямым земным метеоритом. Лаконичный, сухой, суровый язык тех, кто рвётся на неприступные вершины, выбирая самые сложные маршруты, порой на грани смерти и жизни:

— Куда девался Олег?

— Улетел на Памире.

— А почему замолчал Женья?

— Улетел на Жуковском.

То есть, штурмуя пик маршала Жукова. Улетают, вспыхивают, уперно штурмуя вершины, и если бы жили, то снова отправились бы в горы, по тому же последнему маршруту, до той же полочки, за которой оборвалось всё. И знаменитая песенка мудрых и предусмотрительных: “Умный в горы не пойдёт, умный горы обойдёт”, — песенка эта не для них!

Тройка Якубенко идёт дружно и напористо, Виктор любой ценой решил взять вершину до обеда. Анатолию уже начинает казаться, что они с Дахиным едва ползут, и это всё больше раздражает его. Во время очередной остановки (отдышаться, собраться с силами) посмотрел вниз. Там, на ярко освещённой снежной скатерти с чёрными каменными прорывами темнели три фигуры. “Почему они так отстали? — тревожно шевельнулась мысль. — Не случилось ли чего?” Ту, третью связку ведёт Володя Берсенев. Последнему всегда труднее всех, на последнего — все камни сверху, потому и поставил Анатолий Володю. Как самого сильного. “Всё равно мы будем первыми!” — грозился Володя, недовольный тем, что первую связку повёл Якубенко. “Почему они так отстали? Неужели что-то с Паховым?” О третьем, Пашке-лейтенанте, даже не подумал: для Пашки такие подъёмы не новость, у него первый разряд по альпинизму, а вот Паховов... Володя Паховов на пятитысячнике впервые, да к тому же зимой, когда к разреженному воздуху добавляется ещё и лютый мороз.

Всё чаще стал оглядываться. Нет, всё-таки идут. Задерживает их, скорее всего, Паховов. Тянут, как он Дахина. А Якубенко уже исчез: завернул за невысокий хребет, заслонивший им дорогу. Интересно, сколько от него до кратера?

Только так, остановившись, можно глянуть вверх-вниз. Когда же идёшь, всё внимание приковано к ногам. Каждый шаг нужно взвесить, оценить каждый сантиметр, если не хочешь скатиться вниз. Загоняешь в твёрдый фирн ледоруб, отрываешь пудовую стопу, будто и в самом деле налитую свинцом, переносишь на шаг вперёд. А до хребта, за которым исчез Якубенко, расстояние вроде бы и не уменьшается. Потому что идёшь не по прямой — прямых дорог в горах нет, — а то и дело сворачиваешь вправо-влево, обходя особо опасные места.

Солнце достигло уже своего зимнего зенита, лед горит так, что больно смотреть на него. Всё сверкает, блестит, режет глаз застывшим на морозе огнём.

Который сейчас час? Посмотреть бы на часы, но для этого надо снять рукавицы: сначала брезентовую, потом шерстяную и лишь затем отвернуть рукав. Мороз так и вцепится в руку, он своего не упустит. Вот, наконец, и хребет. А за ним одетое в лёд лобиче, как раз по дороге к кратеру. Виктора Якубенко снова не видно, а из-за хребта, оставшегося теперь внизу, медленно выползают три фигуры. Берсенев, Пашка, Паховов.

— Вот здесь Виктор Дахин упустил ледоруб.

Анатолий помечает это место жирным крестом: на схеме, которую он собственноручно начертил в своём блокноте:

— Вы себе не представляете, как я тогда рассердился! — глаза его и сейчас пылают гневом. — Большого позора для альпиниста, чем потерять ледоруб, нет! Это всё равно что потерять во время атаки винтовку. Или автомат. Без ледоруба альпинист просто перестаёт существовать!

От этого места, помеченного чёрным крестом, до вершины оставалось метров пятьдесят, не больше.

— Якубенко был уже там. А Дахин упустил ледоруб.

— А если бы он упустил ледоруб на час раньше? Когда вы ещё были вон там, — показываю я ниже. Примерно в этом месте Анатолий заметил тогда, что связка Берсеньева движется не так быстро, как можно было рассчитывать. И в нём впервые шевельнулась тревога. — Не развернулись бы тогда события совершенно по-иному?

— Что теперь об этом говорить! — отвечает Анатолий сердито. — Все мы задним умом богаты! Если бы да кабы... Жизнь, уважаемый Андреевич, этих словечек не знает. Жизнь ставит перед нами одну-единственную задачу, и решай немедленно!

— Что же вы решили?

— Решил то, что и должен был решить: спускаться вниз. За ледорубом.

— И далеко он залетел?

— Я тогда ещё не знал. Может, метров на пятьдесят. А может, и на все четыреста.

— Это по прямой? А туда-сюда?.. — продолжаю допытываться я. — Ведь до кратера оставалось всего сто пятьдесят! И там уже ожидал Якубенко. Неужели не шевельнулась мысль махнуть рукой на ледоруб Дахина и попытаться подняться с одним?

— Не шевельнулась, — отвечает Анатолий жестко. — Мы должны были найти ледоруб. Куда бы он ни залетел.

Хотя уже тогда он подумал, что из-за этого незапланированного спуска они могут не добраться до вершины. Не побывают на ней вообще. Ведь неизвестно было, как далеко залетел ледоруб! Он об этом, естественно, ничего не сказал Дахину. Только приказал жёстко:

— Пойдём вдвоём!

Потому что Дахин стал говорить, что спустится сам. Он, конечно, хорошо понимал, что значит для Анатолия, как и для каждого из них, в последнюю минуту отказаться от возможности взять вершину.

Ледоруб пролетел метров сорок, не больше. Анатолий увидел его ещё издали, под выступом скалы, и помнит, как с облегчением подумал тогда, что они всё-таки успеют взять вершину. Но тут из-за хребта появился Володя Берсенев, и всё пошло кувырком, и мысль о восхождении, до сих пор безраздельно владевшая им, ставшая для него единственно важной, столь важной, что он, не колеблясь, поступился бы ради неё всем, — эта мысль сразу же бесследно исчезла, растаяла, как дым.

У Володи Берсенева на одной руке не было рукавицы. И шёл он, как пьяный...

— Никогда не смогу простить тем двум, что они не возвратили вовремя Володю, — скажет мне Анатолий. — Не стали сразу же спускать его вниз. Особенно Пашке... Он же не впервые поднимался в горы. Возможно, именно потому и сказал Пашка позднее то самое...

Сказал родителям Берсенева, что это Анатолий заставил Володю идти в гору. Уже тяжело больного... Чужая душа — потёмки. И собственную совесть каждый присыпает по-своему...

Итак, Володя потерял рукавицу. И шёл, как пьяный. И не держал ледоруб: он не упустил его только потому, что ремешок ледоруба был закручен вокруг запястья. Ледоруб волочился за ним, оставляя тонкий, как ниточка, след.

Что сказал Анатолий в то первое мгновение, он так и не смог вспомнить.

— А вы всё же вспомните, — допытывался позже следователь. — Для вас это очень важно.

Почему важно, Анатолий никак не мог понять. Хотя часто старался вспомнить. И не мог. Кажется, спросил у Володи, что с ним. Хотя, может быть, и не спрашивал: и без того знал, что это такое. Когда альпинист начинает идти, будто пьяный, и теряет рукавицы, и срывает шарф с лица, тогда ему недолго осталось жить. Разве что, ежели удастся спустить его как можно быстрее вниз.

Высотный потолок. Существует для гор такой коварный термин. Биологическая пружина, заложенная в каждом из нас, дремлет до поры до времени, пока мы не достигнем обозначенного природой для каждого из нас высотного потолка. Не нарушим фатального табу, несоблюдение которого карается смертью. Где он? На четырёх-, на пяти-, на шеститысячном обозначении — этого каждому из нас наперёд знать не дано. Ни один учебник, ни одна инструкция, ни один врач или профессионал-альпинист, который истоптал не одну пару триконей, преодолевая самые трудные маршруты, не подскажет мне, ему, вам, на какой высоте лежит эта мина, что сработает безошибочно лишь подо мной, под вами, под ним. Все пройдут, не заметив её, наступив на неё, а она терпеливо будет лежать — она ожидает именно вас. И дождётся. Ваш последний шаг — и взрыв-пружина неминуемо сработает. И для вас уже нет спасения. Разве что вниз. Мгновенно вниз!

Из-под обледеневшей маски (маску он сорвать не успел, хотя всё время хватался за неё белой, как кость, рукой) — из-под маски прозвучало какое-то бессмысленное бормотание. Володя, кажется, уже бредил. Бредил на ходу, с широко раскрытыми глазами. И тут Анатолий вспомнил об аптечке.

— Аптечку!

Она должна была быть у Пашки. Он помнит, что сам дал её Пашке. Вдруг показалось, что не Пашке дал — Вите Якубенко. Почувствовал, как пот обжжёт виски. Пашка стал испуганно срывать рюкзак. Цеплялся за лямки плечами, рукавицами, локтями. Сбросил, наконец, положил к ногам, начал развязывать.

“Почему он копается!” — едва не застонал Анатолий. Оттолкнул, схватил рюкзак, вытрусил всё наземь. Сорвал рукавицы, стал раскрывать запечатанную коробку. Эти безымянные аптекари заботились, казалось, только об одном: чтобы коробка открывалась как можно труднее.

— Чёрт! — наконец!.. Камфора! Камфору и следует вводить в первую очередь... Всю эту ампулу... Шприц... — Где шприц?..

Шприц никак не попался на глаза. Всё ещё надеясь, всё ещё не веря, всё ещё не допуская мысли, что шприца нет, что те преступники, злодеи, убийцы забыли его положить между лекарствами, Анатолий рылся и рылся в коробке, потом, не выдержав, вывернул всё на рюкзак. Шприца не было. Было всё: пакетики, баночки, вата, бинты — не было только шприца. Как в страшном сне. Теперь оставалось одно: немедленно спускаться его вниз.

Вспомнил еще про кофе, что в термосе. Налил полную кружку горячей жидкости, попробовал напоить Володю, но тот, сжимая зубы, выплевывал так, будто это был не кофе, а яд. Вниз! Быстрее вниз! Нашли, натянули рукавицы, поправили шарф на лице (кожа уже была белой), взяли под руки: с одной стороны Анатолий, с другой — Пашка. Володя снова что-то неразборчиво забормотал, и бредовое его бормотание резало сердце.

Когда Якубенко сменил Пашку, Анатолий тоже не может вспомнить. Потом уже Якубенко рассказывал, что, встревоженный их отсутствием, он решил спуститься навстречу. Увидев их издали: три фигуры в обнимку, словно пьяные, а две немного позади, он понял, что произошло несчастье. Отвязался, крикнул ребятам, чтобы спускались следом, и помчался вниз. Удивлялся потом, как сам уцелел.

— Укол! — выдохнул в сторону Анатолия. — Сделали укол?

Только тогда Анатолий понял, что по ту сторону не Пашка, а Якубенко.

Взвалив Володины руки на свои плечи, они спускали его всё ниже и ниже, стараясь не сорваться, не сорваться со скалы, не ступить в кулуар, где дорога одна: прямо в бездну. Они спускали Володю, как собственных матерей бы спускали, готовые лечь под его ноги, лишь бы ему стало легче от этого, а он ступал всё тяжелее, он с каждым шагом всё больше виснул на них. И ватно подгибал ноги. Они шли и шли, моля неизвестно кого — Бога, чёрта, все силы земные и небесные! — чтобы солнце подольше продержалось в небе, потому что должны были добраться до лагеря, хотя бы до тех четырёх тысяч метров, где их ожидала палатка и готовая пещера, где можно было бы раздеть Володю, растереть, согреть его, но время, которое до этого едва тащилось, вдруг как будто сорвалось, помчалось с горы, обгоняя их, замерцало огромным белым шаром, а солнце что есть духу покатилося за горизонт. И как только солнце спряталось, и они нырнули в тень, Якубенко прохрипел:

— Всё! Останавливаемся!

Володя уже не шел — висел на плечах. Высота четыре шестьсот. Мороз ещё злее, чем вчера вечером. И ветер, не знающий пощады. И длинная ночь, которая хищно подкрадывалась к ним, следя за каждым их движением.

Володю посадили на рюкзак и рюкзаками подперли, чтобы не упал, не покатилося вниз, бросились искать надувы, где можно было бы вырубить хоть небольшие пещеры. Надувов не оказалось, снег тут просто не мог задержаться, наконец, Пашка наткнулся на какую-то ложбинку и закричал, чтобы все шли к нему, и они ещё никогда с таким остервенением не зарывались в твердеющий, словно на камне замешанный снег. Анатолий отослал лишних ребят поискать место для себя, так как копали втроем: он, Якубенко и Пашка. Воспалённое дыхание, глухие удары в снег или горный скрежет стали, когда ледоруб попадал по камням. Больше всех старается Пашка, он готов был зубами вгрызаться в гору, чтобы добраться до тепла.

— Всё... Давайте Володю...

Володя уже не сидел — лежал, завалившись на спину. В болезненно раскрытом рту из-под почерневших губ синели намертво спаянные зубы. Володя не дышал. Анатолий схватил его руку, ища пульс. Рука была тяжёлой и холодной, словно высеченной из камня, пульс не прощупывался.

— В пещеру!

Затянули в пещеру, затолкали поглубже, забились туда сами: нагреть, согреть, не выпустить ни капли тепла, потому что на тепло последняя надежда — вот Володя согреется, придёт в сознание, придёт в себя и спросит удивлённо: “Ребята, вы что?” Ведь он ещё никогда ни у кого не просил выручки. Не нуждался в этом, сам первый бросался на помощь. А сейчас лежал неподвижно. Сейчас его спасти могло только чудо. И они верили в чудо, верили, что, если у Володи остался хоть один шанс на тысячу выжить, он не умрёт.

Что принесёт им эта ужасная ночь, как они выдержат космический этот холод и выдержат ли вообще — это их сейчас не интересовало. Думали только о Володе, о том, чтобы не дать погаснуть слабенькой искорке жизни, если она в нём ещё есть. Якубенко и Пашка всё время делали ему искусственное дыхание. Прижимаясь к неподвижному телу, отдавая ему тепло. Их сторбленные, скрюченные фигуры, едва уместившиеся в тесной пещере, ритмично качались то в одну сторону, то в другую: вдох — выдох... вдох — выдох... тысячи вдохов и выдохов — до изнеможения, до автоматизма, до отупения, за которым можно не заметить и собственной смерти. И вместе с ними качался в беспмятстве (а может, уже и мёртвый) Володя — то в одну сторону, то в другую сторону. То в одну, то в другую. Ужасный танец на грани жизни и смерти.

Анатолий, заслонив собственным телом вход в пещеру, чтоб хоть немного было тепло, растирал его тело. Руки, ноги, грудь, живот. Тер изо всех сил, не останавливаясь, запрещал себе думать и действительно не думал о собственных ногах, которые, не вместились в пещере, торчали снаружи. И в которые уже вцепился лютый мороз. Да и чего стояли его ноги рядом с Володиной жизнью или смертью!

Прошла целая вечность. Посмотрели на циферблат: уже четыре часа они в этой норе. И тогда они поняли, что всё безнадежно. Володя лежал окоченевший, и от его неподвижной фигуры веяло той застылостью, какую несёт одна только смерть. Отупевшие, опустошённые, вконец измождённые, они прислонились друг к другу спинами и застыли, уткнувшись в колени лицами. Потрясённые тем, что свалилось на них.

А ведь где-то бурлила жизнь. Где-то всходило-заходило солнце, где-то люди млели у растопленных печей, нежились в тёплых постелях, наслаждались теплом, не зная ему цены, пили горячий чай, ели горячие блюда и воспринимали всё это как нечто абсолютно будничное, будто и не бывает пустых промёрзших термосов или насквозь охлаждённой пещеры, в которой они сидят сейчас, застывшие среди вечного холода, чёрного холода, беспощадного холода.

Что теперь будет? Как теперь быть? Что сказать Володиным родителям? Как им всё это объяснить? Мать Володи в тот вечер, в тот последний вечер, когда Володя пригласил Анатолия на прощальный ужин, всё допытывалась... Не сына спрашивала — его:

— Ну, скажите, чего вас туда несёт?

Слушала Анатолия, даже кивала, как бы с ним соглашаясь, а через минуту снова вопрос, полный тревоги и боли:

— Ну, скажите, что вы там потеряли?

“Матери всегда остаются матерями, — думал тогда Анатолий, — и этого им не постичь...”

А сейчас он думал иначе. Сейчас он ненавидел себя за ту свою снисходительность, ненавидел до боли, до стога. Ну, что он ей скажет?

Он не мог больше сидеть на месте. Выбравшись из пещеры, стал собирать рюкзаки, складывать их у входа: чтобы не так задувало. Вспомнил о рации. Но что с неё толку — пятьдесят градусов, питание замерзло. Мороз склеивал губы, даже сквозь рукавицы добирался до пальцев, а ног он уже

совсем не чувствовал. Как будто там, ниже колен, были деревянные колодки: хоть молотком бей — не почувствует. Подумал, что так недолго и замерзнуть, посмотрел вверх, на кратер, который тёмным силуэтом вырисовывался на усеянном звёздами небе. Там, возле кратера, тёплая земля, туда метров двести, ну, триста от силы: подняться бы всем, пока не поздно, согреться, пережить эту ночь. Представил себе эту землю, вулканический этот пепел, те неостывшие камни, в которые зарывается руками, ногами, весь с головой, аж застонал от наслаждения, — и отогнал от себя заманчивое видение... Кому тогда докажешь, что не бросили тут Володю полуживого? Его отцу? Матери? Друзьям?..

Деревянно пригнувшись, снова залез в пещеру. К Якубенко и Пашке. Они не спросили даже, что он делал. Сидели и молчали. И просидели вот так, ежеминутно прикасаясь к мёртвому, ещё шесть долгих, как вечность, часов.

Снова было утро, безразличное к тому, что у них случилось и что с ними ещё может случиться. Подметая темноту, зло высвистывал ветер, одна за другой выплывали из темноты дальние и ближние вершины вулканов, небо быстро светлело, яркие ещё недавно звёзды бледнели и гасли, кроваво-красный восток в муках рождал ещё один день.

Володя лежал неподвижный и какой-то вытянутый, лицо его было белее снега, а в смежённых навсегда веках, в строго сомкнутых устах было столько застывшей мудрости, словно ему открылись в эту ночь все истины мира. Словно, расплачиваясь за такое познание собственной жизнью, он ни на минуту не пожалел о цене.

— Я спущусь, посмотрю, что с ребятами, — Пашка как бы извинялся, что не может больше смотреть на мёртвого.

— Сходи, — сказал Анатолий безразличным голосом. Через несколько минут Пашка возвратился:

— Там тоже обморозились.

— Очень?

— Ещё не знают.

— Передай, чтобы немедленно двигались в лагерь. Ты тоже иди с нами. Что делать там — знаешь.

— А вы?

— Мы будем спускать Володю, — ответил Анатолий за себя и за Якубенко, который молча доставал из рюкзака шнур и лишние штормовки.

Пашка надел рюкзак, потоптался на месте.

— Так я пошёл.

— Ага, — Анатолий уже склонился над своим рюкзаком.

— Я, кажется, тоже обморозился.

Пашка ещё немного постоял, ожидая, видимо, реакции Анатолия на это, но тот продолжал молча рыться в рюкзаке.

— Мы вас будем ждать, — сказал тогда Пашка.

Поскрипел снегом и ушёл. Они положили труп на штормовку, свели на груди руки, связали. Натянули на голову капюшон, под который спряталась белокурая шевелюра, надели ещё одну штормовку, уже поверх связанных рук, затянув на ней “змейку”. Стали обматывать шнуром, и обоим казалось, что не человека обматывают — ледяную тяжёлую глыбу — таким холодом веяло от закоченного тела.

Спускались по льду, по снеговому склону, вгрызаясь ледорубами, страхуя друг друга, чтобы не сорваться, не полететь вниз. Спускались, из последних сил придерживая труп, особенно на скальных выступах, на крутых, льдом облитых лбах, где каждый шаг мог стать последним.

— Осторожно!

Анатолий, сорвавшись, в последнюю минуту хватается за камень. Труп, налетев следом, больно бьёт его в лицо. Якубенко, яростно вцепившись в шнур, задерживает обоих.

— Зубы целы? — только и спросил, когда Анатолий вскарабкался наверх.

— Целы, — Анатолий вытирает кровь, капающую из расквашенного носа: вспухнет — глаза закроет.

Передохнули, снова пошли. Плохо слушались ноги. Выворачивались, скользили, подвёртывались. И были, словно деревянные. Взмокли до нитки, хотя мороз не прекратился. Солнце, ветер, мороз.

В два часа добрались до палатки и пещеры. Вбили в фирн ледоруб, привязали Володо. Дальше, почувствовали, уже не могли бы и шага ступить. Ребята набились в пещеру, там намного теплее, в палатке был один только Дахин. Сидел, замотав ноги в спальник.

— Где Володя? — спросил он, как о живом.

— Там, на улице.

— А я обморозился.

Развернув спальник, скривившись, стал стягивать с левой ноги носки. Несколько пар, одна поверх другой.

— Вот.

Пальцы все до одного почернели. А ногти белели, словно наклеенные.

— Болит? — спросил Анатолий.

— Ага.

— Ясно... А на другой?

— На другой то же самое.

— Ничего, ещё потанцуешь. — “Что же у меня с ногами?” — Витя, а ну-ка похвастайся своими! — обратился он к Якубенко.

— Лучше покажи свои.

— Нет, мои подождут. Моим ничего не станется. Давай, давай разувайся!

У Якубенко тоже отморожены пальцы. Только они ещё не почернели — белые пока что.

— Ну, ребята, считайте, что вам повезло! — сказал Анатолий бодро. — Пережить такую ночь — и только пальцы!

— Ты свои показывай!

— Сейчас. Только снегу принесу. Надо же чайку похлебать на ночь глядя...

Взял котелок, выполз наружу. Заглянул по дороге в пещеру:

— Ну, как мужики? Есть обмороженные?

— Есть... Вон Пашке досталось больше всех.

У Пашки пальцы тоже черные. Услышав, что такие же у Дахина, он прямо повеселел.

— А как наш рыжопер? Есть чем похвастаться?

Есть и у Серёжки, у рыжопера. И у Коробкова, и у Пахомова.

— Что ж, “мужики”, знали, на что шли. Теперь нужно терпеть... Подремонтируют — и следа не останется.

— А у тебя как?

— У меня ничего... Снегу набрали?

— Набрали уже. В снегу сидим.

— Ну, тогда лежите — попивайте чаёк. До завтра.

— Ты будешь показывать ноги?! — встретил его криком Якубенко.

Растапливая снег, весело шумел примус. В палатке становилось теплее и теплее. Дахин, забившись в спальник, уже спал, не дождавшись чая. Якубенко сбросил штормовку и куртку.

— Разувайся!

Анатолий уселся поудобнее, расшнуровал ботинки.

— Что же ты?

— Сейчас.

Но, как ни дёргал, ботинок не снимался.

— Помочь?

— Попробуй.

И Якубенко стал дёргать ботинок. Сначала осторожно, потом изо всех сил.

— Примёрз.

— Не оторви вместе с ногой, — пошутил Анатолий; боли не было, только трещало в суставах.

Ботинки то ли немного оттаяли, то ли не выдержали — снялись. Стали сдирать примёрзшие носки, с сухим шелестом посыпался лёд. Оголились ноги.

Белые, холодные, чужие. Якубенко взял ложку, постучал — точно о камень.

— Болит?

— Ничего не чувствую.

— Здорово же тебя прихватило! — тревожно сказал Якубенко. — Нужно немедленно что-то делать.

— Может, репшнуром?

— Давай.

Достал репшнур, сложил в несколько раз, замахнулся:

— Хоть не смотри!

— Ничего, валяй — не жалеи! Лишь бы репшнур выдержал.

Якубенко вовсю стал хлестать по оконевшим стопам. Постепенно прощипалась боль. Ноги потеплели, с каждым ударом тепло опускалось все ниже, к пальцам. Трещали, наливаясь кровью, скованные морозом сосуды, на глазах сползала кожа, а Якубенко то и дело спрашивал:

— Может, достаточно?

— Бей! — говорил Анатолий, только голос его с каждым разом становился всё глуше, как будто кто-то глушил его.

Наконец, Якубенко бросил репшнур:

— Хватит. Так ещё и кости размолотим.

Анатолий сидел, вцепившись руками в жесткое дно палатки. Его тошнило: боль была такой, что останавливалось сердце.

Достали запасные тёплые носки, еле натянули на разбухшие ноги.

— Залезай в спальник! — скомандовал Якубенко. — И попробуй хоть немного вздремнуть.

Но это было как раз то, чего Анатолий сделать не мог: боль разгоралась совсем уже дикая, ноги как бы мстили за то, что он их не берёт, не давали ни на секунду забыться. Он был бы даже рад потерять сознание, и казалось иногда, что действительно начинает его терять, когда накатывался липко-красный туман, чтобы поглотить бесследно, но потом, сам того не желая, он снова и снова выныривал, как тот упрямый поплавок, который невозможно потопить. И, выныривая, с надеждой поглядывал на часы: что угодно, только не это лежание — ногами в пламени! А стрелки вроде и не двигались. Стрелки светились на чёрном фоне, словно приклеенные.

Стонал во сне Дахин, ворочался Якубенко, не находя, видимо, места для ног. Рядом, за стеной, лежал мёртвый Володя. Его молчаливое присутствие, как это ни странно, помогало бороться с болью. Ибо их собственная боль, их муки — ничто по сравнению с его ледяной оконечностью.

В пять часов поднялись: не могли больше лежать. Анатолий попробовал встать на ноги и тут же упал. В углу стонал и ругался Виктор Дахин. Матерился во все на свете вулканы, ругался так, как никогда, наверное, не ругался.

— Помогает? — не выдержал Анатолий.

— Помогает! — простонал сквозь зубы Виктор. — Да лезь ты, зараза, на ногу! Так твою-перетак! — и бил ледорубом по ни в чём не повинному ботинку.

Якубенко тоже уже обувался: молча, без стога. Суровое лицо его за эту ночь постарело на несколько лет, распухшие ноги никак не хотели лезть в трикони. Тогда он взял нож, разрезал их сверху донизу, сперва один, потом другой. Всунул ноги, старательно перевязал ботинки капроновым шнуром.

У Анатолия же ботинки были на четыре номера больше: он подбирал их под несколько пар толстых шерстяных носков. Сейчас он натянул только одну (разбухшие стопы кроваво синели), и это позволило кое-как приспособить обувь.

Попили горячего чая (одно только воспоминание о еде вызывало тошноту), на руках, на коленях выползли из палатки. И, вылезая, каждый сразу же видел Володю, лежавшего обмороженным лицом к небу. Там уже понемногу серело предутреннее небо, то одна, то другая резко вспыхивали звёзды. Переливалась, мерцала россыпь огней вдоль Млечного пути, и по этому пути, по бесконечной этой столбовой дороге прямо над их головами, двигалась, упрямо пробиваясь вперед, яркая искорка.

— Ребята, спутник!

Дахин словно впервые увидел спутник!

Застыли, глядя вверх, а спутник летел и летел, преодолевая космические расстояния, и было в нём что-то очень деловое и целенаправленное, вроде он куда-то спешил, не замечая звёзд, с интересом поглядывавших на него. И что-то такое близкое и родное чувствовалось в этом крохотном огоньке, нечто такое до боли земное, что они все смотрели и смотрели — глаз не могли оторвать. И, пронизывая всё это пространство, весь этот невыносимый холод, злобную эту темень, все эти горы, скалы, льды и снега, весь этот застывший хаос, поднявшийся на человека, чтобы задушить, раздавить, сломать, уничтожить, полетел, помчался победоносно и неистребимо дерзкий сигнал, который, будучи послан человеком, возвращался теперь к нему из космоса.

— Пора, “мужики”! Ты только им ничего не говори о наших ногах.

Это Дахину, который должен был спускаться с ребятами, ночевавшими в пещере. А они снова оставались втроём: Анатолий, Якубенко, Володя. Один мёртвый, двое живых. “Пока ещё живых”, — мрачно пошутил Якубенко. Теперь им будет ещё труднее: каждый шаг — такая боль, о которой они до сих пор и представления не имели.

Отвязали от ледоруба Володю, взяли за шнур. Сделали шаг — и одновременно упали.

— Так мы не дойдём, — сказал Якубенко.

Ребята уже спускались, чуть ниже и левее, придерживаясь гребня.

— Давай кулуаром.

Кулуаром так кулуаром — Анатолию сейчас безразлично. Чёртом, дьяволом — лишь бы не становиться на ноги!

Доползли до кулуара, стараясь не думать, что там, в конце, — острые камни или пропасть? Сели, поехали. Все быстрее и быстрее по вертикальному ледяному руслу, по крутизне, на которую глянуть только — на душе похолодеет. Ветром, снежной пылью било в лицо, запорашивало глаза, а им, ослепшим и оглушённым, оставалось только одно: держать Володю. Из последних сил держать Володю.

С разгону въехали в снег. Снег их спас: дальше чернели камни. Налетит на такой камешек — и одним махом решатся все проблемы. Долго сидели, приходя в себя. Потом поползли уже снегом. Анатолий, Володя, Якубенко; Якубенко, Володя, Анатолий.

Снега становилось всё больше, они обессиленно барахтались в нём, добираясь к лыжам, торчащим впереди. “Уже недалеко... Уже недалеко...” — пульсировало в голове у Анатолия. Разгребая снег, он упрямо полз вперёд, а труп всё тяжелел и тяжелел, и шнур, впиваясь в плечи, натягивался струной. Иногда мелькала мысль, что Якубенко перестал подталкивать мёртвого, но он её отгонял, он готов был за это возненавидеть себя и не позволил себе ни разу оглянуться. Полз и полз, зарываясь всё глубже и глубже в снег...

Добрался до лыж.

— Ты почему не останавливался? — прохрипел Якубенко, который возник перед ним, точно привидение, весь облепленный снегом.

Анатолий не ответил: жадно хватал снег, гасил огонь внутри.

— Простудишься!

Анатолий, если бы смог, обязательно расхохотался бы: после всего, что случилось, бояться простуды?..

— Теперь я потяну.

Анатолий не возражал. Помог из двух якубенковских лыж смастерить волокушу, уложить Володю.

— Ты отдохни, — повторил Якубенко и, впрягшись, потянул Володю вперёд.

Анатолий смотрел на свои неподвижно простёртые ноги, которые сейчас почти не болели, и при одной только мысли, что придётся становиться на них, ему хотелось лечь и умереть. Ребята и без него доберутся до сейсмостанции. Вон они, далеко внизу — чёрные фигуры на ярком фоне. Сколько им там осталось идти! Но вот взгляд его зацепился за Якубенко: Виктор полз, волоча за собой Володю.

“Что ж это я?.. Встать!” — и одним движением, одним отчаянным рывком он поднялся на ноги. “Ты у меня посидишь!.. Ты у меня постонешь!.. А ну-ка на лыжи!” — ибо только так мог сдвинуть себя с места. Прижал ранты замками, покатил вниз. Вдруг почувствовал, что проваливается в яму. Она оказалась неглубокой, но его так сильно подбросило, что нестерпимая боль пронзила все тело, воткнулась в мозг раскалённым гвоздём. Казалось, череп сейчас не выдержит — разлетится вдребезги. Переждав, пока боль немного утихнет, он поднялся на локти. Одна лыжа была на ноге, другая исчезла неизвестно куда.

Всё. Конец. Снова захотелось лечь и ни о чём не думать. Лечь и умереть. Ну, сколько же можно так мучиться?! И снова стал искать взглядом Якубенку. Виктор продолжал ползти вперёд. Тогда Анатолий сел на единственную лыжу и, отталкиваясь руками, поехал за ним вдогонку. На вторую лыжу он наткнулся, когда уже не верил, что её можно найти, — та преспокойно торчала в снегу. Он выдернул её, с трудом поднялся, встал на обе... И осторожно, чтобы снова не влететь в какую-нибудь яму, потащился вперёд, пока не догнал Якубенку.

Они остановились под высокой базальтовой глыбой, торчавшей над оврагом. Туда, в овраг, намело столько снега, что нечего было думать о том, чтобы тянуть Володю дальше. Поэтому решили оставить его здесь, а потом прислать за ним вулканологов. Ведь до станции рукой подать, ребята уже там.

— Ты иди, — сказал Анатолий.

— А ты?

— Я немного побуду с Володей.

— Я пришлю вулканологов, — сказал Якубенку. Анатолий кивнул, хотя мёртвому уже безразлично, когда его заберут: сегодня ли, завтра — какая разница? Он подождал, пока Виктор, встав на лыжи, преодолел овраг, а потом, склонившись над Володей, снял капюшон. Володя лежал на спине, голова погружилась в снег, подбородок задрался кверху. Под белой кожей оголённой шеи остро вздулся кадык. Подведя руку под заочневший затылок, Анатолий поднял его и подгрёб под голову снег. Стряхнул снег со штормовки, прикрыл капюшоном лицо. Сел рядом, упершись спиной в скалу. Нагревая тёмный базальт, заходящее солнце светило прямо в глаза. После пятидесятиградусного мороза там, наверху, после беспощадного ветра и ледяного воздуха было так тепло и уютно, что куда не хотелось двигаться. Он посмотрел вправо — там возвышался вулкан. Камень. Четырёхкилометровая скала, закованная в лёд, как в латы. Вспомнил, как несколько дней назад, когда они добрались до сейсмостанции, Володю никак не могли затянуть в помещение. Тогда точно так же светило заходящее солнце. Камень стоял, словно облитый огнём. Володя смотрел влюблённо, он, кажется, ничего не видел, кроме вулкана.

— Вот куда бы забраться!

— Ну, держитесь, вулканы! — смеялись ребята уже за ужином. — Вы не знаете, кого мы к вам привели! — это уже к хозяевам, двум на удивление молчаливым вулканологам.

Володя и не подумал обидеться. Поднялся, весёлый, высокий, плечистый, переполненный силой:

— А что! Дайте время — на всех побываем! За самые высокие вершины в нашей жизни! — и поднял кружку с чаем...

Вспомнив об этом, Анатолий невольно содрогнулся — такой щемящей болью отозвалось сердце. Как будто кто-то взял нож и проткнул его насквозь. И ещё он подумал, что если бы Володя хоть на минуту ожил и понял, что с ним, то завещал бы похоронить себя именно здесь, под скалой, перед самым вулканом. И ещё подумал: “Если придётся умереть, то здесь, так, как Володя...”

А солнце садилось всё ниже. Пора вставать и идти. Он поднялся и, в последний раз посмотрев на Володю, стал кое-как на лыжи. Сколько шёл — не помнит. Как шёл — тоже. Вспоминает только, что перед самым домом упал. Сбросил лыжи и пополз. По снегу, по утоптанной дорожке, по ступенькам, волоча отяжелевшее своё тело. И тащил за собой ноги, а в ботинках чуть ли не хлопало: не кровью — кипятком. Хватило сил, уцепившись за

дверь, ещё раз подняться на ноги. Сделать один шаг. Упав, он стукнулся деревянно о пол и замер.

Когда его подняли и, уложив на кровать, разули и снова отодрали носки, наступила мёртвая тишина. Ибо то, что увидели, трудно было назвать ногами...

— Мужики, слушайте: “Сначала была боль. Не было ни земли, ни воды, ни неба, ни солнца — была одна только боль. Носилась в пространстве, вездесущая, всеохватная, всевластная. И лепила из людей всякую мерзость. Слизняков, червяков, никчёмных очкариков, — лукавый взгляд в сторону Дахина, — которые причитают по маме при каждом прикосновении к их драгоценному пальчику...”

— Так из всех и лепят? — вёдливый голос Дахина.

— Нет, не из всех. Настоящие люди лепят сами из себя что захотят. Ни на какую боль не обращая внимания...

— Что это ты цитируешь?

— Библию. Для обмороженных...

Двухэтажный деревянный коттедж. Второй этаж, солнечная, в два окна, палата. Районная больница в Ключах, куда их перевезли вертолётom. Хирургическое отделение. Царство Ивана Андреевича, единственного хирурга на несколько сот километров вокруг, человека в этих обстоятельствах непреклонно-решительного: любую операцию, даже самую сложную, берётся делать не колеблясь. “Для нашего доктора голову кому-то отрезать и пришить заново — раз плюнуть!” — с горделивой улыбкой говорят о нём камчадалы.

Ключевская сопка в ясную погоду заглядывает прямо в окна.

— Она себя ещё покажет! — говорят о ней камчадалы. Им как будто не терпится, чтобы вулкан, который дремотно и нехотя попыхивает паром и дымом, наконец проснулся и показал, почём фунт лиха. Пока что более мирной картины, чем Ключевская, трудно и придумать. Идеальный конус, аккуратno врезанный в небо. Часто на весь день небо прячется в густой молочный туман, но даже тогда сопка угадывается подвижной тенью на белом фоне. Украшение Камчатки, царица Камчатки. И каждый из них ощущает, что судьба его связана с этой горой навеки. Где бы ты ни был, куда бы тебя ни забросило. Что бы ни делал. Она будет сниться по ночам в городской душной квартире, мощно раздвигая стены, поднимая потолок к самому небу. Будет навещать в тесных канцеляриях, плотно заставленных столами, с телефонами, арифмометрами, целыми бумажными горами, которым нет начала и не будет конца, в которых утопаешь ежедневно с головой, чтобы, едва выбравшись к концу работы, на следующий день снова нырнуть с головой — вечная карусель, ненасытный молох, неизвестно кем и для чего запущенный. Она, Ключевская, вырастает вдруг посреди улицы, в обеденный перерыв или под конец рабочего дня, когда машины мчатся бешено, а люди бегут, как зачумлённые, или толпятся у дверей магазинов, парикмахерских, столовых, кино, штурмуют метро, трамваи, троллейбусы, словно наступил уже конец света, и этот трамвай или троллейбус — последний, на котором можно ещё въехать в рай... И вдруг поднимается она впереди, величественная и спокойная, и ты мгновенно замрёшь, и уже ничего, кроме неё, для тебя не будет существовать. И потом, когда она исчезнет, тебе станет жаль всех тех людей, которые ничего о ней не знают. Разве что по иллюстрациям или по “Клубу кинопутешественников”. На экране телевизора, этого новейшего пожирателя человеческого времени и энергии. С чашечкой кофе в пухленьких ручонках, которые не знали иного инструмента, кроме вилочки и ложечки.

— Мамочка, посмотри, какая горка!

На экране — пять, десять сантиметров от силы. Миниатюрная и безопасная, как ёлочное украшение. Как приятно и удобно вот так путешествовать! В мягком кресле, с кошечкой на коленях, с женой под боком, которая в аккуратном переднике готовит тебе ужин. И кажется, что уже и эта симпатичная горка тоже пахнет вкусным пирогом. Аппетитной румяной булочкой, только что вытащенной из духовки...

Каждое утро, после того как сестры измерят температуру, к ним вваливается обрубок человека. Обрубок такой беззаботно весёлый, что даже воздух вокруг него начинает как бы светиться.

— Драсьте! Дядя Вася лично приветствует вас!

Что-то неестественно-опереточное было в этом ежедневном появлении.

Дядя Вася — местная знаменитость. Каждую зиму он аккуратно ложится в больницу. Не по своей воле, разумеется: укладывает водка. Или, если точнее, — спирт, которым торгуют в местных шалманах. А дядя Вася с той поры, как помнит себя (а память его ведёт свой отчёт от первой рюмки), потребляет исключительно спирт.

— Заканчиваю десятую цистерну! — докладывает он гордо. Цистерны, ясное дело, железнодорожные, четырехосные, в каждой можно запросто утопить слона. Или носорога.

Дядя Вася весь человеческий род делит на тех, кто пьёт, и тех, кто не пьёт. Хотя в душе убеждён, что тех, которые не пьют, вообще не существует. Они только умеют прикидываться трезвыми, вот в чем весь фокус!

— Не пьёт только петух! Да и то лишь потому, что ему не подносят.

Алкоголиком же дядя Вася себя не считает.

— Кто есть настоящий алкаш? Настоящий алкаш — это тот, кто не знает меры. Я же свою меру знаю. Принимаю вовнутрь за один раз не больше чем пол-литра. Так вы мне объясните после этого, какой же я алкоголик?

У него, рассказывают, золотые были руки. Столяр, печник, портной, жестянщик и охотник — деньги когда-то так и плыли со всех сторон, и он их аккуратно отоваривал спиртом, этим в глазах дяди Васи единственным товаром, за который стоит платить. Теперь же, когда рук не стало, получает пенсию. Как инвалид первой группы. Живёт от выпивки до выпивки.

Как-то Анатолий спросил:

— Дядя Вася, вы здесь прожили всю жизнь: неужели вам ни разу не захотелось подняться на Ключевскую?

— А на хрена? — удивился дядя Вася. — Там же ларьков с пивом нет!

Дядя Вася на своём веку не поднимался выше магазинного крыльца. Зато падал оттуда основательно и надёжно — головою в снег. Лицо у него было тоже не раз обморожено, и розовая кожа блестит, как лакированная. А рук-ног постепенно лишился до колен и локтей: что ему обрежут, подластают да подлечат, он в следующую зиму опять отморозит.

— На мой век тела хватит! — беззаботно отмахивается культей. — Вы мне лучше скажите: какого хрена вас на ту гору носило?

Дядя Вася никак не может поверить, что ребята не за деньги поперлись на Ключевскую. Ну, пусть бы с пьяных глаз, тогда понятно. Да хотя бы летом. А то ведь зимой, в самые лютые морозы. Не иначе шли за какой-то большой выгодой! Это и мучает дядю Васю более всего. И заставляет изо дня в день проводить ребят. В надежде, что они проговорятся.

Ребята же, поняв причину, приводящую дядю Васю к ним в палату, стали подливать масла в огонь. Ровно половина восьмого, сейчас появится дядя Вася, уже шаркает за дверью.

— Витя, — громко спрашивает Анатолий, — а лоток ты спрятать не забыл?

Дверь, которая начала было приоткрываться, замирает.

— Да вроде бы спрятал, — сразу же включается в игру Якубенко.

— Вроде... — сердится Анатолий. — Ты мне точно скажи! Знаешь, что будет, если кто-нибудь зайдёт и найдёт лоток! И ребёнок поймёт, для чего мы поднимались на Ключевскую.

— Да спрятал же, говорю!

Дядя Вася, не выдержав, раскрывает дверь шире. Ребята делают вид, что только сейчас замечают его, и сразу переводят разговор на погоду. “Та-ак, — написано на лице калеки. — Ясно, почему вы вдруг заговорили про погоду да про морозы! Только меня не проведёте — не на того напали”.

В следующий раз уже Пашка, притворяясь, что не заметил, как дядя Вася зашёл в палату (как раз в это время читал газету), восторженно восклицает:

— Вот это да!

— Что там? — интересуется Сергей.

— Послушайте: вулкан Этна во время извержения выбрасывал ежедневно два с половиной килограмма золота. Сколько же это набралось за месяц?

— Семьдесят пять.

— А вы говорите... Гм, гм, — вроде только сейчас заметил дядю Васю. И прячется за газету. — Что же здесь дальше... Ага, вот... В Африке нашли череп доисторического человека. Предка гомо сапиенса...

Но дядю Васю гомо сапиенс не интересует; в небольших глазах дяди Васи уже начинает мерцать зарево золотой лихорадки. Два с половиной килограмма золота каждые сутки! Сколько же это можно спирта купить! Не выдержал:

— А я, так-перетак, прожил всю жизнь и не знал, что у меня под носом! — плюнул с досады и покатился из палаты.

Ребята хохотали до слёз. Долго хохотали, может быть, хотели продлить свое смешливое настроение. Ведь через какие-нибудь два часа будет уже не до смеха: после завтрака и обхода откроется настежь дверь, и операционная сестра, молоденькая жена Ивана Андреевича, вкати в палату кресло-коляску.

— На перевязку, мальчики! — пропоёт она.

Валя похожа на операционного ангела: на редкость нежное лицо и непорочно-девственной чистоты серые глаза.

— Кто первый? — сверкает улыбкой серны.

Такого рода охотников что-то не находится. Кое-кто даже натягивает одеяло, словно собирается нырнуть под него. Все хорошо знают, что ожидает каждого в операционной.

— Катите, Валя, сюда! — говорит Анатолий. — Давайте ваш катафалк!

Валя подкатывает кресло впритык к кровати, и Анатолий, вцепившись руками в металлические подлокотники, начинает осторожно переносить своё исхудавшее тело. Тут главное — не потревожить ноги. Не зацепиться ими за спинку или колесо. Обе ноги, словно мины. Одно неверное движение — и они взорвутся такой нечеловеческой болью, что весь мир померкнет. И пока Анатолий переносит свои ноги в кресло, остальные, боясь шевельнуться, напряжённо следят за каждым его движением. Всё! Можно везти.

— Граждане пассажиры, — обязательно прозвучит тенорок Пашки-лейтенанта, — производите высадку и посадку, придерживаясь очереди! Не лезьте вперёд, не толкайтесь, уступайте места инвалидам, женщинам с детьми и гражданам пожилого возраста!

Никто не думает сердиться, хотя этими “гражданами” он уже надоел, как горькая редька. Все облегченно вздыхают, будто каждый сам проделал эту операцию. Все прекрасно знают, что там ждёт Анатолия. Но первый рубезь взят. И когда Валя выкатит “катафалк” из палаты, никто и слова не обронит об операционной. В первый же день Якубенко предупредил:

— Если кто-нибудь вздумает раскрыть свой поганый рот и петь, как ему больно, — выбросим вон из палаты! Чтоб и духа не осталось!

И ребята, как бы ни болело, не “пели”. Возвращались с побледневшим лицом, а то и искусанными губами и молча ложились в кровать. Лежали, закрыв глаза, приходя понемногу в себя. Один лишь Пашка не выдерживал: жаловался, едва сдерживая слёзы:

— Ну, почему они надо мной смеются?

Оказывается, у Пашки, как только Иван Андреевич брался за скальпель или хирургические ножницы, уши сразу же становились торчком. Независимо от того, хотел Пашка этого или не хотел. Сёстры давились от смеха, Иван Андреевич кричал на них и на Пашку, а тот обижался.

Длинный, как пенал, коридор, доведённый до идеальной чистоты пол. Говорят, что Иван Андреевич, он же одновременно и главврач, каждое утро проводит по полу носовым платочком, и, если на нём остаётся след, заставляет перемыть. Поэтому пол так и сияет, а солнце, жарко отразившись от него, ложится на белые стены, белые двери, белые рамы и подоконники. Всё здесь белое, в том числе и халаты на молоденьких, как и сама больница, медсёстрах, и кокетливо повязанные платочки, и не хочется глаз отрывать от

этого белого чуда. А тем временем “катафалк” продолжает свои непрерывные челночные операции по коридору и так же неумолимо надвигается эта злополучная дверь слева. Операционная. Святая святых больницы. Юдоль слёз, крика и зубовного скрежета.

Чувствуя, как у него всё сжимается, Анатолий припоминает своё первое посещение этого симпатичного кабинета. Впрочем, слово “посещение” вряд ли здесь уместно: его вкатили в кресле, а потом осторожно сняли и положили на стол. На длиннущее, как бы на вырост, сооружение. Ещё и накрыли до подбородка простынями, оставив оголённые ноги. Когда принялись терзать ноги, он не выдержал и застонал.

— Кричите, кричите, голубчик! — посоветовал хирург. — Ругайтесь, кричите — только не молчите!

— Не дождётесь! — сердито ответил Анатолий.

И как ни болело, как ни терзал его врач, больше ни разу не застонал. Впивался руками в стол, выгибался дугой, до крови стискивал зубы, но не стонал.

— Вы человек или камень?! — в конце концов, не выдержал хирург.

Произошло это уже во время второго или третьего посещения операционной:

— Поймите, когда больной стонет или даже кричит, ему становится легче. Боль выходит из него вместе с криком. Вы же загоняете боль себе вовнутрь. Так может сердце не выдержать!

— Выдержит! — отвечал Анатолий сердито. — Моё выдержит!

— Чёрт! — непонятно кого отругал доктор. А через некоторое время, бросив скальпель, сказал: — Нет, так нельзя! Это же тело живое, а не дерево!..

Наконец, договорились так: Анатолий скажет, когда будет становиться совсем невыносимо. Но где начинается тот болевой рубеж, который не в состоянии переступить человек? Воин из Рима Гай Муций Сцевола, схваченный в лагере этрусков, из презрения к боли и смерти сам опустил в огонь и сжёг свою руку. Индейцы из воинственного племени, смеясь, шли на смертные муки, и даже смерть не могла стереть с их орлиных лиц надменную усмешку. Иван Андреевич каждый раз очерчивал пальцем точный рубеж:

— Чистим сегодня вот до сих пор.

Что означало: до этого места и обрезать нервы, которые, на удивление, жили даже в отмершей ткани. Боль была просто умопомрачительной, но каждый раз Анатолий передвигал рубеж на несколько миллиметров выше:

— Давайте ещё!

И так — по миллиметру, по сантиметру — передвигал болевой рубеж. Учился смотреть на своё измученное тело так, будто сам стоял где-то в стороне. Видя, как оно извивается и корчится, строго приказывал себе: “Ты это выдержишь!.. Выдержишь!” И терпел, покуда врач не швырял инструмент:

— Везите этого чёрта в палату!

И это уже была победа.

— Спасибо, доктор, что хоть голову на плечах оставили!

— Нужно будет, отрежем и голову! — сердито отвечал Иван Андреевич. — Да и на кой она вам, такая голова?

— Как на кой? А шапку носить!

— Ну, разве что, — доктор уже мыл руки, стоя к нему спиной. — Давай, Валя, дружок. Не такого весёлого.

Анатолий снова выезжал в коридор. Только сейчас все сегодняшние муки были уже позади. Поэтому можно было откинуться на спинку кресла, сомкнуть веки, расслабиться. Где-то далеко внизу жгло и подёргивало, но что значила такая боль по сравнению с той, какую он только что перенёс! Что значат вообще все боли на свете, когда впереди целый день, длинный-предлинный день, в течение которого он спокойно будет лежать в уютной, как норка, постели. Будет разговаривать, будет делать обязательную гимнастику. В кровати, чтобы не размагничиваться. И никто уже не будет трогать его искалеченных ног.

— Знаете, Валя, так тому и быть: везите прямо в заг! Уговорили — огласен!

Это уже ритуал. Каждый из них, вырвавшись из безжалостных рук Ивана Андреевича, предлагает его молоденькой жене руку и сердце.

— Сейчас поедем! — отвечает с вызовом Валя. — Только мне нужна подружка. Так что придётся, очевидно, подождать Эллу.

Чертовы мужики, разболтали всё-таки! Интересно, кто ж это? Пашка, Пахомов или Серёжка-рыжкопер?

Позавчера получил письмо. От Эллы. Каждая строчка дышала тревогой: что с ним случилось, как погиб Володя? “Тут ходят самые дикие слухи, даже не хочется пересказывать. Напиши немедленно. Или продикуй, если сам не можешь. Вкладываю письмо от твоей мамы. Взяла у тебя в общежитии на столе. Сам ей напишешь или мне ответить? Надеюсь, что удастся прилететь”.

У Анатолия ёкнуло сердце. До сих пор, если он когда-нибудь и обнимал Эллу, то только в шутку, как младшего друга. Как товарища, которого взял под свою защиту. Он и обращался к ней, как обращался бы к младшему брату: “Эл”. “Эл, сегодня пойдём на лыжах...” “Как тебе спалось, Эл?...” “Сбегай, Эл, за билетами!...” Безотказная “Эл” и не подумала бы не подчиниться или возразить. Самая крутая горка пугала её меньше, чем неодобрительный, из-под насупленных бровей взгляд Анатолия. Когда собирались на Ключевскую, она так просилась:

— Возьми меня, Толь! Ты же знаешь, как я умею ходить!

— По ступенькам, — ответил ей насмешливо. — А там, извини, гора.

Впервые обиделась. Сверкнули под очками слёзы. А когда пришла провожать, и все они уже сели в самолёт, а она осталась на асфальтовом поле, тоненькая, беззащитная, он впервые подумал, что, возможно, и следовало бы её взять. И махал в окошечко рукой, пока не исчезла земля... А теперь подумал: как хорошо, что ей не удалось его уговорить! Не мог себе представить её здесь, в больнице, на одной из таких кроватей. Становилось по-настоящему страшно.

В тот же день он ответил. Написал, как было с Володей, и ни слова, что сам отморозил ноги. Так, прихватило кончики пальцев. Вот они и решили воспользоваться предоставившейся возможностью и слегка посачковать. Тем более что здесь, как на курорте: каждому персональная палата, с телефоном, телевизором, ванной и туалетом. Кормят их только заморскими блюдами, а пальчики ласкают лебедиными пёрышками. Всё было бы прекрасно, если бы не так щекотно... Ага, чуть было не забыл: каждый вечер ходим на танцы. От девиц отбоя нет. Знал, что Элла, читая эти строчки, будет сердиться, и получал от этого немалое удовольствие. Маме же, которая ни о чём не догадывалась, написал, что у него всё хорошо: посещает лекции, готовится к зимней сессии. Летом, возможно, придет домой. Элле он ещё приписал, чтобы переслала письмо домой. И чтобы ничего не смела от себя дописывать. Последнее — тоже, чтобы она ещё чуточку посердилась: мама ведь не знает и не ведаёт, что на свете существует Эл...

Эл или, может, уже и Элла? Он и сам пока не знал.

Вот и их палата. Валя открывает как можно шире дверь, чтобы не зацепиться креслом, везёт его прямо к кровати. Кровать Анатолия стоит у окна, он проезжает мимо товарищей и на лице каждого читает молчаливое и тревожное: “Ну, как? Неужели и сегодня так болело, как вчера?” Ибо каждому придётся сегодня же — раньше или позже — сесть в это трижды проклятое кресло и ехать в операционную. Анатолий проезжает между кроватями, и на страшно исхудавшем, измученном лице сквозь синь под глазами, сквозь колючую щетину пробивается вечно неизменное: “Всё в порядке, “мужики”!”

— Сегодня было легче, — говорит Анатолий, хотя ещё никогда, кажется, так не болело. Но все те муки уже позади, и снова на сантиметр или два удалось отодвинуть болевой рубеж, границу терпения, очерченную ногтем хирурга.

А впереди — день, целый день, когда тебя уже никто не будет трогать. И ночь, о которой не хочется думать. Потому что ночи — самые тяжёлые. Днём книги, газеты, журналы, физкультурные упражнения, завтраки, обеды, ужины, процедуры, врач и сёстры, санитарка с таким огромным ведром, что могла бы их всех утопить, как котят; днём разговоры и споры, вплоть

до язвительных реплик, до ссоры, хотя потом, когда остынут, не могут порой даже вспомнить, из-за чего завелись, о чём угодно, только не о собственных болячках... Днём на людях, которые не дадут в себе замкнуться, окунуться в безутешные мысли, а ночью... Ночью остаёшься один на один со своей бедой. Ночью самые чёрные мысли, самые тревожные раздумья. Ночью боль подступает впритык, и от её жестокого взгляда не убежать, не спрятаться — жалит в самое сердце. Неспроста ведь люди чаще умирают по ночам, и все стихийные бедствия, как правило, тоже происходят среди ночи. Скрипят кровати, стонут пружины. Ребята не знают, куда положить измученные, искалеченные ноги. Давит и душит даже простыня, словно она из чугуна, а не из тонкой ткани, и срываешь, швыряешь её прочь на пол, становится вроде легче, а через минуту всё начинается заново.

Стонет, не выдерживая, Пашка, шёпотом материт свои ноги Пахомов. Поднимается резко, наливает в стакан воды.

— Опять таблетка? — с осуждением спрашивает Якубенко: Пашка уже одну на ночь выпил.

— Нет, конфетка! — отвечает тот с вызовом. — Привет от любимой!

— Это уже какая?

— А тебе не всё равно?

— Смотри, привыкнешь. Станешь наркоманом.

— Лучше наркоманом, чем сумасшедшим!

Ставит стакан, падает в постель. Какое-то время крутится, не находя себе места, но потом затихает. Кажется, заснул.

Каждый день им приносят таблетки: от боли, для сна. Ребята — кто сразу глотает, особенно перед свиданием с хирургом, кто придерживает на ночь. Анатолий аккуратно выбрасывает их в корзину.

— Боишься стать наркоманом?

— Не наркоманом — медузой.

А теперь, ночью, иногда жалеет, что нет под рукой таблетки. Глотнуть бы и забыться, как Пашка. Только знает наперёд: выкинет и завтра. Интересно, сколько может выдержать человек?

И мысль об аптечке. Навязчивая, жгучая мысль о том самом, будь он проклят, шприце, который кто-то забыл положить в аптечку. Почему никто из них не догадался проверить аптечку? А кто мог подумать, что там не будет шприца!..

“У меня не болит... У меня не болит... Слышите вы, пылающие огнём, я вычёркиваю вас из своего сознания!.. Я о вас забываю!.. Прочь из мозга, из сердца — на периферию, тлейте себе там! Горите, хоть обугливайтесь, а у меня не болит... Не болит! Не болит! Не болит!!!”

Ежечасная, ежеминутная молитва — посреди долгой ночи. Нескончаемой ночи.

Доктор сказал... Что сказал доктор?.. Что он сказал, по поводу чего?.. Ага, это касалось ног. Там, в операционной, где весь мир вертится вокруг отмороженных ног. Недавние кроваво-синие шишки соохлись, как у мумии, кожа на пальцах покрылась смолисто-чёрным цветом. Белая, лишённая мяса, оголённая кость с судорожно натянутыми жилами. И пальцы, на которые кто-то словно натянул наконечники из блестящей чёрной резины. Зрелище не для людей со слабыми нервами. Сестра из терапевтического, случайно заскочив сюда, как гляннула, так и ахнула, схватившись за стол. “Кто вас просил?! — сердито закричал Иван Андреевич. — Выйдите отсюда!” А сестричка продолжала стоять, крепко закрыв глаза: боялась оторваться от стола...

Так о чём он просил? И что ответил доктор?

Ноги словно того только и ждали, чтобы он немного расслабился: будто кто-то по ним плеснул кипятком. Он даже не пошевелился в надежде найти более удобное место, знал, не поможет. Сжав зубы, ждал, пока схлынет адская боль. Пройдёт. Должна пройти!..

Что же он спросил? Ага, спросил вот что:

— Я буду ходить?

— Постараемся сделать всё, чтобы вы ходили. Хотя придётся кое-что отрезать.

— Режьте. Только так, чтобы было потом на чём ботинку держаться. Чтоб не вертелись, — и совсем уже сердито добавил: — Дядю Васю из меня не сдавайте! Лучше сразу зарежьте!

— Вы ещё будете ходить, — пообещал ему доктор. И накричал на Валу, которая, не выдержав, расплакалась. — Что это такое?! Прекрати мне сейчас же!.. Скальпель!.. Бинты... Терпи, если хочешь ходить! — это уже к Анатолию. — Терпи!

— А я что делаю?..

А потом в коридоре сказал Вале:

— Когда повезёте в загс, я обую самые модельные туфли!

Анатолий даже улыбнулся, вспомнив, как она тогда чуть его не стукнула. И тут же нахмурился: вот оттяпают ноги, тогда посмеёшься! Будут тебе не туфельки модельные, а костыли. А то и тележка на колесиках. Милая такая дощечка, ремнями к бёдрам прикреплённая, и две колодки в руках: кати, куда хочешь! “Граждане пассажиры, пожертвуйте, кто сколько может, несчастному калеке!” Чаше всего возникал в памяти тот нищий, которого увидел когда-то в электричке под Киевом. Неожиданно вкатывался, как мрачное будущее, ожидавшее его. А самым страшным было то, что его станут жалеть. Ловить сочувствие в глазах знакомых и незнакомых... Как-то он сказал Виктору Якубенко:

— Я, пожалуй, не возвращусь во Владивосток.

За эти дни в больнице они очень сблизились. И не потому, что их кровати стояли рядом, или Якубенко больше всех после Анатолия обморозился (доктор уже сказал, что ему придётся отрезать левую стопу). Открыли друг в друге много общего, то душевное родство, что позволяет понимать всё с полуслова, с едва уловимого намёка. Так понимать друг друга они стали, очевидно, когда спукали Володо. Анатолий хорошо усвоил, что Виктору долго объяснять не нужно: или примет сразу, или столь же категорично отбросит. Поэтому сказал просто:

— Я, пожалуй, не вернусь во Владивосток.

И был благодарен другу за то, что тот не стал допытываться, как да почему. Только ответил:

— Поживём, там видно будет.

Как будто это “Я не вернусь” касалось его самого. А может, действительно касалось? Анатолий хорошо помнил ту, что пришла в аэропорт провожать Якубенко. Все женщины и девушки, которые, к своему несчастью, оказались рядом, с её появлением как бы отодвинулись в тень. Бывает же на свете такая ослепительная красота!

— Толь, ущиши, — тихонько сказал тогда Пашка, во все глаза глядя на красавицу. — Это в самом деле или мне снится?

— Вот зарабатываешь от Якубенко по морде — сразу проснёшься! — ответил Анатолий.

Но Пашка не унимался. Уже в самолёте приставал к Якубенко:

— Не боишься?

— Чего?

— Что она тебя сожжёт.

Позже, из двух-трёх скупых слов, нехотя оброненных Виктором, Анатолий узнал, что та девушка — его невеста. Именно поэтому Анатолий не удивился, когда Якубенко воспринял его фразу так, словно она имела отношение и к нему тоже.

Анатолий постепенно приучал себя к мысли, что оставит институт. Ибо какой же из него теперь геолог? Сидеть где-то в конторе, протирать штаны? Так лучше уж здесь, на Камчатке, хоть на той же Ключевской, у вулканологов. Там ему найдётся работа, там он как-нибудь приспособится. И никто не будет кивать на его искалеченные ноги. И ещё давила обида: следовательно, специально прилетевший из Петропавловска, разговаривал с Анатолием, как с преступником. Словно не имел никаких сомнений в том, что Анатолий виновен в смерти Володи Берсеньева. Во время первой же встречи строго сказал:

— Должен вам сообщить, что родители Берсеньева возбудили против вас уголовное дело. Они обвиняют вас в смерти своего сына.

Вот так: ни больше, ни меньше.

А может, Анатолий сам виноват, что следователь разговаривал с ним подчёркнуто сухо: сразу же ошестинившись, на все вопросы отвечал зло и язвительно. Ну, как же: он насильно погнал всех на Ключевскую! Ледорубом. И заставил их ночевать под открытым небом. Чтобы обморозились. Он просто удивляется, что умер один только Берсенев.

Почему таким тоном с ним разговаривает? Потому что иначе не умеет. Таким уж родился, товарищ следователь...

— Болван! — ругал его потом Якубенко. — Ты хоть соображаешь, какую чушь молот?

— А идите вы все!

— Скажи спасибо, что он допрашивал не одного тебя. Что нашлись более трезвые головы...

— Не твоя ли?

— А хоть бы и моя.

Тогда они впервые рассорились. И именно тогда Анатолий подумал, что не поедет отсюда никуда. Да пропади оно пропадом: и институт, и всё на свете! Так что, когда пришло ещё одно письмо от Эллы, он вообще не ответил. Если уж порывать, то со всем, окончательно и сразу.

И неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы Элла прилетела вслед за работником прокуратуры. Не исключено, что он встретил бы и её так, как встретил следователя, и, доведя до слёз, попрощался бы с ней враждебно, чтобы сжечь все мосты и оборвать все нити. Могло случиться и такое, но Элла словно догадалась, что её ожидает, и прилетела не тогда, когда Анатолий лежал, отвернувшись от всего мира к стенке, а через три недели, когда у него было время подумать как следует и понять, что не такой уж этот мир безнадежный, что не все обвиняют его. Элла прилетела тогда, когда Иван Андреевич, наконец, сказал Анатолию, что ампутировать ноги не будет, чего тот боялся больше всего, а отнимет только обе стопы, да и то постарается оставить немного костей, чтобы в будущем ботинок не вертелся вокруг ноги, и он мог бы нормально ходить.

— Нормально?

— Ну, не совсем нормально, но всё-таки можно будет ходить, — честно ответил хирург. — О горах придётся забыть. А так, по ровному, да ещё если с хорошей палочкой...

“Ну, это мы ещё посмотрим! — подумал тогда Анатолий. — С палочкой!..”

Возвратился в палату необычайно весёлый и с этого дня не мог дожидаться, когда его возьмут на операцию. У него останутся ноги! Он будет ходить!

О том, что прилетает Элла, узнали от Пашки. Он въехал в палату в кресле, размахивая телеграммой:

— Толя! Витя! Танцуйте!

— Сам танцуй!

Оба лежали после перевязки.

— Девчата прилетают, а вы разлеглись, как моржи!

— Дай сюда! — сорвался Якубенко.

Выхватил, прочитал, лицо побледнело. Лёг, прикрыл ладонями глаза.

В тот день только и разговоров было, что о предстоящем свидании.

— Значит, так: чтобы и догадаться не смогли, что с нами... Нечего демонстрировать им наши жалкие конечности!

— Сопли держать при себе! Кто распустит — прибьём!

— Да чего вы все на меня вызверились? Ещё посмотрим, кто будет скулить.

А потом Якубенко уже непосредственно обратился к Пашке:

— Если вздумаешь рассказать при девчатах хоть один из своих грязных анекдотов, окунём в унитаз головой!

— Ещё неизвестно, кто грязнее. Позаросли, как дикари!

— А ведь и в самом деле, “мужики”, как-то оно не того... Девчат на смерть перепугаем.

— Полундра! Всем побриться!

Легко сказать — побриться! А чем? Ведь поклялись еще во Владивостоке: не трогать своих бород, пока не вернёмся домой.

— Разве что попросить у Ивана Андреевича?

— Он электрической бреется. Электрическая наши щетины не возьмёт. И тогда прозвучал смущённый голос Пашки:

— У меня вот бритва с лезвиями.

— Ага! — повернулись в его сторону бороды. — Нашёлся всё-таки веероотступник! На костёр его! На эшафот!

— Ребята, ей-богу, совершенно машинально прихватил! На Ключевой полез в рюкзак — лежит. Не помню, когда положил.

— Хорошо, — сказал Якубенко, у которого борода росла самая густая, — ради такого случая прощаем. Лезвия какие?

— “Нева”. И всего одно.

— Ясно. Хотел тайно побриться? Возвратиться красавцем? Перехватить всех наших девчат?

— На костёр его!

— Прощаем и это! — императорским жестом поднял руку Якубенко. — Давай сюда!

Завладев бритвой, он провозгласил:

— Побреются все! Кроме Пашки...

А у Пашки самая безобразная борода. Кустиками.

Смеялись. Просто заливались смехом, глядя на Пашку. И довели его до такого состояния, что Пашка стал ругаться. Хуже Пахомова.

— Вам, паразитам, разве телеграммы!.. Вам похорошки приносить!

— Хорошо, — сказал тогда Анатолий. Он смеялся вместе со всеми, и смех его вроде как ополаскивал, смывая усталость. — Ради такого известия простим ему и это.

— Только с одним условием, — вмешался Серёжа, — будет бриться после меня.

У Серёжи, у рыжопера, не борода была, а стальная щётка. Машина наедет — скатам конец! Можно себе представить, что останется от лезвия, когда он побреется. И тут все пожалели веероотступника Пашку: решили, что это уж слишком. Побреется перед Сергеем.

Брились всей палатой. Намывали бороды, усы, не жалея помазка, драли, только кожа на лице трещала. Вынырнули лица молодые, ясные, с такой бархатной кожей, что невольно ладонь тянулась прикоснуться, погладить, словно сто пудов с себя сбросили. И молоденькая сестричка Нина, которая на минутку заскочила перед тем, как идти домой, только ладонями всплеснула:

— Боже, ребята, да вы ли это?

— Мы, Ниночка, мы!

Нина почему-то распыкалась. Может, потому, что поторопилась выскокить замуж за какого-то паренька, а здесь такие орлы, а может, по какой другой причине, — кто их, женщин, разберёт? Кто их, женщин, разгадает, если они из-за какого-нибудь пустяка, не стоящего и чиха, так тебя измотают, что свет будет не мил, а то могут вдруг собраться и в миг полететь, не колеблясь, на самый край белого света, чтоб только глянуть на тебя, только прикоснуться к тебе, только улыбнуться... Вот так они и ввалились в палату прямо с мороза, две представительницы этого загадочного племени, словно бежали на лекции да по дороге заскочили, увешанные свёртками, как новогодние ёлочки, с такими румяными щеками, с такими блестящими глазами, что все сразу переменялось в палате; всё, до сих пор застывшее и унылое, больное и безнадежное, мгновенно рухнуло, разломалось, сдвинулось с места.

Валя зашла, разумеется, первой, и все видели только её; каждому невольно хотелось зажмуриться. Валя весело поздоровалась, улыбалась всем, как артистка, и всех одаривала приятным взглядом, но улыбка эта и взгляд этот были какие-то беззащитные, как будто она не видела, кто перед ней. Так обычно смотрит женщина, когда где-то рядом любимый. И она пошла прямо к нему, дёргая, срывая рукавичку, которая никак не хотела сниматься,

и прелестные губы её уже дрожали, а он бледнел всё больше и молча, даже как-то сурово смотрел на неё. А у самой двери, едва переступив порог, застыла ещё одна фигура, и все, ослеплённые Валею, сначала и не заметили её, кроме Анатолия:

— Эл! Какими ветрами?

Ершистый, насмешливый, сидел он в кровати, прикрыв одеялом ноги, и не было в палате более беззаботного и весёлого человека, чем Анатолий.

— Болит? Что ты, Эл! Давно уже забыли!

У Эллы всё ещё потели очки, и она, чтобы протереть, сняла их, и тогда лицо её стало по-детски беззащитным.

— Да не огорчайся, Эл, мы ещё с тобой погоняем на лыжах! Потом, вечером, когда обе девушки ушли (они остановились в гостинице), Якубенко сказал Анатолию:

— Теперь мне ничего не страшно.

А Анатолий подумал о другом: как хорошо, что есть на свете человек, которому нужна твоя защита!

Пашку и Пахомова выписали через месяц после того, как улетели девушки, потому что у обоих всё зажило, и они отправились домой почти целые: один пальца не досчитался, другой — полпальца; мелочь по сравнению с тем, что ожидало Виктора, а тем более Анатолия. Вот и Дахин своё уже отбыл, и Серёжка-рыжопер. Повезли на операционный стол и Виктора Якубенко (ехал — показывал ребятам два пальца руки, сложенные в букву “V” — виктория, победа). Анатолия же всё не брали и не брали, откладывая операцию со дня на день, с недели на неделю, воюя за каждый миллиметр живой ткани, которая должна была нарасти на его оголенных костях. И как бы ему порой ни хотелось закричать: “Режьте!” — до отчаяния хотелось, какая бы чёрная безысходность ни подступала иной раз к нему, он всё же находил в себе силы терпеть и лежать, лежать и терпеть, ибо вся жизнь его теперь сплошь состояла из долготерпения... Так он и терпел до того самого дня, когда Валя, этот операционный ангел, с особенно ласковым лицом вкатила свой “катафалк” и спросила его так, словно от него зависело, делать операцию или не делать:

— Поехали, Толя?

— В загс?

— В загс, — впервые согласилась она, кивнув головой, и тут же, в глазах её сверкнули слёзы, но что, скажите, за невеста без слёз! Впрочем, Анатолий уже накричал на неё:

— Валя, кому нужно плакать: вам или мне?!

— Если в загс, то, пожалуй, всё-таки мне, — рассмеялась сквозь слёзы медсестра.

— Вот так-то лучше. И запомните, Валюша: вам очень идёт, когда вы улыбаетесь!

И ещё спросил у Ивана Андреевича, когда уже лежал в операционной:

— Так будут ботинки держаться на ногах?

— Будут держаться, — заверил хирург, весь в белом, будто привидение из того стерильного мира, куда выплыл Анатолий.

— Смотрите же. Потому что я ещё должен поставить ногу не на одну такую горку, как Ключевская! Слышите, доктор!

— Укол! — сказал хирург, и Анатолий перестал существовать...

Очнулся в белой палате, такой неестественно белой, словно из неё выцедили всю кровь, до последней капли. И тишина стояла такая, будто за чёрными окнами уже не было ничего живого. В этой ярко освещённой палате к Анатолию возвратилось сознание, и первое, что он увидел, был свет, яркий свет под потолком, резавший глаза. Он крепко сомкнул веки, но сразу же и раскрыл их, поскольку удалось, наконец, собрать осколки одной и той же мысли, бившейся в нём всё это время, пока он был без сознания, собрать и склеить: “Ноги!.. Где мои ноги?..” Ибо ему уже казалось, что он лежит без ног.

Рванулся на локтях, посмотрел и рухнул. Всё поплыло, ему стало до тошноты дурно, и он, снова стиснув веки, с силой выдавил горячую, как

уголёк, слезу: ноги были на месте! Потом он снова приподнялся на локте. Шевельнул одной стопой, другой, какие-то огрызки шевельнулись в ответ, натягивая простыню, и боль, привычная боль сразу ожила и, ожив, заструилась огнём в колени, в бедра, и он так обрадовался этой боли, что рассмеялся вслух: ноги ему всё-таки сохранили!

А потом мучился, как ещё никогда, пожалуй, не мучился. Теперь ноги как бы метили ему за то, что он разрешил их обрезать, и с каждой минутой болели всё сильнее. Тело его покрылось кроваво-красными пятнами, вспухли веки, заложило нос и горло, он начал задыхаться. Сквозь узенькие щелочки, сквозь красный туман едва видел, как вокруг суетились фигуры в белом, какие-то нереальные, потусторонние голоса доходили до него, что-то настойчиво спрашивая, потом ему развели губы, вставили что-то круглое и твёрдое, и тогда с шипением, со свистом, распрямляя сведённые судорогой лёгкие, полилась прохлада. Он её пил и не мог напиться.

— Нужно снять несколько швов, — донёсся голос, который был очень знаком, но Анатолий никак не мог вспомнить, где он слышал его.

— Пару?

— Давай.

Затрещало в ногах; чтобы не застонать, он изо всех сил впился зубами в мундштук.

— Может, ещё пару?

— Можно.

Потом ему говорили, что у него начала развиваться гангрена.

— В сорочке, считай, родился, с того света вытянули.

В сорочке или не в сорочке — это ещё как сказать! Но если уж возвратили в этот мир, то вцепись в него зубами и не отпускай. И когда Анатолия перевели в общую палату, и Иван Андреевич разрешил опускать потихоньку ноги на пол, он сказал сам себе, что с первого же раза дойдёт до двери. Сам, без чьей-либо помощи. Дождавшись, пока врач выйдет из палаты, он сел и сбросил с ног простыню.

Ноги были старательно забинтованы, он уже имел время рассмотреть их во время перевязок. Иван Андреевич сдержал своё слово — оставил, что мог, и ботинки, очевидно, всё-таки будут держаться. Он ещё походит, что бы там ни говорили, и начинать нужно сейчас, немедленно, не теряя понапрасну ни секунды. Итак: сперва опустить ноги...

Они на глазах начали отекать, горячо наливаясь свинцом.

Болит? Уже очень болит? Невыносимо болит? А ты как хотел, чтобы не болело? Тогда ложись, оставайся калеккой!

Встать!

Вот где настоящая боль! Вот они, ягодки! Выдержим! Стиснем зубы и выдержим!

Бинты сразу стали красными. А ты чего ожидал? В тебе же кровь — не водица! И хватит смотреть вниз"! Прицелься на дверь и — бегом!

Добежал, ухватился за ручку и тут же заставил себя оторваться от нее. Боялся — ладонь прилипнет намертво.

Бегом назад! Бегом, пока не потерял сознание!

“Сумасшедший!” — кажется, сама кровать вскрикнула, когда он, еле добежав, упал. На подушку, на спину, со всего маху, точно в воду. То ли застонал, то ли усмехнулся: “Победил!”

— Толь!

Дахин во все глаза смотрел на пол. Он оторвал голову от подушки и тоже посмотрел вниз. На полу, от кровати до двери и снова до кровати, отпечатались кровавые следы...

— Может, обойдём?

— Почему? Горка ведь совсем пустяковая!

Хотя сам в душе ещё колебался: до сих пор ходил только по ровному! До каких пор будешь себя жалеть?

— Эл, догоняй!

Он присел, оттолкнулся, помчался. Всё быстрее, быстрее — меж высоких сосен, так и мелькавших золотистыми стволами. Небольшой холмик возник неожиданно, как замаскированная мина. Удар, бросок, острая пронзительная боль. Точь-в-точь, как там, на Ключевской. Сосны качнулись то в одну сторону, то в другую.

— Я же говорила! — Элла уже рядом, чуть не плачет. — Давай помогу!

— Отойди.

А когда она всё-таки попыталась подхватить его под мышки, закричал уж совсем зло:

— Кому сказал, отойди!

Мрачно, не глядя на неё, поднялся, взял палки, стяхнул снег. С ненавистью посмотрел на холмик, который снова притаился невинно. Сжав губы, повернулся, полез наверх.

— Толь, ты куда?

Не ответил. Всего себя отдавал каждому шагу, “ёлочкой” выворачивая ноги, чтобы лыжи не скользили вниз. Ногам становилось мокро. “Снова кровь соберётся!” Каждый раз после такой прогулки хоть выкручивай носки. Жарко. А горка не такая уж крохотная! Хорошо бы передохнуть, да Элла смотрит в спину. “Нет, мадам, не дождётесь!”

— Толь! — снизу умоляюще.

Даже не оглянулся. Ставил лыжу за лыжей, карабкаясь вверх...

Вот, наконец, и вершина. “Вершина!” — улыбнулся презрительно. А что: для него — вершина. Сейчас это его Эльбрус, пик Коммунизма, Джомолунгма, “Эверест — десять вёрст”. Хоть претендуй на медаль.

Развернулся. Элла всё ещё стояла возле того проклятого холмика, смотрела вверх. Уже не звала — молчала. Знала, наверное, что не уговорит: ни слезами, ни криком. Ухватился крепче за палки, набрал полную грудь воздуха. Сильно оттолкнулся и — вниз.

Снова золотистое мелькание стволов, упругий свист воздуха, щекочущее ощущение нарастающей скорости. Ещё, кажется, минута — и ты взлетишь над землёй! И снова тот злополучный холмик, рядом с Эллою, неотвратимый, как сама судьба.

Удар, бросок, ещё удар, и сквозь боль, сквозь горячий туман радостная, всепоглощающая вспышка: не упал!.. “Ну что, Эл, мы ещё себя покажем, возьмём не одну такую горку, а то и нечто повыше, дай только срок, потому что не всё сразу, Эл...”

Готов был обнять её, а она, онемев, стояла на том же месте, всё ещё не веря, что он не лежит в снегу, скорчившись от боли. Потом шагнула к нему:

— Толь...

Что-то такое тёплое шевельнулось в груди, что он, стыдясь этого чувства, вогнал палки в снег, резко оттолкнулся, выкрикнул:

— Ну-ка, догоняй! Вперёд! Только вперёд! Навстречу солнцу, морозу и снегу...

Каждую неделю они непременно отправляются за город. Чистый, прокалённый первыми морозами воздух, лес, насквозь пронизанный лучами, нетронутая снежная пелена и такая тишина, что боишься её нарушить. Только прогудит где-то в поднебесье невидимый отсюда самолёт да из глубины леса донесётся какой-то таинственный звук: зверь не зверь, человек не человек, привидение не привидение, какой-то лесной дух, в которого мы давно перестали верить, от которого отrekliсь, непримиримо и самоуверенно провозгласив, что его нет и быть не может, а он есть, он себе покачивает головой и посмеивается в свои серебряные усы и бороду над нашей детской категоричностью, он лишь посматривает лукаво из-под заснеженных бровей: “А что вы запоёте, когда с глазу на глаз столкнётесь со мной? В дикой пуще, среди темной ночи”. Лес как бы вздохнёт, свой белый сон досматривая, и этот вечный вздох так тебя всего и пронзит, так и омоет, так в душу и плеснёт, словно лес прильнул к твоему разгоряченному лицу, да и дохнул, уста в уста.

Пять, десять километров, всё глубже и глубже лес, а потом передышка на какой-нибудь уютной полянке и закуска перед обедом на куцый студен-

ческий бюджет: самая дешёвая колбаса или сала кусок, да луковица пополам, да горячий из термоса чай. Анатолий всегда сыпал столько заварки, что Элле потом снились только коричневые сны. А там — снова вперёд, и, глядя на энергично нацеленную фигуру, Элла с изумлением и болью думала о том, как он всё это выдерживает, но спросить не решалась: спросила однажды, да едва язык не откусила. Как-то так непонятно посмотрел на неё... Посмотрел и сердито сказал:

— Если вы ещё раз, мадам, поинтересуетесь моими конечностями, можете продавать свои лыжи!

Каждый раз, возвращаясь в общежитие (с прогулки, с лекций — всё равно), Анатолий первым делом отпаривал ноги. В растворе марганцовки. Потом густо смазывал их бальзамом Вишневецкого. И на лекции, и на прогулки одевал исключительно вибраны. Ходить в обыкновенной обуви просто не смог бы: сгибались бы подошвы. А тут: набивал побольше ваты, натягивал по нескольку пар детских носков (пробовал сначала надеть нормальные, подгибал, обрезал — ходить не мог: носки сбивались валиками, а обрезанные впились швом). Так и додумался, в конце концов, до детских носков.

И каждую ночь, пока не засыпал, убаюкивал свою боль. Привык ней и уже не представлял себе, что бывает как-то по-иному. Заново учился ходить, бегать, ходить на лыжах, подниматься в горы и спускаться вниз. Эту нехитрую науку он осваивал с таким упорством, будто от этого зависело, жить ему или не жить. И ни на минуту не позволил себе расслабиться. Каждое утро после обязательной зарядки и холодного душа причёсывал перед зеркалом свои непокорные волосы. Причёсывал и сам себя спрашивал:

— Ну как, мужик, не сдаёшься?

“Мужик” всем своим видом демонстрировал, что и не думает сдаваться. Энергично — только так! — обувался и покидал общежитие. До позднего вечера. Как бы ни болело. Как бы ни хотелось иногда разуться и посмотреть, что там с ногами.

Впереди у него была цель: снова подняться в горы. В первую очередь — на Ключевскую. Пройти по тому же маршруту, по которому поднимались с Берсеневым. Решение это пришло после случайной встречи с родителями Володи. Прошло полгода, как он возвратился с Камчатки. Остались позади тяжёлые разговоры со следователем: родители Володи всё-таки подали на него в суд.

— Почему ты не сходишь к ним? — спрашивали друзья. — Не расскажешь, как было на самом деле?

Анатолий не шёл, потому что знал наперед: не поверят. Что бы ни говорил — не поверят. Тем более не поверят, потому что их Володя мёртв, а он, Анатолий, живой. Тут будут бледнеть самые убедительные доказательства, будет немать любая логика, тут ничего не будут значить все на свете слова. Анатолий — преступник, Анатолий убил их сына. Поэтому его нужно предать суду.

Наконец, следователь, сам больше месяца неотступно потрошивший Анатолия, решил показать родителям Володи тот фильм, который снял на Ключевской Серёжа-рыжкопер. Это был, собственно, даже не фильм — отдельные эпизоды, которые Серёжке удалось выхватить на пятидесятиградусном морозе, когда Анатолий и Якубенко спускали мёртвого Володю вниз (кто бы мог подумать, что у Серёжки, тоже обмороженного, хватит мужества и сил в те трагические часы что-то снимать!)... Так что это были просто отдельные кадры, выхваченные из тех событий, которые стремительно мчались снежной лавиной, угрожая их всех снести в небытие. Кадры, отвоеванные у космического холода, у беспощадного ветра, когда на минуту выдернутые из рукавиц пальцы тут же белели, становясь, как чурки (недаром у Серёжки, у единственного, были обморожены и руки), а глаз примерзал к видеискателю, когда даже движения живых казались столь замедленными, будто они давно уже мертвы и переставляют ноги только по инерции.

Анатолий — Берсенев — Якубенко...

Якубенко — Берсенев — Анатолий...

Две согнутые, до предела напряжённые фигуры, тянущие обвязанный труп... Удерживающие тяжёлый, как ледяная глыба, труп, чтобы не сорваться вместе с ним, не “улететь”... На коленях, на всех четырёх, зарываюсь лицом в снег, из последних сил, которые ещё остались, тянут они Володю Берсеньева. Тянут с такой яростью, что это уже находится за пределами здравого смысла. Что хочется кричать: “Зачем?! Для чего! Вы же ему всё равно ничем уже не поможете?!” А они всё тянут, тянут, тянут... Тянут, точно обречённые... Тянут, как проклятые. И невозможно к ним докричаться. Потом уже тянут в одиночку.

Анатолий — Берсеньев.

Якубенко — Берсеньев.

Немые снимки, застывшие фигуры. Скупые кадры, мгновенные отрывки трагедии. Цвета — только чёрно-белые, резкие, как та правда, которую они зафиксировали. Вот как это было. И не иначе.

И когда они встретились — Анатолий и родители Володи Берсеньева, — те снимки, те кадры незримо стояли перед ними. Анатолий почувствовал, как бледнеет. До этого момента не поверил бы, что это можно почувствовать. Замерзшее лицо, пылающее жаром, сведённое судорогой, — это бывало, но чтобы когда бледнеет!.. А тут почувствовал. Как будто встретил не родителей, а самого Володю. Не живого — мёртвого. С застывшим, инеем покрытым лицом.

Что они ему сказали? Что он им сказал? О чём вообще говорили те несколько минут, когда стояли посреди вдруг опустевшей улицы? (Люди, машины, дома, даже тротуар под ногами — всё куда-то исчезло, а пространство вдруг наглухо замкнулось.) Не помнит. Не мог вспомнить, как я ни допытывался. Во всяком случае, о Володе не было сказано ни одного слова. Хотя он всё время был между ними. Мёртвый Володя. Володя живой.

— Кажется, они спросили, как моё здоровье.

— И всё?

— Не помню... Помню только, что мне очень хотелось оглянуться, когда мы, попрощавшись, разошлись...

— Оглянулись?

— Нет. Всё время казалось, что они стоят и смотрят в спину...

Вот тогда, именно тогда Анатолий и дал себе клятву: поставить Володе памятник. Не на кладбище — на Ключевской.

— А как исковое заявление в суд?

— Заявление они, наверное, забрали... Да и какое это имеет значение! — досадливо отмахнулся. — Я должен был поставить Володе памятник. Должен был!..

Встреча произошла весной, в конце мая. И впереди было лето. Целое лето, долгих три месяца, на которые Анатолий куда-то должен был себя девать. Подлечить свои ноги. Домой к матери — об этом не могло быть и речи. Кем угодно, только не сыном-калекой. Писал ей бодрые письма, сообщал, что этим летом придётся отправиться на практику, так что приехать домой, наверное, не удастся. “Подождём, мама, следующего лета, время пролетит незаметно, не успеете и опомниться, как я приеду в гости, на целый месяц”. И в каждом письме добавлял, что активно занимается спортом, прыгает и бегает. “Ты, сынок, не очень там бегай, а то, гляди, ещё ногу вывихнешь или сломаешь, тут вот один у нас добежался — второй месяц лежит в гипсе”, — Анатолий читал материнское предостережение, читал и улыбался про себя.

Подумал Анатолий, подумал, да и устроился в контору, где зимой геологи обрабатывают материал, собранный во время полевого сезона, а летом остаются только пожилые женщины, да беременные, да молодые матери, которые кормят грудных детей. Анатолий и засел меж ними: на всё лето, на целых три месяца, когда от тоски сдохнуть можно от одной только мысли, что твои однокурсники-друзья бродят сейчас по тайге, или в тундре, или в горах, а то и в пустыне, с геологическими молотками и полевыми дневниками, и светят им большие и малые находки. А тут возись с образцами,

нумеруй, описывай, работа не для мужика. Да ещё сидишь и не знаешь, как под конец рабочего дня выйдешь из-за проклятого этого стола. Ибо с каждым днём конторской службы, с каждым часом неподвижного сидения ноги разбухали всё сильнее и сильнее, и порой казалось, что он их из-под стола не выдернет, или стол придется разбивать, или обрубить ноги. А тут ещё женщины, всезнайки и всеподмечайки, которых интересует всё на свете, стали перешёптываться, поглядывая с осуждением на Анатолия, и ему не стоило большого труда догадаться, о чём они шепчутся, тем более что одна из них произносила целые монологи, не скрывая даже, кому они адресованы.

Была эта весьма красивая на вид дамочка такой чернявой, что ворон показался бы рядом с ней блондином, словно природа вылепила её не из плоти человеческой, а из антрацита. Поэтому в ней гудело столько огня, что его бы, пожалуй, хватило на средних размеров домну. За короткую супружескую жизнь она успела испепелить двух мужей и принялась за третьего. А теперь этот огонь почему-то переметнулся на Анатолия. Возненавидела она его ещё до того, как он приступил к работе. Молодой, здоровый, только вступает в жизнь, а уже ищет, где полегче. Затесался среди женщин, и ни стыда у него, ни совести; плюнь в глаза — скажет: божья роса! Смотреть противно!

Она не обращалась лично к нему, а просто говорила: “Есть такие люди”. Пылкие тирады, гневные монологи, язвительные реплики огненными стрелами летели в “таких людей” и безошибочно попадали прямо в Анатолия. Он же только посмеивался. Его развлекал этот гнев, священная эта ненависть. Выходит, они ничего не замечают, даже не догадываются о его исколеченных ногах. Эту дамочку следовало бы выдумать, если бы её не было в действительности! И он подбрасывал в её святой огонь как можно больше хвороста. А что, пусть дураки идут в поле! Мерзнут в тундре, мучаются в горах. Недаром же поётся в песенке: “Умный в гору не пойдёт...”

Правильно, только последний олух постесняется стать за прилавок! А лично он, как только получит диплом, пойдёт торговать минералкой. Или ещё лучше — пивом. Папенька — начальник торгова?.. Берите выше, миледи: заместитель министра мой папенька. Так что знайте, с кем имеете дело! Довёл их до того, что перестали здороваться.

Потом, как и следовало ожидать, правда раскрылась. И та жгучая брюнетка фурией влетела в контору:

— Вы!.. Вы... Как вы смели?!

Задыхаясь от возмущения, от гнева и стыда:

— Я вас видеть после этого не могу!

Смертельно обиженная, схватила со своего стола бумаги, зашхала их в сумки, выбежала прочь. И больше не появлялась.

— Зачем ты так? — спросила с осуждением Элла, когда он, смеясь, рассказал о финале этой кампании. — Это жестоко.

— А не жестоко было бросать все эти реплики? — спросил Анатолий. — Ничего, кстати, обо мне не зная, — посмотрел вниз, на грубые вибамы, задумчиво произнёс: — Интересно, как она могла узнать? Неужели ходила в институт?

До конца лета просидел Анатолий в своей конторе. Сперва женщины чувствовали себя, как побитые, а потом, посмеявшись вместе с Анатолием (“Ну, вы и штучка!”), приняли его в свою не столь дружную, сколь болтливую семью. Вот так и проработал Анатолий до осени, до начала занятий, и ни разу не сел в трамвай или троллейбус — только пешком. И когда отправился впервые в лес (в одиночку, даже Эллу не взяв), когда стал на лыжи и поехал, с каждым метром все смелее и смелее, когда свершилось чудо и лыжи покорно понесли его по белой поверхности (что там боли, что там все на свете муки), когда понял, что снова будет бегать не только по ровному, но и спускаться с гор, тогда впервые поверил по-настоящему, что непременно побывает на Ключевской и поставит там Володе Берсеневу памятник... И что сделает это в годовщину его гибели...

Вот тут-то я подхожу к тому, что с самого начала работы над повестью висело на мне тяжёлым камнем, висело на моей, если хотите, совести.

Я не поверил Анатолию, когда он сказал, что ровно через год не только поднялся на Ключевскую, а и прошёл самым трудным маршрутом по вершинам ещё трех вулканов: Авачинского, Корякского и Камня. Не то что не поверил, я не мог не поверить тому, что рассказывал Анатолий, потому что за годы знакомства имел возможность убедиться в его порой слишком жестокой правдивости. Она проявлялась во всём, в самых маленьких мелочах, в разговорах с любым человеком, несмотря на его чин, возраст или должность. Убеждался в его правдивости даже тогда, когда она ему явно шла во вред, только лицо его при этом становилось каменным, а глаза загорались чёрным огнём... За эти годы я ни разу не поймал его на фальши, поэтому не имел никакого права его не верить. И тем не менее, какое-то сомнение всё время шевелилось во мне, ибо я не мог забыть, какой дорогой ценой досталось ему то первое восхождение на Ключевскую, а тут вдруг — четыре вулкана подряд, четыре самых сложных маршрута, и снова зимой, и опять на морозе и ветре, да с покалеченными ногами, которые и залечить как следует он не успел. Да к тому же ещё и во главе такой большой группы: четыре девушки и пятеро “мужиков”, значительная часть которых поднималась впервые... Тут уж забудь о своей боли, не дай прорваться наружу самой незаметной гримасе: восемь пар глаз смотрят на тебя, восемь пар рук, восемь пар ног повторяют каждое твоё движение, след в след идя за тобой.

Как ему это удалось? Как он на это решился?

Измученный подобными сомнениями, я почувствовал, что теряю право на свой рассказ. Оставалось одно — предоставить слово самому Анатолию, вернее, тому, что я за ним записывал на скорую руку в палатке, в Зор-Бурлуке, на высоте четырёх тысяч двести. Не меняю ни слова.

“Ровно через год — на восхождение.

Первый — Авачинский вулкан, самый лёгкий маршрут. Чтобы себя проверить.

Очень тяжело мне было спускаться вниз. Подошвы, как ни поставишь ноги, стигались. Пятка проваливалась, а носок — нет. Я шёл последним, чтобы не видели.

На Корякской: маршрут 2-А, для значкистов. В связке, ледорубы, кошки. Поднялись на вершину. Экономил запас терпения. Составили тур, как и на Авачинской, свою записку оставили, а предшествующую забрали.

Нарастала уверенность в собственных силах.

На Камень, по фирну, два километра гребнем. Ход в три такта: загнал ледоруб, носком изо всех сил в фирн, вторым носком, затем снова ледоруб... Такое впечатление, как будто бил ногой о камень.

Шли уже шесть дней, съели всё, осталось на один завтрак. Советовались: подниматься на Камень или послать кого-нибудь за продуктами? Решили: подниматься! В два часа ночи — подъём, в четыре — выход.

В третьем часу после полудня взойли на вершину. Снежок посыпался, молнии и гром. Спуск: очень круто, фирн, как лёд, спиной к склону, ногу на всю подошву и изо всех сил — ледоруб. Витя поставил ногу боком, полетел вниз головой. Задержался на репшнуре.

Когда вышли на снег, все развязались. Плевать на то, что нет продуктов!

В ногах сплошная боль.

Пошли на перевал между Камнем и Ключевской, натянули палатки, послали за продуктами. День отдыхали — блаженствовали. На второй день — снова на Камень, маршрутом 4-А, самым сложным. Сплошной лёд. Забивали крюки. Гребень острый, как нож. Восхождение мы проделали за тринадцать часов — почти рекордный срок.

Стали спускаться. Витя снова сорвался, опять полетел головой вниз. Я ещё хотел спросить: из чугуна она у него, что ли? Предупредил:

— Если ещё раз сорвёшься — отправлю домой!

Больше не срывался.

Камень — четыре тысячи семьсот шестьдесят. Самый сложный маршрут...

Сделали... Теперь ничего не страшно!

Поднялись на Ключевскую. Солнечная погода, прекрасно виден кратер. Выложили пирамиду из камня, закрепили памятную доску — когда погиб

Берсеньев, — никелированный ледоруб. Отыскали памятную доску в честь столетия со дня рождения Ленина. Постояли.

Спуск. Был кулуар. Бока снежные, а желоб — сплошной лед. Я ещё подумал: в такой сорваться — ничто не задержит. Всё равно, что броситься в водопад. Спуск траверсом, по снегу, по самому краю. Элла оступилась, полетела в кулуар. Крутануло, вырвало ледоруб, понесло.

Я шел сзади, всё равно не успел бы ничего сделать.

И тут Витя — за ней. Прямо в желоб, на лёд.

Как сбегал вниз — не помню. Застряли внизу, в рыхлом снегу. Элла потеряла очки, ледоруб, сидит плачет...”

Тут я, помнится, перебил рассказ Анатолия, спросил:

— Почему она плакала? Ударилась?

— Возможно, — ответил Анатолий.

Я не записал этого в блокнот, но чувствовал, что не успокоюсь, пока точно не узнаю, почему она плакала. Спросил об этом Элле уже в Душанбе. Она смущённо улыбнулась, поправила очки:

— Вы знаете, какой была моя первая мысль? Что Анатолий прибежит и будет ругаться. Потому я и заплакала...

Продолжаю цитировать Анатолия:

“Витя Шкарбан сидел рядом с Эллой. Мрачно и молча бинтовал руки.

Пока шли, она декламировала стихи. Брели к палаткам. Ноги горели, дорогу не выбирал, всё — для Эллы. Сняжки были, переломов не было. Остановились возле небольшого озера. Взяв каску, налили воды, вскипятил, попарил ноги за палаткой, чтобы не видели.

Всю ночь голова Эллы на моих коленях. Сидел, потому что она сразу заснула.

Отдыхали два дня. Потом на Петропавловск. Никто не обморозился...”

И дальше записи уже не о Камчатке — о Памире. Куда он перебрался из Владивостока, выпросив свободный диплом.

— Я сказал, что врачи рекомендуют тёплые края. Для выздоровления.

— А на самом деле?

— А на самом деле: Душанбе и самые высокие горы под боком.

— И не раскаивались?

— Не раскаивался...

“Ходил целый год в вибрамах и в трикотажном тренировочном костюме. За пять шестьдесят. Каждую лишнюю копейку — на альпинистское снаряжение и книги. Жил у очень богомольной бабули, которая пела псалмы по четыре часа подряд. На всех стенах — иконы, лампадки, свечи. Пропах ладаном на всю жизнь, на работе стали косо посматривать, подозревали, что ежедневно посещаю церковь. Комнатка два на три и без дверей. Бабуля поёт, поёт, потом просунет голову:

— Не мешаю?

Терпел, а где было жить? Спасибо и за это.

Зато суббота и воскресенье мои. Рюкзак с альпинистским снаряжением и — на автобус. В горы.

Общество “Хаселот”, то есть “Урожай”. Собрались зубры, альпинисты с очень серьёзной скалолазной подготовкой. Все — в галошах, один я — в триконях. Галоши для скал — самая лучшая обувь.

Заметят, что я отстаю, делают вид, что устали. Привал. Мужики — таких поискать!

Работал в “Дорпроекте”: бил шурфы, отбирал пробы, документировал. Потом знакомый геолог помог устроиться в “Гипрозем” — инженерно-геологическая съёмка всех рек Памира. Хотел в памирскую экспедицию, договорился с Аверьяновым весной на Бартанг, но нужно было пройти медицинскую комиссию. Невропатолог:

— Где твой военный билет?

— На прописке.

— Принеси.

Некуда деваться, пришлось принести.

— Почему снят с военного учёта?

— Палец отрезали.

— Не ври. Из-за одного пальца не снимают.

— Ну, хорошо, все пальцы. Вам достаточно?

Отправил к хирургу.

— Вам нельзя работать в горах!

Я ему справку о четырнадцати восхождениях на Камчатке. Послал к главному врачу.

— По инструкции вам работа с длительным пребыванием на ногах вообще противопоказана. Меняйте профессию.

— Противопоказана? Менять профессию? Ну-ка пошли, я тебе на сто метров пятьдесят метров форы дам!

Все равно не приняли.

— Ну, подождите: принесу медаль всесоюзного первенства, тогда будем разговаривать по-другому! Тогда, хотите вы этого или нет, а возьмёте меня геологом в горы.

Три года ходил с альпинистами. Подделывал медицинские справки, чтобы допускали к восхождениям, выполнил норму кандидата в мастера спорта.

Потом — восхождение на пик маршала Жукова. Маршрут высшей категории трудности. Технический класс — стенное восхождение. Всё залито льдом. В Рушанском хребте. Горка — гигантский кристалл. Нижняя отвесная стена — восемьсот метров, верхняя, зубом, — пятьсот. Абсолютно вертикальный склон. Часто даже минусовой. Это когда зависишь в воздухе, а до стены не дотянуться рукой.

Нас шестеро, вылетели сперва в Рушан, а оттуда вертолётном в базовый лагерь. В июле. Отправились в разведку. Одна группа вышла на перевал — осмотреть пик. На вершине, на башне — гигантская снежная шапка. Если сорвётся — сметёт нас, как букашек.

Лагерь № 2 — для команды, которая пойдёт на штурм. На морене, под ледником. Две палатки. Сидели, смотрели на стену, изучали в бинокли. Пошли двое. За день обработали восемьдесят метров. Забили крюки, навесили верёвки.

Испортилась погода. Нашёл морионы, горный хрусталь, полевые шпаты. Вся команда заразилась, бросилась искать по моренам. Капитан команды ругался:

— Проклятый Анатолий, всю команду свёл с ума!

Закон альпиниста: идёшь на штурм, увидишь золотой самородок — преступи.

Всё время смотрели на верхнюю башню, на снежную шапку.

Два дня валил снег. Под конец третьего всё содрогнулось от внезапного грохота. Выскочили из палаток: над белой башней белым облаком клубится снег. Как атомный взрыв.

Рассеялось: снежная шапка исчезла — облегченно вздохнули...

— Ну, а если бы обвалилось позже? Когда вышли на штурм?

— Тогда, уважаемый Андреевич, мы не лежали бы с вами здесь...

“На следующий день вышли на штурм нижней стенки. Восьмисотметровой.

Шёл последним. Выбивал крючки, которые оставались за группой, складывал в рюкзак. Всё время раскачивался маятником. Да ещё трикони плохо держались. Ребята же — в вибрамах, а на особо сложных участках — в галошах. Очень тяжёлый день — всё время висел.

За этот день, с шести утра до четырёх ночи, прошли запланированное расстояние. На особенно трудных участках рюкзаки вытаскивали на верёвках. Я подавал. Когда тянули, срывались камни, сыпались искры. Врежет таким камешком — забудешь, как тебя звали. Смертельно устал. Поднимался по верёвке, на зажимах.

Ночевали на отвесной стене, сбившись в кучу. Команда чувствует себя лучше, когда все рядом. Утром не было сил идти дальше. Еле прошли двести метров. Заночевали в пещере, отдохнули. На третий день я с капитаном ушёл вперед. Вырубили ступеньки во льду на траверсе, добрались ещё до одного грота. Утоптали снег, отгородившись плащами от воды, беспрерывно капавшей на головы. Рюкзаки поднимали на блоках. Ночевали в гроте. Утром

прошли заглаженные “бараны лбы”, впритык приблизились к башне. На ночь устроились, кто где мог — на верёвках. Я вырубил во льду узенькое сиденье, положил поролончик, уселся, пристегнувшись к карабину. Ноги — в рюкзак. Когда забивал крюк, выпустил молоток. Молоток полетел, даже не коснувшись стенки. Минусовый склон.

На следующий день все поднялись на вершину. Спускались по стене целый день. К кулуару. Шли молча, давала себя знать усталость. Восемь суток на грани невозможного. Заночевали. Звёзды, небо, чёрная башня — не верилось, что мы на ней побывали. Выспавшись, стали спускаться в базовый лагерь. Не торопились.

В лагере встреча, традиционный компот. Бронзовые медали. А в тысяча девятьсот семьдесят пятом — золотые”.

— Когда я прилетела в Душанбе, — вспоминала как-то Элла, — Анатолий встретил меня злой, как чёрт: “Ты чего прилетела? Замуж за меня выходить?” Я так растерялась, что, в свою очередь, спросила: “А что, нельзя?”

Элла и по сей день не может без смеха вспоминать, какое лицо было у регистраторши загса.

— Я думала, что её стукнет инфаркт. Или бросится к телефону — вызывать милицию.

Они должны были расписываться третьего октября. Ровно в двенадцать. А первого октября Анатолий отправился штурмовать очередную вершину. Это восхождение было для него особенно важным: генеральная репетиция перед “золотом”. Двадцать девятого сентября, провожая Эллу из базового лагеря (Элла должна раньше поехать в Душанбе — дошивать свадебное платье), Анатолий пообещал, что второго октября обязательно возвратится. Горка, в общем-то, не очень сложная, в течение суток они её “сделают”, а за оставшиеся сутки он как-нибудь сумеет добраться домой.

— Так что готовь, Эл, свадебную свою амуницию! А за мной задержки не будет!

Уже первого октября, заканчивая платье, Элла потеряла остатки покоя: все мысли — об Анатолии. Она хорошо рассмотрела ту “горку”, когда была в базовом лагере. Элле мерещились распротёртые тела, упавшие вниз вместе с камнями. А тут ещё свадебные подружки:

— Как ты за такого замуж выходишь? Перед самой свадьбой попёр в горы!

Сшили платье — белое; платье сначала примерила Элла, затем подружки — те, что собирались замуж, и те, что даже ещё и не собирались; снимали его осторожно, кончиками пальцев, потом надели на плечики, повесили на гвоздик (шкафа у них тогда ещё не было. Всей мебели стол, старенькая кровать, на которой отлежалось не одно свадебное поколение, этажерка с книгами и две табуретки); платье висело, как картинка, а жениха всё не было и не было, Анатолий не появился ни второго октября вечером, ни третьего утром, и Элла уже не о платье думала и даже не о свадьбе, а только о том жёлобе, по которому беспрерывно летели камни.

— Раздумал! — говорила одна из подруг. — Они все такие: помянут, а сами в кусты!

— А может, где-то застрял, — успокаивала другая. — А вдруг убило?

— Да ничего с ним не случилось! — возражал друг Анатолия, который пришёл утром третьего октября. — Его и бревном с ног не собьёшь! Не то что каким-то камнем!

— А почему же до сих пор его нет?

— Что-то, наверное, задержало. Вроде ты сама в горах не бывала! Никуда твой Анатолий не денется.

— А как же свадьба?

— Вам когда в загс?

— В двенадцать.

— А сейчас только десятый час. Ещё уйма времени. Подождём.

— А если не появится?

— Всё равно пойдем в загс. Мы с Анатолием всё продумали... Да не смотри на меня так, за аксакала замуж не отдадим!.. Витя, иди-ка сюда! — крикнул он в окно.

И пока неизвестный Витя обходил дом, спросил по-деловому:

— Паспорт Анатолия у тебя?

— Вон... На столе.

Взял паспорт, посмотрел на фото, удовлетворённо сказал:

— То, что нужно! — и к Вите, который постучал в дверь: — Заходи!

Витя зашёл, и Элла от величайшего удивления вытаращила глаза: живая копия Анатолия стояла перед ней. Только и всего, что у Анатолия не было такого праздничного костюма, таких лакированных ботинок, а импортный яркий галстук и белоснежный краешек платочка, выглядывавший из кармана, придавали двойнику Анатолия такой импозантный вид, какой никому здесь и не снился. К тому же ещё и гвоздика, шикарно прикреплённая к лацкану пиджака. Правда, были у него не чёрные, как у Анатолия, а серые глаза.

— Годится? — спросил друг Анатолия.

Он очень напоминал сейчас скульптора, который демонстрировал публике творение собственных рук.

— Пришлось только выкрасить брови и голову: Анатолий ведь чёрный, а Витька — рыжий.

— Не рыжий, а блондин, — обиделся Витька.

— Так что всё в полном порядке. Подождём пару часиков и в случае чего поедем расписываться.

— С кем?.. — Элла всё ещё не могла или не хотела понять, что они затевают.

— Да с Витькой же! — как маленькой, втолковывал ей друг Анатолия. — Даю полную гарантию: никто ничего не заподозрит. Штампик поставят, а там и Анатолий появится...

— Я не поеду! — возмутилась до глубины души оскорблённая Элла. — Пусть едет кто угодно, а я не поеду!

— Да пойми, что это же не на самом деле! — друг Анатолия уже начал терять терпение. — Ты что думаешь: станешь женой Вити? — Витя молча стоял, потупив взгляд. — У Вити своя девушка есть... Правда, у тебя есть девушка?

Витя кивнул головой, что есть.

— Вот видишь!.. А ты что, книг не читала? О королях из этой, как её... из Франции... Там короли никогда сами под венец не становились — посылали кого-то из дворян. И ничего, исправно рождались наследники...

Но Элла не собиралась рожать наследников трона.

— Я не поеду! — и резко мотнула головой.

— Так что же, отправлять мне Витю назад? — трагически спросил друг Анатолия. — А что тогда скажет Анатолий? Ведь это же у него, быть может, последняя надежда!

При слове “последняя” в Эллино сердце словно кто-то вонзил иголку. Снова качнулся тот жёлоб, густо посыпался камнями. И падающие вместе с камнями тела. Она только жалобно спросила:

— Давайте подождём, сколько можно... Давайте?

— До половины двенадцатого, — постучал по часам друг Анатолия. — Позже нельзя — пропустим очередь.

И Элла согласилась.

Сидели как на иголках. Ровно в одиннадцать друг Анатолия scomандовал: — Элла, девушки, собирайтесь. А мы с Витей побежим ловить такси.

Ещё полчаса, Элла уже одета, такси возле подъезда, пора выходить. И тут, точно в пьесе, в коридоре гулко затопали трикони.

— Анатолий! — Элла так и бросилась к дверям.

— Что за шум, а драки нет?

И вся альпинистская ватага во главе с Анатолием появилась в дверях.

Он так и поехал: в вибрамах, в штормовке, в потёртых на скалах штанах, с облупленным, как у горького пьяницы, носом. С набухшими синяками через всю щёку: попало-таки камешком, хорошо ещё, что хоть зубы уцелели. Он так и поехал рядом с нарядной Эллою — прямо чёрт и ангел, а вокруг ещё пятеро таких же чертей — только зубы блестят; набились в такси — аж затрещало. “Вези, не дрожи! — к шофёру: — Свадьба же бывает раз в жизни! —

А милиция? — Засватаем, если нужно будет, и милицию!” До самого загса Анатолий держал счастливую Эллу за руку, и когда они, приехав, вывалились из машины, прохожие разевали рты, а другие свадебные кортежи от страха или изумления уступали дорогу: с такой бандой только свяжись! Несчастливая же регистраторша загса долго не могла сообразить, кто перед ней, и у неё дрожали руки, когда она раскрывала книгу регистрации брака. Регистраторша забыла даже поприветствовать их, чем они, впрочем, не очень огорчились, выдала только: “Распишитесь”, — и с таким подозрением рассматривала потом подпись Анатолия, словно то была какая-то печать сатанинская. Потому она и не слышала, как они вышли из загса, снова уселись в машину и шумно отправились на свадьбу.

И я на той свадьбе (пусть даже в воображении) был, и мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Скорее всего, по той причине, что я отродясь не заводил усов.

*Авторизованный перевод с украинского
К. Григорьева
1985*

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ТЯНЬ-ШАНСКИЕ СНЫ

Посвящается Эрнсту Портнягину

* * *

Я научился засыпать в седле,
рассчитывать опасное движенье,
не торопясь, угадывать во мгле
ведущее к ночлегу направленье.
Я вовремя почувствую беду,
страх одолею и отпряну в страхе,
а если где-то кожу обдеру,
всё заживает, словно на собаке.
Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепли ноги, руки обросли
какой-то золотистой шерстью.
Как изменилось тело! Но душа
не может быть иной, хоть лезь из кожи.
Она во власти суеверной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Не замечая быстротечных дней,
она живёт иными временами,
и будущее властвует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет — услышу: с милыми людьми
(на что ей эти реки, эти горы!)
она ведёт немые разговоры,
глядит в слезах в родимые просторы,
в другие ночи и другие дни.

* * *

Надоела мне радость чужая,
надоело, с привычной тоской
всю душевную стать обнажая,
вам рассказывать, кто я такой.

А в Небесных горах в это время
с перевалов сползают снега, —
знать, недаром в железное стремя
по весне запросилась нога.

Да спасёт меня дело мужское —
вьючить вьюки, седлать лошадей
и в сверкающем лунном просторе
вспоминать про любимых людей...

* * *

Мой друг! Под проливным дождём,
под синим азиатским зноем
мы начинаем наш подъём,
необходимый нам обоим.

От временных привалов дым
летит и в поднебесье тает,
и над твоим виском седым,
как венчик голубой, витает...

Послушай! В мире высоты
немного проку исподлобья
глядеть, как будто ищешь ты
хороший камень для надгробья.

Мы — как единственная связь,
как стык прошедшего с грядущим,
и только в этом наша власть
над временем, ревмя ревушим.

И если мы не затвердим
его приметы честным словом,
оно исчезнет, словно дым,
растает в космосе суровом...

Нам надо жить и понимать,
что в мир вступают наши дети,
и нищим надо подавать,
покамест есть они на свете.

* * *

В окруженье порожистых рек,
в диком мире гранита и гнейса,
как ни горько, но знай, человек, —
на друзей до конца не надейся.

Нет, не то чтоб не верить в друзей —
мне по сердцу надёжные души, —

но стихийные силы сильнее
самой нежной и преданной дружбы.

Рухнет камень, исчезнет стезя,
друг протянет бессильную руку.
Так не порть настроения другу
и рассчитывай сам на себя.

Ах! Так вот она, правда и жизнь:
в жаркий полдень, в холодную полночь
всем, кто просит участия, учись
помогать, не надеясь на помощь.

Но смотри: поскользнёшься и ты
и услышишь, как в мире бескрайнем
говорят на краю темноты
ледяное дыханье воды
с человеческим жарким дыханьем.

* * *

Смыкаю тяжёлые веки...
Опять пантопон виноват,
что высокогорные реки
в больничной палате шумят.

Им вторят тянь-шаньские ели,
колышется зной над хребтом,
и жадно хватают форели
приманку оскаленным ртом.

От счастья едва ли не плача,
я вновь бормочу в полусне
о том, что судьба и удача
ещё благосклонны ко мне.

Захваченный этой охотой,
у белых снегов на виду
бесшумной звериной походкой
я вдоль по карнизу иду.

Крадусь над сверкающей бездной,
забыв о печали земной,
и времени бег неизбежный
обходит меня стороной.

* * *

Облака плывут в Афганистан,
Туполанг течёт к Афганистану...
Я ещё от жизни не устал
и до самой смерти не устану.

Я подкрался, словно в забытьи,
по гранитной осыпи к обрыву
и рывком из бешеной струи
выбросил сверкающую рыбу.

И, очаг под камнем разведя,
захмелел от золотого чаю...
Отвечаю только за себя —
больше ни за что не отвечаю!

Отвечаю, что не пропаду,
не сорвусь ни в пропасть и ни в реку...
С деревом и с пламенем в ладу
хорошо живётся человеку.

Без людских печалей и потерь
я бы одиноким и свободным
прожил век, когда бы, как форель,
сердце было сильным и холодным.

* * *

Свистят сурки на склонах,
бурлит в ручьях форель —
как много их, зелёных
нехоженных земель!

Во все глаза, геолог,
гляди на этот мир,
нелёгок путь и долог
к джайлоо Сусамыр.

Пиши стихи, мой милый,
но памятью всегда:
живут стихийной силой
и песня, и судьба.

Где нам искать спасенья,
что делать, милый мой,
коль мы всего лишь звенья
меж песней и судьбой.

Но жить на свете сто́ит,
и нас за этот труд
родной землёй укроют
и песней помянут.

ПАМЯТИ ДРУГА

Наши лошади шли по цветам,
в синих реках бродили по брюхо.
Я дивился гранитам и льдам,
необъятным для зренья и слуха.

Дети нежной и страшной земли —
если б делали нас из металла!
Мы с тобою полсвета прошли,
и по свету нас жизнь разметала.

Путь замкнулся до крайней черты...
Не с того ль я сегодня в Европе
по казенному делу, а ты
в почве родины, в цинковом гробе.

Самых лучших сминает судьба,
самых сильных и преданных косит...
Не удержишь ладоней у лба —
никнут долу, как ветер относит.

Наши тропы и наши костры,
запах счастья, свободы и дыма,
горький привкус огня и золы —
всё истаяло неотвратимо.

Сколько жизни я отдал земле,
сколько радостей в небе витает!
Не по мне этот мир, не по мне, —
так прекрасен, что сил не хватает.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕФЕРАНС

...И снова дожди начались поутру.
А что же нам делать под небом грозóвым?
Мы лампу зажжём и затеем игру,
покамест бушует гроза над Варзобом.

Последняя карта. Последний маршрут.
Последний заход на краю небосвода...
Здоровье, отчаянье, сила, свобода —
последние козыри в дело идут,
которыми нас одарила природа.

Ты думаешь, выиграл? Милый чудак!
Мы в пух проигрались с тобой обоюдно.
В душе породнились веселье и страх:
где вечность — там весело и неуютно.

Недаром идёт за столом разговор
о том, как летят вертолёты вслепую,
как ливни ночами срываются с гор...
Ты втёмную? Не возражаю. Вистую.

Удар! И над осью Гиссара зигзаг
пронёсся, и охнула крыша палатки,
и небо на миг отразилось в глазах,
а с неба все взятки, как водится, гладки.

О чём нам заботиться, плакать о чём?
Что тучи на гребень снегá отряхают?
Горят наши козыри синим огнём,
и синим огнём небеса полыхают.

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

ВЕДЬ ЖИЗНЬ НЕ ОБОРВАТЬ НА ПОЛПУТИ

ГЕОЛОГ

Под пледом стареньким, укрывшись с головой,
Ты чувствуешь себя такой ненужной!
А надо мной яснее небо стужей,
Прости меня, мы разные с тобой!

В палатке низкой молча пью чифирь
И засыпаю намертво, с разбега.
А у тебя постель дышала снегом,
Ты плакала во всю льняную ширь...

Ещё — за многоточие прости,
Хотя, его давно уже не надо.
Иду по льду, а ты — идёшь по саду,
Ведь жизнь не оборвать на полпути.

* * *

Мудрость — это не красота,
И плоды на подносе весомей цветов.
А ты не гляди на меня свысока,
Потому, что без верха нет низов.

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович родился в 1950 году в г. Молотов (ныне Пермь). Окончил Московский геологоразведочный институт, работал в Республике Коми, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России.

И когда остриё пирамид упрется в землю,
И народ увидит, что нет опоры,
Только на Кремле будут гореть звезды,
Когда моря затопят офшоры.

И ты вспомнишь меня, поднимешь бокал,
Разобьёшь его о звезды,
Потому, что выпили мы за тех, кто спал,
Когда было поздно.

СИБИРЬ

Утрамбован снег на полустанке,
Ярко светят ночью фонари.
Поезд, как рождественские санки,
Женщины в платках, как снегири.

Голоса звенят, как будто льдинки.
Тают по вагону голоса.
Океаном тихим и великим
Рядом разливаются леса.

НА ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА ГЕОЛОГОВ

Геологу Евгению Киселеву

И золотая руда бывает мягкой,
И нефтью мои друзья умываются,
И смеются мои друзья, товарищи,
И пашут, как негры, куда их отправили.

У них глаза, как алмазные перстни,
Они ссут, как Ниагаре не снилось.
И девушкам они по ночам снятся
По всей России, как посланцы Империи.

И мой товарищ, Евгений Аркадьевич,
Улыбается, когда я предлагаю ему спеть,
Потому, что гитара, как Правительство,
Где железная воля есть.

ТРИКОЛОР

Пыль сгорела, а время — осталось.
Проступает лицо из металла,
Но не дергай Его за усы!

Время тоже стоит за Россию!
К белым...
красным...
а может быть, — к синим?
Не решишь у последней черты!

АЛЕКСЕЙ КОЛОМИЕЦ

ЛУЧШИЕ МОИ ДЕНЬКИ

Переводы из Бёрнса

МОЯ НЭННИ

Там, где в холмах течёт Станхар,
Где вереска цветок осенний,
Когда угаснет солнца жар,
К моей я устремляюсь Нэнни.

Пусть воеет ветер — не беда,
Пусть ночь темна, но без сомнений
Беру свой плед, крадусь туда,
Где за холмами домик Нэнни.

Она мила так и юна,
Что лесть и ложь не бросят тени,
И безыскусности полна,
Дурное не пристанет к Нэнни.

Прекрасней нет её красоты,
И нету сердца совершенней,
Цветочек, влажный от росы,
Не чище безупречной Нэнни.

КОЛОМИЕЦ Алексей Маркович родился в 1938 году в с. Черниговка Черниговского района Приморского края в семье офицера-пограничника и учительницы. Окончил Московский геологоразведочный институт. Заслуженный геолог России, почетный разведчик недр России. Награжден орденами "За заслуги перед Отечеством" IV степени, Трудового Красного Знамени, "Знак Почета", медалями. Автор 9 поэтических сборников. Члена Союза писателей. Живёт в Нижнем Новгороде.

Да, парень деревенский я!
Знаком немногим, род — не древний,
Да и зачем мне то, друзья?
Ведь рада мне голубка Нэнни.

Ко мне доходы не текут,
Что есть — управлюсь я без лени,
Но деньги мира не влекут,
Моё богатство — это Нэнни.

Приму, пусть грянет полоса
Добра и зла, без сожалений,
Одно прошу: чтоб небеса
Любовь и жизнь хранили Нэнни!

МИЛЫЙ АФТОН

Неси тихо, Афтон, вдоль кручи струю,
Теки, а я песню тебе пропою,
Баюкает Мэри журчанье волны,
Струись, милый Афтон, храни её сны.

Привет, дикий голубь, чьё эхо фонит,
Привет, чёрный дрозд, что в колючках звенит,
Привет тебе, чибис... Умерьте себя,
Замрите, сна Мэри моей не губя.

Среди величавых окрестных холмов,
Где вьются долины лесных ручейков,
Меня ежедневно ждёт полдня расцвет,
Там Мэри моя, там для глаз моих свет.

Зелёных твоих берегов красота,
Где прелесть лесных первоцветов чиста,
Там нежные ветви плакучих берёз
Спасут меня с Мэри от солнца и гроз.

Кристалльна твоя, милый Афтон, волна,
С ней рядышком милая, неги полна,
Цветы луговые стопы её ног
Ласкают, как только ты, Афтон, бы смог.

Пусть катится тихо вдоль кручи струя,
Теки, Афтон, там, где забота моя:
Баюкает Мэри журчанье волны,
Струись, милый Афтон, храни её сны.

КРАСАВЕЦ ТКАЧ

Где к морю Карт катит волной,
Там, где цветы и лес — стеной,
Живёт там парень ладный мой.
Красавец милый — ткач.

Несли мне девять женихов
К венчанью кольца — знак таков,
Но сердце вырву из оков —
Отдам его ткачу.

Отец настойчиво хотел
Взять за меня земли надел,
Но к сердцу руку дам в удел,
И это всё — ткачу.

Пока звучало пенье птах,
Пока пчела жила в цветах,
И зеленела рожь в дождях,
Любила я ткача!

ОХОТЯЩИЙСЯ МИЛОРД

Наряд на девушке одет,
В нём — с позолотою букет,
Милорда не они манят —
Корсет и лифы Дженни.

Охотиться пришла пора,
Псы, соколы — его игра,
Ведь свёл коттедж его с ума,
Где дома — Колин Дженни.

Бела миледи и нежна,
И знатностью наделена,
Но всё ж не тем ему важна —
Приданым с нею вместе.

Среди вересковых болот,
Где куропатка жизнь ведёт,
Там девушка его живёт —
Цветок в пустынном месте.

Сладка печать её ланит,
Любовный гимн светло звенит,
Алмазной влагой глаз манит,
А смех чудесный губит.

Она нарядна и смела —
Умно так моду приняла,
Но будет тот счастливей всех,
Лишь кто её полюбит.

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР МОЖЕТ ВЫТЬ

Холодный ветер ржёт, трубя,
На том лугу, на том лугу,
Но я плащом прикрыть тебя
Всегда смогу, всегда смогу.

И шторма тяжкую беду
Развею я, развею я,
Приютом я к тебе приду —
Вот цель моя, вот цель моя.

Невзгоды рядом пусть со мной,
Мечты — пусты, мечты — пусты,
Но каждый угол — рай земной,
Коль рядом ты, коль рядом ты.

Пусть я владел бы всей Землёй,
Царил на ней, царил на ней,
Я счастлив был бы лишь с тобой
До склона дней, до склона дней.

КАМЫШ ЗЕЛЁНЫЙ

Камыш зелёный средь реки —
Он строен, тонок, звóнок.
Ах, лучшие мои деньки
Прошли среди девчонок.

У всех работа — каждый час,
Потом — другая мчится,
Что значит эта жизнь для нас,
Коль рядом нет девицы?

Добыть достаток — много средств
И множество советов,
Но вот добился, наконец,
А радости и нету!

Свободный вечер — красота,
И прочь другие мысли;
Когда ко мне приходит та,
То пусть “дым коромыслом”.

Нас жизнь и бьёт, и тяготит,
Наш мир непрочен, хрупок,
Мудр, кто на жизненном пути —
Дев обожал, голубок.

Природа благородный труд
Ведёт — умён и тонок:
Сначала мастерит мужчин,
Потом творит девчонок.

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

руководитель фракции партии “Справедливая Россия” ГД РФ

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ “ПОЭМА”

Дорогие друзья!

В бытность Председателем Совета Федерации, да и сейчас, работая в Государственной Думе руководителем фракции партии “Справедливая Россия”, мне приходится довольно часто встречаться с самыми разными людьми. На этих встречах, особенно во время выборных кампаний, мне задают много вопросов, касающихся политики, экономики, ЖКХ, здравоохранения, культуры, программы нашей, партии и всегда просят рассказать о себе. Но на свою биографию времени, как правило, не хватает.

Почти всегда после этих встреч я понимаю, что не успел рассказать своим собеседникам о многом — о людях, которых помню с детства, о своей первой учительнице, о мальчишеской дружбе, об армии, где я служил в воздушно-десантных войсках, о первом прыжке с парашютом, о солдатском братстве, о годах, проведённых в геологических экспедициях, одним словом, обо всём том, что сделало меня таким, каков я есть.

1. “Дерево счастья”

Первая моя производственная практика после окончания первого курса Ленинградского Горного института проходила в Якутии.

Было это летом 1975 года.

Компания подобралась весёлая. Помню двух студентов с третьего курса — Серёжку и Наташку. Они дружили, даже, можно сказать, была у них любовь, так что спустя какое-то время они стали спать в одной палатке.

Несмотря на очень тяжёлые маршруты, а приходилось по сопкам-горам ходить километров по двадцать пять-тридцать в день, вечером у костра всё время раздавался смех. Хоть убей, не помню, была ли с нами гитара. Наверное, была, потому что Серёжка здорово играет на гитаре.

27 августа у Серёжки — день рождения.

Наташка накануне специально съездила в дальний посёлок, купила ему в подарок какие-то шикарные ботинки. У нас тоже были приготовлены подарки, но просто так вручать их было не интересно. И тогда кто-то предложил: “А давайте-ка мы подарим Серёжке “Дерево счастья!”

Склоны сопки местами уже были жёлтые от маленьких осиночек с золотыми листьями. Это обстоятельство и определило наш выбор “Дерева счастья”.

Рано утром мы отошли подальше от лагеря, чтобы не было слышно топора, и срубили осинку метра в два высотой. Мы старались, чтобы листья у неё не опали, но они держались крепко, только нежно трепетали, даже не от ветра, а когда мы её несли.

Палатки стояли на деревянных настилах. Внизу – брёвна уложены четырёхугольным срубом, к ним приколочены доски. А уже на эти доски на каркасе устанавливалась палатка.

Заострив ствол осинки, мы её воткнули в щель между досками, прямо у входа в Серёжину палатку. Повесили на деревцо коробку с ботинками, купленными Наташей, а также все свои разнообразные, а на самом деле очень простые подарки: кто-то подарил свой фонарик, кто-то – хорошую ручку, чтобы писать в пикетажке, одним словом, кто что мог.

Уселись у костра и стали ждать, когда проснётся Серёжка.

Кстати, Наташе мы не сказали про “Дерево счастья”. Мы ей сказали: “Давай сюда подарок, мы придумаем, как его вручить”.

И вот ребята вылезают из палатки. . .

Я на всю жизнь запомнил, какая радость сияла в глазах у Серёги.

Солнце взошло, было тихо, листья осинки солнечно трепетали, и на этом праздничном “Дереве счастья” висели Серёжины подарки.

Не знаю, может быть, Серёга до этого и после получал более дорогие подарки, но уверен – наше “Дерево счастья” он запомнил на всю жизнь.

2. “Киса”

Помните персонаж из “Двенадцати стульев” – Кису Воробьянинова?

Мой коллега – Володя Воробьёв – очень логично и быстро превратился во время практики в “Кису”.

Он удивительный и уникальный человек. Володя учился на геофизика. После первого курса его угораздило в первую свою производственную практику попасть в наш геохимический отряд от кафедры “Геохимия” Горного института.

Я на кафедре работал уже года два, был опытным геохимиком. Начальником отряда назначили Юраню (Юру Стуккея), а я занимал должность как бы завхоза отряда (по крайней мере, всё хозяйство – палатки, спальники, раскладушки, питание – было на мне) и по совместительству водителя.

...Где-то в первых числах июня Юраня приводит в лабораторию коренастого паренька, представляет его мне: “Сергей, это Володя Воробьёв, первокурсник, он будет проходить с нами практику. Ты как раз хотел собирать имущество в подвале, вот бери его, он тебе поможет”.

Что ж, лишние рабочие руки никогда не помешают.

Я пожал Володе руку, сказал, что меня зовут Сергей, пригласил пройти со мной. Мы спустились в подвал и под моим руководством около часа перетаскивали из угла в угол спальники, раскладушки, палатки, по ходу дела проверяя их целостность и пригодность для предстоящего полевого сезона.

Помню, что поработали мы недолго, потому что наступило время обеда. У нас в Горном институте, да и вообще в геологии, говорят: “Война войной, а обед по распорядку!” Я позвал Володю в нашу институтскую столовку. Кормили в то время там комплексными обедами. За полтинник можно было очень даже неплохо поесть.

Я специально так подробно описываю наше первое знакомство, потому что к тому моменту, когда мы, взяв подносы с комплексными обедами, сели за стол, знал я его не более двух часов. До этого я даже не подозревал о его существовании.

И вот мы едим, не помню, то ли борщ, то ли рассольник. Есть я привык быстро ещё в армии. Да и палатки с раскладушками нас ждут.

Взгляд Володи тем временем затуманился, ложка застыла в руках. Он вдруг задал мне вопрос, от которого я чуть не поперхнулся: “Сергей, а ты боишься смерти?”

Когда я понял, что не ослышался, то набрал в рот воздуха и приготовил целую кучу ответов. Один “круче” другого. Решил “поприкалываться” по полной программе. Но, взглянув в Володины глаза, я понял, что парень-то не шутит, а спрашивает вполне серьёзно. Видимо, в этот момент нет для него важнее вопроса, и ему очень хочется услышать откровенный ответ от меня.

Я вполне искренне ответил, что, наверное, любой человек боится смерти. Глупо не бояться её, потому что жизнь прекрасна. Но так как мы ещё малы, наверное, можно об этом пока не думать. Лучше гнать подальше от себя такие мысли.

Мы продолжили обед.

Я не забывал внимательно посматривать на Володю. Когда в очередной раз его ложка застыла на половине пути ко рту, а взгляд затуманился, я тоже положил свою ложку, повернулся к нему и стал ждать следующего вопроса.

Володя не заставил себя долго ждать, повернулся ко мне и спросил: “Сергей, а у тебя есть светлый образ?”

На секунду я задумался: что, собственно, он имеет в виду? Я осторожно спросил: “Володя, а “светлый образ” – это что?” Оказалось, что “светлый образ” – это девушка, причём, в понимании Володи даже не просто девушка, а... невеста.

Я сейчас не помню, что я ему сказал. Но то, что ответ был искренним – это точно.

Были ещё вопросы, уже не помню какие, но я уже не удивлялся, и поэтому они тоже не запомнились.

Мы с Володей за два дня собрали всё имущество, даже погрузили в автобус “КАвЗ”, который я должен был перегнать в Беломорский район. Но уехал я один, потому что Володя ещё проходил учебную практику.

... И вот мы работаем в Карелии, отбираем геохимические пробы пробобротборником, таскаем тяжеленную кувалду, по вечерам сидим у костра. Лагерь, в который спустя неделю-две после начала полевого сезона приехал Володя, находился в уникальном месте. Мы разбили его на косе, я бы даже сказал – перешейке между двух озёр.

Перешеек этот представлял собой огромную песчаную насыпь метров в сорок шириной и метров десять высотой, наверху поросшую отборными корабельными соснами. Слева и справа от насыпи – песчаные, довольно пологие склоны, спускающиеся в два красивейших озера с очень чистой и тёплой (для купания) водой.

В один прекрасный день, вернувшись из маршрута, мы увидели, кроме дежурного по лагерю, круглое сияющее лицо Володи, который, как я уже сказал, заочно получил от нас кличку “Киса”. Мы жутко обрадовались новому человеку.

После той истории в столовке и после двух дней работы с Володей в подвале Горного института я пришёл к удивительному выводу, что Володя – человек уникальный: у него абсолютно отсутствовало чувство юмора.

Он совершенно не понимал ни шуток, ни анекдотов. А главное (это самое весёлое и интересное) – не понимал, когда над ним подшучивают. Володя воспринимал всё абсолютно серьёзно.

Свершилось!

Наконец-то наша вечерняя жизнь у костра наполнится новым смыслом. У нас появился человек, который не понимает шуток!

В тот год весь полевой сезон Володе доставалось ой-ёй-ёй как. Чего мы только не придумывали! В Карелии, оказывается, водились особые карельские медведи, которые, как рыси, прыгают на шею, поэтому рюкзак всегда нужно носить чуть ли не на голове.

А после того, как Володя спросил, для чего это мы кувалду кладём в озеро, ему объяснили: чтобы измерить, сколько катионов железа из этой кувалды просочилось через наш перешеек из одного озера в другое. Для этого нужно каждый день отбирать пробу воды. Пока мы неделю стояли на этом озере, Володя добросовестно каждое утро набирал в бутылку воду, закупоривал, подписывал этикетку и ставил бутылку около палатки. Правда, когда уезжали, мы признались, что его разыграли. Так что пришлось эти бутылки оставить.

Не буду перечислять всех хохм и всех приколов. Как я уже сказал, Володя был очень добродушным молодым человеком. Может быть, он в глубине души и обижался, но не показывал вида. Только когда мы сами признавались, что шутим, он всегда говорил: “Да ну вас, пойду рыбку ловить”.

Володя был большим спецом именно по ловле рыбки. Он неоднократно кормил нас ухой, а иногда даже налавливал на “жарёху”. Когда он видел рыбу, плещущуюся в реке или в озере, он забывал обо всём на свете.

В тот полевой сезон с ним ещё приключилась такая история.

Мы разбили лагерь, как сейчас помню, среди молоденьких сосёнок. Метра в ста был ручей. Ручей – максимум метр шириной, но довольно глубокий, с очень чистой водой. Мы из этого ручья брали воду.

В один из дней Володя остался дежурить в лагере. Утром он встал раньше всех, приготовил завтрак, накормил нас, и мы на весь день ушли. Обычно возвращались часов в 5-6 вечера, в это время ещё светло.

Мы подходим к лагерю. Что-то не пахнет ни дымком, ни чем-то вкусным. Войдя в лагерь, видим такую картину. Валяется грязная, невытая ещё с завтрака посуда, костёр погас. Естественно, никакого обеда-ужина нет и в помине. Но самое главное – нет и Володи. Честно говоря, мы ужасно перепугались, бросились его искать.

Пошли к ручью на поиски. Где-то в полукилометре вниз по течению ручья встречаем убитого горем Володю с пустым ведром в руках. Мы кинулись к нему: “Что случилось?”

Володя, увидев нас, ужасно перепугался (это отразилось на его лице) и сначала не мог говорить. Но постепенно мы всё-таки смогли его разговорить.

С ним произошла вот такая история.

Отправив нас на маршрут, Володя взял ведро, чтобы набрать воды для мытья посуды. Он подошёл к ручью, хотел зачерпнуть ведром воду, но вдруг увидел, как из ручья прямо на него смотрит огромная, килограмма на три, щука, медленно пошевеливая плавниками. Володя тут же сообразил, что если он аккуратненько заведёт ведро, то сможет повторить подвиг Емели, а именно вытащить щуку, если не из проруби, то, по крайней мере, из ручья.

Володя, действительно, медленно-медленно завёл ниже по течению ведро и начал подводить к щуке. Щука была не дура, в последний момент она увильнула, но далеко не уплыла, спустилась вниз по ручью метра на два и остановилась. Володя снова стал заводить ведро. Щуке, похоже, было скучно, ей очень захотелось поиграть с замечательным молодым человеком. Одним словом, щука увела его вниз по ручью километров на пять, причём, через каждые пять метров Володя пытался ведром эту щуку поймать.

Он забыл про всё на свете. Забыл, что бросил лагерь, забыл, что нас нужно кормить, потому что охотился за этой щукой.

Кончилось всё тем, что щука довела его до места, где ручей впадал в речку. Как рассказал Володя, она с сожалением, что игра закончилась, посмотрела на него, махнула на прощание хвостом и была такова. Грустный Володя с пустым ведром направился в лагерь, где и был встречен голодными, но, забегая вперёд, скажу, простившими его за отсутствие ужина товарищами.

Володя был настоящий рыбак.

3. Ирина

Эта молодая, симпатичная, черноволосая с зелёными глазами девушка нравилась, по-моему, всей мужской части нашего небольшого отряда, включая начальника отряда, меня и всех студентов. Но она очень дипломатично умудрялась не отдавать предпочтения никому и в то же время (по крайней мере, у меня создавалось такое ощущение) не лишала никого и надежды.

Девчонка, одним словом, была замечательная.

С ней были связаны, не побоюсь этого слова, удивительные истории, которые я, естественно, не мог не запомнить на всю жизнь.

За удивительные глаза мы очень часто Ирину называли Ведьмой. В ней действительно было что-то от ведьмы, причём ведьмы очень красивой. Родом она была из Карелии. Некоторые её необъяснимые способности я пытался объяснить именно тем, что она наверняка знает какие-то местные приметы, обычаи и так далее.

Например, она безошибочно предсказывала погоду.

Работали мы обычно в ведро, потому что в дождь по болотам не находишься.

Однажды, помню, стояли в хорошем местечке. Нашли какую-то заимку – сложенный из брёвен сруб с земляным полом. Низкая дверь, два небольших окошка. Домик был, наверное, высотой метра в три, не больше – до конька крыши.

Мы решили не разбивать палатку. Натаскали лапника, побросали на него спальники. Так и спали. Кашеварили и дежурили по очереди. Кто-то всегда оставался в лагере – готовил еду для всех.

В Карелии есть такое удивительное природное явление – ламбины.

Ламба, по-моему, с карельского переводится, как “глухое озеро”. Но мы ламбинами называли чистую воду посреди болота. Судя по всему, когда-то здесь были огромные озера. Они постепенно заболачивались. Трясина потихонечку затягивала всё пространство, оставляя в середине обычно не очень большое зеркало чистой воды.

И вот однажды кто-то решил забросить в такую ламбину спиннинг с блесной. К удивлению, с первого же заброса удалось вытащить здоровущую щуку. Мы поняли, в озере когда-то рыбы было много. Но болото наступало, воды оставалось всё меньше. Поэтому оголодавшие щуки и бросаются с такой яростью даже на самодельную блесну. Бросил блесну, по-моему, Володя Воробьёв – тот самый легендарный “Киса”. Он ловил рыбу на удочку и на блесну при каждом удобном случае. Одним словом, мы решили разойтись по многочисленным ламбинам, чтобы наловить щук и внести тем самым разнообразие в своё меню.

Как я уже говорил, стояло ведро.

Завершив (с перевыполнением) трудовой день, мы решили, что завтра рванём на рыбалку. Поужинав, расселись у костра и стали готовить снасти. Кто-то строгал себе удилище. К нему нужно было изолянтной примотать катушку “Нева-2”, а из алюминиевой проволоки сделать кольца на удилище. Кто-то занимался самодельными грузилами, кто-то – блёснами, кто-то выправлял заржавевшие тройники. Прямо скажу, снастей у нас было негусто. Многого делалось, что называется, из подручных средств.

Но вы сами понимаете (обращаюсь к тем, кто знает, что такое рыбалка), какое это удовольствие – готовить снасти в предвкушении завтрашней рыбалки!

Из девчонок с нами была одна Ирина. Она очень снисходительно и саркастически посматривала на наши приготовления, абсолютно не принимая в них никакого участия. Только время от времени приговаривала: “Ну-ну, посмотрю, как вы завтра порыбачите”.

Мы относили её “ну-ну” к сомнению в нашем рыбацком профессионализме. Немедленно начались рассказы о невероятно удачных рыбалках. Размер и вес выловленных рыб возрастали каждые полчаса в геометрической прогрессии. Сами знаете, что такое рыбацкие рассказы.

Но кто-то всё-таки спросил у Ирины, почему она не верит в успех нашего завтрашнего мероприятия?

И тут последовал неожиданный ответ...

Хочу напомнить, что стояли “белые ночи”. Дело происходило часов в десять. Солнце ещё не зашло. Наш временный лагерь находился в бору, и верхушки столетних сосен казались золотыми.

Ответ её был таков:

“Ни на какую завтра рыбалку вы не пойдёте. Будете палатку латать (как раз для неё мы решили отдельную палатку поставить, а сами, как я уже говорил, расположились в заимке) и собирать разбросанные вещи”.

Мы удивились, посмотрев на абсолютно чистое небо: “Почему, с какой стати?”

“Потому что ночью будет буря”, – без тени сомнения сказала Ирина.

Мы посмеялись. К полуночи угомонившись, приготовив снасти, решили, что встаём завтра в пять утра и дружно разбегаемся по заранее облюбованным ламбинам...

Где-то часа в три ночи рвануло.

Причём рвануло в прямом смысле.

Что начался ветер, я сквозь сон слышал. Потом вдруг раздался жуткий треск, и что-то громко обрушилось на нашу избёнку (слава Богу, те, кто когда-то клал этот сруб, сделали его на совесть – изба не дрогнула). Тут сон как рукой сняло. Оказалось, что буря с корнем вырвала из земли сосну, и она рухнула прямо на крышу нашей избушки.

Сосна проломила крышу. Даже верхний венец сруба, как мы потом увидели, на который пришёлся основной удар ствола, немножко треснул и прогнулся. Но в целом избушка выдержала.

Палатку Ирины просто сорвало и куда-то унесло.

Она перебралась со своим спальником к нам в избушку.

Мы слышали, как звякали и брякали летающие ведра и тарелки. Но до утра предпринимать что-либо было бесполезно, тем более, что из-за туч было довольно темно.

Утром, как ни в чём не бывало, светило солнышко.

Мы пошли осматривать результаты ночной “атаки”.

Решили прямо поверх упавшего на заимку дерева натянуть палатку, сде-лав, таким образом, подобие брезентовой крыши.

Кто-то собирал разбросанную посуду.

Одним словом, полдня мы занимались ликвидацией последствий природного катаклизма. Ни о какой рыбалке речи быть не могло. Да и на следующий день уже был заказан грузовик для того, чтобы нас перевезти на новое место.

Но это всё предыстория к удивительным событиям, свидетелем которых я сам стал. Или участником, очевидцем – как угодно.

До сих пор не могу ни объяснить, ни понять, что же всё-таки произошло. По всей видимости, я стал свидетелем, как сейчас принято говорить, аномального явления или, вернее, аномальных возможностей человека.

... Мы работали на каком-то сухопутном участке. Вокруг – замечательный сосняк, грунт – песчаный.

Разделились для работы следующим образом. Я, Женька Вапник и Бич брали каждый по два-три профиля и проходили, по-моему, двухкилометровые профили через каждые пятьдесят метров, ища место для удачной лунки, удачного шпура, чтобы именно оттуда можно было потом Юране с Ириной забрать пробу.

Юраня по этим профилям шёл с трёхметровой трубой и кувалдой, опускающая в приготовленный нами и отмеченный веточкой шпур заборника. Он вбивал его на двадцать сантиметров, потом вынимал, шпилькой выковыривал в мешочек пробу и так далее. Ирина всё это записывала.

Юраня с Ириной работали от меня где-то километрах в полутора. Справа от меня метрах в четырёхстах работал Бич. Слева от меня, ближе к Ирине и Юране, работал Женька Вапник. Я их слышал – в лесу было тихо. Я слышал, как звонко стучит кувалдой по набалдашнику заборника Юраня, слышал, как, обычно глухо, но при попадании на камень очень звонко звенел лом в руках либо у Бича, либо у Женьки.

Дело было в августе. Полно ягод – черники, брусники, на болотах – морошки. И, конечно, мы объедались этими ягодами. Вроде бы уже и не хочется, но как пройти мимо полянки, синей от черники или красной от брусники? Я ложился на пузо и, загребал двумя руками, можно сказать, прямо с земли ягоды в рот, иногда с листьями, но это меня не смущало.

Поэтому, когда я некоторое время не слышал звуков работы, я понимал, что народ “трудится” на ягодных полянах. Работали мы на этом участке, по-моему, третий день.

Нужно сказать, что каждое утро я не забывал всем напоминать об элементарной технике безопасности. Она очень простая. Когда ты начинаешь с размаху бить ломом грунт, и лом углубляется в грунт до отмеченной риски, следует стоять вертикально и ни в коем случае не наклонять голову над пробиваемым шпуром. Почему?

Допустим, ты пробил грунт на полметра. Остаётся пройти ещё десять сантиметров довольно лёгкого, как представляется, песчаного грунта. Ты со всего маху кидаешь лом внутрь, а там вдруг оказывается валун. Тогда лом, который весит килограммов двенадцать, подпрыгивает метра на полтора над землёй. И если ты в тот момент наклонился, то круглый набалдашник ударит тебя прямо в лоб со всеми вытекающими последствиями.

Но, сколько ни говори, а всё-таки человек “любит” учиться на собственных ошибках.

Женька решил убедиться в этом на собственном опыте.

Я обратил внимание, что слева, где он работал, уже минут десять ничего не слышно. Обычно на ягоды уходило максимум минут пять. Дальше их есть было невозможно – начиналась оскомина. Я стал подумывать о том, чтобы

пойти и посмотреть, не случилось ли чего, как вдруг услышал, что сквозь молодую поросль сосёнок кто-то ломится. Я надеялся, что это человек, а не медведь, окликнул: “Женька, это ты?” Ответа я не услышал.

Я остановился и стал ждать.

И вот появляется Женька.

Честно говоря, мне стало не по себе. Всё лицо и вся энцефалитка до колен у него была в крови. На лбу полукругом свисал лоскут кожи. Мне показалось, что там белеет кость.

Я кинулся к Женьке: “Что, зафитилил?”

Он безнадежно качнул головой. Что произошло – было понятно, другое дело, что меня волновало его состояние. Я заставил его присесть, спросил:

– Голова кружится?

– Немножко, – ответил Женька.

– Когда это произошло?

Выяснилось, что случилось это минут десять-двенадцать назад. Похоже, Женька минут пять лежал без сознания.

Я взял комок мха ягеля, аккуратненько придавил им свисающий кусок кожи, сказал, чтобы Женька его так держал. Кровь уже сильно не текла. Я спросил его:

– Идти можешь?

– Могу.

– Пойдём потихонечку к Ирине, может, у неё бинт есть.

И мы пошли.

Я крикнул Бичу (потому что понимал, что он тоже прислушивается), чтобы продолжал работать.

Выходим мы на полянку.

Юрания сидел на корточках в накомарнике (а комаров там и мошки – туча) и как раз выковыривал шпилькой пробу из заборника.

Ирина стояла к нам лицом, накомарник у неё был поднят. Я увидел (хотя до неё было метров двадцать), как у неё расширились глаза, и она молча хлопала Юраню по плечу.

Юрания поднял голову, увидел, что она куда-то смотрит, встал и развернулся в нашу сторону.

Мы медленно приближались к ним.

Юрания снял накомарник, он был в очках. И тут я впервые в жизни увидел (но об этом часто пишут), как у человека волосы встают дыбом. Вот у Юрании именно так, дыбом, встали волосы. Лицо его стало белым-белым.

Я прекрасно понял, что вид Женьки, мягко говоря, не внушает никакой радости, а Юрания всё-таки начальник отряда. Естественно, он испугался, поэтому постарался его успокоить: “Юрания, да ничего, видишь, Женька уже почти оклемался. Может, обойдётся”.

Спросил у Ирины:

– У тебя есть бинт или ещё что-нибудь?

У неё ничего не оказалось. Но недалеко, буквально в километре, мы знали, находится изба химаря-вздымщика.

Химарями-вздымщиками назывались люди, которые собирали живицу – смолу с сосен. Они делали специальным инструментом на стволах такие треугольные насечки, потом ставили воронкообразную банку, куда стекала живица.

Мы уже как-то заходили к нему в гости. Днём он обычно был на участке, а вечером можно было его застать. Мы знали, что у него есть аптечка. Как принято в тайге, дверь, конечно, никто не запирает, поэтому к нему всегда можно было зайти.

Юрания сказал Ирине: “Идите в лагерь и ждите нас там”.

Он уже понял, что Женьку не надо эвакуировать, хотя выглядел наш “герой” неважно.

Ирина с Женькой ушли.

Юрания нервно достал “беломорину”. Бледность с лица его не уходила. Насчёт волос не знаю, потому что он вновь напялил на себя накомарник. Закурив, он поднял на меня глаза и спросил: “Ты понимаешь, что произошло?”

Я отвечаю: “Юрания, да ничего страшного, видишь, оклемался, полежит пару дней, не будет ходить в маршруты. Забинтуем его, всё прирастёт”.

Юрания прервал меня: “Да нет, ты понимаешь, что произошло?” – сделал ударение на “что”.

Я понял — его волнует что-то другое. Вопросительно глядя на него, я ждал разъяснений.

Юрания рассказал вот что:

“Сорок минут тому назад (а я прикинул, что, похоже, как раз именно в это время Женька и получил удар набалдашником пробойника в лоб) Ирина мне вдруг говорит: “Слушай, Юрания, ничего с собой поделывать не могу, вижу Женьку, и у него всё лицо в крови”. Я ей ответил: “Ты что?! Записывай лучше внимательней, а всякую ерунду мне тут не рассказывай. И вот до того момента, пока вы не вышли, она каждые пять минут повторяла мне, что видит залитое кровью лицо Женьки. Предлагала пойти посмотреть, не случилось ли чего. Я в очередной раз посылаю её к чёрту, и вдруг выходите вы, и как ты сам прекрасно видел — Женька весь в крови”.

Мы посмотрели друг на друга, потом повернулись вслед ушедшим Ирине с Женькой и замолчали.

Собственно говоря, вот и вся история.

Что это было?

Честно говоря, до сих пор не знаю, но, похоже, эта Ирина обладала неизвестными нам способностями. По крайней мере, я был свидетелем тому, о чём написал.

4. Мистика

Несколько полевых сезонов мы с Ириной провели в Карелии. Но, как и всё в жизни, и эти полевые сезоны закончились. На прощание она мне подарила два замечательных октаэдра зелёного граната — гроссуляра.

Кстати, у Куприна в повести “Гранатовый браслет” браслет был сделан именно из такого граната — зелёного.

Эти два гроссуляра цветом очень были похожи на цвет её глаз.

Ирина сказала: “Я знаю, ты коллекционируешь минералы, положи их в свою коллекцию. Только никогда никому их не дари и никогда не разъединяй. Это мои глаза. Они всегда будут следить, чтобы у тебя было всё хорошо”.

Я улыбнулся, очень мне такой образ понравился.

С благодарностью взял гроссуляры, и мы расстались.

И вот, спустя два-три года, мне для чего-то понадобилась справка, кажется, 286-й формы. Чтобы её получить, надо было пройти диспансеризацию, обойти всех врачей. Жил я уже в Ленинграде, но прописан был по-прежнему в Пушкине. Пришлось ехать в родную поликлинику по месту прописки.

Там я случайно встречаю девочку из параллельного класса. Она, оказывается, работает секретарём у главврача. Я тут же спросил её, не сделает ли она мне такую справку, чтобы мне самому к врачам не ходить?

“Нет проблем, — сказала она, — приезжай через два дня”.

Приезжаю через два дня, справка готова.

У девочки, кстати, тоже были зелёные глаза. Я подумал, что нужно её как-то отблагодарить, вспомнил, что у меня есть два гроссуляра. “Зачем мне в коллекции два гроссуляра?” — легкомысленно подумал я. Взял один камушек и привёз девушке в подарок.

А буквально через некоторое время загремел в больницу, загремел серьёзно и надолго. Тогда вошли в моду прививки от гриппа. Капали такие капельки под язык. При этом предупреждали, что будет лёгкое недомогание. Вот такое недомогание в виде гриппа я перенёс на ногах. Но начались всякие осложнения.

В больнице провалялся больше трёх месяцев. Пришлось даже брать академический отпуск. А я хотел весной уже ехать в поля. Но врачи настаивали, что мне после болезни нужно ещё полежать. Честно говоря, я сам чувствовал, что в полях-то мне будет тяжело. Но желание не пропустить полевой сезон было сильнее болезни. Я боролся, как мог.

Тут неожиданно мои коллеги по работе, геофизики (они часто навещали меня), приносят письмо. Я сразу узнал почерк — это был почерк Ирины.

Читаю: “Ты нарушил своё обещание. Зная тебя, уверена, что ты кому-то подарил только один гроссуляр. Второй оставил себе, потому что тебе дорога твоя коллекция. Надеюсь, ты помнишь, кто тебе их подарил. Только ты забыл, что я говорила. Это точно. Поэтому тебе сейчас очень плохо. Я не знаю, что с тобой случилось. (Здесь нужно заметить, что Ирина в это время работала

совершенно в другом месте. Узнать, что случилось со мной, она ни от кого не могла.) Но знаю, если ты кому-то подарил один камень, значит – так было надо, поэтому я тебя прощаю. Всё у тебя будет хорошо. Желая тебе здоровья и удачи!”

Нужно ли говорить, что, когда я прочитал это письмо, во-первых, мне стало очень-очень стыдно, а во-вторых, я действительно быстро-быстро пошёл на поправку и уже через несколько месяцев был в своей родной стихии – в экспедиции, в поле.

Вот такая мистика.

5. Мечты иногда сбываются

В Монголии я проработал почти десять лет – с 1981-го по 1991-й.

Первые пять лет я ездил только на полевые сезоны. Обычно из Ленинграда через Москву и далее в Улан-Батор. Улетали в апреле-мае, возвращались в октябре-ноябре. А с 1986 года (если быть точным, с июля) по июль 1991-го я работал по пятилетнему контракту в Монголии круглогодично.

Тогда, кстати, бытовала такая присказка: “Курица – не птица, Монголия – не заграница”. Имелись в виду так называемые “материальные блага”, которые получали советские граждане, работавшие за рубежом. Часть зарплаты от зарубежной командировки мы получали в чеках Внешторгбанка СССР. Ими можно было отовариваться в специализированных магазинах “Берёзка”. За рубежом народ обычно покупал всё то, что не производила советская промышленность. По этим критериям Монголия как раз и не считалась полноценной “заграницей”. Но это смотря кому и с чем сравнивать.

Должен сказать, что годы, проведённые в Монголии, у меня до сих пор ассоциируются с ощущением, что это время я прожил при коммунизме.

Почему так?

Представьте себе: полгода мы жили в комфортабельных квартирах, полностью обставленных. В каждой квартире – хороший телевизор, холодильник. Причём по габаритам и по площади квартиры были, мягко говоря, не такими, как в “хрущёвках” или блочных домах. Они явно превосходили и квартиры в домах знаменитой 337-й серии, которые на тот момент, по крайней мере, в Ленинграде, очень котировались. Треть зарплаты действительно можно было переводить на чеки. Остальные две трети – тратить по своему усмотрению.

Я лично много тратил на книги, впрочем, не я один. Те книги, которые в СССР можно было достать либо из-под полы, либо по так называемым “макулатурным” талонам, свободно продавались в книжных магазинах Монголии. И подписаться можно было на любое издание, выходящее в Советском Союзе.

Деньги (тугрики) лежали в серванте, в баре на стеклянной зеркальной полочке. За все пять лет я не помню случая, чтобы в день полочки на этой полочке ничего не оставалось. То есть деньги от полочки до полочки не кончались. При этом покупались не только книги, но и многие другие товары: одежда, посуда и прочие нужные вещи.

Мы жили в третьем-четвёртом микрорайоне Улан-Батора – в нескольких современных девятиэтажных домах. Кстати, сейсмоустойчивых, готовых выдержать землетрясение до десяти баллов. Дома были огорожены изящной решёткой. Имелось КПП, где постоянно дежурили сначала советские сотрудники, а в последние перед концом СССР годы – монголы. Местным жителям (не всем, естественно, подряд) выдавались специальные пропуска для посещения магазинов на территории нашего мини-городка.

Один магазин был продовольственный, один – промтоварный. В продовольственном продавалось всё, что, наверное, в Советском Союзе имелось только в так называемых распределителях для начальства. Или – на столах заведующих крупными гастрономами. Шоколад, кондитерские изделия, любые консервы, спиртные напитки, фрукты, компоты, джемы... Продолжать можно до бесконечности. Одним словом, купить можно было всё, что угодно.

Теперь несколько слов о том, как была организована работа в камеральный период. Камеральный период у геологов – это время обработки полевых данных, обычно это зима. Год делился на две половины. С начала апреля, когда уже было тепло и прекращались полевые бури, мы выезжали в поля.

За десять лет я в прямом смысле слова прошёл ногами всю Монголию. Нет ни одного аймака (это, по-нашему, область) или сомона (по-нашему, район), где бы я не побывал.

С апреля по ноябрь все мужчины находились в полях.

Жёны работали на камеральной обработке.

Я работал в аэропартии. Мы искали уран. У нас имелся самолёт Ан-2 со специальной аппаратурой. Он фиксировал радиоактивные аномалии. На специальных лентах писали перьями самописцы. Потом эти данные плюс данные аэрофотосъёмки расшифровывались в Улан-Баторе нашими жёнами. Потом эти данные переправлялись к нам в поля, и уже наземные отряды (а я как раз в таком наземном отряде и работал) ездили проверять аэроаномалии. Нужно было понять, с чем они связаны: то ли это породная аномалия, то ли действительно месторождение урана либо других радиоактивных полезных ископаемых.

Про поля я расскажу отдельно.

Сейчас – о том, как был устроен наш быт в осенне-зимний период.

На территории городка моя квартира находилась в конце проулочка. Окна выходили прямо на КПП. Мне всегда было хорошо видно, кто уехал, кто приехал, кто пришёл, стоит ли автобус у КПП (про автобус я напишу отдельно). Работа начиналась в 9 утра. В 8:50 я брал свою дочку Иришку за руку и отводил на первый этаж своего же подъезда в детский сад. Потом шёл к соседнему дому, поднимался на лифте на девятый этаж. Там в обычных квартирах были устроены камеральные или, как бы сейчас сказали, офисные помещения. Мы работали до обеда, до часу дня. Была ещё добрая традиция: в 11 часов пить чай, причём у себя дома. Всё рядом.

В час дня шли на обед. Мы забирали дочку из детского сада на первом этаже, поднимались к себе, обедали. Потом опять отводили дочку в детский сад, возвращались на работу.

В соседнем с нами подъезде на первом этаже был огромный продовольственный магазин, в котором, как я уже говорил, было всё. В доме, который стоял рядом с большой баскетбольно-хоккейно-футбольной площадкой, тоже на первом этаже находилась большая промтоварный магазин. Там женщины покупали разные, в основном, импортные (польские, чешские, румынские, иногда – финские) модные на тот момент “тряпки”. Этот процесс, должен сказать, доставлял им огромное удовольствие. Всегда находилось что-то для них интересное. Но два раза в месяц был специальный завоз – привозили какие-то особенно замечательные товары. Их, правда, можно было купить только по “бичику”. “Бичик”, по-монгольски, – это разрешение, талончик. У женщин была какая-то своя сложная система распределения этих “бичиков”. Мужики в это дело не влезали. Нам это было абсолютно не интересно. Вот книжные магазины – другое дело. Со свежими (обычно – однодневной давности) советскими газетами и журналами тоже не было никаких проблем. Они продавались свободно.

В пять часов работа заканчивалась.

Кто-то шёл домой, а кто-то – на КПП, где стояло несколько автобусов. На одном можно было поехать в другой советский городок. Он назывался Сот-3 (по-моему, это сокращённо от “строительного отряда”). Там находился огромный спортивный комплекс с бассейном, тренажёрными залами, с закрытым полем для мини-футбола, баскетбольными, волейбольными площадками и так далее. Второй автобус отвозил всех желающих на центральную площадь Улан-Батора. Там находился Ленклуб (Ленинский клуб). Это, если по-простому, советский Дом культуры, где каждый вечер демонстрировались самые последние фильмы из Советского Союза, а иногда и иностранные. По выходным в клубе выступали с концертами известные советские артисты. Ещё там имелся большой книжный киоск, буфет и многое-многое другое. А два-три других автобуса развозили всех желающих, в основном женщин, по другим магазинам.

Вот такая была организованная жизнь.

Если забыть про тоску по Родине, отвлечься от постоянного ощущения, что ты всё-таки в чужой стране, то, в общем-то, почему бы и не коммунизм?

...Я всегда любил политику. В своём родном Ленинграде, а позже – в Свердловске был активным лектором-международником общества “Знание”.

Я даже посещал закрытые семинары, на которые приезжали лекторы из ЦК КПСС (хотя я не был коммунистом).

Однажды меня по особому списку пригласили на такой семинар в Дом политпросвещения в Ленинграде. Я уже два года был лектором-международником в Невском районе (там размещалось НПО “Рудгеофизика”, в котором я работал).

И вот, помню, сижу я в зале, слушаю и конспектирую выступление. Оно, кстати, было довольно интересным. Естественно, идеологически выверенным, но более откровенным, что ли. В самый драматический момент, пересказывая перипетии прихода Бабрака Кармаля к власти в Афганистане, московский лектор, вдруг понизив голос, произнёс: “А теперь я хочу вам сказать, как коммунист коммунистам...”

У меня холодок побежал по спине. Я незаметно оглянулся (мне показалось, что все сейчас строго посмотрят на меня), потому что я, наверное, единственный был не коммунист в этой аудитории. Никому даже в голову не могло прийти, что среди них затесался самозванец.

... Здесь следует уточнить, что коммунистом я не был не из-за идеологических разногласий с КПСС (я, как и многие, был дитя своего времени), а по абсолютно банальной причине. Я был комсомольцем, даже секретарём комсомольской организации, вернее, замом секретаря комсомольской организации НПО по идеологии. Окончил специальные годовичные лекторские курсы, регулярно посещал курсы повышения квалификации.

Когда мне исполнилось двадцать восемь лет, я пришёл в партком нашего института и сказал, что хотел бы вступить в партию. Там очень обрадовались и сказали: “Сергей, ты такой активный комсомолец, нам такие как раз и нужны”.

Отлично!

Но тут выяснилось, что не всё так просто.

В наше НПО (научно-производственное объединение) входили институт ВИРГ – Всесоюзный институт разведывательной геофизики – и завод с простым названием “Геологоразведка”. На нём производилась геофизическая аппаратура. Мне предложили отправиться на завод и агитировать четырёх рабочих, чтобы они подали заявления в партию. Тогда и меня примут, потому что существует “квота” – четверо – “от станка”, один – от ИТР. Мне объяснили, что КПСС – партия, прежде всего, рабочего класса, поэтому должна соблюдаться определённая пропорция.

Я с удивлением смотрел на секретаря парткома: вроде умный мужик, а такую фигню молотит. Я, естественно, ему не сказал, что никогда не пойду никого агитировать, но понял, что не видать мне партии, как своих ушей, век куковать беспартийным.

Но если честно, абсолютно из-за этого не расстроился.

Точно так же, как и из-за того, что так и не могу вспомнить, что сказал на том семинаре московский лектор, “как коммунист коммунистам”...

1989 год – разгар перестройки.

Все минусы борьбы с пьянством, утверждения в обществе здорового образа жизни мы уже вкусили на себе. Монголы всё “слизывали” со старшего брата (СССР). “Архушка” (монгольская водка-архи – она, в отличие от нашей, не сорок, а тридцать восемь градусов) стала огромным дефицитом. На праздниках народ маскировал спиртное в чайниках. “Чай” мы иногда начинали пить на ранних стадиях застолья, удивляя присутствующих высокопоставленных партийных работников своим весельем и свободным полётом мыслей...

Но это я отвлёкся.

В этом году проходили выборы на альтернативной основе народных депутатов СССР. Я уже говорил, что мы покупали все газеты. А я, кстати, выпиывал, обратите внимание, многие популярные журналы и газеты Советского Союза. Даже из своего родного города – “Ленинградскую правду”.

Газеты приходили по подписке обычно с двух-трёхдневной задержкой, журналы опаздывали на одну-две недели. “Ленинградская правда” приходила тоже с двухнедельной задержкой. Читал я и просматривал всё. Нужно сказать, что газеты в период перестройки были очень интересными.

Мы засматривались программой “Взгляд”. Разница с московским временем была четыре часа, передачи заканчивались глубокой ночью, но мы всё равно смотрели, а днём, во время камеральных работ, обсуждали увиденное и услышанное.

Но это всё было осуществимо только в Улан-Баторе, когда мы там жили, то есть в конце осени, зимой или в начале весны.

Когда мы уезжали в поля, там, конечно, не было никаких телевизоров. Советское радио принимало программы с трудом и не везде, поэтому мы были оторваны от мира.

Но я уже знал, что 25 мая 1989 года в Кремле откроется первый Съезд народных депутатов СССР, впервые избранных на альтернативной основе в условиях, можно сказать, почти полной демократии. Хотя на тот момент приснопамятная шестая статья Конституции СССР отменена не была. Мне было известно, что депутатом избран академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Многие другие фамилии тоже были известны из газет, журналов, из телевизионных новостей.

У меня появилась мечта – увидеть в прямой трансляции (об этом тоже было объявлено) съезд своими глазами.

Ну, мечтать не вредно, как в таких случаях говорят. В конце апреля мы уже выехали в поле.

Отрабатывали западные аймаки Монголии, потом работали в Ховдинском аймаке. Это район так называемой котловины Больших озёр. Кстати, именно там, по крайней мере, в то время, находился всемирный эталон чистоты воздуха. В Монголии вообще мало промышленных предприятий, а в западной Монголии их совсем не было. Поэтому воздух там действительно поразительно чистый. Однажды на маршруте, взобравшись на какую-то горушку, я увидел раскинувшуюся передо мной бескрайнюю долину, а где-то там, на краю, одиноко стоящую гору. По форме, по конусу, было видно, что это бывший вулкан. Я прикинул на взгляд расстояние (а опыт у меня уже был). Решил, что до неё максимум километров сорок. Каково же было моё удивление, когда, вынимая один планшет за другим (мы работали по картам Генерального штаба стотысячного масштаба), я понял, что на самом деле до этой горы... сто двадцать километров! Вот такая чистота воздуха...

Но это я опять отвлёкся.

Возвращаюсь к своей мечте – посмотреть в прямом эфире Съезд народных депутатов СССР.

С конца апреля я находился в городе Ховде (его иногда называли Кобдо, там у нас была стационарная база – щитовые домики, большой автопарк, большие склады). Оттуда мы выезжали непосредственно на полевые работы. Весь май шла подготовительная работа. Несколько раз мы ездили искать место для будущего лагеря. С середины мая начал регулярно летать наш борт. Мы уже поставили юрты и палатки в двухстах километрах от Кобдо, можно сказать, в чистом поле.

На тот момент я исполнял обязанности начальника отряда и занимался доукомплектованием оборудования: получал на складах батарейки, проверял аппаратуру, наблюдал за ремонтом наших машин, в частности “уазиков” – УАЗ-469.

Это был первый сезон, когда у нас начались интересные новшества...

В Советском Союзе шла перестройка. Что-то похожее начиналось и в Монголии. В начале полевого сезона 1989 года поступила команда привлекать к работе местные кадры. Энтузиазма это у нас никакого не вызвало, но приказ есть приказ. Видимо, наша братская интернациональная помощь должна была заключаться не только в поиске полезных ископаемых, но и в обучении рабочим профессиям наших монгольских друзей.

Выяснилось, что местные кадры у нас будут работать водителями и полевыми рабочими.

Мне в отряд дали одного водителя на ГАЗ-66, одного – на “уазик”, и ещё дали одного рабочего. По-русски ребята говорили, мягко говоря, плохо. Но я уже сам мог говорить немного по-монгольски, кое-что понимал. Они тоже простейшие русские слова знали. Поэтому общались нормально.

23 мая мы получили из ремонтных мастерских подлатанный “уазик”. Загрузили продукты и несколько дополнительных палаток в ГАЗ-66. В “уазик” – за заднее сиденье – загрузили только что полученные дефицитные батарейки для приборов и пару отремонтированных накануне радиометров.

Пришла пора выдвигаться.

На получение всего вышеперечисленного, на оформление кучи документов ушёл практически весь день. Мы прикинули, что двести километров преодолеем за четыре с половиной часа, поэтому решили выехать не позже четырёх. Примерно так и получилось.

Перед самым отъездом я зашёл в контору. В приёмной начальника экспедиции секретаршей работала его жена, честно говоря, имени-отчества не помню. Была она женщиной доброй. Годиков ей было уже немало. Почему-то она меня привечала. Мне нужно было подписать какую-то бумагу, и я минут пятнадцать сидел в приёмной, ждал, пока начальник экспедиции освободится.

Пока сидел, делать было нечего, я смотрел по сторонам. Обратил внимание на объявление на стене: “Наш телефон...” Там был, по-моему, четырёхзначный номер телефона, видимо, приёмной. Не знаю почему, но я вынул свою пикетажку (пикетажка от слова “пикет” – блокнот для записи геофизических данных на маршруте) и записал этот номер.

Я работал в Монголии не первый год, знал прекрасно эту базу. Почему мне пришлось в голову записать телефон – не знаю. Связь у нас всегда была по радиции. Два раза в сутки (в восемь утра и в восемь вечера) каждый начальник отряда, где бы он ни находился, должен был выйти в эфир, связаться с Ховдом, а если требовалось, и с Улан-Батором, и доложить, как идут дела.

Кстати, позывные были такими: “Озеро” – экспедиция и база экспедиции в Улан-Баторе. “Озеро-1” – Ховд. А дальше шли отряды: “Озеро-2” – лётный отряд, “Озеро-3” – первый наземный отряд, “Озеро-4” – второй наземный отряд и так далее. У меня всегда был позывной “Озеро-3”. Ну, это так, к слову.

Получив свою бумагу, я пошёл к гаражу.

С моим новым монгольским водителем я познакомился два дня назад. Накануне весь день я смотрел, как он ездит. Это меня, мягко говоря, не вдохновило. И даже дело не в том, что вёл он не очень уверенно, меня “убивала” одна особенность, которую я замечал, кстати, за многими монгольскими водителями. Может, от привычки скакать на коне, а может, по какой-то другой причине его левая нога, которая обычно должна находиться на полу рядом с педалью сцепления, была под сиденьем. Педали сцепления, газа и тормоза он всегда нажимал только правой ногой. Но это же УАЗ-469, автоматической коробки передач у него нет, нужна и “перегазовка”, и, когда с места трогаясь, нужно одной ногой нажимать на сцепление, а другой давать газку. Может, когда трогался, он так и делал, но когда просто ехал, левая его нога совершенно точно была под сиденьем.

Ну, да ладно.

Тронулись.

Километров сто проехали хорошо. Миновали кочкарник вдоль озера Хубсугул, какой-то небольшой населённый пункт. Впереди показалась красночёрная гора. Это было очень приметное место. Вытянутая на фоне неба гора казалась как будто рассечённой по диагонали: левая часть – чёрная (это были базальты), а правая – красная (это были граниты). Очень красивое было место.

За горой – излучина речушки, в которой водился хариус. Мы часто там останавливались, закидывали спиннинги – мы их всегда возили с собой.

И сейчас остановились, сделали несколько забросов, но увидели, что вода мутноватая. Видимо, недавно прошли дожди. Поэтому решили здесь не задерживаться. Нам ещё оставалось езды где-то часа на два-два с половиной.

Я сидел на переднем пассажирском сиденье. Дорога была довольно тряская. Я держался рукой за ручку, приваренную к “торпедо” “уазика”. Сзади телепался, подпрыгивая до потолка, монгол-горнорабочий. Геолог Коля Исавев ехал в ГАЗ-66. За рулём там тоже был местный товарищ, но они, похоже, от нас отстали.

Ехали мы, понятное дело, не по асфальту. Дороги почти везде только грунтовые. Иногда довольно хорошие. Можно развивать скорость почти до ста километров. Больше “уазик”, правда, и не вытягивал. Часто встречалась гребёнка. На большой скорости и по ней проскакивали неплохо...

Когда мы отъехали от базы километров на тридцать, я попросил остановиться. Вышел и по старой привычке обошёл машину, потрогал ступицы. На передних колёсах они были горячие, но не сильно. Я знал, что на машине поменяли колодки. Механики должны были их отрегулировать, но меня всё-таки что-то смущало.

На стоянке за горой я спросил у водителя: “Ты можешь немножко свести колодки? Знаешь, как это делается?”

Он уверенно закивал головой, взял ключ, залез под машину, немножко там пошурудил, и мы поехали дальше. Проехав несколько километров по кочкарнику (по нему мы ехали на второй скорости), мы выбрались на основную трассу.

Основные трассы в Монголии – довольно интересное явление, потому что это скорее не дороги, а направления. В Монголии много степей и равнин, поэтому дорога, обозначенная на карте одной линией, на местности представляет собой полосу иногда километра в четыре. В этой полосе больше сотни колеёй, можно выбирать любую, какая больше нравится.

На небольшом перевале той самой чёрно-красной горы было сужение – всего лишь одна накатанная дорога. Когда мы выскочили на неё, я заметил, что водитель поддал газку. Скорость было километров пятьдесят в час. Он явно собрался перейти на четвертую скорость, потому что рука его лежала на рукоятке переключения...

Всё произошло в одно мгновение.

Мне показалось, что машина как будто на долю секунды упёрлась во что-то невидимое. Потом “уазик” пошёл на кувырок через радиатор. Честно скажу, несмотря на то, что длилось это считанные секунды, я очень хорошо помню, как мы перевернулись раз, пошли на второй кувырок... Помню, что я, видимо машинально, сгруппировался. Рукой я держался за вышеупомянутую ручку, а голова была где-то в коленях.

Когда машина пошла на третий кувырок, в голове у меня не пронеслась, как обычно пишут, а довольно спокойно возникла мысль: “Скорей бы всё это закончилось!”

Закончилось буквально через секунду.

Как потом я понял, между вторым и третьим кувырком меня выбросило из машины. Я пролетел вперёд, пропахав мордой и брюхом кусты верблюжьей колючки. Машина сделала ещё один кульбит и встала на четыре колеса буквально в метре от меня.

Я вскочил (если быть честным, встал), весь ободранный, лицо в крови. Но при этом понимаю, что вот стою. Чувствую, правая рука не двигается. Почему-то она стала длинной. Кисть висит ниже колена. Но это всё я заметил, так сказать, на ходу, потому что услышал, что мотор машины продолжает работать.

Я обежал машину. Водитель сидел за рулем весь в крови, но живой. Я крикнул ему: “Глуши мотор!”

Он не отреагировал.

Тогда я просунул левую руку и выключил зажигание. Мотор заглох. Второй боец-монгол сидел метрах в десяти, раскачивался и стонал. Я не понял – то ли он уже успел выйти из машины, то ли его тоже выбросило.

“Уазик” с разбитым капотом, выбитыми фарами, полностью смятым брезентовым тентом и стойками, стоял на четырёх колёсах. Подъехал Коля на ГАЗ-66, выскочил из машины: “Что случилось?”

Я показал на “уазик”:

“Да вот, перевернулись”.

А он смотрит и не понимает: машина стоит на колёсах, а то, что нет верха, тента, он не сразу заметил. Наконец, до него дошло. Стали вытаскивать водителя-монгола. Увидели, что у него здорово разбита голова и течёт кровь. Коля побежал за аптечкой, достали бинт, вату, перебинтовали рану, что есть силы. У второго кровь текла откуда-то из предплечья, но не сильно.

Тут уже я начал командовать:

“Коля, оставайся у машины, там всё-таки приборы”. Обратился к парнишке-монголу: “Можешь подняться? Давай в кузов”.

Он полез в кузов ГАЗ-66. Монгола-водителя, который был в сознании и мог передвигаться, хотя видно было, что он не в себе, посадил на пассажирское место. Сам заскочил в кузов, сказал водителю “ГАЗа”: “Гоним обротно в сомон”.

До сомона было километров тридцать. Приезжаем туда, оказывается, там был медпункт. Монголка, медсестра или врачиха, кинулась ко мне. Я сказал, что со мной делать ничего не нужно – помоги парню-монголу. Она сняла с его головы намокшую от крови повязку. Я увидел сквозь кровь кость черепа. Мне стало не по себе. Она стала накладывать новую повязку.

Я спросил: “Есть у вас телефон?”

Телефон был.

Из своей полевой сумки достаю пикетажку, в которой записал номер телефона приёмной экспедиции, смотрю на часы: ровно семь. Молю Бога, чтобы кто-нибудь оказался в конторе.

Трубку снимает жена начальника экспедиции. Я ей говорю: так и так, попали в аварию, у меня что-то с правой рукой, монголу плохо, у него, похоже, пробита голова, второй тоже ранен, но видимых переломов нет. У разбитой машины в тридцати километрах от сомона оставил Исаева.

Она заохала, запричитала, попросила узнать номер телефона, с которого звоню. Я назвал. Она сказала, чтобы я находился рядом с телефоном, сейчас мне перезвонят. Через десять минут раздался звонок, сказали, что к нам летит (оказывается, в этом сомоне был маленький аэродромчик, но это не проблема, потому что там почти в любом месте можно посадить самолёт) борт Ан-2.

Потом нас загрузили в самолёт, мы прилетели в Ховд. Там нас на машине быстро отправили в городскую больницу.

У парня-водителя начали обрабатывать рану – вынули осколок кости, а потом без затей – без наркоза – стали зашивать рану. Нужно отдать должное монгольскому парнишке – эту экзекуцию он перенёс мужественно. Затем его увели в палату.

Второй монгол почти не пострадал, только небольшие царапины.

Врач, который, как оказалось, учился в Союзе, пощупал мою руку и сказал: “У тебя вывих, сейчас будем вправлять”.

Вправлять так вправлять.

Потом добавил: “Но сначала сделаем укол”.

На стене висел деревянный шкафчик со стеклянными дверцами, весь засиженный мухами. На одном из стёклышек был нарисован красный крест. Врач открыл эту дверцу, достал оттуда нечто, завернутое в очень несвежую, когда-то, видимо белую тряпку, развернул её, и я увидел шприц. А я уже читал и слышал о СПИДе! Наверное, этим шприцем разве что прививки овцам не делали, а теперь вот мне будут делать укол.

Я сказал: “Нет, не надо укола”.

Врач предупредил: “Будет очень больно”.

Я ответил:

– Ничего, потерплю.

– Как хочешь.

Всё это происходило в комнате с кафельным полом. Наверное, то была процедурная. Он обратился к санитарке по-монгольски, и она принесла байковое вонючее одеяло, постелила на пол. Врач сказал, чтобы я ложился. Я лёг. Он сел с правой стороны от меня, лицом ко мне, стал снимать ботинки. Я уже сказал, что одеяло было не первой свежести, но когда он снял ботинки, атмосфера в комнате совсем сгустилась.

Я не понимал, что врач собирается делать, пока он не начал пристраивать свою ногу мне подмышку. Двумя руками он взялся за кисть моей правой руки и предупредил: “Держись!”

И что есть силы дёрнул.

Похоже, я на долю секунды потерял сознание.

Врач встал, что-то потрогал у меня на плече, остался недоволен и снова стал присаживаться.

Тут, на счастье, прибежал с базы наш штатный отрядный медсанбрат Мишка Мазуренко. У него по-деловому через плечо была перекинута брезентовая сумка с красным крестом, в которой он всегда носил какие-то лекарства.

– Что вы тут делаете? – спросил он строго у врача-монгола.

– Да вот, вправляю.

Мишаня посмотрел на меня. По его глазам я понял, что выгляжу, мягко говоря, не очень.

Врач ещё раз упёрся правой ногой мне в подмышку, взял меня за кисть и дёрнул.

Я вспомнил, как минут пятнадцать тому назад по живому, без всякой анестезии зашивали кожу на голове водителя. Тот не проронил ни звука. Я тоже стиснул зубы, но сознание, похоже, опять потерял. Потом услышал спокойный, но не терпящий возражений голос Мишани: “Знаете что, завтра утром прилетит борт из Улан-Батора. Серёгу повезут в советский госпиталь. Я думаю, потерпит он до утра”. Я с благодарностью посмотрел на Мишаню. Потом меня отвезли на нашу базу.

Я пошёл ночевать к своему приятелю – водителю из автопарка – Коле Довбенко. Я у него часто останавливался, когда был в Ховде. Вечером приехал начальник экспедиции, сказал, что заказал транспортный борт Ан-24. Утром меня отправят в Улан-Батор. Рассказал, что, похоже, дело действительно в колodках. Машину уже везут обратно, говорят, что заклинило переднее левое колесо.

Наверное, так и было. Я помню, что мы пошли на кувырок через левое переднее колесо.

Потом начальник экспедиции спросил у меня: “Как ты догадался по телефону позвонить?”

Я рассказал.

Дело в том, что если бы я сообщил про это ДТП по радию (впрочем, рация была только в отряде, а мы туда не доехали), то об этом уже знало бы всё начальство, потому как всё, что говорится в эфире, прослушивается. А я звонил по внутренней монгольской телефонной связи. Так что никто, кроме начальника экспедиции, не узнал об этом ЧП. Как я понял, он и не хотел, чтобы эта история стала достоянием широкой аудитории.

Но и я тоже не был особенно в этом заинтересован. Пожав мне с чувством левую руку, начальник экспедиции ушёл.

Ночью я, помню, не спал.

Утром прилетел борт. Через три часа приземлились в Улан-Баторе.

На поле уже стояла “скорая помощь” из нашей советской больницы. Меня отвезли туда, сделали рентген. Врачи, рассмотрев снимки, долго качала головой и удивлялась: “У вас вообще-то ключица сломана и порваны связки. Я всякие травмы видела, но такой измочаленной связки я никогда не видела”.

Я удивленно спросил:

– Разве у меня не вывих?

– При чём здесь вывих? У вас связка порвана.

Я рассказал, как монгольский врач вправлял мне вывих.

Меня запаковали в гипс.

Поздно вечером 24 мая я был у себя в улан-баторской квартире.

На следующий день – 25 мая 1989 года, в 14 часов по местному времени, счастливый, весь в гипсе, лёжа на родном диванчике, я смотрел в прямом эфире открытие первого Съезда народных депутатов Советского Союза.

Иногда мечты действительно сбываются!

Хотя и не совсем так, как нам хочется...

6. В пустыне Гоби

С 1981-го по 1983-й я работал в пустыне Гоби. База наша находилась в городе Сайшанде. Она представляла собой снятые с колёс и врытые в землю вагончики, а также несколько щитовых сборных домиков.

Стояли мы около железнодорожной ветки, по которой на моей памяти ни разу не прошёл ни один поезд. За веткой, примерно в двух километрах, находился “Северный городок” – советская воинская, по-моему, танковая, часть.

Гоби на самом деле не очень похожа на типичную пустыню. Когда мы слышим слово “пустыня”, сразу представляем песчаные барханы и, вообще, песок. А пустыня Гоби каменистая. Она абсолютно плоская, растительности никакой. Галька не только разного размера, но и разного состава.

Кстати, однажды, проезжая, как говорится, “из пункта А в пункт Б”, мы вдруг увидели ярко сверкающее разноцветное пятно впереди по курсу. Дорог в Гоби практически нет. В любом месте можно ехать со скоростью километров

80–90, не боясь ни оврагов, ни каких-либо ям – абсолютно ровная, усталая галькой почва. Так вот, это яркое пятно оказалось сердоликовой галькой.

Сердолик (означает “камень из Сарды”, столицы древней Лидии) – жёлто-красно-оранжевого цвета в диаметре от сантиметра до трёх. Большинство камней, особенно на поверхности, отполировано тысячелетиями песком до зеркального блеска. Многие имеют абсолютно правильную форму шара. Если набрать таких “бусин”, просверлить в них отверстия, то действительно будут готовые бусы.

Площадь этого “пятна” составляла несколько десятков квадратных километров, а мощность (толщина) слоя гальки – от пяти до сорока сантиметров. Можно сказать, целое месторождение готовых бус из сердолика.

Из живности в Гоби встречались дикие верблюды, иногда небольшие табуны лошадей Пржевальского, тоже диких. Много было дзэренов. Дзэрен – разновидность сайгаков. Может, это местное название сайгака. Из “мелочи” водились пустынные зайцы. Чем они питались, абсолютно непонятно. Но пару раз где-то в небольших ложбинках или небольших норушках мы их встречали. А ещё в Гоби водятся очень милые и смешные ушастые ежи. И, конечно, змеи, самые разные: гюрза, кобра, песчаная эфа и ещё какие-то экзотические змеи.

Самой опасной у нас считалась так называемая “стрелка” – небольшая, очень тонкая змейка бежево-коричневого цвета, длиной примерно метр. Чувствуя опасность, она иногда с расстояния пяти метров взвивалась в воздух, струной летела на угрожающий ей объект (очень часто это мог быть человек) и вонзалась в лицо. Укус, как мы были уверены, у неё смертельный. Хотя, если честно, на моей памяти ни разу никого эта змея не укусила. Наверное, это была легенда. Как она прыгала, мы видели, как кусала, не говоря о последствиях укусов, – никогда.

Гоби уникальна ещё и тем, что там я впервые узнал, что такое абсолютная тишина.

Представьте себе: температура воздуха под пятьдесят, а может и больше. Полный штиль, ветра нет, птицы не летают. Их просто нет. На тысячи километров в любую сторону никого. Самолёты тоже не летают, населённых пунктов нет.

Приехав в какую-нибудь точку на маршруте, слышишь только шорох камушков под ногами, когда идёшь, или своё пение. Очень часто хотелось услышать хоть какой-то звук, потому что это действительно неприятная штука – АБСОЛЮТНАЯ тишина.

Если остановиться, замереть, очень скоро начинаешь слышать своё дыхание, как бы ты тихо ни дышал, мельчайшие шумы от малейшего шевеления своего тела. Но больше ничего, абсолютно ничего.

Кстати, о температуре. Стандартная форма одежды для работы на маршрутах Гоби была такая. На голове – велосипедная шапочка с козырьком. Я всегда к этой шапочке пришивал вручную кусок материи, которая закрывала уши, причём в первом “поле” я для этого дела использовал кусок старой клетчатой зелёной рубашки. С лёгкой руки кого-то из отряда все стали называть такую шапочку “арафаткой”. На самом деле это было удобно, потому что без неё уши облезали струпьями – сгорали моментально. И так, на голове у меня “арафатка”, ниже – прибор на ляжках, надетых на голое тело, дальше – плавки и на ногах – кеды, кроссовок тогда мы ещё не знали. Так можно было ходить после того, как примешь первый солнечный удар (загар). Были мы все чёрные, как негры. Когда начинался полевой сезон (а начинался он обычно в апреле-мае), температура в пустыне уже была от сорока до пятидесяти градусов. Конечно, первое время сторожились, надевали рубашки, шорты, даже тренировочные штаны, чтобы не обгореть.

Однажды, по-моему, это случилось в 1982 году, угодил я в небольшой переплёт. Наука была мне на все остальные восемь лет работы в Монголии.

Меня должны были забросить на машине на одиночный маршрут. Там я должен был по компасу пройти по прямой около пятнадцати километров, через каждые пятьдесят метров делая замеры спектрометром. В конце маршрута меня опять должна была подобрать машина. Это было начало сезона.

Я прикинул, что работы максимум часа на два с половиной – три. Так мы с водителем и договорились. Я решил, что как раз эти два-три часа я и позагораю. Поэтому оделся по той форме, которую описал. То есть практически в одних плавках и в кепочке пошёл на маршрут.

Часа через два с половиной я был в той точке, куда должна была приехать машина. Высадили меня часов в девять утра. В половине двенадцатого я был на точке. Забегая вперёд, скажу, что машина за мной приехала... в девять вечера.

Ни кустика, ни холмика, от жгучего солнца спрятаться негде. Единственное, что я догадался сделать, — снять кошму со спектрометра. Прибор был обёрнут кошмой, чтобы “держать” температуру.

Я распорол кошму, получился кусок войлока длиной сантиметров в шестьдесят или восемьдесят, шириной сантиметров тридцать. Вот этим куском поочередно я и прикрывал то спину, то грудь, то колени. И всё равно, конечно, обгорел сильно.

Вечером, когда приехал в лагерь, поднялась температура, весь покрылся волдырями. Одним словом, воспоминание не из приятных. Зато больше никогда я в маршрут не выходил без робы. Жарко ли, холодно ли — всегда с собой рюкзачок, в котором всё, что необходимо на любые непредвиденные случаи: одежда, спички, фляга с водой, небольшое НЗ из продуктов, небольшая аптечка, трос и так далее. Как говорится, своя ноша не тянет.

Случились со мной в Гоби три интересные истории.

Наверное, действительно, они тянут на то, чтобы назваться историями, потому что в прямом смысле слова две из них с историей как раз и связаны. Но сначала расскажу об одном интересном эффекте, который часто можно было наблюдать в Гоби и вообще в пустынях. Это мираж.

Считается, что мираж — это индивидуальное свойство оптического обмана и, возможно, сознания конкретного человека.

Но вот чему я был однажды свидетелем.

Ехали мы как-то то ли на маршрут, то ли с маршрута на ГАЗ-66. Кузов был покрыт брезентовым верхом. Там у нас стояла одна бочка с бензином, а вторая — с водой. Между кабиной и кузовом был сделан деревянный помост, чтобы не прогнуть крышку аккумуляторного ящика и не замкнуть сам аккумулятор. К крыше кабины со стороны кузова были приварены две обыкновенные дверные ручки.

Дело в том, что под брезентом ехать было просто невозможно. Во-первых, из-за жары и духоты, а во-вторых, из-за пыли. Обычно в ГАЗ-66 ездили либо втроём (это комфортный вариант), либо впятером (это уже было не так здорово).

“Впятером” выглядело так. В кабине двое: понятно, водитель и, обычно, геолог, который сидел на пассажирском месте; третий сидел между водителем и пассажиром на двигателе, а двое стояли на аккумуляторном ящике, на этом самом помосте за кабиной, держась за ручки, приваренные к крыше кабины. Вдвоём стоять было можно, но немножко тесновато. Поэтому, как я сказал, пятеро — это не лучший вариант, а трое — самое то.

И вот однажды едем мы, как сейчас помню, с геологом Славой Татауровым из Зеленогорской экспедиции (город Свердловск). Водителя, по-моему, звали Лёшкой, а я, геофизик, стою на аккумуляторном ящике. Приборы лежали в ногах у Славки. Я ехал налегке. Сверху было всё хорошо видно. Ветерок, несмотря на то, что очень тёплый, создавал иллюзию прохлады, одним словом — лафа. И вот мы едем по дороге с хорошей скоростью — километров 60–70. Вокруг абсолютно ровная, как стол, местность.

Вдруг я вижу, что слева от нашего маршрута движения, километрах примерно в пятнадцати, виднеется огромное-огромное озеро. Причём я явно вижу воду, которая сверкает на солнце. Более того, вижу полоску зелёных камышей на берегу. Но это ещё не всё, я даже чаек вижу, которые носятся в воздухе над этим озером.

Я знаю, что вроде бы вокруг нет никаких озёр (озеро в Гоби — это вообще нонсенс). Нет даже болот, или такыров, как их здесь называют. Они в сухое время года представляют собой потрескавшуюся глинистую почву, а после дождей превращаются в небольшие озерца. Не дай Бог туда заехать на машине — вытащить будет практически невозможно.

Так вот, вроде бы ничего такого на карте нет. И вот едем мы десять минут, пятнадцать, полчаса — озеро не исчезает. Напротив, такое ощущение, что линия берега то приближается, то удаляется, то есть не просто идёт параллельно нашему движению, а как будто у этого озера изрезанный берег.

Через полчаса я постучал по кабине.

Машина остановилась.

Славка из кабины прокричал: “Что, озеро видишь?”

Я удивился, думал, что только я вижу. Оказывается, уже полчаса они с Лёшкой спорят: мираж это или действительно озеро? То есть, видим все трое и, что интересно, все одинаково: и синюю воду, и зелёные камыши, и даже чаек. Это был уже мой второй сезон в Гоби. Ко всяким миражам, в том числе озёрным, я привык, но тут явно что-то было особенное.

После короткого “ругательного” совещания принимаем решение километров пять проехать в сторону озера и посмотреть – будет оно приближаться или будет удаляться?

Поехали.

Кончилось тем, что проехали мы не менее двадцати километров. После каждых пяти километров мы начинали горячо спорить: приблизилось или, наоборот, удалилось озеро? Или осталось на месте? У меня сложилось впечатление, что у нас на троих было примерно пять точек зрения на эту проблему.

Отмахав от намеченного маршрута километров двадцать, окончательно убедившись, что никакого озера нет и в помине, чертыхаясь и выслушивая проклятия Лёшки, который начал говорить, что теперь бензина может не хватить до базы, мы поехали дальше.

Должен сказать, что более красивого, я не побоюсь этого слова, прекрасного миража в своей жизни я больше никогда не видел.

А теперь другая история...

Начало примерно такое же, только ехали мы на этот раз в кунге – внутри фургона ГАЗ-66. Кроме пешеходного спектрометра у нас был автогаммаспектрометр, который был установлен на автомобиле. Он фиксировал не только радиоактивность, но ещё помогал понять, чем радиоактивность вызвана: наличием урана, калия или тория. Базой для автогаммаспектрометра был военный топопривязчик, установленный на ГАЗ-66. Тогда не было ещё никакого GPS, но, тем не менее, используя принцип и свойства гироскопа, в этот прибор можно было заложить стандартный планшет. Обычно мы использовали карты Генерального штаба стотысячного масштаба. Это позволяло “привязаться” на местности стандартными способами. Надо было определить абсолютно точный ориентир на местности, поставить грифель, зажатый в специальный курсор, на эту точку, запустить по специальной программе топопривязчик, а дальше грифель рисовал в точности все перемещения машины в пространстве. В любой момент можно было понять, где мы находимся.

Но это я отвлёкся.

Итак, ехали мы, как всегда, из пункта А в пункт Б. Скорее всего, меняли лагерь. На дальние расстояния мы ездили в основном тогда, когда меняли место базирования.

И вдруг в окно увидели нечто странное.

Дело в том, что в той части Гоби, где мы тогда работали, пустыня была чёрной. В любом месте, где бы мы ни остановились или где бы ни шли пешком, вся поверхность была покрыта острыми кусками базальта чёрного цвета. Кстати, рядом с базальтом всегда можно было найти агаты. И вот это огромное базальтовое плато площадью в несколько сотен квадратных километров, если не больше, мы и пересекали.

Справа по курсу мы увидели довольно большое рыжее пятно. Показалось, что по центру пятна лежит огромный валун такого же цвета. Но на самом деле это был абсолютный нонсенс. Никаких валунов в Гоби мы никогда не видели. Естественно, мы повернули посмотреть, что это такое?

Подъезжаем и действительно видим разбросанные куски жёлто-бежевой породы. Мы сразу поняли, что это кремень на площади примерно 250–300 квадратных метров. Пятно представляло собой круг или овал. Почти посередине его находился огромный валун. Но он был не из кремния, а, если мне не изменяет память, из чего-то похожего на песчаник. Интересной была и форма этого камня. Больше всего он напоминал стол овальной формы с практически плоской поверхностью. И вдруг кто-то из нас поднял несколько кусков кремния и с удивлением обнаружил, что это не что иное, как заготовки, полуфабрикаты. Или для наконечника стрелы, или для скребка, а может, и для ножа. Мы разбрелись по этому пятну и стали находить всё новые

и новые уникальные изделия из кремния. Тогда мы поняли, что мы находимся на месте стоянки первобытных людей, вероятно, по времени относящейся к эпохе неолита. Понятно, что и этот стол-верстак для работы, и сам исходный материал был сюда привезён. Мы прекрасно знали геологию примерно в радиусе тысячи километров – ни песчаника, ни кремния здесь и в помине не было.

И нарисовалась вот такая картина...

Когда-то, может, пять тысяч лет назад, а может, и десять древние люди здесь разбили лагерь.

Стояло племя здесь довольно долго, может быть, несколько лет.

Мы находились, видимо, в бывшей мастерской по производству каменных орудий. Как я уже говорил, Гоби – каменистая пустыня, ветер и песок вымывают всё, что лежит на поверхности. Ничего не заносит. Кстати, и на развалинах монастырей мы часто находили монеты, различные фигурки из бронзы. Они просто лежали на поверхности, иногда отполированные песком.

Я уже говорил, что в Гоби стоит абсолютная тишина.

Подняв с земли один из самых удачных по форме и исполнению наконечников для стрелы, держа его в руках, я ясно себе представил, как, допустим, десять тысяч лет назад по какой-то причине люди встали и ушли с этой стоянки. Они оставили здесь и полуфабрикаты, и готовые изделия, и этот огромный верстак и больше сюда не вернулись. А следующие люди, которые пришли сюда, – это были мы. И все эти десять тысяч лет здесь было такое же безмолвие. Так же палило солнце. Небо было такое же синее, только иногда шумел ветер. Вот такая необычная, в прямом смысле слова, связь времён. Ощущение этого прикосновения к вечности я помню до сих пор.

А вот ещё одна “историческая” история, тоже случившаяся со мной в Гоби.

... Эту находку, к сожалению, сделал не я.

Я даже не помню, кто, но началось это так...

Мы находились в лагере. Он, как обычно, представлял собой “костровище”, квазовозку (самая обычная бочка на колёсах, с надписью на боку “КВАС”, в ней мы возили воду), раскладушки, на которых лежали спальники. В Гоби мы почти никогда палатки не ставили. Это не имело смысла: дождей нет. Спали под открытым небом. Кстати, звёздное небо в Гоби потрясающе красивое – звёзды низко, такое ощущение, что можно руку протянуть и срывать одну за другой.

В те сезоны у нас была интересная традиция-хохма. Перед сном, предварительно посидев у костра, попив чайку, переговорив обо всём на свете, мы ложились поверх спальников на раскладушки. Кто курил – тот курил, естественно, продолжали разговаривать обо всём на свете: о жизни, о геологии, о книгах, о предстоящей работе, о каких-то приключениях, которые с кем-то из нас были в прошлом.

Разговоры длились всегда до одного чётко обозначенного во времени момента. Дело в том, что, глядя в звёздное небо, мы видели очень много пролетающих спутников. Иногда, особенно в августе, начинался звездопад, и мы наперебой кричали, показывая друг другу, в какой стороне “падает” самая красивая звезда – метеорит.

Но ровно в 0:45, как сейчас помню, летел один особый спутник. Дело в том, что практически все спутники летели в широтном направлении, условно говоря, с запада на восток, или наоборот, точно не помню. А в 0:45 каждую ночь появлялся спутник, который пересекал траектории всех остальных. С чьей-то лёгкой руки мы называли его “летающий на Сайгон”. И по какой-то, непонятно откуда возникшей традиции, дождавшись “сайгонского спутника”, мы говорили: “Ну, всё, отбой, пора спать”.

Когда кто-то очень хотел что-то рассказать, его обязательно предупреждали: “Только смотри, постарайся успеть до “сайгонского спутника”. После него – отбой”.

Но это так, к слову.

Однажды, вернувшись с маршрута, мы сидели в лагере, ждали остальных. Приезжает машина, из неё выскакивают возбуждённые коллеги, начинают наперебой что-то рассказывать, махать руками. Толком ничего не понимая,

мы садимся в кунгу ГАЗ-66 и едем куда-то вместе с ними. Ехать оказалось не очень далеко, примерно километров пятнадцать.

В том месте, не очень типичном для Гоби, были небольшие горушки, изрезанные сухими руслами, оврагами. Были эти горки высотой метров тридцать-сорок, не больше.

Бросив машину в том месте, куда смогли доехать, ещё километра два пройдя пешком, мы приблизились к пещере.

Пещера, как потом выяснилось, имела три “комнаты”, если можно так сказать. Первая — “прихожая” — была хорошо освещена. На самом деле это была ниша в скале. Из неё было проделано естественным путём отверстие во вторую “комнату”, там света было поменьше. С левой стороны от второй “комнаты” находилась совсем маленькая пещерка, вход в которую (мы долго спорили: естественный он или искусственный) уж больно был похож на дело рук человеческих. В третье пещерное помещение свет попадал едва-едва. Но всё равно, немножко постояв и присмотревшись, можно было всё рассмотреть.

И вот что нашли наши ребята.

Посередине третьей пещеры стоял огромный деревянный сундук. Дерево, из которого он был сделан, местами истлело. Сундук был набит древними тибетскими манускриптами, в переплётах из буйволиной или какой-то другой кожи, натянутой на деревянные дощечки. Переворачивая страницы, мы пришли к выводу, что все эти книги рукописные, а не напечатанные. Они были исписаны вертикальной вязью древних монгольских или тибетских букв.

Но это было не главное. На противоположной от входа стене, на одинаковом расстоянии друг от друга, как в ружпарке, стояли три кремневых ружья с толстыми шестигранными стволами, с курками, в которых специальным приспособлением зажимался фитиль. В одном из ружей этот фитиль сохранился, и кремни были зажаты специальными щипцами. У ружей когда-то были приклады, но они истлели. Все три ружья стояли как бы в “горке” из древесной трухи.

Конечно, мы тут же начали спорить: кто это оставил, как всё здесь было?

И ящик, и ружья мы вытащили.

Должен сказать, что те, кто первыми сюда вошли, правильно сделали (по крайней мере, благородно), что сразу всё это не взяли, а решили показать нам. Это их решение потом сыграло свою роль в дальнейшей судьбе этих реликвий.

Приехав в лагерь, мы внимательно рассмотрели содержимое сундука и ружья. Конечно, тут же нашлись желающие заполучить эти ружья себе в коллекцию реликвий из Монголии. Честно говоря, мы знали, что ничего вывозить нельзя, но народ легкомысленно полагал, что как-нибудь да удастся. Но таких “коллекционеров” было меньшинство. Большинство же настаивало на том, что сундук с письменами и ружья нужно обязательно отвезти в Улан-Батор, передать в исторический музей.

Разгорелись жаркие споры.

Аргументы тех, кто хотел забрать себе и письмена, и ружья, были очень простыми: мы нашли, о них никто не знает, пускай будут у нас. Я поддерживал тех, кто настаивал, что всё это нужно обязательно отдать историкам в музей.

Наконец, был найден компромисс. Он заключался в том, что надо отдать в музей все письмена и одно ружьё, а два ружья оставить себе. Но тут я привёл, неожиданно для себя, убийственный аргумент: надо обязательно отдать всё как есть. Более того, отметить на карте место, где мы это нашли. Может быть, даже нарисовать (сфотографировать мы не догадались), как всё это было найдено.

Я сказал: “Представьте себе, а вдруг у монголов есть легенда о том, что какие-то три богатыря (как у нас — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович) или три монаха сохранили буддистские древние книги? А наша находка как раз подтверждает, что это не легенда, а самая настоящая быль!”

Надо сказать, аргумент подействовал. Но потом мы начали опять спорить: как эти письмена-иероглифы оказались там, почему за ними никто не пришёл, почему они столько лет там пролежали. Спорили и о том, сколько именно лет они пролежали.

Кремнёвые ружья использовались в средние века. Но, учитывая отдалённость этого региона, ими могли здесь пользоваться и в девятнадцатом веке.

Нам хотелось думать, что этим находкам несколько сотен лет. Но здравый смысл подсказывал, что, скорее всего, они относятся к восемнадцатому веку.

Лично у меня есть на этот счёт собственная гипотеза.

И она как раз про трёх монахов.

... Три монаха по какой-то причине то ли странствовали, то ли бежали из отдалённых монастырей. Такое случалось во все времена. И вот они нашли (а может, она ими заранее была вырублена) эту пещеру. Они сложили самое ценное, что у них было, в ящик, поставили аккуратно три ружья, вышли из пещеры и пошли, может быть, на охоту, а может быть, за водой, а может, ещё куда-то. Но их внезапно схватили. Может быть, те, кто их схватил, знали, что они где-то прячут письма, может быть, не знали, но в любом случае, найти это место им не удалось.

То есть опять получилось, как со стоянкой первобытных людей. Вышли сто или двести лет тому назад трое монахов, а может, даже не монахов, а крестьян из этой пещеры, оставили свои драгоценные реликвии, ружья, а следующими, кто вошёл в эту пещеру, спустя много-много лет, оказались мы.

Вот такая связь времён.

А сколько ещё тайн хранит пустыня Гоби?

7. Начальник лётного отряда

Все годы в Монголии я работал геофизиком в наземном отряде.

Наша задача была проверять аэроаномалии. Они обнаруживались специальными приборами – аэрогаммаспектрометром и магнитометром, установленными на обычном “кукурузнике” – самолёте Ан-2.

В аэропартии был элитный, как мы его называли, лётный отряд. Очень многое зависело от этого отряда. Сколько “квадратов” они налетают в сезон, не говоря об аномалиях. Потому что летали они над территорией абсолютно неисследованной. Чаще всего она была совершенно “пустой”. Иногда же попадались редкие, уникальные аномалии (когда “звонит”, как мы говорили). Они, эти аномалии, могли в конечном итоге вывести на настоящее месторождение.

Начальником лётного отряда все эти годы был Толя Степанищев. К сожалению, он погиб несколько лет назад в Екатеринбурге в нелепой автомобильной катастрофе. Человек был золотой. Его жена, Галя Степанищева, работала в Улан-Баторе в камералке вместе с другими жёнами наших полевиков. Она как раз занималась разноской оцифровки и подготовкой карт содержания радиоактивных элементов.

И вот однажды, по-моему, это было в году в 1985-м или в 1986-м, почему-то точно не могу вспомнить, но помню, что в начале августа после дня ВДВ (2 августа) меня срочно из нашего наземного отряда вызывают в Улан-Батор, причём причину не объясняют.

Я прилетаю.

Руководство экспедиции и аэропартии извещают меня, что Толя Степанищев по семейным обстоятельствам срочно должен уехать в Союз, а я до конца сезона назначаюсь исполняющим обязанности начальника лётного отряда. Честно говоря, это решение вызвало у меня удивление и, прямо скажем, не обрадовало.

Дело в том, что у нас были тёплые, дружеские отношения с бортоператорами – “Шурцами”, – с экипажем. Бортоператорами в аэропартии работали Саша Шевела (Царство ему Небесное) и Саня Куксов. Они всегда держались вместе, поэтому и кличка у них была общая – Шурцы.

Да почти всех из лётного отряда я хорошо знал, но я прекрасно понимал, что логичнее было бы назначить и. о. начальника лётного отряда кого-то из бортоператоров, из Шурцов. Но, наверное, начальство рассудило иначе. Бортоператоры должны непрерывно летать, а кто-то должен организовывать всю деятельность лётного отряда, заниматься хозяйством, самое главное – добиваться выполнения плана. И почему-то решили, что старший геофизик наземного отряда, то есть я, безусловно, с этими задачами справится.

Выслушав напутственные слова начальника аэропартии: “Ты там подтолкни ребят, а то уже неделю не летают – то на погоду ссылаются, то ещё на что-то, похоже, нет у них трудового энтузиазма. А план надо выполнять!”, – на перекладных поехал я в место расположения лётного отряда.

Когда приехал в отряд (а там уже знали, что к ним едет “ревизор”), то застал такую картину.

Лагерь, как обычно, представлял собой три щитовых домика, несколько вагончиков — они стояли прямо на колёсных шасси. Колёса были вкопаны в землю, чтобы ветром не сдуло. Работал дизель, дающий электричество, естественно, рядом была взлётно-посадочная полоса. К счастью, в Монголии с этим проблем не было.

Лагерь встретил меня нерабочей тишиной и, прямо скажем, нетрезвыми, якобы радостными восклицаниями членов отряда. Это мне сразу, конечно, не понравилось. Начал принимать дела, осматривать, что называется, хозяйство. Заодно слушал невнятные пояснения Шурцов и других членов отряда. Увидел запертую дверь домика Петра Ивановича Коробицына — нашего фотолаборанта, на которой, естественно, висела табличка “Не входить! Идёт проявка!”

Я безошибочно определил, что источник “алкогольной радости” находится именно в этом домике. И не ошибся. “Гудел” отряд уже третий или четвёртый день, причём начали “гудеть”, когда не было погоды и отряд вынужден был “сидеть”. Но уже второй день погода была, а брагулька, похоже, не кончалась, и народ продолжал праздновать.

Когда зашёл к экипажу, увидел, что командир спит. Второй пилот (очень шепутой) радостно предложил мне выпить брагульки. Штурман сидел и меланхолично играл на гитаре. Судя по репертуару, ему было тоже “хорошо”, точно так же, как и Шурцам.

Бросив вещи, узнав, что с питанием, что с соляжкой, бензином, заслушав тех, кто не участвовал в затянувшемся пиршестве, я понял, что ситуация непростая. Отправив радиogramму, что я прибыл на место и принял управление лётным отрядом на себя, пошёл к домику Петра Ивановича. Сделал я это так, чтобы остальные члены отряда не видели. Уж не помню, как, и хитростями, и угрозами, я всё-таки добился, чтобы Пётр Иванович мне открыл.

Он был, прямо скажем, никакой. В большом фанерном ящике, на котором виднелась надпись “Фотохимикаты”, я обнаружил три сорокалитровых алюминиевых бидона. Один был с готовой брагулькой. Там содержимое оставалось примерно наполовину. Второй был недавно заправлен, и там только начинало пузыриться. Третий, видать, должен был поспеть к следующему дню.

Я очень строго сказал Петру Ивановичу, что погуляли и хватит, через месяц с небольшим погода испортится, пойдут дожди. Нужно успеть сделать план.

Мы вынесли к краю небольшого овражка все три бидона, и под горькие причитания Петра Ивановича я вылил всю брагульку в овраг.

Заперев Петра Ивановича (причём снаружи) в домике и тем самым избавив его от искушения немедленно побежать и рассказать о “несчастье” жаждающим добавки лёликам, я пошёл в домик к экипажу, где находились и Шурцы. Они как раз сидели и допивали то, что у них ещё было. Они мне предложили вместе пойти к Петру Ивановичу, взять у него ещё трёхлитровую баночку и как следует отпраздновать моё новое назначение.

Нужно сказать, что я за все мои восемнадцать полевых сезонов выработал одно очень хорошее правило. Когда выезжал в экспедицию, в поле, я устанавливал для себя абсолютно “сухой” закон. Позволить себе праздновать Новый год, День геолога, 7 ноября или Первомай я мог только, когда находился в городе — в Улан-Баторе — или в отпуске в Ленинграде, но никак не в “поле”.

Начинать воспитательную беседу с моими хорошими друзьями и приятелям, вместе с которыми я во время зимнего камерального периода душевно отмечал самые разные праздники, как сейчас помню, было непросто. Но я её начал.

Я сказал: “Мужики, кончаем валять дурака. Сегодня высыпайтесь. Если завтра (памятуя, что уже четыре дня экипаж “гуляет”) будете болеть — отдыхайте, но никакой опохмелки! Послезавтра вылет во что бы то ни стало. Я вас буду обеспечивать всем необходимым”.

Тут я услышал всё, что они обо мне думают. Очень много интересного я узнал о себе, о своих родственниках. Одним словом, хорошо всем известный набор аргументов людей, которым объявили, что праздник закончился. Кое у кого даже (после того, как я сообщил, что всю брагульку вылил в овраг)

возникло желание проверить, не растерял ли я десантные способности к самообороне. Этого мне простить никак не могли. Я очень быстро понял, что неформальным лидером и главным организатором такого “отдыха” был второй пилот.

Чувствуя, что страсти накаляются, предложил сделать следующее...

Нужно сказать, второй пилот был очень крепким парнем. А я уже несколько сезонов подряд усердно занимался тяжёлой атлетикой, или бодибилдингом, как сейчас принято говорить. У меня никаких гирь, правда, не было. Я делал хорошую зарядку, а вечером занимался на турнике. Из карданной трубы и из двух шарошек (шарошка – это буровое устройство) сделал себе нечто вроде штанги.

Памятуя о том, что в самых разных компаниях уже несколько лет я неизменно побеждал в борьбе на руках (сейчас это называется армрестлингом), я сказал: “Мужики, давайте так: мы сейчас со вторым пилотом садимся и боремся на руках. Если он побеждает – ставьте брагульку и пейте, сколько хотите. Но если побеждаю я – послезавтра вылет”.

Народ переглянулся, притих.

Посмотрели на второго пилота, на меня (внешне я явно проигрывал по комплекции), очень оживились и начали расчищать стол для предстоящего единоборства.

Проснулся командир экипажа. Он перевернулся к нам лицом, подпёр голову рукой, с интересом наблюдая за происходящим. Штурман уже давно не играл на гитаре, а Шурцы оживлённо бегали вокруг стола, готовя место поединка.

Конечно, я понимал, что рисковую. Но во-первых, чувствовал в себе огромную злость на тот бардак, который увидел, и огромное желание всё это прекратить. А, как известно, злость прибавляет силы. Во-вторых, я рассчитывал на то, что хотя, если судить по комплекции, второй пилот может быть и сильнее меня, но всё-таки я абсолютно трезв, вообще уже несколько месяцев веду абсолютно трезвый образ жизни, а он дня три или четыре “гудит”.

Но это всё была теория.

На практике через две с половиной минуты противостояния медленно (он сопротивлялся до последнего) я его положил правой.

Тут же было объявлено, что нужно померяться левыми руками. Если он меня положит левой, то будет ничья. Начали размышлять: что это будет означать? Решили, что в этом случае завтра они себе немного позволят, послезавтра передохнут, а послепослезавтра точно полетят.

Я чувствовал, что морально второй пилот уже сломлен после неожиданного, судя по всему, для него поражения.

Левой рукой я его положил буквально секунд через десять.

Командир экипажа уже сидел на табуретке. Я спокойно сказал: “Завтра отдыхайте”.

Шурцам (бортоператорам) сказал: “Проверим завтра аппаратуру”.

Механику сказал: “А ты прогреешь двигатель, проверишь самолёт. Послезавтра вылет!”

Так и порешили.

Вагончик, в котором жил начальник отряда, был поделен на два блока. Во втором разместились “аппаратурная” моего тёзки Серёги Павлова. В моей половине стояла койка и находилась постоянно включённая, по крайней мере, пока летает борт, рация. Я слышал все переговоры пилотов, если они выходили в эфир, мог в любой момент с ними связаться. И они в любой момент могли связаться со мной.

Я старался делать так, чтобы, когда борт летает, я непрерывно находился рядом. Если по какой-то надобности надо было выйти, я просил Серёгу подежурить. В отведённые часы выходил на связь с главным – с “Сопкой”, докладывал о том, как идут дела.

И потянулись будни.

Через день действительно экипаж полетел.

День, впрочем, отработали средненько, потому что существовала обычная норма. За день, предшествующий полётам, договорились о “подскоке”. Я заправил полностью бензовоз и с двумя ребятами отправил его в указанное место. Тут ещё возникли какие-то нелады с продуктами. Сделал запрос,

потребовал, чтобы нам привезли всё необходимое. Заодно “припахал” Петра Ивановича и кого-то ещё из водителей к уборке территории, потому что как-то всё было подзапущено.

Одним словом, через неделю, по крайней мере, мне так казалось, лётный отряд выглядел образцово-показательно.

Экипаж работал.

Но через пять дней наступили выходные, и начались разговоры, что неплохо бы немножко развеяться.

Я сказал: “Мужики, давайте так. Вот у нас план. Чтобы его выполнить, нужно восемнадцать лётных дней. Когда начнутся дожди, никто не знает. Летать можно только в ведро. Поэтому предлагаю такой вариант: “пашем” как можно больше, как можно лучше, иногда делаем по два, а то и по три вылета в день, но как только сделаем план, я лично обещаю, что договорюсь с начальством, и вы на неделю уедете на рыбалку. Сам на свои деньги куплю вам архушки (местной водки) и будете неделю рыбачить, на природе отдыхать”. Даже пообещал, если начальство отпустит, что тоже поеду и вместе с ними пригублю за завершение лётных работ.

Сначала смотрели на меня с недоверием. Но я был очень красноречив. Уже не помню, какие аргументы приводил, но они поверили.

Началась действительно очень хорошая работа, я бы сказал, пахота. И экипаж, и Шурцы, конечно, были блестящие профессионалы – работали как черти.

У меня на стене висела большая карта, там были нарисованы маршруты облётов. С большим удовольствием в конце каждого дня, когда мне приносили обработанные ленты, полётные подписанные задания, я раскрашивал определёнными цветами отработанные участки. Сердце радовалось, когда видел, что с каждым днём до выполнения плана оставалось всё меньше и меньше.

Когда я окончательно понял, что план мы сделаем, я пошёл на небольшую хитрость – стал каждый день при подаче сводок немножко занижать результаты с тем, чтобы потом, в конце было несколько дней на отдых. На рыбалку мы без разрешения уехать не могли. Мы должны были предупредить и, более того, попросить, чтобы нам разрешили. Но для того, чтобы как следует подготовиться к рыбалке, требовалось два-три дня. Эти дни можно было бы “закрыть” перевыполненными ранее результатами.

Как я уже говорил, рация работала всё время, пока летал борт. На этой волне, видимо, работало довольно много советских радиостанций и, похоже, в том числе работали “вояки”. Я слушал ругань, какие-то планёрки, вообще непонятные сообщения. Однажды неожиданно в радиозфире раздался бодрый голос: “Ниточка семь, Ниточка семь, я – Ниточка восемь, приём”. С регулярностью примерно в одну минуту эта “Ниточка восемь” зывала к какой-то “Ниточке семь”. Я сразу понял, что это военные, обычно у них такие экзотические позывные. Но меня убивало, что день за днём я слышал одно и то же. Только ночью, когда выключал рацию, я мог спокойно спать, но как только утром включал её для того, чтобы выйти на связь с “Сопкой”, тут же в перерывах между нашими разговорами слышал эту “Ниточку восемь”, которая зывала к “Ниточке семь”.

Дни шли за днями. Где-то на четвёртый день энтузиазм у “Ниточки восемь” заметно поубавился, голос сделался усталым и монотонным. Иногда мне виделся этот радист, подпиривший голову рукой и в полудрёме говорящий: “Ни-и-иточка семь, Ни-и-иточка семь, йа-а-а – Ни-и-иточка восемь, приём”. Паузы между выходами в эфир становились всё больше, иногда даже по полчаса. “Ниточка восемь” упорно молчала, и я начинал думать: “Боже мой, может, они, наконец, нашли друг друга, и этот ужас прекратится?” Мне эти “ниточки” начали снится по ночам. Даже если рация была выключена, всё равно в голове у меня кто-то настойчиво вызывал пропавшую “Ниточку семь”.

И вот однажды я сидел и подписывал ленты, которые нужно было отправить в Улан-Батор. Это были ленты самописцев, на которых были записаны данные гаммаспектрометрии и магнитометра. Монотонно и уже совсем заупокойно звучал голос “Ниточки восемь”. Как вдруг бодрый, как будто только что проснулся (я прямо так и увидел его – с начищенными пуговицами и пряжкой, в форме с иголки и, наверное, с такой же новой рацией), боец радостно возвестил в эфир: “Ниточка восемь, Ниточка восемь, я – Ниточка семь, на приём!”

Повисла гробовая тишина.

Видимо, “Ниточка восемь” приходил в себя от внезапно свалившегося на него счастья.

Спустя минуты две после того, как “Ниточка семь” дважды или трижды таким же бодрым голосом воззвала к “Ниточке восемь”, “Ниточка восемь” мрачно ответила: “Ниточка семь, Ниточка семь, проверка связи. Отбой! Ниточка восемь”. И на этом “ниточки” навсегда исчезли из эфира и, похоже, из моей жизни.

Вот такая весёлая (или невесёлая?) военная история.

План ребята сделали.

Рыбалку я им организовал.

Поехать с ними не удалось, потому что занимался ликвидацией лагеря и транспортировкой тягачами вагончиков в Арвай-Хээр. Почти трое суток мы с водителями и механиками везли наш караван. Никто не пострадал. Не было ни ЧП, ни аварийных отцепов, ни опрокидываний вагончиков, как иногда случалось. Одним словом, всё штатно.

Когда я, наконец, приехал на базу в Ховд, начальник партии Альберт Васильевич Исаков от души пожал мне руку и сказал: “Серёга, ты – молодец!” Было очень приятно.

8. “Огурчик”

В аэропартии у нас был самолёт, который летал по маршруту. Штурман регулярно делал аэрофотосъёмку, фиксировал радиоактивные места, где приборы обнаруживали аномалии. Потом эти данные “привязывались” к местности.

И вот эту самую фотоплёнку (широкие бобины) нужно было проявлять.

Пётр Иванович Коробицын работал в аэропартии фотолаборантом.

Вообще-то он себя гордо именовал фотографом и, действительно, фотографировал он нас много. Когда мы стояли недалеко от монгольских населённых пунктов, он подхалтуривал – делал фотографии местных жителей.

Помню, как на базу в Арвай-Хээре однажды подъехал со стороны города грузовик, битком набитый монголами. Они гурьбой зашли в лагерь, что-то стали говорить по-своему. Очень быстро мы поняли, что им нужен Петя, который в прошлые выходные выезжал в город и провёл там фотосессию. А теперь клиенты приехали получить свои фотографии.

Надо сказать, что у Петра Ивановича, при огромном числе человеческих и личных достоинств, имелся один большой недостаток – он был очень крепкий поддавоха. Абсолютно трезвым его, наверное, никто никогда не видел.

Он жил прямо в фотолаборатории, в отдельном домике, на двери которого всегда висела строгая табличка: “Не входить, идёт проявка”. Проявлял фотоплёнки Пётр Иванович примерно раза два в неделю, занимало это несколько часов. Всё остальное время, если говорить по-простому, Пётр Иванович “квасил”. Но начальник партии, да и любой другой боялись к нему зайти, потому что, чёрт его знает, а вдруг действительно он там проявляет? А ты, открыв дверь, засветишь плёнку. Потом ведь не заставишь самолёт снова летать над тем местом, фотоснимки которого были засвечены.

Итак, местные приехали.

Мы начали стучаться к Петру Ивановичу.

Долго никто не отвечал.

Потом из-за двери донеслись какие-то невразумительные звуки, и на пороге появился всклокоченный, заспанный и видно, что с глубокого похмелья, в одних трусах и майке Пётр Иванович.

Мы растолковали ему, что приехали его клиенты, которые хотят получить фотографии.

Пётр Иванович посмотрел на всех мутными глазами, икнул, произнёс: “Айн момент!” – и скрылся в домике.

Там что-то загрохотало. Мне даже показалось, что это был звук падающего тела, но минут через пять всё в тех же трусах и в майке Пётр Иванович вышел, держа в руках огромную пачку чёрно-белых фотографий.

Монголы, радостно галдя, его окружили. Он начал, не глядя на снимки, раздавать их клиентам. Те радостно хватали снимки, и тут же начинали возмущаться, потому что на них были не они.

Они совали фотографии каких-то других людей Петру Ивановичу под нос, что-то бурно говорили ему, жестикулировали.

Мы догадались, что Петя раздаёт фотографии, не глядя, и сказали ему об этом.

Его мутные глаза на секунду прояснились. Он посмотрел на нас, потом на лица монголов, а потом сказал: “Да как я могу их различать, если они все на одно лицо!”

В конце концов, “правильные” фотографии всё-таки обнаружались.

Вот такой замечательный фотограф был Пётр Иванович Коробицын.

Кстати, кличка у него была Огурчик, потому что, пребывая всё время, мягко говоря, не в самом трезвом виде, он при любых попытках указать ему на это всегда твёрдо и убежденно говорил: “Да как вы можете так говорить, я же как огурчик!” Так этот “огурчик” за ним и закрепился.

Баек про него было много.

Одну такую байку-биль о том, как Пётр Иванович пересекал советско-монгольскую границу, мне рассказали Шурцы...

Костяк аэропартии составляла Зеленогорская экспедиция, которая находилась в городе Свердловске. С нами ещё работали специалисты из “Сосны” (Сосновской экспедиции, г. Иркутск), и “Берёзы” (Берёзовской экспедиции, г. Новосибирск). В поля выезжали в апреле-июне. Год на год не приходился, иногда возникали какие-то сложности с оформлением документов, ещё с чем-то.

Обычно из Свердловска народ ехал в поезде большим табором. Иногда бывало, что почти два вагона занимали сотрудники экспедиции.

И вот весной людям выдали билеты, в которых было обозначено время отправления поезда. Поезд был проходящий (Москва–Улан-Батор), стоял он на станции Свердловск-Пассажирская минут двадцать. Поэтому все приехали пораньше. Часть вещей заблаговременно была отправлена контейнерами, но всё равно поклажи набралось много.

Пётр Иванович, как всегда, опаздывал.

Народ уже сел в вагоны.

Ребята заняли купе.

Одно место держали для Петра Ивановича.

Когда до отправления оставалась буквально минута, на перроне появился Пётр Иванович с огромным чемоданом. Парни выскочили на перрон, подхватили чемодан и фотографа, затолкали в вагон.

Слава Богу, успели.

Поезд тронулся. Все стали рассаживаться. Чемодан Петра Ивановича с большим трудом взгромоздили на третью полку.

И тут Огурчик говорит:

— Ну-ка, мальчишки, снимайте чемодан, мне кое-что достать нужно.

Энтузиазма снимать с полки, а потом опять поднимать тяжеленный чемодан ни у кого не было, но Огурчик настаивал. Ребята вдвоём, кряхтя, еле-еле спустили чемодан на нижнюю полку. Огурчик торжественными движениями, постоянно оглядываясь и подмигивая всем находящимся в купе, театрально нажал на замки. Те щёлкнули. Пётр Иванович распахнул чемодан...

Народ вздрогнул: в чемодане не было ничего, кроме... трёх десятков “маленьких”. Они лежали как снаряды — головками друг к другу. Сверху лежала нетолстая пачка газет, которой бутылки с водкой прижимались к крышке чемодана, чтобы не брякали.

Огурчик потёр руки и сказал:

— Ну, что, за отправление?

И понеслось...

До границы езды было четверо суток. Народ из двух вагонов по очереди тянулся в это купе. Сначала “принимали” за отправление, потом чтобы “полечиться”, потом уже по самым разным поводам.

Круче всех в пути “отдыхал”, естественно, сам Пётр Иванович.

Наконец поезд прибыл в Наушки — на советско-монгольскую границу. Нужно было проходить паспортный и таможенный контроль. Пётр Иванович лежал на второй полке, как говорится, никакой.

В вагон зашёл пограничник, стал собирать паспорта. Паспорт Огурчика ребята заранее приготовили. Отдали вместе с другими. Пограничник ушёл.

Потом пришёл таможенник, раздал таможенные декларации, сказал, чтобы все заполнили. Все сели заполнять. Попытались растолкать Огурчика, но это было бесполезно.

Пришёл таможенник, стал собирать декларации, увидел, что одной не хватает, подошёл к Огурчику и стал его расталкивать.

Тот что-то промычал, брыкнулся, явно не собираясь заполнять декларацию.

Таможенник взбеленился и сказал, что сейчас высадит этого деятеля.

Мужики тогда стащили Петра Ивановича с полки, надавали по щекам, насильно всучили ему ручку: “Пиши, балда, а то больше никогда никуда не поедешь!”

Огурчик, упёршись лбом в стекло, загоразивая руками декларацию, высунув язык, долго-долго сопел, что-то карябая на бланке. Потом сложил бланк пополам, улыбнулся всем, попросил, чтобы его подняли на полку, и велел позвать таможенника.

Народ загрузил Петра Ивановича на полку.

Никому и в голову не пришло развернуть декларацию, посмотреть, что же там Пётр Иванович написал.

Позвали таможенника, вручили ему декларацию. Он её читает, и у него аж скулы сводит от негодования. Таможенник начинает размахивать декларацией, держа её в одной руке, а другой рукой пытается стащить Петра Ивановича со второй полки.

Ребята взяли у таможенника декларацию, развернули и увидели, что написал Огурчик. Поперёк декларации большими печатными буквами было написано: “Пётр Коробицын, Советский Союз”.

Народ застонал.

Таможенника было не уговорить. Он не хотел ничего слышать о незаменимости Петра Ивановича в экспедиции, занятой поиском урана в дружественной стране, о значимости советско-монгольской дружбы, о многих других достоинствах гражданина СССР Петра Ивановича Коробицына.

Пришлось звать начальство. Оно, незаметно взбадривая кулаком под ребро уже поднятого Петра Ивановича, стало ласково уговаривать таможенника простить Огурчика. Кто-то из девчонок заполнил декларацию за Петра Ивановича, его заставили расписаться.

Кажется, не обошлось без презента таможеннику, может быть, из того самого чемодана. Если, конечно, к этому времени там что-то оставалось.

Но, в конце концов, Пётр Иванович благополучно пересёк советско-монгольскую границу трезвым, как... Огурчик!

9. Тушканчик

Обычно все мои воспоминания о Монголии связаны либо с пустыней Гоби, либо с её западной – гористо-каменистой – частью. Монголия славится тем, что там есть практически все климатические зоны, кроме, наверное, тропиков и субтропиков. Есть тайга, есть альпийские луга.

Однажды я и моя научная руководительница Елена Борисовна Высокоостровская на пару дней поехали в лагерь Советской экспедиции. Он находился в горах, недалеко от Улан-Батора, в распадке у ручья. Трава там была по пояс. Ещё там на большом расстоянии друг от друга стояли огромные, многовековые лиственницы. И, конечно, было очень много всякой живности.

Ночевать меня взял к себе мой земляк – геолог из Ленинграда. В его двухместной палатке я поставил свою раскладушку, положил на неё спальник.

После ужина (лагерь был в горах, поэтому стемнело быстро) мы пошли укладываться спать. Включили в палатке фонарик, забрались в спальники.

В экспедициях у меня выработалась привычка укладываться в спальнике таким образом, чтобы голова была снаружи. Многие мои коллеги и в жаркие дни, и в холодные зарывались с головой в спальник, как в кокон, и так спали. А мне всегда был нужен свежий воздух, даже зимой – в палатке или в юрте. Под утро там была минусовая температура, поэтому я надевал вязаную шапочку, но всё равно с головой в спальник не залезал.

Дальше поймёте, почему я так подробно об этом рассказываю...

Когда улеглись, естественно, о чём-то разговорились.

Тут я услышал какое-то шуршание и постукивание:

– Юра, что это шуршит?

– А-а, это пришёл мой друг тушкан. Пришёл за своим ужином.

– А что у него на ужин?

Юра рассказал, что в его рюкзаке в полиэтиленовом пакете лежат грецкие орехи. Если рюкзак завязать туго, тушканчик начинает грызть рюкзак, что происходит совсем не бесшумно, да и рюкзак портится. Поэтому Юра не завязывает рюкзак, более того, и пакет с орехами оставляет открытым. Тушканчик туда забирается, выбирает один орех.

Он очень интеллигентный зверёк. Каждую ночь берёт только один орех и убегает, а за вторым уже не приходит.

– Да что я рассказываю, сейчас тебе покажу его, – говорит Юра.

Мы стали ждать.

Постукивание прекратилось. Значит, тушканчик перебрал своими лапками все орешки, выбрал, наверное, тот, который понравился, и тихонечко понёс его к выходу.

Юра, видимо, хорошо знал маршрут зверька. Включил фонарь в нужный момент. Луч осветил середину палатки. Я увидел застывшего тушканчика. Он стоял на задних лапках. Во рту, уж не знаю, как он поместился, у него был большой орех. Чтобы орех не выпал изо рта, зверёк придерживал его лапками. Глаза-бусинки испуганно смотрели на свет.

Давно известно, если тушканчик попадает, например, ночью на дороге в свет фар машины, то он, бедный, бежит изо всех сил прямо, не может уйти из светового потока в сторону. Но мы обычно всегда притормаживали или делали специальный манёвр, чтобы сместить свет фар. Тогда тушкан мог спокойно соскочить с колеи. Примерно так же получилось и в палатке.

Мы повеселились, глядя на тушканчика.

Юра выключил свет.

Тушканчик был таков.

Мы заснули.

Вдруг посреди ночи я просыпаюсь от ощущения, что что-то не так с моей головой.

Проснулся окончательно и несколько секунд соображал: что же происходит? У себя на лбу я чувствовал чьи-то коготки, вдоль носа свешивалось что-то пушистое. И кто-то копошился в моих волосах. Взмахнув рукой, я смахнул с головы этого “кто-то”. И только тут понял, что это был тушканчик.

Это я сейчас так спокойно рассказываю об этом, а тогда меня переполняли совсем другие чувства.

Юра проснулся, заскрипел раскладушкой – он-то спал в спальнике с головой! – и спросил:

– Что, в гости приходил?

– Да. Только не пойму, зачем?

– Ты знаешь, я тоже любил спать головой наружу, но тушкан повадился искать что-то на моей голове, так что теперь закрываюсь по полной...

Но я, хоть и предстояло ещё ночевать здесь пару ночей, привычки своей не изменил.

Однако следующей ночью тушканчик, которого я так негостеприимно скинул со своей головы, не пришёл.

Наверное, обиделся...

10. “Лингвистическая” история

Это было в середине восьмидесятых в западной части Монголии...

Воду мы обычно набирали из колодцев, которые в своё время в Монголии построили румыны. Обычно они обозначались специальными значками на картах.

Выглядел этот колодец так. Над поверхностью земли возвышался, как бетонный дот, усечённый конусный многогранник с плоской площадкой на высоте примерно в метр от земли. Из середины этой площадки выходила труба, к которой была приварена другая длинная труба, как рычаг. Нужно было этот рычаг вращать. А внутри трубы, которая уходила в глубину, находился “винт

Архимеда”. Под действием этого “винта” вода из водоносных горизонтов поднималась на поверхность. Обычно под землёй проходила труба с водотоком. Наверху был бетонный жёлоб. Он заполнялся водой. К этому жёлобу подходили верблюды, овцы, яки, сарлыки и пили воду.

А мы обычно на выход трубы надевали резиновый шланг, конец шланга опускали в “квасовозку” и потом по очереди (сразу несколько человек) крутили этот рычаг. Крутить его было совсем не легко.

В Монголии было много таких колодцев, где в одиночку невозможно было прокрутить “винт Архимеда”. Монголы обычно использовали для этой цели верблюда или лошадь. Ну, а мы использовали самих себя.

Вообще, поездка за водой была довольно хлопотным делом. Его можно сравнить с регулярным выносом мусора из квартиры в доме, где нет мусоропровода. Выносить надо, но энтузиазма нет.

Вот и мы так ездили за водой.

Собиралась настоящая артель. Иногда человек десять. Тогда работали в две смены по пять человек. Очень строго считали, кто сколько кругов делает. Заранее знали, сколько кругов нужно сделать, чтобы наполнить бочку. Примерно сто кругов, чтобы наполнить девяностолитровую бочку.

Но однажды мы оказались в таком месте, где не было механизированных колодцев.

А вода, естественно, была нужна.

И вот мы вдвоём с Санькой Груздевым (он – за рулём ГАЗ-66, я – рядом) поехали искать воду. Так как мы знали, что “винта Архимеда” в здешних колодцах нет и, следовательно, толкать будет нечего, мы взяли с собой ведро с верёвкой, чтобы просто черпать воду. Для этого нас двоих было вполне достаточно, тем более что мы не собирались заливать “квасовозку” полностью. Нужно было набрать литров 100–150 для самых первоочередных нужд. Потом мы должны были двигаться дальше. А там уже должны были появиться “румынские” (как мы их называли) колодцы.

Мы с Санькой внимательно изучили карту. Посоветовались с товарищами, каждый из которых, естественно, был большим специалистом в определении местонахождения воды.

Выбирать особенно было не из чего, потому что, как сейчас помню, на ближайшем расстоянии в радиусе двадцати километров был только один приличный колодец.

Вот мы с Санькой и туда поехали.

Когда подъехали, сразу увидели практически на ровном месте около небольшого подковообразного холма колодец. На склоне холма стояла юрта, чуть ниже – кошара для овец. Ещё увидели, что к колодцу скачет на лошади монгол-пастух. Он ещё издали приметил нашу машину. Пастух, видимо, жил в этой юрте.

Мы подошли к колодцу.

Колодец представлял собой бетонное кольцо, выступающее из земли, сверху покрытое досками. Мы сняли пару досок, заглянули внутрь. Вода была на глубине метров примерно в двадцать. Это нормально, бывало и ещё глубже. В зеркале воды мы увидели траву, мусор, пух.

Одним словом, не очень понравилась нам эта вода.

Тут как раз подскакал арат.

Мы находились в глубинке и были абсолютно уверены, что здесь по-русски нас не поймут, поэтому обратились к нему по-монгольски:

– Сайнбайну-у!

– Сайн-сайнбайну-у! – ответил монгол.

– Ус байна? (“ус” – вода, “байна” – есть, а “сайнбайну” – это мы так поздоровались.)

– Байна, байна!

Подозрительно глянув в колодец, мы ещё раз уточнили:

– Ус сайн? (“вода хорошая?”)

– Сайн, сайн ус! – подтвердил монгол и заулыбался.

Делать нечего, вздохнув, мы стали опускать ведро вниз.

В это время я Сане говорю: “Для него-то сайн, он привик, видишь, улыбается, а мы потом будем бегать по окрестным горкам – пронесёт весь отряд, смотри, какая дрянь плавает на поверхности!”

И вдруг монгол на абсолютно чистом русском языке, без всякого акцента говорит: “Ребята, да вы не сомневайтесь, вода действительно хорошая, здесь очень хороший дебет, я только с утра всё прокачал для скота. А соринки — не берите в голову, из ведра вынете и всё. Вода отличная, родниковая, гарантирую!”

Мы с Саней обалдели!

Я тогда монгола спрашиваю: “Слушай, а чего ты по-русски с нами не разговаривал?”

“Ну, вы со мной по-монгольски, и я по-монгольски”.

Разговорились.

И оказалось, что это не просто арат, это животновод с высшим образованием. А учился он — где бы вы думали? — в Сельскохозяйственном институте в городе Пушкине под Ленинградом.

Земляки, одним словом.

Вот такая была у нас интересная встреча.

11. Водяное перемирие

Как-то мы ехали на “топике” (том самом топопривязчике с гаммаспектрометром) и увидели небольшие горушки. Решили осмотреть возможное место для лагеря, чтобы палатки были чем-то защищены от сильных ветров.

Кстати, о ветрах.

Что такое пылевые бури в пустыне и даже в самом Улан-Баторе, я думаю, все, кто когда-нибудь бывал в Монголии, прекрасно знают. Штука очень неприятная. Пыль поднимается на высоту нескольких сот метров, ничего не видно, песок сечёт лицо, руки, а если ещё, не дай бог, пылевая буря застигнет, когда ходишь по пустыне раздетый, — быть всему иссечённому и в мелких царапинах.

Помню, как-то осенью мы спали в лагере в палатках на раскладушках. С вечера всё было тихо, спокойно. А ночью резко, буквально в течение десяти минут, начался самый настоящий ураган. Причём начался с нуля: вдруг рвануло так, что палатки слетели, начался ливень. Это большая редкость для Гоби.

Сначала пытались каким-то образом эти палатки удержать. Потом поняли, что все не удержим, навалились на одну. Остальные уже уносило куда-то ветром. За ними раскладушки, спальники. Мы даже не пытались ловить. Кончилось тем, что полы сорванной с каркаса палатки подогнули изнутри под раскладушки. Улеглись на них, а прямо на лицах у нас лежал мокрый брезент палатки. Но это было хоть какое-то укрытие!

Утром же, как часто бывает после такой бури, — абсолютный штиль, никакого дождя, светит солнышко.

Мы весь день ездили по пустыне, отыскивая раскладушки, палатки, одежду — всё, что ветром унесло. Нашли не всё. Дальше всех улетела одна из раскладушек — за тридцать с лишним километров. Была она порвана, погнута, но, по крайней мере, мы её нашли, чтобы потом перед начальником отряда можно было отчитаться и списать.

Но это так, лирическое отступление.

Значит, увидели мы выходящее из-под горушек сухое русло с хорошим песочком и поехали по этому руслу. Очень скоро скалы стали сближаться. Мы поняли, что на машине дальше не проехать. Пошли пешком.

Отойдя от машины метров на триста, увидели, что в одном месте под скалой из песка пробивается несколько зелёных травинок — значит, где-то недалеко есть вода. Сбегали к машине, взяли лопату, начали рыть, и буквально сразу появилась вода.

Вода в Гоби, как я уже говорил, вещь редкая и ценная. Мы быстро вырыли котлованчик диаметром метра полтора и глубиной где-нибудь сантиметр шестьдесят. Он очень быстро заполнился водой. Песок лопатой выбрасывали рядом.

Стояла абсолютная тишина. Никакая живность на глаза нам не попадалась. Мы пошли дальше вверх по руслу.

Отсутствовали, наверное, минут двадцать.

Первое, что видим, возвратясь, — яма практически сухая, но на наших глазах начинает вновь наполняться водой. Второе — рыхлый песок, который мы выбрасывали, копая яму, и который окружал этот своеобразный “дикий колодец”, усеян следами животных.

Мы неплохо разбирались в следах. Поэтому быстро установили, что возле колодца за эти двадцать минут побывали (уж не знаю, по очереди или все вместе) заяц, дзэрен (сайгак), степная лисица (корсак), волк и зверьки поменьше, типа ёжиков. Вроде даже и следы птичьих лапок были, хотя птиц мы ни разу там не видели.

Мы стали оглядываться.

Вокруг полная тишина, кругом — невысокие скалки, растительности никакой.

Где была вся эта живность?

Куда она сейчас попряталась?

Но самое удивительное: мы поняли, что знаменитое “водяное перемирие” у Киплинга — не сказка, а реальность. В абсолютно обезвоженном месте у зверья вдруг появилась возможность напиться воды. Они в эти мгновения забыли про инстинкты хищников и жертв. Как только мы отошли, все животные кинулись к спасительной воде.

Лагерь мы там решили не ставить. Во-первых, места подходящего так и не нашли. Во-вторых, решили: пусть лучше там будет водопой для зверей.

... А вот вторая история тоже связана с сухим руслом.

Было это в другом месте.

Как всегда, искали место для лагеря. Увидели на горизонте тоненькую полоску скал и огромный вынос в пустыню камней, щебня, сухих веток (откуда там ветки, было сначала непонятно).

Мы поняли, что это конечная часть огромного временного водотока. Весной снег начинает таять. Вода со всех скал стекает по многочисленным ложбинкам, овражкам и логам в главное русло, и всё это потом выносится далеко в пустыню.

За одной из небольших горок рос “гобийский вяз”. Уж не знаю, вяз ли это на самом деле или нет. Это было дерево с тонкими жёсткими листочками. Кстати, несмотря на то, что дерево давало тень, наученные горьким опытом, мы никогда не спали под ним, потому что на нём было огромное количество клещей. И если кто-то ложился отдыхать или просто сидел под этим деревом, то очень скоро эту “приятную” живность мог обнаружить у себя в голове или на теле.

Разбили лагерь.

Были у нас две машины: “топик” и ГАЗ-66.

Готовили мы в основном на паяльных лампах. Имелись специальные танганки, на которые можно было ставить вёдра. Под них заводили паяльную лампу и таким образом готовили завтрак, обед и ужин.

Кто-то, как обычно, отправлялся на маршруты, кто-то дежурил в лагере.

Помню, как на середине маршрута неожиданно небо затянуло огромной тучей, хлынул дождь. А по инструкции во время дождя и даже спустя шесть часов после него работать при поисках урана нельзя. Повышается радиоактивный фон из-за того, что радиоактивный радон (газ) прибавается дождем к земле.

Мы свернули все работы и поехали в лагерь.

Когда добрались, дождь уже кончился. Потом и солнце выглянуло.

В ожидании сели в топопривязчик. Окна и двери были открыты. Наш “топик” стоял возле русла: открытой дверью в сторону горушек, а капотом в сторону пустыни.

И вот мы сидим, о чём-то болтаем. После того как закончился дождь, прошло, наверное, полчаса. Вдруг послышалось какое-то шипение. Водитель “топика” обошёл все четыре колеса, потому что была полная иллюзия, что где-то “травит” колесо.

Вроде бы все в порядке.

Шипение между тем усилилось.

Прислушались. Исходило оно откуда-то извне, похоже, со стороны горушек.

Кто-то из нас догадался выглянуть наружу.

Мы услышали: “О-па!”

Выпрыгнув из машины, увидели, что по руслу из-за скал движется на нас двухметровая стена грязной пены. Двигается довольно медленно. Это она издавала такое неприятное шипение. Мы сразу не поняли, что нас ожидает, даже побежали зачем-то навстречу этому валу.

Но быстро догадались, что по руслу сливается со всего горного массива вода. Она-то и гонит перед собой эту грязную волну. Сквозь шипение уже слышался грохот. Сомнений не было. Так могут грохотать только бьющиеся друг о друга камни, причём большие камни.

“Топик” мы успели перегнать на ближайшую горюшку, а ГАЗ-66, как зло, не заводился. Мы успели занести на небольшую скалку ящик с продуктами (потом дважды перетаскивали его ещё выше). Успели подхватить и раскладушки, да практически всё. Только ГАЗ-66 с брезентовым кузовом остался стоять поперёк русла.

Буквально через пару минут, стоя на возвышенности, мы увидели, как огромный грязный селевой поток обрушился на то место, где только что был наш лагерь. Огромные валуны, некоторые чуть ли не в метр диаметром, летели, как мелкая галька. Самое ужасное, что всё это било в борт, в кабину ГАЗ-66. Был момент, когда вода даже стала перехлёстывать через кузов. Машина раскачивалась под напором грязной селевой воды, но не упала. Сель бушевал примерно минут десять. Потом стал спадать. Уже через час от него остались только отдельные тонкие ручейки.

Машина была вся ухайдакана. Забегая вперёд, скажу, что песок попал в двигатель. Так что своим ходом ГАЗ-66 с этой стоянки уехать не смог.

Так мы в очередной раз убедились, насколько коварна пустыня Гоби.

12. Рыбалка в Монголии

История, которую я хочу рассказать, произошла в 1990 году в самой западной части Монголии, в Котловине Больших Озёр.

Стояли мы в тот год в уникальном месте – в бывшем пионерском лагере на берегу потрясающе красивого озера. Это озеро, видимо, было местом гнездования разных водоплавающих птиц. Бывший пионерлагерь представлял собой пять деревянных домиков, установленных на срубках. Домики были щитовые.

Когда мы приехали, в домиках не было ни окон, ни дверей, но крыши были. Мы быстренько всё подлатали, даже печки сделали, поставили ещё пару юрт.

Наш лагерь был на скале. На другом берегу озера были самые настоящие песчаные барханы. Слева (лагерь стоял на небольшом мыске) озеро вытягивалось в протоку, поросшую камышом. Именно в этих камышах водились птицы. Потрясающе красивыми были закаты.

У нас появилась традиция: каждый вечер, без пяти девять, мы выходили из домиков на “улицу” – там стояли скамейки – смотреть программу “Время”, так это называлось. Никакого телевизора в лагере, конечно, не было.

Мы рассаживались, болтали о том о сём. В это время солнце уже садилось. Небо полыхало, наверное, всеми цветами радуги, в основном, конечно, пурпурно-жёлто-оранжево-бордовыми тонами. На закат было смотреть интересно, но не это было программой “Время”.

Ровно в девять часов по местному времени с юга на север озеро пересекала стая бакланов. У них был свой строй, я не назову его ни клином, ни цепочкой. Но чувствовалось, что летят они упорядоченно. От нас они находились примерно на расстоянии пятисот метров и были прекрасно видны на фоне неба и воды. Летели бакланы невысоко, метрах в двадцати над водой.

Прямо напротив нашего мыска, как будто наткнувшись в воздухе на какую-то невидимую прозрачную стену, первый баклан резко поворачивал на девяносто градусов и брал курс прямо на нас. За ним, долетая до какой-то совершенно определённой точки, делая такой же резкий поворот (нам казалось, что они делают это, как солдаты на плацу по команде “Нале-во!”), этот манёвр повторяли все остальные бакланы.

Летели они точно на нас. Пролетали позади домиков, потом (на этот раз уже не резко, а плавно) поворачивали и улетали за камыши.

Эту картину можно было наблюдать каждый вечер, что мы с большим удовольствием и делали. Это была наша фирменная “фишка”. Когда к нам в отряд

кто-нибудь приезжал, мы не отказывали себе в удовольствии продемонстрировать это до сих пор не понятное мне явление. Почему бакланы делали в определённой точке над озером один и тот же манёвр – каждый день и в определённое время – ровно в девять, когда вся советская страна сидела у телевизоров и смотрела программу “Время”?

Мы работали без выходных целых два месяца, пока было ведро, то есть солнце. И, конечно, устали. Ждали, когда Ан-2 из лётного отряда полетит на ежемесячную профилактику в Союз.

Наконец, он улетел. Мы решили, что имеем право на пару-тройку дней так называемой камералки, то есть заслуженного отдыха. Но на самом деле все разговоры уже давно были только о рыбалке. Река под названием Идер находилась от лагеря примерно в трёхстах километрах к северу.

Как только представилась возможность, мы рванули. Начальник отряда Женька Мурашкин, я, геофизик Саня Груздев и геолог Коля Исаев. Побросав в кунгу ГАЗ-66 снасти, взяв восемь пустых сорокалитровых алюминиевых бидонов (под рыбу), необходимый запас продуктов, соль – посолить рыбу, чтобы не испортилась, мы поехали. На Идере я, по-моему, был до этого один раз.

Ребята сказали, что знают очень хорошее место на притоке Идера.

Туда мы и двинулись.

Выехали рано утром, чтобы ещё вечером, засветло, успеть порыбачить.

Через триста километров добрались до сомона, который стоял на берегу Идера. Брод, где могли проехать машины, был только в одном месте. Он представлял собой довольно плавный спуск с берега, далее – по галечному дну реки на остров, который делил русло на две части.

Остров был в длину примерно с километр и в ширину где-то с полкилометра. За ним была протока поуже, но зато и поглубже. Вода там текла быстрее. Помню, на всякий случай, по первой протоке выехав на остров, мы сняли ремень с вентилятора. Быстро, закрыв жалюзи на радиаторе ГАЗ-66, проскочили через вторую протоку, выбрались на довольно крутой берег. Поставили ремень и поехали дальше.

Место оказалось замечательным.

Приток Идера был пять-шесть метров в ширину. Кое-где имелись омуты, плёсы.

Нашли место для лагеря, поставили палатку, подготовили костровище и рванули за рыбой.

Рыбалка получилась удачной.

Тайменя в этом притоке, по-моему, никто никогда не ловил, но ленков и хариусов было очень много.

Ночью пошли ловить на “мышь”.

Это – особая песня.

На “мышь” ловится либо таймень, либо ленок. На “мышь” – это означает вот что: вместо блесны на конец лески привязывается нечто, похожее на мышь.

Обычно мы делали это так: брали кусок пенопласта, внутрь заливали свинец – ровно столько, чтобы было хорошо забрасывать, но в то же время, чтобы пенопласт не тонул. Сверху обшивали пенопласт кусочками искусственного или натурального меха. На конец прицеплялся хороший тройничок – под рыбу весом килограммов до десяти.

Ночью – самое лучшее время лунная ночь – выходили на заранее намеченные в дневное время места – на плёсик. Хорошо, если где-то там была ямка.

Забрасываешь к противоположному берегу реки “мышь”. Слышно, как падает “мышь” в воду. Начинаешь крутить катушку. Поплавок (“мышь”) идёт по поверхности воды, от него расходятся по воде “усы” – полная иллюзия как будто реку переплывает настоящая мышь.

Кстати, почему мыши так делают (мы часто видели настоящих мышей, переплывающих с берега на берег), мне до сих пор непонятно. Но для тайменя и ленка, похоже, это самое замечательное лакомство. Снизу, со дна, может, саму “мышь” рыба не видит. Но ей хорошо видно (особенно в лунную ночь), как двигаются “усы”.

Опытный рыбак сразу же по тому, как рыба схватила наживку, понимал, кого сейчас вытасчит.

Таймень делал это очень просто: абсолютно бесшумно подплывал, “нежно” брал в пасть “мышь” и медленно, я бы сказал, интеллигентно тянул поплавок на самое дно. Очень часто это выглядело так, будто бы тройник зацепился за какую-нибудь корягу. Рыбак начинал совершать всякие манёвры: дёргать леску, ходить по берегу, пытаюсь вытащить поплавок, пока вдруг не чувствовал, что начинается движение “мыши” где-то глубоко под водой. Так брал “мышь” таймень.

Как я уже сказал, в Монголии я ни разу тайменя не ловил, но знаю это по рассказам моих товарищей.

А вот как берёт “мышь” ленок, я прекрасно знаю.

Выглядело это совершенно по-другому.

Сначала раздаётся резкий хлопок по воде — это ленок подплывает к “мышь” снизу и резким движением бьёт её хвостом (как бы оглушая настоящую мышь). Потом он моментально разворачивается и хватает поплавок. Между хлопком и рывком времени максимум секунда. Но для рыбака это сигнал: как только слышишь хлопок, будь готов подсекать, потому что сейчас будет рывок, и ленок схватит “мышь”.

Нужно сказать, ночная рыбалка на “мышь” — увлекательнейшее занятие.

Так вот, мы “помышковали”, поймали достаточное количество ленков, но очень скоро пошёл дождь.

Забегая вперёд, сообщу, что дождь лил целые сутки. Честно говоря, сразу мы не поняли, какой коварный сюрприз нам этот дождь приготовил.

Когда мы уезжали на рыбалку из лагеря, там, естественно, оставались дежурные. Они дважды в сутки выходили с базой на связь.

Мы сказали, что вернёмся к вечеру вторых суток.

Проснувшись утром на следующий день, походили под дождём, ещё порыбачили, перекусили. А после обеда свернули палатку, выпотрошили рыбу, сложили, пересыпав солью, во фляги. Несколько самых симпатичных рыбин, почти не присыпав солью, переложили крапивой и положили в ящик в надежде, что удастся привезти их свеженькими. Ту же рыбу, которую посолили, потом планировали вялить. (Вяленый хариус и ленок, должен вам сказать, — это объедение.)

Рванули обратно.

Двадцать километров до Идера проехали быстро.

За рулём попеременно были то Женька, то Саня. Не помню, Коля машину водил или нет. Я ГАЗ-66 водил, впрочем, как и любые легковые и грузовые машины. У меня были с 1977 года профессиональные права категории “В” и “С”. Я, когда ещё работал в Горном институте, пять месяцев учился в автошколе с отрывом от производства.

Когда мы подъехали к переправе, то увидели, что Идер очень сильно разлился. Остров стал намного меньше, но ещё виделся из воды. Первая протока, которая была поуже, шире стала ненамного, но вода там просто бурлила. Вторая стала шире раза в два.

Опять сняли ремень с вентилятора. За рулём был Санька Груздев. Медленно съехали с берега. Санька поддал газку, уже передние колёса были на острове, как вдруг машина “села” на задние колёса.

Саня газанул, нос у машины задрался, и через заднюю дверь в “кунгу” стала поступать вода. Саня на нервах ещё газанул, машина ещё глубже “села”, мотор чихнул и заглох.

Моросил мелкий, противный дождь.

Мы вылезли и увидели, что сели капитально.

На берегу, с которого только что съехали, мы видели свежеструганные брёвна, приготовленные для вкапывания в землю в качестве столбов линии электропередачи. Посоветовавшись, решили пойти и принести пару брёвен, чтобы сделать вагу, а потом попробовать поддомкратить.

Пошли за брёвнами. Они были довольно тяжёлыми. Подтащили их до брода, разделись до плавок (впрочем, разделись мы ещё раньше, когда переходили протоку в первый раз). Бревно через протоку тащили вчетвером. Намажались вдоволь. Бревно тяжёлое, течение сильное, устоять довольно трудно. Дно неровное. И вообще, глубоко. Были моменты, Санька — он не очень высокого роста — не плечо подставлял, а висел на бревне, держась за него, чтобы его не унесло течением. Ноги у него при этом болтались в воде. Мы это чувствовали по резко возросшему весу бревна.

Потом в такую же яму попадал кто-то из нас, и тоже повисал на бревне. Но худо-бедно мы перетащили шесть брёвен.

Попытались положить одно бревно вдоль колёс, второе – подсунуть под ступицу колеса, сделать рычаг. Получалось плохо, потому что бревно лежало в воде, ступица всё время соскакивала.

Тем временем совсем стемнело. Женька скомандовал: “Отбой, будем ждать рассвета”.

Дождь не прекращался.

Я поставил вешки у обреза воды, наблюдая за тем, как вода движется на остров. Хотели разместиться в машине, но она сильно накренилась. Тогда достали брезент, расстелили на земле (остров был абсолютно плоский, без единого кустика), достали спальные, залезли в них. Второй половиной брезента накрылись.

Кое-как заснули.

Проснулись утром. К счастью, показалось солнышко – дождь закончился.

Женька сказал, что пойдёт на другой берег через вторую протоку в сомон на почту, попробует дозвониться, сказать, что мы “сели” плотно, а самое главное, сообщит, где мы.

Но дозвониться не получилось.

Он ушёл, мы остались втроём. Вспомнив, что “утро вечера мудренее”, решили возобновить попытки подложить под колёса брёвна. И к удивлению, у нас получилось. Да так получилось, что когда Женька пришёл, у нас переднее левое колесо уже стояло на бревне. От этого машина, правда, ещё больше запрокинулась назад, но главное, что мы попробовали, и у нас вышло.

Потихонечку на том берегу, где был сомон, стали появляться местные жители. Они рассаживались вдоль берега, как в партере театра, в предвкушении очень интересного зрелища. Должен сказать, что мы их не разочаровали: весь световой день мы чертыхались, падали, матерились, извалялись все в грязи.

Но дело двигалось.

Кстати, Женька у монголов попросил трактор “Беларусь”, но тракторист не рискнул даже через первую протоку проехать.

Помощи нам ждать было неоткуда.

Но по принципу “глаза боятся, руки делают” мы важили, подкладывали брёвна, домкратили...

Снова важили, снова домкратили.

Часов в семь вечера стало смеркаться.

ГАЗ-66 стоял ровнёхонько, абсолютно горизонтально, всеми четырьмя колёсами на брёвнах. Более того, брёвна проложили, как колею, на сам остров.

Осталось только завести мотор и тихонечко-тихонечко, не дай бог вильнуть хоть на миллиметр колесом, вывести машину на остров.

Долго спорили: кто сделает эту ювелирную операцию.

Санька, который всю ночь и весь день переживал, что это он “посадил” машину, очень хотел, чтобы дали реабилитироваться ему. Мы это поняли, спорить не стали.

И вот мы втроём (я, Коля, Женька) стоим на острове.

Санька, только что не дыша, открывает дверцу кабины, залезает, включает зажигание.

К удивлению и великой радости, мотор завёлся с полуоборота.

Санька чуть-чуть погрел, погонял движок, но так, без фанатизма, опасаясь, что даже от такого небольшого сотрясения, от вибрации, “газон” соскочит с брёвен.

Наконец, настал момент истины.

Санька показал нам через стекло, что он готов.

Мы ещё раз присели, посмотрели на колёса, убедились, что они стоят ровно, крикнули Саньке: “Давай!”

И Санька дал.

Нужно сказать, что дал неплохо, – машина вылетела на остров.

На другом берегу, где сомон, мы услышали восхищённый рёв монголов, которые, видимо, никак не могли поверить, что четверо, прямо скажем, не атлетического вида хлопчиков смогут голыми руками вытащить ГАЗ-66 из, казалось бы, абсолютно дохлой “засады”.

Кстати, смотреть-то они смотрели, однако не сильно стремились помогать. Правда, днём принесли горячего мяса с лапшой.

Но, честно говоря, мы хотели сами показать им: вот, мол, смотрите, что могут советские специалисты.

Санька, сигналив что есть мочи, наворачивал круги по острову, радуясь, что наконец-то машина вырвалась из этого глинистого плена.

Ну, ладно.

Теперь встала вторая дилемма: куда ехать дальше? Дело в том, что выше по течению Идера — в ста километрах — находился мост. То есть, мы могли вернуться обратно на тот берег, с которого только что приехали, рвануть сто километров, проехать через мост, потом обратно — сто километров до сомона. Ну, а дальше — триста вёрст до базы. Благо бочка с бензином у нас была в кунге. Это было законом в Монголии — всегда двести литров бензина мы возили с собой. Бензина нам должно было хватить.

Конечно, было желание попробовать перебраться через вторую протоку. Тогда — всего триста километров до лагеря. А так — пятьсот. Да ещё неизвестно, удастся ли нам вновь проехать эту злосчастную протоку, когда поедem обратно.

Нужно ли говорить, что минут тридцать мы спорили.

Было принято решение: возвратиться через ту же протоку, найти другое место, прощупать дно, срыть лопатами берег острова и противоположный берег, чтобы было ровно для машины. Сделать лишние двести километров, но зато с гарантией, что мы не “посадим” во второй протоке машину.

Как только решение было принято, закипела работа.

Я думаю, что с такой скоростью берега не срывал никто и никогда. Наверное, через полчаса всё было готово.

Мы перешли на тот берег.

Санька сел в машину и легко, быстро, одним махом, проскочил протоку, выскочил на берег.

Мы тут же запрыгнули в кунгу.

Сто километров до моста почему-то показались очень долгими. Правда, сто километров по другому берегу до сомона проехали быстрее.

Оставалось ещё триста...

Приключение, однако, не было бы полным, если бы мы (а так как уже стемнело, ехали ночью) не заблудились.

Когда рассвело, убедились, что очень сильно отклонились от нужного направления, километров пятьдесят дали в сторону.

Но ничего.

В одиннадцать часов утра мы уже мчались по отличной песчаной дорожке, которая вела прямо в наш пионерский лагерь.

И вдруг видим: навстречу едет другая наша бортовая машина — ГАЗ-66.

Мы им посигналили. Они, проскочив, наверное, с километр, вдруг развернулись (а мы остановились) и вернулись к нам. Оказывается, нас уже поехали искать. Наши “спасатели” пребывали в таком азарте и в такой тревоге, что сразу даже не поняли, что те, кого они поехали искать, уже подъехали почти к самому лагерю.

В лагере, как потом нам рассказали, очень долго спорили: сообщать ли по радиации, что мы не вернулись вовремя?

Решили не сообщать, а ехать на поиски.

Утром рванули нам навстречу, но мы уже сами нашлись.

Эту рыбалку мы вспоминаем, когда встречаемся, а, слава Богу, мы встречаемся и с Женькой, и с Саней, и с Колей до сих пор.

У меня сохранились фотографии с той памятной рыбалки.

13. Кольца Лизеганга

... Летом 2009 года по поручению президента нашей страны я был на инаугурации нового монгольского президента. Встречаясь с премьер-министром Монголии господином Баяром, который лет пять до того, как стал премьером, работал послом Монголии в России и которого я очень много лет и хорошо знаю, рассказал ему о том, что на территории Монголии встречается интересное минералогическое, а скорее петрографическое образование — “Кольца Лизеганга”.

Что это такое?

Имя этому уникальному явлению дал немецкий химик конца девятнадцатого века Лизеганг. Кстати, удивительный был человек. Наверное, мало есть отраслей знания и сфер человеческой деятельности, в которых бы он не сделал уникальнейших открытий.

Однажды, проводя химические опыты, он обнаружил интересное явление: смешиваясь, два вещества не меняют окраску или не превращаются из мутных в прозрачные или, наоборот, из прозрачных в мутные, что, в общем-то, для химических опытов обычно. Итогом реакции являются концентрические, гармонично чередующиеся кольца разной окраски.

Кольца идеально правильной формы. Толщина каждого кольца абсолютно одинакова. Сами кольца увеличиваются в диаметре, расходясь от некой центральной точки на периферию.

Этот уникальный феномен в последующем и был назван “Кольцами Лизеганга”.

Так вот, в геологии, как правило, в осадочных либо – реже – в вулканогенных породах тоже находят такие кольца. Я много читал на эту тему и видел фотографии различных колец, но, судя по всему, нам удалось в 1982 году в пустыне Гоби найти самые контрастные, самые уникальные и самые красивые “кольца Лизеганга”.

С того времени у меня в коллекции осталось три образца – два бежевых и один красный – ожелезнённый. Мне запомнилось, что эти образцы были найдены не в горах, а где-то на “плоскотине” – невдалеке от дороги были видны выходы породы в виде кусков плитняка.

На многих кусках этого плитняка (а по составу, похоже, это мелкозернистый уплотнённый песчаник – аргелит) был виден уникальный рисунок – те самые “кольца Лизеганга”.

Теорией возникновения таких колец в своё время занимался Павел Александрович Флоренский (1882–1937), который был арестован в 1933 году и, выйдя из одного лагеря, не зная, что попадёт в другой и через короткое время там погибнет, написал, что в заточении, похоже, открыл тайну “колец Лизеганга”. Павел Флоренский предполагал изложить свою теорию на бумаге, но не успел.

С юных лет проблемой “колец Лизеганга” увлекался Андрей Дмитриевич Сахаров, кстати, увлекался всю жизнь. Похоже, он так и не нашёл разгадку этого явления.

Дело в том, что есть интересная гипотеза, что на нашей планете, прежде чем природа или Творец, как Вам будет угодно, создали живую клетку, они (или Он, или она) сначала “потренировались” на неживой природе, и своеобразными следами этих “тренировок”, то есть первыми попытками из хаоса создать гармонию, и являются “кольца Лизеганга”.

ВИКТОР ФЕДОРЧУК

ГЕОЛОГИ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ

За почти шесть десятилетий моей жизни в геологии мне посчастливилось встречаться со многими выдающимися представителями этой интереснейшей профессии. О некоторых из них я и хочу рассказать.

В геологию каждый приходит по-разному. Для меня, например, главным толчком послужила замечательная книга академика Александра Евгеньевича Ферсмана “Занимательная минералогия”, прочитав которую в 1936 году в седьмом классе Ванновской школы (Южный Казахстан), я сразу же отправился в соседние горы Каратау искать самоцветные камни. Эти горы обрамляют долину реки Арысь (приток Сырдарьи) с севера, а отроги Западно-Таласского хребта, у подножия которого проходит Турксиб и располагается станция Тюлькубас, – с юга.

Летом, по окончании Тюлькубасской железнодорожной средней школы, я пошёл в соседние горы. В одном из ущелий я наткнулся на небольшую пещеру в известняках, около которой у костра сидели три необычно одетых человека, один с охотничьей одностволкой 28-го калибра. Это были ленинградские геологи, искавшие здесь, как они мне потом рассказали, исландский шпат. Меня, помню, страшно удивило явление удваивания изображения прозрачными кристаллами этого минерала. Я почувствовал вкус к геологической романтике: если до этого моей целью были поиски необычных минералов, то теперь, глядя на настоящих геологов, мне остро захотелось бродить по незнакомым местам, спать у костра, исследовать пещеры, где, кроме исландского шпата, должно было быть ещё что-то интересное. Моя мечта начала

ФЕДОРЧУК Виктор Парфентьевич родился в 1921 году на Украине. В 1943 году с отличием окончил горный факультет Среднеазиатского индустриального института. С 1941-го по 1957 годы занимался поисками и разведкой ртутных, сурьмяных, полиметаллических и редкометалльных месторождений, два года работал в КНР, а по возвращении вёл научную работу. Будучи куратором Мингеологии по ртути и сурьме, проводил экспертизу многих месторождений СССР и ряда зарубежных стран. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, почётный академик РАЕН и АЕН РУз. Первооткрыватель месторождений и Почётный разведчик недр. Заслуженный работник геологической службы Киргизской ССР, Заслуженный деятель науки РФ, почётный доктор Китайской академии геологических наук, почётный профессор Чанчуньского геологического университета, член географического общества США. Автор более 400 публикаций, в том числе 20 монографий. Главный научный сотрудник ВИЭМС.

сбываться: в числе 25 школьников-стахановцев Турксиба я попал на экскурсию в Алма-Ату, а оттуда мы выехали на знаменитое высокогорное озеро Иссык (“Горячее”, но обжигающее не жаром, а холодом), располагавшееся у села Талгар. Завал, вызванный происшедшим некогда землетрясением, перегородил речку и образовал красивейшее озеро с берегами, заросшими дикими яблонями, алычой, урюком, барбарисом и шиповником, а выше по склонам и на самом завале – стройными тянь-шаньскими елями. Несколько дней с нами провёл корреспондент Константин Симонов, читавший у вечернего костра свою новую поэму о Ледовом побоище. Константин Михайлович Симонов – самый честный и объективный писатель современности, чьи книги о войне содержат только правду, в чём можно убедиться, сопоставляя, например, содержание его знаменитых романов с опубликованными позже дневниковыми записями военных лет. Кстати, за фотографию горной арчи я получил премию журнала “Пионер” – настоящую кожаную полевую сумку, а за информацию об озере Иссык меня выбрали членом всесоюзного географического школьного общества “Компас”. Но как было тяжело узнать уже в послевоенные годы о гибели озера Иссык под напором мощного селя, образовавшегося в результате таяния высокогорных ледников в один из жарких воскресных дней, когда его окрестности были заполнены массой горожан, а в пионерских лагерях отдыхали сотни детей. Мало кому тогда удалось спастись...

И последнее путешествие в школьные годы совершили мы втроём с Васей Писаренко и Петей Пивоваровым: перевалили через горы Каратау, поймали сомов и сазанов в пустынном озере Бийлинкуль и на обратном пути обследовали старые разведочные каналы с кварцевыми жилами. Добавлю кое-что о судьбе Васи Писаренко. После окончания в 1938 году Тюлькубасской школы он поступил в Ташкентский железнодорожный институт, там же начал учиться в аэроклубе и в 1940 году добровольцем ушёл в армию. Всю войну провёл за штурвалом “ночного бомбардировщика” – знаменитого По-2. Демобилизовавшись, стал работать на свинцовом руднике Терек, древние выработки которого мы когда-то осматривали с ним вместе.

В 1938 году я без экзаменов поступил на горный факультет Среднеазиатского индустриального института (САИИ). В нашей группе 4-38-Р (геологоразведчики) было 23 человека. Занимались в новом оригинальном здании на Гоголя, 68 (сейчас в нём Президиум АН Узбекистана); иногородние жили в общежитии на Пролетарской, 25. Руководители постарались внушить нам почтение к нашей альма-матер: я, например, на всю жизнь запомнил, что в здание института нужно входить без головного убора, как в храм.

Замечательные были у нас преподаватели: профессор Нина Феоктистова-Безобразова, читавшая курс общей геологии; Александр Сергеевич Уклонский, известный минералог, автор первого учебника минералогии. В своё время он прибыл в Ташкент из Москвы в “Поезде Дружбы”, направленном В. И. Лениным для организации первого в Средней Азии университета, а сейчас в одном только Ташкенте около 40 вузов; Алексей Васильевич Королёв – основатель известной среднеазиатской школы геологов-структурщиков; блестящий лектор – гидрогеолог Октавий Константинович Ланге; петролог Виктор Арсеньевич Николаев, имя которого незадолго до этого получила так называемая линия Николаева – система глубинных разломов, отделяющая Северный Тянь-Шань от Срединного, и др. Все они оставили глубокий след в моей памяти, в том числе и юмористического свойства. Так, на экзамене по минералогии Александр Сергеевич Уклонский спросил нашу однокурсницу Раю Шибяеву, знает ли она формулу вивианита. Та, восторженно, быстро ответила словами самого профессора:

– О, это такая музыкальная формула, что её можно и пропеть: ферум два пэ три о восемь восемь аш два о!

Экзаменатор, улыбнувшись, сказал:

– Если вы уж такая музыкальная натура, то пропойте мне, пожалуйста, выветривание пирита.

Рая, не смутившись, ответила:

– Александр Сергеевич, это не по моему голосу.

И получила пятёрку.

Среди студентов старших курсов меня особенно восхищал Александр Сергеевич Поваренных. До института он окончил геологоразведочный техникум и успел поработать на производстве, в том числе и в приташкентских горах –

долине реки Хумсан, правого притока Чирчика. Пойти туда на майские дни он и сагитировал нас. Этот поход произвёл на нас, первокурсников, неизгладимое впечатление: во-первых, была в разгаре южная весна, урюк в цвету; во-вторых, представилась возможность всласть поколотить камни: ярко-синий дьюмортьерит и полупрозрачный агальматолит, звёзды рутила, алунит и многое-многое другое, чем отличаются зоны вторичных кварцитов в кислых эффузивах. Интерес к ним у меня сохранился до сих пор. Александр Сергеевич был страстным коллекционером-минералогом, отличным спортсменом (его тройным прыжком завидовали многие) и обладал баритоном оперного звучания. До сих пор жалею, что не догадался записать на плёнку его домашний концерт в Ташкенте, где ему аккомпанировал ленинградский композитор Николаев. В 1941 году его и многих его сокурсников-выпускников сразу же призвали в армию. Он защищал блокадный Ленинград. Демобилизовавшись после войны в звании капитана, окончил аспирантуру в Криворожском горном институте, а затем до конца своих дней проработал в Киеве, в АН УССР, где стал действительным её членом. Автор ряда книг, в которых обосновывал свою оригинальную классификацию минералов. Однако дело всей своей жизни — справочник физических констант минералов — ему так и не удалось завершить.

По окончании второго курса мы направились в заповедник Аксу-Джебагылы для прохождения геологической практики. Этот заповедник находится в центральной части Западно-Таласского хребта, у ледниковых истоков реки Аксу. Её каньон по красоте не уступает знаменитому Колорадскому каньону в США, но о нём, к сожалению, мало кто знает. Руководила практикой Ольга Ивановна Сергунькова — палеонтолог, крупнейший специалист по фауне среднего палеозоя. Ольга Ивановна преподавала нам несколько геологических и жизненных уроков. Первый — владение компасом: она заставляла нас многократно замерять им элементы залегания девонских известняков и доломитов, добивалась полного автоматизма в проведении операции. Второй — оптимальность замеров. Ольга Ивановна требовала от нас определять мощность каждого пласта с точностью до 1 см. Третий урок — личный пример во время проведения полевых работ, где мелочей быть не должно. Для меня же был ещё один урок — урок ответственности не только за себя, но и за других. Перед первым перебазируванием нашего полевого лагеря Ольга Ивановна попросила меня, чтобы я вместе с Сарыбаем постоянно находился в арьергарде нашей колонны и отвечал за то, чтобы на месте очередного лагеря-стоянки ничего не оставалось, в первую очередь мусора, и чтобы по мере движения в пути никто не отстал.

И ещё одно воспоминание. Как-то вечером, когда наше звено — Галя Терехова, поэт Петя Филиппов и я — нашло и притащило 50-килограммовую колонию окаменевших девонских кораллов, Ольга Ивановна сказала:

— Мне очень нравится эта девочка, из неё получился бы хороший учёный, но вот выйдет замуж, пойдут дети...

С Галиной Анатольевной Тереховой мы прожили 55 лет. Она оставила трёх детей, пятерых внуков и одного правнука (младший сын и старшая внучка пошли по её стопам). И, кроме того, — след в геологии. В годы войны — работа на свинцовом руднике и поиски ртути (имеет знак первооткрывателя месторождения), участие в разведке ряда месторождений, научные исследования. Ей впервые удалось доказать наличие в экзогенных ореолах зоны вторичного обогащения элементов-индикаторов, установить поисковое значение ареалов эндогенной пиритизации и многое другое. Так права ли была Ольга Ивановна?

В институте исполнилась моя школьная мечта — я познакомился с автором “Занимательной минералогии” Ферсманом. Он в составе правительственной комиссии приехал в знакомую ему по его прежним экспедициям Среднюю Азию для обследования урановых месторождений. Часа два мы слушали его рассказы о минералах, рудах и месторождениях. Могли слушать и ещё, так он нас увлёк, но на очереди было какое-то мероприятие. Затем был его развёрнутый доклад в Доме учёных. Так мы впервые узнали об уране-238 и уране-235 и возможности создания атомной бомбы. А. Е. Ферсман и В. Г. Хлопонин говорили с полной откровенностью о вещах, которые через несколько лет попали в разряд не только “совершенно секретных” (СС), но и получили гриф “особая папка” (СС ОП).

В институте мы овладели двумя побочными профессиями: хлопкороб (я довёл свой личный рекорд сбора хлопка до 102,5 кг) и ирригатор (зимой

нас отправляли на строительство оросительных каналов, осуществлявшееся методом “народной стройки”.

... Началась Великая Отечественная война. На привокзальную площадь Ташкента прибывают эвакуированные (в своей знаменитой трилогии о войне К. М. Симонов реалистически описал Ташкент осени 1941 года). Студентов нашей группы готовят к зачислению в Военную академию химической защиты, но меня в последний момент бракуют из-за зрения. Встречаю Владимира Эрастовича Пояркова – участника знаменитой Таджикско-Памирской экспедиции, первооткрывателя в 1926 году (вместе с В. И. Поповым) Хайдарканского ртутно-сурьмяного месторождения в предгорьях Алайского хребта. Никитовка в Донбассе, единственный поставщик ртути в стране, оказалась в оккупации, а без этого металла ни один патрон, как известно, не выстрелит. В. Э. Пояркову как крупнейшему специалисту по геологии ртути поручили провести широкие поиски её месторождений. Так я, волею случая, оказался в Бирксу, на северных склонах Туркестанского хребта. Здесь в крутых известняковых обрывах Андыгентау мы под руководством Георгия Кузьмича Глотова, недавнего выпускника ДНИ, начали изучать историю древних, VIII–IX века выработок, искусно пройденных безвестными рудокопами. Нам помогали местные пастухи и охотники. Мы сумели найти несколько проявлений киновари. Одна такая находка случилась в день рождения пятилетней дочки Глотова Юлии. Мы в её честь и назвали это месторождение (кстати, Юля любила повторять: “А мой папа ищет ртуть, ртуть применяется в градусниках и на войне”). Вскоре Г. К. Гловов добился снятия брони и ушёл добровольцем на фронт и не вернулся... Честный и принципиальный был человек. А его дочь Юля стала кандидатом геолого-минералогических наук, она проходила у меня преддипломную практику. У неё давно уже дети и внуки.

Однако мы всё же успели с Георгием Кузьмичом задокументировать значительную часть древних выработок, чётко привязанных к структурным элементам пересечения разломов, изгибам пластов и др. Поразительно, как древние рудокопы умели подчистую выбирать гнёзда киновари! Эти зарисовки легли в основу моего диплома, который я, вернувшись 8 марта 1943 года со строительства очередного ирригационного канала, вынужден был скомпоновать буквально за две недели, сдав попутно экзамены за три семестра четвёртого и пятого курса.

Владимир Михайлович Крейтер (в 1941-м он был эвакуирован из Московского геологоразведочного института (МГРИ) в Ташкент и преподавал у нас методику разведки) возмущался, что лекции посещают лишь несколько человек по очереди. Как-то он не выдержал и сказал: “Пусть был бы хоть один слушатель, но чтобы я хотя бы в лицо его узнавал!” Он позвал меня на свою кафедру, посмотрел диплом, даже похвалил структурные схемки и сказал:

– Приходи завтра на защиту.

А ещё через день я был уже в военкомате, однако там мне сказали, что набора в военные училища пока нет, и поэтому я должен ехать по назначению. Направление у меня было на Урал, но так как денег на билет у меня не было, я пошёл обратно в трест “Средацветметразведка”, а оттуда – в Лайлякскую ГРЛ, которая собиралась начать круглогодичную разведку Бирксуйского ртутного месторождения.

На ртутном месторождении мне пришлось проработать до 1946 года. Нам удалось разведать несколько промышленных рудных жил. Здесь было царство толайев – среднеазиатских зайцев. Наш дневной рацион состоял тогда только из 200 г муки и... 2-3 зайцев, подстреленных из басмаческого ружья, выпрошенного у местного военкома, что представляло существенное подспорье, да ещё с приправой из дикого лука.

В Бирксу мы очень сдружились со студентами Среднеазиатского (Ташкентского) университета – супружеской парой Ириной Владимировной Прасоловой и Алексеем Борисовичем Натальиным. Они прибыли на практику со своей годовалой дочкой Милой, да так и проработали почти до конца разведки месторождения. В конце войны Алексею было поручено строительство ретортной печи для выплавки ртути, которую проводила старательская артель. Так что и Бирксу хоть и немного, но всё же послужил фронту.

Из моих бирксуйских начальников запомнился мне Александр Абрамович Данильянц. До войны он занимался разведкой урановых месторождений Северной Ферганы. Вот поэтому его в 1943 году и перевели на работу по старой

специальности: стал он главным геологом комбината, заслужил несколько орденов и лауреатских медалей, затем его перевели в Москву – главным геологом Средмаша (мы с ним потом встречались), много лет он руководил работами в “Висмуте” (так был зашифрован урановый комбинат в бывшей ГДР). А с его сыном Сергеем, которому в Бирксу было пять, мы позже встретились в алжирской Сахаре, где он занимался съёмкой, и вот уже третий десяток лет работаем вместе в ВИЭМСе.

Только что вышло в свет второе издание (в подарочном оформлении) книги его и Л. В. Громова “Названное именем геолога” – уникальная монография, запечатлевшая фамилии более 800 геологов-первооткрывателей. Это настоящий патриотический подвиг – не боюсь в данном случае говорить “высоким стилем”. Так переплетаются судьбы.

Запомнилась кратковременная совместная работа с Николаем Андреевичем Беляевским. Он в 1943 году возвращался из Синьцзяня в Ташкент, где и задержался на некоторое время. Он помог в проведении геологической съёмки масштаба 1:10000. Меня поразило стиль работы Николая Андреевича. Мы с ним перебазировались в долину реки Кара-Муйнак, сразу же поднялись на одну из самых высоких гор и просидели там весь световой день. Н. А. ничего не делал, а только смотрел. Я не выдержал и спросил, когда же мы, наконец, пойдём в маршрут. На что он ответил:

– Я должен всю картину сначала в своей голове запечатлеть.

Были потом, конечно, и маршруты, и поиски фауны (её Н. А. определял на память), но в конце мы снова поднялись на ту же горку и снова просидели весь день, осмысливая увиденное. После этого я тоже пришёл к выводу, что иногда не следует торопиться с началом работы: надо дать себе время на адаптацию к окружающей среде, а затем на увязку отдельных фрагментов карты.

Каков итог работ в Бирксу лично для меня? Первое – уважение и любовь к известнякам и вообще к карбонатным породам. Несмотря на кажущуюся их простоту, – это целый мир интереснейших проблем, особенно связанных с рудоносностью. Я без усталости колотил своим килограммовым молотком из вязкой златоустовской стали, подаренным мне ещё до войны Александром Сергеевичем Поваренных, и каждый раз находил что-то новое. Второе – сочетание разведочных работ с изучением всего прилегающего района. Считаю это одним из важнейших уроков за время работы в Бирксу, где я сумел познакомиться со всеми месторождениями и рудопроявлениями Южно-Ферганского рудного пояса, выделенного во времена Памирско-Таджикской экспедиции Ферсмана и Щербатовым. Третье – законченность геологоразведочных работ (мы начали поисками и закончили сдачей объекта в эксплуатацию, пусть даже старательскую). Четвёртое – попытка самостоятельной научной работы.

Много в Бирксу было интересных маршрутов, запоминающихся встреч. Скажу об одной, состоявшейся летом 1942 года. Шёл я из Бирксу в Линляк (а это около 80 км), на дороге поравнялся с пожилым киргизом, ехал он на ишачке, подгоняя его своим костылём. Разговорились. Оказалось, возвращался он с базара, где пытался продать приготовленный им жевательный табак, но неудачно. Вечерело. Мой спутник пригласил меня переночевать в своей отдельно стоящей кибитке с плоской крышей и очагом, дым от которого выходил в отверстие в потолке. Нас встретила его жена и сразу же куда-то заторопилась. Вернулась через полчаса и стала разводять огонь под чугунным котлом, чтобы испечь патыр – пресную лепёшку. Потом я узнал, что она побежала к соседям обменять последний килограмм сушёного урюка на килограмм серой муки, чтобы чем-то угостить гостя. Растрогал меня этот случай – далеко, кстати, не единственное проявления гостеприимства жителей горных аулов Тянь-Шаня и Памира. Никакой межнациональной розни тогда и в помине не было. И как горько слышать сейчас о крови, проливаемой на этой некогда мирной горной земле. Но ведь кому-то это нужно?..

...Около двух лет (1957–1959) я проработал старшим групповым инженером по ртути и сурьме Министерства металлургической промышленности Китая.

Прибыл я в Пекин 30 сентября 1957 года, а наутро 1 октября оказался на гостевой трибуне старого императорского дворца Гугун. Перед ним, на площади Тяньаньмынь, проходили военный парад и многотысячная демонстрация трудящихся, посвящённая 8-й годовщине создания КНР. А вечером был торжественный приём у председателя Государственного совета КНР Чжоу Эньлая.

Через несколько дней, 5 октября произошло знаменательное событие – первый запуск космического аппарата. Наш “Спутник”, а по-китайски “Вэйсин” поразил весь мир. Тысячи пекинцев вглядывались в осеннее небо, стремясь увидеть движущуюся меж звёзд светящуюся точку – первый в мире искусственный спутник Земли. За границей чувство Родины приобретает особую остроту – недаром наши специалисты, работавшие за рубежом, потом на День геолога всегда заказывали на радио песню “С чего начинается Родина...” – вот и я почувствовал тогда особую гордость за свою Родину, добившуюся такого успеха.

Основная наша база находилась в экспедиции 602, располагавшейся на Ваньшаньском ртутном руднике (восток провинции Гуйчжоу). Однако мы систематически знакомились и с месторождениями других провинций Южного Китая – Сычуани, Хунани и Гуанси-Чжуанского автономного района. На мой вопрос в посольстве СССР в Пекине, как работать, Иван Васильевич Архипов, советник (бывший зам. министра цветной металлургии СССР и будущий первый зам. председателя Совмина СССР) ответил:

– Как дома, но ещё лучше.

Это был единственный инструктаж. Я сразу же попал в коллектив знающих и думающих геологов экспедиции 602, насчитывающей в своём составе до двух тысяч сотрудников. Начальник экспедиции – товарищ Лю, главный инженер – товарищ Хэ, секретарь партбюро – товарищ Ван, главный геолог – товарищ Ли (так их обычно звали – только по фамилиям). Для обработки накопленного материала была создана тематическая группа, в состав которой вошли молодые, но уже опытные китайские геологи, прекрасно справлявшиеся с работой.

Впечатлений от пребывания в Китае очень много, но я остановлюсь лишь на некоторых.

Месторождения ваньшаньского типа разрабатываются в Южном Китае на протяжении нескольких тысячелетий. Полагают, что ртутные реки в объёмной модели Китая, установленной во дворце первого его императора Цинь Шихуанди (221–207 годы до н. э.), были из металла, поступившего из рудников Ваньшаня. Наша тематическая группа обработала данные по древним и современным выработкам и составила ряд прогнозных карт, на которых в качестве наиболее перспективных были выделены зоны внутри информационного расслоения в тонкослоистых глинистых доломитах нижнего и среднего кембрия. Одновременно была определена степень достоверности разведочных данных при различной густоте сети выработок и выбран наиболее оптимальный размер последней... Спустя 30 лет я с профессором Ван Сюлином вновь посетил Ваньшань. Нас в почти полном составе встретили члены бывшей тематической группы. Как и 30 лет назад, на том же самом столе разложили материалы по Ваньшаню, в том числе и данные проверки наших старых прогнозов, полученные в ходе последующей эксплуатации. Всё совпало (запасы, содержание, мощность), кроме площади: отдельные рудные залежи вышли за пределы прогнозных площадей, и наоборот, внутри последних оказались безрудные “окна”. Однако этого и следовало ожидать, учитывая высокое значение коэффициента рудоносности.

Мы с китайскими коллегами осмотрели также несколько сот проявлений разнотипного оруденения, проехав на автомашинах по горным дорогам и пройдя по лесным тропам около 50 тысяч ли (примерно 25 тыс. км). Масштабы и типы их были самыми различными: от изолированных жил и гнёзд, вскрытых древними выработками, до уникального Сигуаньшаня, заключающего в себе чуть ли не половину мировых запасов сурьмы, и от монометалльных рудных выходов до многокомпонентных комплексных месторождений типа Воси и Сианя в Хунани (жилы с шеелитом, антимонитом, золотом, киноварью и др.). Всё это разнообразие мы попытались втиснуть в рамки единой классификационной схемы и разработать для каждого выделенного генетического и промышленного типа свои критерии геолого-экономической оценки и методические приёмы разведки. Полученный материал был представлен нами в качестве доклада на 1-м Всекитайском съезде геологов, состоявшемся в сентябре 1958 года в Пекине.

В работе съезда участвовали представители советской делегации во главе с министром геологии СССР П. Я. Антроповым. Спустя почти четыре десятилетия, в августе 1996 года в Пекине прошла XXX сессия Международного

геологического конгресса, рекордная по числу участников (6178 делегатов из 102 стран). Мне было очень приятно встретить старых знакомых и коллег по первому съезду геологов Китая, убедиться воочию в разительных переменах, происшедших за это время. Увиделся я и с “маленькой (Сяо) переводчицей” Ций Вэньинь, работавшей в 1958–1960 годах с Александром Борисовичем Габелко (бывший главный инженер Узгеолкома), а вот мой переводчик Лю Хэйжань до этого времени, к сожалению, не дожил.

Довелось мне быть свидетелем известного “Большого скачка” в Китае. Видел я кустарные печи по выплавке стали, наблюдал борьбу с “тремя злами” – комары и мухи, воробьи, мыши и крысы, лично участвовал в подготовке участка для получения рекордного урожая риса, но главным для нас была разработка небольших месторождений и отдельных рудных тел для возможной их отработки кустарным способом. Вместе с китайскими коллегами мы провели анализ результатов деятельности старателей и пытались выработать критерии оценки масштабов и перспективы разрабатываемых ими выходов полезных ископаемых. Опыт весьма поучительный.

При взгляде на пейзажные картины китайских художников поневоле закрадывается сомнение: не фантазия ли это авторов, изображающих столь причудливые скалы с покоящимися на них не менее причудливыми облаками? Оказывается, так и есть: крутые ущелья с пещерами, одинокие горы-останцы и целые их “леса”, глубокие карстовые воронки, подземные реки. Это картины, типичные для обширного Сычуань-Гуйчжоу-Юньшаньского плато, сложенного из “седого лунного камня” – кембрийского доломита. Особенно сильное впечатление производит “каменный лес” Юньнани. Через месяц после осмотра этого “леса” я оказался по другую сторону китайской границы – в Северо-Восточном Вьетнаме – и увидел там залив “10 тысяч островов” (на самом деле их около 1600) – ещё один пример карстовой деятельности. Впечатляющая картина! Нас, однако, карстовые процессы интересовали с точки зрения минерогенеза (первичного и вторичного). Мы, например, неоднократно встречались с крестьянами, на земельных участках которых находились замаскированные входы в карстовые пещеры. Два раза в год, после окончания муссонных дождей они открывали входы в эти подземелья и с карстовых полок собирали очередной “урожай” киноварных зёрен. Два-три цзиня (цзинь – около полуфунта) этого весьма ценного на Востоке минерала – хорошее подспорье в хозяйстве крестьянина. Позже в г. Гуйлинь – “столице карстового царства” – я познакомился с результатами исследований сотрудников НИИ карстовой геологии. Следует отдать должное китайским геологам: многие изученные ими карстовые пещеры сейчас являются объектами туристской индустрии.

Однако достопримечательности Китая – тема особая.

После длительного перерыва, вызванного “культурной революцией”, контакты между китайскими и советскими геологами вновь восстановились. В 1983–1984 годах произошёл первый обмен официальными геологическими делегациями. Москву посетила группа специалистов Министерства геологии и минеральных ресурсов КНР во главе с зам. министра У Цзябао, ответную делегацию Мингеологии СССР возглавил зам. министра Виктор Андреевич Ярмолюк. Я был в составе этой делегации, а затем неоднократно посещал Китай, наблюдал впечатляющие перемены, происходившие в этой стране. С Виктором Андреевичем Ярмолюком мы познакомились в Хабаровске, когда он был начальником Дальневосточного геологического управления. Меня поразила тогда искренняя его заинтересованность в решении геологических проблем. Следующая встреча состоялась в Алжире, где мы совершили путешествие по месторождениям, расположенным в присредиземноморской зоне этой страны. Уйдя на заслуженный отдых, Виктор Андреевич, лауреат Ленинской премии, отдал всё свободное время книгам-воспоминаниям: о своих коллегах по зарубежным геологическим работам, о становлении геологической службы Камчатки и других.

И ещё – о профессоре Ван Сюнлине. Он сопровождал нашу делегацию по восточным районам КНР, а потом, будучи начальником Департамента зарубежных связей МГ и МР КНР, неоднократно посещал Москву. В КНР мы с ним совершили несколько увлекательных путешествий. Выпускник МГРИ, он избран академиком Академии естественных наук РФ и академиком Международной академии минеральных ресурсов.

Хотелось бы сказать и о других своих коллегах – китайских геологах Чжу Сюне, авторе книги “Основы поисковой геологии”, Чжан Вэньцюане, стоявшем у истоков экономического эксперимента в геологии, Чжан Хунжэне, исследовавшем основание будущей плотины Санься (“Три ущелья”) на реке Янцзы, Чжан Ися, ректоре Чанчуньского геологического университета и многих других, но нельзя “объять необъятное”, как говаривал Козьма Прутков!

Вернувшись из Китая, мы с женой оказались у “разбитого корыта”: наш трест, в котором мы проработали без малого 20 лет, в связи с организацией совнархозов был ликвидирован. В статусе безработного (отвратительнейшее, надо сказать, состояние) я выдержал всего лишь два дня, а на третий день пошёл устраиваться в САИГИМС (куда был приглашён заранее), созданный за два года до этого. Его организатором и первым директором стал Курбан Латыпович Бабаев, известный специалист в области металлогении золота и редких металлов. Отдел методики разведки возглавил Павел Александрович Шехтман. Должен сказать, что Павел Александрович Шехтман относился к тем учёным, что жили не для себя, а для других: он раздаривал свои идеи, не думая о своём первооткрывательстве, – лишь бы дело двигалось. Многие годы мы с ним проработали вместе, и даже в последний путь мне пришлось проводить его из своего дома...

Сотрудникам института приходилось участвовать в оценке многих месторождений. Мне запомнилась экспертиза золоторудного Мурунтау. Группу экспертов возглавил член-корреспондент АН СССР Иван Сергеевич Рожков. Он вникал во все детали строения этого уникального месторождения, представленного системой кварцевых жил в метаморфизованных сланцах. Мурунтау – единственное золотое месторождение Средней Азии, не вскрытое древними рудокопами. Объясняется это тем, что ещё в средние века оно было открыто движущимися песками пустыни Кызылкум, и лишь недавно его жилы вышли “на свет божий”. В его открытие весомый вклад внёс Ибрагим Хамрабаевич Хамрабаев, выделивший ореолы вторичного рассеяния мышьяка – близкого спутника золота. Разведка Мурунтау была осуществлена исключительно быстрыми темпами, для чего в район работ была стянута вся наличная техника, включая роторные канавокопатели. Первоначально подсчёт запасов вёлся по каждой кварцево-рудной жиле отдельно, а затем, по предложению Николая Кондратьевича Киндера (сотрудника СредазНИПРОцветмета), на массу при бортовом содержании золота всего 1 г/т. Масштабы месторождения сразу выросли, причём выделенный штокверк мог обрабатываться единым карьером. Наше положительное заключение Иван Сергеевич доложил первому секретарю ЦК компартии Узбекистана Шарафу Рашидовичу Рашидову. После всестороннего обсуждения Рашидов задал последний вопрос:

– Так какое же это месторождение – крупное, очень крупное или уникальное?

Мы вынесли вердикт: месторождение очень крупное, близкое к уникальному. Тогда Рашидов сказал:

– Ну, что ж, остаётся только договориться с Ефимом Павловичем Славским, чтобы Средмаш взялся осваивать этот объект в присущем ему темпе.

Так решилась судьба Мурунтау. Добавлю, что, по данным зарубежных источников, в 1968–1996 годах на Мурунтау было добыто 1186 тонн золота, оставшиеся запасы – 2230 тонн, а до глубины 1500 м – ещё 1800 тонн.

Ташкентское землетрясение 1966 года стало для нас неожиданностью. У нас в Хайдаркане землетрясения случались довольно часто, а балльность их бывала весьма значительной, поэтому, проснувшись на рассвете от сильного толчка, я не очень-то на него отреагировал. Однако по пути на работу в САИГИМС я всё более и более ясно ощущал масштабы происшедшего, а поднявшись на третий этаж нашего здания и увидев вдребезги разбитую стеклянную аппаратуру химлаборатории и косо срезанный и сдвинутый угол массивных кирпичных стен, окончательно осознал серьёзность ситуации. Наскоро подсчитав убытки, отправился в Совмин с рапортом. Там, на фоне здания, засыпанного обломками штукатурки потолка и стен, за длинным столом заседала только что созданная Государственная комиссия. Сдал свою сводку на 150 с чем-то тысяч рублей (должен сказать, что на восстановление разрушенного у нас ушла вчетверо большая сумма) и отправился к эпицентру землетрясения, застроенному старыми глинобитными домами. Вот тут-то уж картина разрушений

была впечатляющей. Счастье, что толчки были только вертикальными и не чередовались, как в Ашхабаде, с горизонтальными сдвигами. Иначе жертв было бы значительно больше. Эпопея всенародного восстановления Ташкента описана неоднократно. Солидарность проявили все республики Советского Союза. На память приходят первые военные годы, когда Ташкент с открытым сердцем принимал тысячи и тысячи эвакуированных с запада. Как говорят, долг платежом красен!

А геологам и сейсмологам Ташкентское землетрясение послужило толчком к развёртыванию геохимических и неотектонических исследований. Тогда впервые был начат газово-водный мониторинг (хотя это слово и не было ещё столь модным, как сейчас), заключающийся в изучении радоново-ртутного “дыхания” Земли. Эта проблема интересует меня и до сих пор, причём не только с точки зрения разработки критериев прогнозирования землетрясений, но и как показатель вековых неотектонических процессов, влияющих на судьбу целых регионов (флуктуации уровня Каспия и др.).

В течение многих лет я нёс общественные обязанности куратора Мингеологии СССР по ртути и сурьме, Дало мне это очень и очень многое. Я был в курсе всех работ, особенно по ртути, спрос на которую в 1960–1970 годы многократно возрос в связи с развитием промышленности полимеров, для производства которых требовались особо чистые хлор и каустик, получавшиеся с использованием ртути при электролизе хлористого натрия. Возник ртутный бум, цена на этот металл выросла чуть ли не на целый порядок. Поиски ртутных проявлений велись во многих районах СССР. С местными геологами мы оценивали перспективы найденных месторождений и рудопоявлений в Средней Азии и на Кавказе, на Украине и на Дальнем Востоке, в Якутии и на Алтае. Для оценки отдельных объектов нередко направлялись комплексные группы специалистов разного профиля.

Мне особенно запомнилась экспертиза двух только что выявленных объектов – Перевального на Западном Кавказе и Западно-Палянского на Чукотке. По просьбе начальника главка Минцветмета Бориса Михайловича Косова я посетил оба месторождения. Трудным оказался выбор: на Перевальном прямо на поверхности обнажались выходы богатейшей руды, а на Западно-Палянском из-под болотно-тундрового слоя первыми канавами были вскрыты лишь зоны рассеянной ртутной минерализации. Однако взвесив все за и против, я склонился в пользу второго объекта, порекомендовав уделить ему первостепенное внимание. Вывод оказался правильным: Перевальное месторождение, как позже выяснилось, было представлено небольшим бескорневым штоком, связанным с жерлом грязевого вулкана (на нём было добыто около 700 тонн металла), а на Западно-Палянском были разведаны крупные залежи никитовского типа. Это месторождение полностью подготовлено к эксплуатации, его освоение может решить проблему ртути Российской Федерации, лишившейся своих двух основных поставщиков: украинской Никитовки и киргизского Хайдаркана.

Результатами экспертизы ртутных и сурьмяных месторождений живо интересовались не только в Министерстве геологии и цветной металлургии, но и в Госплане СССР – в лице руководителей минерально-сырьевого сектора: Гилеля Алексеевича Мирлина и Виктора Васильевича Попова. Они досконально вникали в представленные мной материалы и нередко выделяли дополнительные ассигнования для ускоренной разведки того или иного объекта.

Постепенно кураторская деятельность приобрела системный характер, выделился круг специалистов, стремившихся к обработке своих материалов. Для геологов-производственников нами были уточнены соответствующие диссертационные темы, исходящие из наличного материала (структура и генезис отдельных месторождений, закономерности их размещения и методика разведки и др.), а для сотрудников НИИ темы были в большинстве случаев “казачными”: определение абсолютного возраста оруденения (Н. Ю. Баринкова), рудная гидрогеохимия (Д. С. Мукимова), ртутная термобарогеохимия (Ш. С. Султанмуратов) и др. Значительное внимание уделялось и зарубежной тематике: ведь новые геологические знания – это, в конечном счёте, самое ценное, что приобретал наш специалист, работая за рубежом.

САИГИМС был организатором ряда научно-методических конференций. Одна такая конференция состоялась в городе Ош – центре Южно-Ферганского

ртутно-сурьмяного пояса, в этом городе располагалась крупная Южно-Киргизская экспедиция с благоустроенным посёлком на его окраине, выстроенным при активном участии её первого начальника Энгельса Спиридоновича Денисова. В конференции, посвящённой проблемам ртутной геологии, принял участие министр геологии СССР академик Александр Васильевич Сидоренко, сам бывший ртутник (защищал в Ашхабаде кандидатскую диссертацию по минералогии ртутных месторождений Копетдага); он был также депутатом Верховного Совета СССР от Ошской области Киргизской ССР.

В САИГИМСе я близко столкнулся с редакторской и информационной деятельностью, быстро усвоил не только важность, но и сложность этой работы. Сейчас на моём счёту уже, наверное, больше 15 тысяч рефератов. Я черпал в них и полезную для себя информацию, но главное – выискивал новинки в геологии для скорейшего доведения их до заинтересованных потребителей. Продолжаю считать это своим общественным долгом наряду с подготовкой научных кадров.

В московский НИИ (ИМГРЭ) я был переведён по приказу Мингеологии СССР. Инициатором перевода был начальник управления науки Николай Павлович Лаверов, будущий зам. пред. Совета Министров и вице-президент АН СССР. Не сказал бы, что адаптация к московской научной среде прошла гладко, но работа потекла в обычном русле. Я убедился, насколько фундаментально организованы в ИМГРЭ исследования вещества, особенно редкометалльного – пришлось вникать в новые проблемы. Продолжил и я свою кураторскую деятельность. Однако появились и новые обязанности перед министерством. Его аппарат был укомплектован опытными специалистами, прошедшими всю лестницу производственной карьеры. Больше всего приходилось общаться с начальником управления цветных металлов Алексеем Степановичем Крючковым, бывшим руководителем Киргизского геологического управления, очень много сделавшим для его укрепления. Он держал под жёстким контролем все проекты геологоразведочных работ, иногда вплоть до мест заложения отдельных скважин. Часто выезжал на места. Мы с ним как-то объехали за один раз почти все рудные месторождения Северного Кавказа, были в Якутии на Сарылахе.

Кроме экспертизы своих месторождений, мне пришлось участвовать и в оценке некоторых зарубежных объектов. Особенно запомнились командировки в Алжир. Первоначально мне была поручена экспертиза ртутного месторождения Исмаил, только что открытого таджикским геологом Анатолием Ивановичем Менаковым и успешно разведывавшегося алжирскими геологами (Рабах Джабба, Абделькадер Лааджаль и др.). Руководил группой советских геологов Владимир Александрович Терентиев, бывший главный геолог Северо-Кавказского геологического управления, а до этого – первый разведчик полиметаллического Алтынтюпкана в Средней Азии. Он очень много сделал в Алжире для создания собственной геологической службы, пользовался у алжирцев непрерываемым авторитетом. Месторождение Исмаил относилось к принципиально новому промышленному типу (полиаргиллитному), однако его промышленное значение не вызвало сомнений, потому сразу же встал вопрос об освоении уже разведанной рудной залежи. Цветмет СССР предложил свои услуги, но тут вышла небольшая заминка: кто официально представляет запасы. На совещании, на котором присутствовали замминистры двух министерств и представители ещё одного комитета, разгорелся спор на эту тему. В качестве альтернативы мною был предложен необычный вариант: я как куратор по ртути даю расписку, что гарантирую достоверность представленных цифр, а собравшиеся высокие договаривающиеся стороны принимают решение о строительстве на месторождении Исмаил в Алжире ртутного завода. Редчайший случай в бюрократической практике! В следующий свой проезд туда я уже увидел действующий завод, выпускающий в год до 1 тыс. тонн жидкого металла – по этому показателю Алжир сейчас занимает второе место в мире (после Испании).

Будет небезынтересным познакомиться с тем, как решались кадровые вопросы в СССР. Звонок из ЦК КПСС: зав. сектором геологии Аркадий Андреевич Ямнов просит зайти к нему. До этого мы с ним встречались лишь однажды – в Ташкенте, во времена совнархозов. Он приехал с Никитой Сергеевичем Хрущёвым для ознакомления с тем, как обстоят дела со среднеазиатскими

совнархозами. Выяснилось, что нет сводной экономической карты Средней Азии, и А. А. Ямнов позвонил к нам в САИГИМС и попросил к утру доставить в ЦК КПУз такую карту. Мы мобилизовали все наличные силы и за одну ночь скомпоновали её, вычертили и наклеили на полотно. На ней удалось в обобщённом виде отразить инфраструктуру республик, транспортные магистрали, линии электропередач и др. Карта Никите Сергеевичу понравилась, и он распорядился сделать ещё несколько копий. Позже я узнал, что сам Аркадий Андреевич тоже работал по линии геологии в Туркмении, а до этого всю войну провёл на фронте, полковник запаса.

В своём кабинете на Старой площади Ямнов задал мне целый ряд вопросов, содержание которых сводилось к тому, как повысить экономическую эффективность геологоразведочных работ. Затем было ещё несколько встреч, во время которых и шла подготовка постановления партии и правительства, направленного на совершенствование структуры управления минерально-сырьевым комплексом страны. Вскоре меня пригласил министр геологии Евгений Александрович Козловский и сказал, что меня рекомендуют на пост директора ВИЭМСа (Всесоюзного научно-исследовательского института экономики геологоразведочных работ и минерального сырья), что оказалось полной неожиданностью для меня. Проработал я на этой должности более 10 лет, а с 1987 года – там же главным научным сотрудником.

Оглядываясь на пройденное, должен сказать, что мне всегда везло на встречи с замечательными людьми (я вспомнил, к сожалению, далеко не всех). Мне повезло и в том отношении, что у истоков моей самостоятельной деятельности стояли учителя-наставники в самом высоком понимании этого слова. Благодаря им я со студенческой скамьи проникся чувством ответственности за порученное дело, независимо от его масштабов. Горжусь, что внёс и свой вклад в развитие минерально-сырьевой базы нашей Родины.

ВАЛЕНТИНА МАРТЫНОВА

СУДЬБА ПОДАРИЛА МНЕ ГЕОЛОГИЮ

Сорок пятый год. Кончилась война. Москва голодная, но счастливая, кроме, пожалуй, тех, кто получил “похоронки” в самые последние дни...

Мне 18 лет, всё время хочется есть, но, несмотря на это, я и моя двоюродная сестра, она же и самая близкая подруга, отправились в театр. Билеты у нас были на спектакль “Стакан воды” в филиале Малого театра. И вдруг!.. Этот поход изменил всю мою жизнь.

Недалеко от входа в вестибюль театра мы заинтересовались “заборным” объявлением. Вот оно (по памяти): “Всесоюзный институт минерального сырья (ВИМС) объявляет набор студентов на курсы коллекторов. Образование не менее 8 классов. Поступающие проходят собеседование. По окончании курсов поездки в экспедиции в составе геологических отрядов. У вас появится возможность увидеть всю нашу необъятную Родину”. И далее перечислялись все 15 республик Советского Союза. И в самом конце: “Стипендия 600 рублей и рабочая карточка на хлеб 600 г (200 г белого и 400 г чёрного)”. Это было очень существенное добавление. В Москве продуктовые и хлебные карточки были отменены только в 1948 году.

Мы ещё никуда, ни в какую экспедицию не уехали, а на душе стало радостно. Было предчувствие чего-то очень светлого и хорошего. Дома не сразу согласились, но уступили моим настойчивым просьбам, поверив, что это именно то, о чём я мечтала.

Итак, я студентка этих курсов. Преподавали нам геологию, петрографию, минералогию и геофизику. По геофизике мы изучали радиометрический прибор “ВИРГи”.

Здесь я хотела бы сделать отступление и рассказать о тех людях, которые нас учили. Особенно я должна отметить Василия Ивановича Герасимовского (светлая ему память). Он был влюблён в минералы и сумел передать эту любовь нам. Когда он рассказывал о минералах, глаза его светились умом, благородством и красотой. Ему в то время было лет сорок. Ходил в галифе и разных пиджаках, очень скромных. Мы с сестрой были по-настоящему в него влюблены. Когда он держал в руках образец (он никогда не употреблял слово “камень”), он в его руках оживал. Он говорил, что если у человека есть скелет, то у каждого минерала есть кристаллическая решётка, что все образцы живут, только процессы, происходящие в них, длятся в течение миллионов лет. Василий Иванович Герасимовский на всю жизнь подарил мне любовь к камню. Из других преподавателей запомнился петрограф Коптев-Дворников.

МАРТЫНОВА Валентина Михайловна — старейший коллектор-лаборант. 40 лет проработала в полевых экспедициях ВИМС и ИМГРЭ. Участвовала в поисковых работах на многих месторождениях: золоторудного (Мурунтау) в Узбекистане, изумрудного на Среднем Урале, полиметаллических в Болгарии и Забайкалье, горючих сланцев в Эстонии и др. Отличник разведки недр.

Наконец, первая поездка в экспедицию. Училась я на курсах хорошо и попала в состав 1-й Южной экспедиции в Народную Республику Болгарию. Наша первая геологическая группа приземлилась в аэропорту в 30 км от Софии. Встречали нас очень хорошо. Когда уже ехали в город, повсюду были слышны возгласы: русначи, братушки и т. д. Случайно мы приехали в большой для болгар праздник – День святых Кирилла и Мефодия, отцов славянской письменности. Люди были празднично одеты. По улицам расхаживали нарядные дети с ящичками для пожертвований. Перед отлётом нам выдали очень небольшой аванс в левах, и мы воспользовались им, чтобы сделать пожертвование и купить ягод. По всей Софии развезжали небольшие тележки, на которых горками лежала клубника и черешня. У продавцов не было весов, а только небольшие совочки. Цена определялась количеством совочков, а ягоды насыпались в бумажные пакеты. Всё было очень дешёво, и в результате к вечеру со всеми нами случилось то, что с пациентами Айболита: “Мы сегодня лягушек объелись, и у нас животы разболелись”, – тем более что мы прилетели из полуголодной Москвы.

Первый свой полёт мы совершили на военном самолёте, в котором не было никаких кресел, а вдоль всего салона стояли железные скамейки, разделённые на секции (вероятно, для парашютистов). Шёл 1946 год. Немного раньше прилетел Георгий Димитров и все его сподвижники, проживавшие временно в Советском Союзе. Я много раз видела его. Он выглядел очень интеллигентным человеком и ходил свободно по Софии в сопровождении двух-трёх человек.

Как я сейчас понимаю, наш “геологический десант” был выслан для поисков месторождений урана. Ещё в довоенной Болгарии геолог Закиров (за точность фамилии не ручаюсь) в своих геологических данных упоминал о находках им урановых минералов. Вот мы и начали изучать “лысые” горушки у села Виргами и замерять радиоактивный фон. Позднее в этом районе было открыто урановое месторождение.

Сейчас в Болгарии отношение властей к России и русским не очень хорошее. НАТО построило там свою базу. Потому новые поколения болгар не знают, как много сделали советские люди для развития их страны. Очень больно и обидно. Ведь исторически сложилось так, что 70% всех памятников Болгарии относятся к России. Начиная с Софии, главная улица которой называлась Русский бульвар, и в центре стоял конный памятник русскому царю Александру II с надписью: “Царю-освободителю – признательная Болгария”.

За время моей работы в Болгарии, а я там прожила девять лет, работая в 1-й и 2-й Южных экспедициях, надпись на памятнике поменяли и вместо “Царю-освободителю...” появилось: “Братьям-освободителям...”. Но всё это была память о тех временах, когда русские помогли болгарам сбросить турецкое иго, довлевшее над их страной более чем 500 лет. Чего стоила гора Шипка, где шли жестокие бои с турками! Склоны той горы усыпаны костями русских воинов. Когда спускаешься с неё вниз, то везде видишь небольшие камни с высеченными на них русскими фамилиями: Иванов, Сидоров, Петров... И так по всему склону. А внизу построен храм в честь Победы. Воздвигнут он на русские деньги и необыкновенно красив. Сейчас это музей, службы в нём не проводятся.

Свой первый маршрут буду помнить всегда. Съёмка масштаба 1:100 000. Мы поднимаемся на гору Чуфаларица в горном массиве Стара-Планина: я, Валя Зыбина и Алексей Алексеевич Лебедев-Зиновьев. Я обливаюсь потом, устала, но стараюсь не показывать вида. Алексей Алексеевич, видя мои муки, забирает у меня рюкзак. Он очень худощавый и ходит по горам, как ходят, наверное, дикие козы. Это геолог от Бога, честнейший и благороднейший человек. Он 1919 года рождения, надеюсь, обязательно поздравить его со 100-летием. Я думаю, геологи в основном – это племя людей демократичных и добрых “изнутри”. Но Алексей Алексеевич Лебедев-Зиновьев для меня человек особенный, неповторимый.

Я благодарна судьбе, что она подарила мне геологию, несравненный каменный мир, и, вместе с тем, необыкновенных людей и красоты нашей матушки-Земли. Возношу благодарность Богу и случаю, что я оказалась рядом с такими людьми, которые открыли для меня новый мир, с красотами камня, красотой человеческих отношений, мир любви.

После девяти лет, проведённых в Болгарии, я попала в Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ). И опять новая встреча – с Кузьмой Алексеевичем Власовым, человеком, одарённым незаурядным умом в сочетании с добротой и хорошим воспитанием.

Жизнь моя не заканчивается, и я радуюсь, что геология вечна. И она до сих пор поддерживает меня светлыми воспоминаниями моей походной юности.

ВЛАДИМИР ЛОГАЧЁВ

В ГОРАХ КАРАМАЗАРА

Накануне моего решения податься в Среднюю Азию в Ленинградской экспедиции ВСЕГЕИ, где я тогда работал, поползли слухи о том, что её рано или поздно переведут в Хабаровск. Это была реакция на одно из выступлений Н. С. Хрущёва, где он заявлял, что научные организации надо приблизить к местам их практической деятельности. Экспедиционный народ запаниковал. Многие стали подыскивать себе новое место. Ещё сильнее запаниковали, когда в экспедицию приехал начальник геологического управления из Хабаровска и повёл речь о том, чтобы мы дружно, всем коллективом переселились в не столь отдалённый край. Беседовал с каждым в отдельности. Никто из ленинградцев и не подумал покинуть город. Дали согласие на переезд лишь я, бездомный, и ещё два геолога, такие же неустроенные. Вот после этих событий я и решил попытаться перебраться в Азию. Уж больно далёк Дальний Восток! Позже я узнал, что наша экспедиция ещё долго оставалась в Ленинграде, пока её не перевели в Хабаровск. Перевели, собственно, одну вывеску. Весь народ разбежался.

Сборы были недолгими. 24 апреля 1957 года я рассчитался, а 26-го выехал во Львов на побывку к родителям и через несколько дней подался в Сталинабад, нынешний Душанбе, где в начале мая сошёл на перрон его вокзала.

Поразило обилие солнца и тепла, которого в северных широтах в таком изобилии не бывало. Всё, увиденное в первые дни, меня интересовало, удивляло, поражало... Пыльные улицы, арыки вдоль дорог, глинобитные домики, лепившиеся рядом с оперным театром, многочисленные харчевни под открытым небом, где в громадных казанах варится ароматный таджикский плов, в кипящем масле жарятся чебуреки, рыба, где на длинных шампурах на раскалённых углях мангала доходят до кондиции шашлыки. В воздухе висел крутой коктейль из запахов жареного мяса, лука, бараньего сала, приправленный уксусом и разными специями. И ещё неповторимый, ни с чем не сравнимый аромат только что испечённой в тандыре лепёшки!

Колоритные аборигены. Степенные седобородые старики в длинных белых рубашках и свободных белых шароварах с галошами на босу ногу, женщины

ЛОГАЧЁВ Владимир Петрович (1931—2001) после окончания учёбы на геологическом факультете Львовского госуниверситета работал в Карнатах, на Дальнем Востоке, в горах Памира и Тянь-Шаня и в Афганистане. Главный предмет его исследований — поиски и изучение оловорудных месторождений. Более 30 лет проработал в Таджикистане и внёс существенный вклад в развитие минерально-сырьевой базы этого государства. Не чуждо ему было и литературное творчество. Он является автором нескольких интересных очерков из жизни геологов.

с накинутыми на голову белыми халатами, черноокие девушки в национальных красочных одеждах, сопливая чумазая ребятня и девчонки с десятком тоненьких косичек на голове. . .

И базар. О восточных базарах столько слышано и написано, что к этому можно было бы и привыкнуть. Да где там! Увиденное поражает. Поражает красками национального убранства, разнообразием лиц, пряным запахом экзотических специй, изобилием товара: горы свежей зелени, урюк, кишмиш, изюм, курага, свежие фрукты. . . Здесь миндаль, фисташка, сушёная дыня, сухой инжир. . . В конце лета здесь вырастали терриконы арбузов и дынь. . . Я ещё застал время, когда около базара теснились многочисленные крохотные будочки, в которых ладили обувь, лудили посуду, изготавливали металлические сита, гнули жестяные трубы для печек “буржук”, изготавливали деревянные густые гребни, чинили металлическими скобами разбитые фарфоровые чайники и пиалы. . .

В Сталинабаде к моему приезду уже работало пять геологов, выпускников Львовского университета – трое моих бывших однокурсников и двое ребят на курс младше. Так что на первых порах я не испытывал одиночества, было с кем поговорить и посоветоваться, прежде чем отправиться на беседу к начальству. Своей работой они были очень довольны, жили на частных квартирах в ожидании получения своего жилья, которое им пообещало управление. Из разговоров с ребятами я узнал, что в Таджикистане есть несколько геологических экспедиций. Одни базируются в самом Сталинабаде и проводят геологическую съёмку и поиски в разных районах этой республики; другие занимаются поисками и разведкой месторождений и базируются далеко от столицы, одна из них, Канмансурская, на севере Таджикистана, другая, Магианская, на западе, недалеко от Самарканда. Мои друзья советовали мне закрепиться в Сталинабаде. Всё-таки столица республики, перспективный в своём развитии город, театры, кино. Одним словом, цивилизация, да ещё есть вероятность через 2-3 года получить жильё. Примерно такие доводы приводили мои коллеги в пользу того, чтобы я добивался возможности остаться в Сталинабаде. Не знаю – почему, но я решил иначе, и когда через пару дней был на приёме у главного геолога, то высказал желание работать в Канмансурской экспедиции, хотя, как я понял из разговора с ним, была возможность остаться в городе. Моё желание было тут же удовлетворено. Почему всё-таки туда? Видимо, было стремление окунуться в геологическую глубинку и хлебнуть побольше самостоятельной работы. Это как в плавании: будешь барахтаться у берега – не научишься плавать, кинут тебя, где поглубже, – выберешься самостоятельно, если, конечно, не утонешь.

Не оправдав надежд увеличить львовскую диаспору геологов в Сталинабаде, поблагодарив ребят за приём, я отбыл к месту моей будущей работы.

Поездом добрался до Ленинабада, на пароме пересёк Сырдарью и на попутной машине по пыльной каменистой дороге добрался до посёлка Адрасман, где размещалась экспедиция. Это километров 70 от Ленинабада. Адрасман – посёлок городского типа, расположен в горах Карамазар. Своим рождением обязан наличию в округе урановых руд. Он был построен пленными немцами сразу же после Великой Отечественной войны для работников рудников и обогатительной фабрики. Дома из местного камня, двухэтажные, с одним или двумя подъездами. Здесь не было привычных для Средней Азии глинобитных домов, как не было и привычных для городов неухоженных окраин. Посёлок начался как-то вдруг. Дорога к нему пролегла по выжженной солнцем Дальверзинской степи, потом петляла по саям Карамазара и на одном из спусков вонзалась в посёлок улицей. Здесь, на левой стороне улицы, стояла столовая, несколько ниже и справа – небольшое деревянное сооружение голубого цвета. Это буфет, питейное заведение, названное местными жителями “Голубым Дунаем”. Налево улица поднималась вверх. По обе стороны вдоль арыков росли пирамидальные тополя. Улица заканчивалась метров через двести. Где-то там располагалась и обогатительная фабрика. К моему приезду урановые рудники в районе посёлка были вычерпаны, и руду на фабрику возили самосвалами из других, очень удалённых от неё рудников. Позже и фабрику закрыли, а в её цехах оборудовали завод низковольтной аппаратуры. Направо вниз, буквально через несколько десятков метров дома исчезли, улица превратилась в дорогу, которая после крутого спуска снова превратилась в улицу. Это была нижняя часть посёлка или, как её ещё называли аборигены, “соцгород”. На небольшом взгорье возвышалось здание дворца культуры,

перед ним – крошечный парк, где росли десятка два кустиков и примерно столько же пирамидальных тополей да стояла пара скамеек. Гордость и радость жителей – открытый плавательный бассейн. Вдоль улиц – арыки, вдоль них – тополя.

Горы Карамазар, что в переводе означает “Черная могила”, пустынно, выжжены солнцем. Саи (сухие речные долины) обычно безводные, лишь ранней весной на очень короткое время в некоторых из них появляется вода. В это же время и на такой же короткий срок склоны покрываются зеленью, среди которой то там, то здесь вспыхивают ярким и сочным цветом размахом с большое яблоко тюльпаны – красные и жёлтые. Солнце, давшее жизнь этой красоте, буквально через несколько дней испепеляет своё творение в прах, лишь кое-где на склонах и в саях рядом с редко встречающимися родниками остаются зеленеть одиночные деревья арчи или ивы. Среди вот такой горной безводной пустыни и располагался рукотворный оазис – Адрасман, посёлок горняков и геологов с его бассейном, микропарком, тополями... Здесь мне предстояло жить и работать.

Я сошёл с попутной машины, прихватил свой скарб – маленький чемодан и рюкзак – и направился в контору экспедиции. Каково же было моё удивление и радость, когда в коридоре экспедиции я увидел знакомое лицо! Это был выпускник нашего геолфака, окончивший его на год позже меня. Разговорились. Оказалось, что он работает здесь начальником партии, а когда узнал, что я приехал сюда на работу, то сразу же предложил устроиться в его партию геологом. Естественно, я тут же согласился. Оставалось только оформить всё это у начальства. Потом мы ещё долго расспрашивали друг друга о жизни-бытье, и как-то в этот разговор он вклинил замечание, суть которого сводилась к следующему: несмотря на то, что мы с ним друзья-товарищи, в рабочей обстановке между нами не должно быть панибратства и обращаться к нему в присутствии подчинённых я должен только по имени и отчеству... После такого замечания у меня отпала всякая охота не только работать под его началом, но и общаться с ним – чего доброго, назову его где-нибудь при встрече по имени, а рядом с ним его подчинённый. Откуда мне знать? Неужели надо было говорить об этом? Я понял, что мне с ним не по пути, и после нашего разговора отправился на приём к главному геологу экспедиции. Там всё и решилось: меня зачислили геологом в Туркестанскую партию и в тот же день выделили маленькую комнату в верхней части посёлка. Это было здорово! Наконец-то я стал обладателем ключа от дверей своего жилья!

Мне понравилась быстрота, с которой я был принят коллегами в их коллектив на правах равного. Народ в нашей партии, да и во всей экспедиции был молод, в основном мои сверстники, что упрощало наши взаимоотношения. В эти края геологи приезжали из многих городов Союза и закреплялись здесь на долгие годы, пройдя прекрасную практическую школу поисков и разведки месторождений. Варились в собственном соку, делали ошибки, набивали шишки и, тем не менее, упорно продвигались к цели, к решению стоящих перед ними задач. В таких условиях не было места нытикам, сачкам, зазнайству и высокомерию. Кто страдал такими недугами, долго здесь не задерживался.

Дней через двадцать партия выехала на полевые работы. Это были северные склоны Туркестанского хребта, около 200 км к югу от нашего посёлка. Добирались туда на грузовике, а последние километры 20 – пешком, с караваном ишаков, вверх по склону, заросшему редким арчевником. Лагерь поставили там, где это редколесье закончилось, дальше и выше – царство камней, скал и снежников.

Всё окружающее виделось впервые. Оно поражало величием, основательностью, контрастностью горизонта на фоне голубого неба, близостью этого горизонта, тишиной. Горы, снежные шапки на вершинах... Со временем, когда мы начали маршрутить этот пейзаж, он раскрылся перед нами и другими, совершенно отличными от первоначально увиденных гранями своего бытия. Одни из них вызывали восторг, другие – негодование. Особенно доставалось труднодоступным местам. Тут уж не до восторгов, того и гляди, как бы не загреть вниз.

Начались прозаические будни. Цель наших работ – оценить масштабы ранее выявленного здесь рудопоявления молибдена. Нам, мини-коллективу молодых да ранних, предстояло показать, на что мы способны. А всего-то нас

было два геолога — это начальник партии Шершенбай Озбаканов из Казахстана, у которого это был первый полевой сезон самостоятельной работы, да я со своим полуторасезоньем; ещё техник-геолог Трофим Коцюба из Каменец-Подольска, тоже первогодок в нашем деле, да техник-геофизик Саша, радист по совместительству, постарше нашего брата лет на семь. Были ещё горный мастер Лёша и человек пять рабочих, занимавшихся проходкой канав.

За дело взялись шустро. Задавали канавы, бегали в маршруты, рисовали карту и даже не сомневались в правильности того, что и как делали. Рубили, как говорится, сплеча, без страха и сомнений. Часто, закончив маршрут, мы спускались вниз по снежникам, выделявая зигзаги наподобие слаломистов. Неслись, аж дух захватывало. Однажды, возвращаясь из очередного маршрута с солидным грузом образцов за плечами, я взобрался на узкий язык довольно круто спускавшегося снежника и покатил вниз. Рифлёные подошвы сразу же забили снегом, и они заскользили похлеще лыж, узость снежника не позволяла мне делать широкие развороты и таким образом замедлять спуск. Я понёсся вниз со всё возрастающей скоростью, хотя и пытался притормаживать длинной ручкой геологического молотка. Где-то на середине спуска молоток застрял в камнях, а я ребрами зацепился за ручку. Движение резко застопорилось. Решил больше не испытывать острых ощущений и сойти со снежника. Не тут-то было! Первое движение вызвало страшную боль в груди. Я и так, и эдак — болит! Всё-таки как-то сполз со снежника. Спускаюсь по каменной осыпи, каждое движение отдаётся болью. Кое-как одолел последние километров пять до лагеря. Оказалось, что я сломал ребро. С неделю провалялся в лагере. Поправлялся быстро. Обошлось. Что значит молодо-зелено, ведь учили, зубрили, сдавали технику безопасности, и вот так угораздило...

И снова маршруты, маршруты... Маршрутили четыре дня в неделю, пятый — камеральная обработка собранного за эти дни материала. Хватало в такие дни времени и на то, чтобы привести себя и свою работу в порядок, почитать, отдохнуть. Транзисторов в то время у нас ещё не было, только громоздкие ламповые агрегаты, которые питались от тяжелейших и мало приспособленных для транспортировки выюком огромных батарей. Но и такого приёмника у нас не было. Оторванность от мира полнейшая. Правда, один или два раза в месяц к нам приходил караван с продуктами и почтой. Был ещё один источник информации — это наша рация, при помощи которой радист связывался с экспедицией или, как мы её ещё называли, “большой землёй”. Иногда вечером в трескучем эфире Саша находил какую-нибудь радиостанцию, и из наушников слышался писк человеческой речи или музыки, а чтобы как-то усилить эти звуки, он клал наушники в кастрюлю. Получалось нечто похожее на динамик. Мы же ложились вокруг этого «громкоговорителя» головой к кастрюле и пытались вслушаться в эти звуки. Но такое удовольствие мы себе позволяли не часто, берегли батареи для рации. Один лишь раз мы засиделись, вернее, залежались у нашей кастрюли допоздна, слушая футбольный репортаж.

Кашеварили по очереди. Помню, когда пришла моя очередь, я решил приготовить вареники с картошкой. До сих пор поварским делом я толком не занимался, да и надобности не было в этом. Яйцо поджарить, картошку сварить — ещё куда ни шло, а вот суп, борщ, вареники — не приходилось. Пришлось на ходу осваивать и эту науку. Варили на костре. С супом справился быстро и принялся за вареники. Замесил тесто, наварил картошки и пошёл! Всё по памяти, так, как это делала мама. Леплю. Время идёт. Тесто и картошка вроде и не убывают! И того, и другого приготовил слишком много. Чтобы ускорить процесс, увеличиваю размер вареника. Время летело катастрофически быстро, вот-вот должны были вернуться из маршрутов ребята, а у меня ещё и половины не сделано! Снова увеличиваю размер вареника. Последние получились с добрую ладонь! Успел всё-таки! Уплетали за обе щеки!

Когда второй раз кашеварили, решил зажарить ребятам картошку на второе. Успел ко времени. Картошка удалась, призывно высилась румяной горкой на большой сковороде. Ребята, оседлавшие скамейки у стола и покончившие с первым, с нетерпением ожидали второе. Чтобы удобнее было орудовать сковородкой на очаге, я заранее из арчи выстрогал специальный держак. Так вот этим держакон я подцепил сковороду с картошкой и осторожно понёс от очага к столу. Все ждут. В двух метрах от стола сковорода вдруг срывается с держателя и летит вниз! Срабатывает злополучный закон бутерброда —

картошка внизу, в пыли, сверху сковорода. Все в шоке. Потрясены случившимся. И надо же было такому случиться! Так хотелось угостить вкусным обедом! Придя в себя, кто-то из ребят сказал, что не всё потеряно. Осторожно сняли сковороду, затем так же осторожно собрали картошку, оставив лишь слой, непосредственно лежащий на земле, и съели её. Геологам всё нипочём!

Подобралась незаметно осень, лагерь всё чаще и чаще покрывался серыми тучами, полетели “белые мухи”. Полевой сезон подошёл к концу, мы смотали палатки и перебрались в Адрасман на зимние квартиры. Отчёт защитили на “удовлетворительно”. На более высокую оценку мы ещё не дотягивали — молодые, нет опыта, да и знаний маловато. Лет тридцать спустя по какой-то надобности я извлёк из фондов этот мой первый отчёт и снова перечитал его. Состоялась своеобразная встреча с молодостью. Прочитанное вызывало улыбку. Текст показался мне топорным, сырым, суждения наивными, выводы решительными и безапелляционными. Так было.

Шло время. Я уже привык к новому окружению, появилось много знакомых, друзей. Наша камералка располагалась на окраине посёлка — это каменное здание барачного типа с длинным коридором и комнатами по обе стороны. Здесь, кроме нашей, работало ещё несколько партий. Так что народу было много, перекуры были шумными и продолжительными, чему способствовало отсутствие здесь экспедиционного начальства. Оно занимало отдельное здание и находилось непосредственно в посёлке далеко от нашей камералки. В обеденный перерыв устраивали массовый пробег километра на полтора в верхний посёлок, в столовую. После работы и в выходные дни время проводили в микропарке или в доме культуры, где крутили кино, кружились в такт под радиолу. Там же самодеятельность, в которой принимал участие и я. Любили и подшутить. В одной из партий работал техник-геофизиком Ваня Быхан. Такой простоватый, несколько флегматичный парень, отличавшийся от многих из нас тем, что имел двух малолеток и жену на сносях, которая вот-вот должна была родить. Вот его-то и решил разыграть один из любителей подначки Валя Кавыршин. Он напечатал липовую выписку из приказа по экспедиции, где говорилось, что в связи с увольнением главного геофизика экспедиции на эту должность назначается Иван Быхан. Эту выписку он повесил на доску объявлений. Валентин всех в камералке предупредил, что это розыгрыш. Все были в курсе, и только наш Ваня пребывал в неведении. Прочитав выписку, все устремились к Быхану с поздравлениями, ну и, естественно, с намёком, что это повышение необходимо срочно обмыть. Ваня был на седьмом небе. С удовольствием и некоторым стеснением принимал поздравления и обещал, что обязательно устроит по этому поводу застолье у себя дома через день-другой. Там у него радиола, домашний уют, потанцуем... Народ восстал. Нечего откладывать такое мероприятие, на фиг нам домашний уют с радиолой, давайте устроим всё здесь и сейчас! Ваня сдался. Насобирав денег и побежал по магазинам с двумя помощниками. А в это время в одной из комнат сдвигали столы... Через какое-то время они вернулись с покупками. Резали сыр, колбасу, селедку, открывали консервы и бутылки. Всё было готово к началу торжества. Начальник партии, в которой работал Ваня, зачитал выписку из приказа и поздравил его от всех нас с таким высоким назначением. Был тост. Выпили. Потом ещё и ещё. Ваня уже начал тасовать карты геофизиков. Нашего Сашу предполагал перевести на новое место, что вызвало неподдельный протест захмелевшего Шершенбая. Да такой, что Ваня решил не трогать Сашу. Веселье длилось долго. Прошёл день, другой... Ваню гонят из партии и говорят, что его место теперь там, в конторе, в кабинете старших инженеров. Ваня не знает, что делать. Должны же, вероятно, позвонить оттуда и позвать! Звонка до сих пор нет... Через несколько дней Кавыршин сказал, что пора закругляться с этой игрой. Мы подсчитали все Ванины затраты на банкет, собрали эту сумму, и Валентин понёс её Ване. Отдавая ему деньги, он сказал, что это была шутка, и ты, Иван, извини. Дальше последовала немая сцена, закончившаяся нечленораздельным Ивановым воплем, похожим скорее на стон.

Забегая вперёд, скажу, что через какое-то время его-таки назначили временно исполняющим обязанностями главного геофизика.

Однажды в комнату нашей партии заглянула девушка и заговорила с Трофимом. О чём шла речь, я не знаю, да это меня и не интересовало. Меня заинтересовала сама девушка. На ней была широкая юбка, курточка от лыжного

костюма, а на голове – коричневый берет. Он сидел, как мне показалось, лихо, где-то на затылке и немного набок, а из-под него во все стороны вились белокурые кудряшки. Лицо украшала улыбка. Когда она вышла, я спросил у Трофима, кто эта девушка. Оказалось, что это его однокурсница Нина Тищенко, которая в составе пяти выпускников Каменец-Подольского индустриального техникума была направлена на работу в Таджикистан. Так состоялась встреча с моей будущей женой. До свадьбы, как потом выяснилось, было ещё два долгих года. . . Два года почти ежедневных встреч, переживаний, надежд, сомнений, слов о любви. . .

Потом была свадьба, в январе шестидесятого. Я два года ждал заветного “да” и вот, наконец. . . Собственно, “да” я так и не услышал. Получилось как-то буднично и незаметно, между прочим. Как-то в разговоре я услышал от неё, что вот после нашей свадьбы. . . Ну, и так далее. . . О чём шла речь, не помню. Запомнились слова “после нашей свадьбы”. Надо же, она уже решила, а я ещё макусь! Не поверил ушам своим! И я, чтобы ещё раз услышать об этом, каким-то образом заставил её повторить эти слова и повёл себя так, как будто этот вопрос решён и у меня сомнений не вызывает. Слукавил!

Народу на свадьбе было много, упасть яблоку негде было. Ни её, ни моих родителей на торжествах не было. Вся организация этого действия легла на наши плечи и плечи наших друзей. Столы поставили в комнате, где жила Нина с подругой, всё лишнее перетащили к соседям, стены и потолки украсили листами ватмана с яркими забавными рисунками и оригинальными поговорками в духе нашего торжества. Из моей комнаты также выкинули всё, освободив её для танцев.

В Адрасмане в то время с продуктами было не ахти, и чтобы свадебный стол не выглядел убогим, мы решили съездить в Ташкент и там отовариться. В экспедиции дали машину, и мы с Ниной покатали. Правда, и там полки магазинов не гнулись под тяжестью съестного. Помню витрину рыбного отдела в гастрономе – ни одной рыбёшки, витрина забита синими банками с чёрной икрой. Взяли одну большую. Увидели ром, первый советский ром, изготовленный в Узбекистане. Взяли. Ящик. Покупали ещё что-то, что нужно к столу. Дома с посудой было худо. Закупили большое количество стаканов и хрустальных рюмок. В общем, отоварились солидно, и стол в результате удалось загрузить основательно и вкусно.

Невеста блистала в ослепительно белом нейлоновом (по тогдашней моде) платье и белых туфлях, в которых она вытерпела лишь официальный выход. Они были на номер или два меньше и, естественно, жали. После того, как Нина заняла своё место, она их сбросила под стол. В чём я “блистал” – не помню. Судя по фото того времени, я был даже при галстукке, хотя терпеть его не мог. . .

В тот же год пятого декабря в День Конституции, – был тогда такой советский праздник, который сейчас отменён, – Нина родила сына. Я его назвал Вадимом. Был под впечатлением недавно прочитанного рассказа Лермонтова “Вадим”.

Чтобы соблюсти хронологию событий, вернусь в своём повествовании немного назад.

Полевой сезон 58-го я начал в тех же краях, что и предыдущий, на северных склонах Туркестанского хребта. Не прошло и месяца полевых работ, как меня по рации вызвали в экспедицию. Что за причина, не могу понять. Собрался и двинул на своих двоих и на попутных.

Захожу к начальнику экспедиции Султану Эргашеву. Наслышан о нём как о толковом, знающем специалисте. Да и как человек он у многих вызывал симпатию. На должности этой недавно, до этого был главным геологом этой же экспедиции. Расспросив о делах в партиях, он быстро перешёл к тому из-за чего, собственно, и вызвал меня к себе. Сказал, что решил перевести меня в крупную разведочную партию на должность старшего геолога и теперь вот хочет услышать на этот счёт моё мнение.

За полтора года работы в экспедиции я уже, хотя и немного, был знаком с состоянием дел в каждой партии. По оценкам моих коллег-геологов, почти во всех партиях оно было нормальным и лишь в одной – Кошмагатской – оценивалось как из рук вон плохое. Начальники партии там долго не задерживались, старший геолог всеми правдами и неправдами хочет оттуда уехать и поэтому работает там спустя рукава, работа буксует, плана нет, народ недоволен,

разбегается. А работа там – разведка месторождения. Это механизированная проходка штольни, шурфов, бурение скважин, проходка канав, крупномасштабная съёмка...

Вот в эту партию и сватал меня мой шеф. Я стал отпираться. Упирал на то, что я – университетчик и что в разведке слаб, что этот курс у нас читали всего лишь один семестр, а шурфы, штольни и буровые станки видел лишь на учебных плакатах. Моя стихия – это поиски, а с разведкой я не совладаю. Шеф меня успокаивал и говорил, что ничего страшного, что я научусь, помогут справиться. В заключение сказал, чтобы я подумал над его предложением. На том и расстались.

Уехал в партию в надежде на то, что мои доводы убедили шефа и что на этом всё и закончится.

Буквально через пару недель снова радиограмма: “Логачёву личными вещами прибить центральное хозяйство”. Я понял, что мои доводы не произвели на шефа должного впечатления. Когда я к нему явился, то услышал, что уже есть приказ о моём назначении старшим геологом в Кошмагатскую партию и что срочно надо ехать туда с представителем экспедиции принимать дела.

Этим представителем был Женя Краснов. Под два метра ростом, светловолосый. Ходил полутораметровыми шагами, как будто что-то отмерял. Любил покурить и выпить под хорошую закуску, да и не только под неё. Прослушав когда-то в Московском горном институте три курса, он оттуда ушёл (или его ушли) и появился в этих краях. Сначала работал маршрутным рабочим, потом коллектором, геологом, старшим геологом. Уже гораздо позже он всё же закончил заочно Таджикский университет, а потом защитил диссертацию. Геологию района знал прекрасно и как никто другой в экспедиции разбирался в таком сложном деле, как разведка месторождений. Хобби у него было – любил куковарить, особенно удавались ему пироги из кислого теста, с рисом и яйцом, капустой, визигой, пышные, вкусные. Обо всем этом я узнал, естественно, гораздо позже...

Партия располагалась в сорока пяти километрах от Адрасмана. Это был небольшой посёлок геологов в сухой и узкой долине сая. Несколько щитовидных или, как их тогда называли, финских домиков, два деревянных барака, пара глинобитных времянок, столовая, склад и ещё какие-то подсобки. И родник, который поил весь посёлок вкусной и холодной, до ломоты в зубах, водой. Вот и всё. Вокруг невысокие, выжженные солнцем горы.

Здесь жили и работали круглый год геологи, горняки, буровики, всего около сотни человек. Проходили штольни, шурфы, канавы, бурили скважины. Иногда сюда приезжала кинопередвижка, и в одном из барачков киномеханик прокручивал по частям один, а то и два фильма.

Достопримечательностью посёлка была старая, покорёженная временем и зноем верба, растущая около родника. Однажды весной мы срубили с дерева с десяток веток и посадили их вдоль ручья, вытекающего из родника. Принялись! Пошли побеги... У родника в тени вербы один из местных предпринимателей соорудил дощатый настил, покрытый домотканой дерюжкой, рядом навес, под которым поставил громадный самовар, чайники, пиалы. Настоящая чайхана! Иногда чайханщик варил из свежей баранины вкусную таджикскую шурпу. Помню, бывало, как иногда после изнурительного маршрута по окрестным горам в дикую жару я буквально падал в прохладу этой чайханы и приходил в себя, поглощая чайник за чайником зелёный чай... Но это было позже...

Сейчас я ехал в эту партию принимать геологическое хозяйство. Всё увиденное вокруг не вызывало никаких положительных эмоций. Наоборот. Приживусь ли я в этом, как мне показалось, Богом забытом месте?

Моим предшественником к приёмке была выложена на столы гора журналов первичной документации горных выработок и скважин, разрезы, планы, карты, сотни ватманских листов чистовых зарисовок штолен, шурфов, канав. Всё это накопилось за пять лет работы партии, в течение которых не было написано ни одного отчёта. Я взирал на эту кипу бумаг и с ужасом думал, разберусь ли в их содержании.

Долго мы не копались. Да и был ли в этом смысл? Мне всё это было неизвестно, и чтобы во всё разобрать, нужно было время. Я больше молчал. Представителю экспедиции было всё равно, он не вникал в детали, не выискивал погрешности. Мой же предшественник был крайне заинтересован в

быстрейшем завершении этой процедуры. Я знал, что он давно порывался уйти из этой партии, написал не одно заявление об увольнении. Начальство обещало подыскать ему замену, это тянулось долго, и он грозился бросить всё к черту и уехать. Вот на таком этапе его отношений с экспедицией объявился я. Меня и сосватали... Составили акт: один сдал, другой принял. Потом здесь же в камералке, это событие и отметили. Предшественник с представителем уехали. Я остался один с головной болью и массой вопросов. Разберусь ли, совладаю ли, поймут ли меня те, с кем придётся работать, пойму ли я их?

К концу дня посёлок почти опустел, завтра выходной день, и многие разъехались по своим домам — кто в Адрасман, кто в Ленинабад...

С этого дня началось моё постижение премудростей разведки месторождения, которая была гораздо сложнее тех геологических изысканий, в которых мне приходилось принимать участие прежде.

Из геологов, кроме меня, в партии работал ещё один — Эркин Якубов — и два техника. Несколько позже здесь же появилась и Нина. Работы было очень много.

Одновременно приходилось и дело делать, и учиться, как его делать. Хозяйство большое: в одном месте проходятся каналы, в другом — шурфы, в третьем — штольня, скважины. Закончили рабочие проходку канала или шурфа — надо смотреть, документировать, отбирать пробы. А чтобы не было простоев, надо задавать новые выработки, а где задавать — надо подумать. На самом месторождении надо составить крупномасштабную геологическую карту, фланги проутюжить поисковыми маршрутами. Крутились, как белка в колесе. Геологов на такой объём работ было очень мало, нагрузка на каждого — под завязку.

За бурением скважин нужен глаз да глаз. Буровикам нужны были только метры — это их заработок. Нам же, кроме метров, необходим был результат, для достижения которого существовала целая система мер, к которой буровики прибегали с большой неохотой и только лишь по требованию геологов, под их непосредственным контролем...

Шло время, я познавал премудрости разведки свинцово-цинкового месторождения Баритовая горка. Это довольно мощная и протяжённая баритовая жила с минералами свинца и цинка, залегающая в тектоническом разломе среди вулканических пород. Надо было выяснить масштабы оруденения, выяснить его протяжённость на глубину, на флангах, определить качество руды и многое другое.

Когда сватали меня в эту партию, начальство обещало помощь и всяческую поддержку. Но это были только слова. Никаких поблажек, только втыки, и довольно чувствительные.

Бурилась у нас на участке скважина. До сих пор помню её номер — 28. Двадцать пятое число — закрытие нарядов. Буровой мастер просит меня авансировать метров двадцать проходки, а просьбу свою аргументирует следующим образом: до конца месяца ещё пять дней, за день буровики проходят метра четыре, всего же до первого числа они пробурят минимум двадцать метров. Я упирался, отказывался от приписки. Мастер уговаривал, говорил, что здесь нет никакого криминала, что так делалось всегда, что это не приписка, а лишь аванс, который будет отработан до конца месяца. А если кто-то из бригады уволится или же вся бригада возьмёт да уйдёт, получив деньги за дутые метры проходки, то тогда будет отрабатывать аванс? Это я так пытался возразить бурмастеру... В общем, этот бывалый битый волк меня уломал. Я сдался, хотя нутром чувствовал, что всё это просто так не проскочит... Как в воду глядел. Утром следующего дня на скважине авария. Ликвидируют день, второй, третий — безрезультатно. Прошло пять дней, начали новый месяц, неделя, другая — стоим. Буровики предлагают бросить эту скважину и начать новую. Упираюсь, мотивируя тем, что скважина не выполнила свою задачу. В общем, нашла коса на камень! А что теперь делать с авансом? Вот моя головная боль! Теперь ведь он превратился в обыкновенную наказуемую приписку! Эти липовые 20 метров я должен показать и описать в журнале документации, изобразить эту туфту на разрезе, в паспорте скважины! Единственное, что меня в какой-то мере утешало, так это то, что разрез я знал, он на той глубине не менялся, а главное — до предполагаемой рудной зоны было ещё далеко.

И вот в это время в партию приезжает начальник экспедиции. Перекинувшись со мной двумя-тремя словами, он сразу же предложил съездить на зло-

счастную двадцать восьмую. “Будет очередной втык”, – подумал я. Ночью выпал первый снежок. Подъезжаем к буровой, рядом с которой он увидел небольшой штабель ящиков с керном, припорошенный снегом. По существующим правилам их давно надо было свезти в кернохранилище. Он мне говорит:

– Бардак! Керн под снегом! Куда смотришь!?

Я же ему в ответ:

– Не сахарный, не растает!

Боже мой, что тут было! Разразился в мой адрес несусветной бранью. Во всех грехах и неполадках в партии меня обвинял, а главное – в том, что я срываю план по бурению.

– В шею надо гнать таких геологов!

Прошёл день, второй... Работаю. Пока меня никуда не гонят.

Где-то спустя неделю – в экспедиции совещание. Производственное. В своём докладе начальство вспоминает недобрым словом и нашу партию, и двадцать восьмую скважину. Я не выдержал, выскочил на трибуну, распетушился! Рассказал о том, как меня сватали на должность старшего геолога в эту партию, о том, как я упирался, мотивируя тем, что я не разведчик, а главное, о том, что, уговаривая меня, начальство обещало всяческую помощь. Я сказал, что это начальство забыло о своём обещании и начало моё посвящение в разведчики с головомойки и втыков. Рассказал также и о том, что недавно на мою голову посыпался незаслуженный град обвинений и угроз выгнать “таких геологов”. Чем больше я говорил, тем шибче петушился и в заключение высказал своё неодобрение методикой руководства со стороны начальства.

– Если я как специалист не справляюсь со своими профессиональными задачами, то должен быть перемещён туда, где будет толк. Но не нужно обвинять меня во всех грехах и говорить, что “таких геологов”, как я, надо гнать, а потом всемилостивейше нисходить до тебя и даровать прощение. Не справляюсь я, не на месте – увольняйте, но таких поблажек мне не нужно! – Закончил. Слышу из президиума:

– Это кто же тебя так?

– Вы, Султан Бабаевич!

В перерыве он подошёл ко мне:

– Ну, что ты так распетушился? А ты знаешь, как мне достаётся от моего начальства! Это же работа. И обижаться тут нечего!..

Что я мог сказать? Я был молод, зелен, и радужный цвет бытия ещё не был омрачён такого рода событиями.

Жизнь продолжалась. Нина с сыном не захотела оставаться в Адрасмане и почти сразу же после его рождения перебралась ко мне в посёлок партии. Мы занимали в финском домике одну небольшую комнату, а вторая служила нам камералкой. Здесь находилась вся наша документация, здесь мы обрабатывали полученную информацию. Нина занималась именно этой работой. Рядом с её рабочим столом почти всегда стояла коляска, в которой спал или бодрствовал наш сын. На выходные дни уезжали в Адрасман.

О детском питании мы в то время и понятия не имели. С одеждой для малышей тоже было туго. Достали как-то мягкую ткань фланель. Надо что-то из неё смастерить. Швейная машинка у нас была, но ни Нина, ни я шить не умели. А начинать когда-то надо! И вот я расстилаю эту фланель на столе, сворачиваю вдвое, потом беру Вадима, кладу его на эту фланель, развожу в стороны ручки и обвожу его тело карандашом. Вырезаю. На машине прострочил. В месте сгиба сделал вырез для шеи. Получилась рубашечка. Она долго служила Вадиму. Потом я пожалел, что не сохранил её.

Работа шла своим чередом. Часто лихорадило, горел план, менялись один за другим начальники партии. За мою бытность сменилось шесть человек, в число которых попал и я – очередного сняли, а замену ещё не нашли, вот меня оставили, временно. Командовал я на этой должности месяца три, потом нашли очередную жертву...

На одном из дальних участков надо было вскрыть и опробовать рудную зону. По нашим представлениям, она там шла по руслу сухого сая, скрытая под рыхлыми отложениями долины. Как глубоко она залегает от поверхности, какова мощность этих отложений – неизвестно. Прикинул, что не более пяти метров. Так что шурф глубиной в 10 метров достанет её. По саю проходила дорога, которую накатали наши машины. Рядом с дорогой я и задал этот шурф. Тащить сюда электролинию и пробурить скважину удовольствие дорогое.

Решили проходить шурф вручную. Для таких работ у нас в партии была специальная бригада проходчиков. Вот я им и показал место заложения. Они мне сказали, что место не совсем удачное и что через несколько метров в шурфе может появиться вода, которая затруднит проходку ствола. А поэтому надо переместить место заложения из долины на склон. Я тут же согласился с такими доводами, посчитав, что ничего криминального не будет, если горизонтальная выработка из шурфа, которая будет пройдена с целью пересечения рудной зоны (рассечка), удлинится на два-три метра.

Проходчики – народ опытный, быстро прошли ствол шурфа и на десятом метре начали проходку рассечки в сторону долины. Буквально через несколько дней в рассечке пошли рыхлые породы, “зона”, как утверждали проходчики. На следующий день рано утром я спустился в шурф и увидел страшную картину – рассечка, пройдя скальные породы, уже метра два как идёт по рыхлым отложениям долины, которые в любую минуту могут обрушиться на головы проходчиков. Я быстро поднялся на поверхность и, скрывая волнение, сказал рабочим, что шурф задачу свою решил и дальнейшую проходку я прекращаю.

На следующий день с какими-то делами еду на этот участок. Доезжаем до нашего шурфа, и водитель вдруг с силой жмёт на тормоза: посреди дороги огромный, метра два в диаметре провал, заполненный водой!.. Вовремя я остановил проходку этой выработки! Промедли немного – и беды не избежать бы.

Позже, разбирая случившееся, я обнаружил в нём и свою оплошность. Дело в том, что, перенося место заложения шурфа на склон и подняв его таким образом над долиной, я совершенно выпустил из виду, что в таком случае надо было на такую же величину углубить и сам ствол шурфа.

Главное же, что явилось причиной проходки выработки вхолостую, – это то, что мощность рыхлых отложений в этом месте оказалась гораздо больше предполагаемой.

Шёл третий год моей работы в этой партии. Защитил, наконец, отчёт, расчистив, таким образом, бумажные завалы. Месторождения не получилось. Так – крохи. Представляет лишь минералогический интерес, как говорят геологи в таких случаях. Стали прощупывать фланги, проверяя свои же прогнозы. Результаты переменные – то густо, то пусто. В одном из шурфов почти с первых метров пошла богатейшая свинцовая руда! Шуму было невероятно много, хотя я и старался не трубить преждевременно об этом. На практике не раз бывало, что победные марши сменялись совершенно иной музыкой. В партию зачастило начальство, разворачивались перспективы.

Под богатую руду, вскрытую в шурфе, прошли штольни. В ожидаемом месте её не оказалось, в пробуренных скважинах – мизер. Так начинался участок Новый, продолжить и завершить работы на котором мне уже не пришлось...

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

РЕВОЛЮЦИЯ ГЭЛБРЕЙТА*

К 50-летию выхода в свет “Нового индустриального общества”

В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства.

Станислав Меньшиков

Биографы называли его “экономистом, держащим зеркало перед обществом”. Но он к тому же, как будто обладал ещё и рентгеном, позволявшим видеть то, что скрыто в глубине и неведомо другим.

В книжном шкафу выделяются масштабные по объёму и напоминающие библию красочные фолианты. На обрамлённых золотым тиснением коричневых переплётках готическим шрифтом обозначены имена классиков политической экономии: Адам Смит, Йозеф Шумпетер, Джон Кеннет Гэлбрейт. Сочинения последнего появились в 2008 году к столетию автора, не дожившего до юбилея два с половиной года. Полное название: “Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное”.

Издатели “Эксмо” указали главное в творчестве великого американского мыслителя. Он написал немало и других блистательных работ, но именно эта принесла ему мировую славу. Изданная одновременно в США и в Англии в 1967 году, она через два года появилась и на русском языке. Ознакомиться с ней посоветовал мне выдающийся учёный экономист, профессор Станислав Михайлович Меньшиков, мой научный руководитель, а позже и друг. Он был тогда заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, лично знал Гэлбрейта и способствовал организации перевода его труда в издательстве “Прогресс”. Позже они совместно написали книгу, также изданную на многих языках: “Дж. К. Гэлбрейт, С. Меньшиков. Капитализм, социализм, сосуществование”. М., “Прогресс”, 1988.

“Новое индустриальное общество” сразу же стало событием среди экономистов. Помню, как отец – Н. А. Цаголов, глава кафедры политэкономии экономического факультета МГУ, руководитель авторского коллектива, создавшего известный “Курс политической экономии”, – как-то в беседе проронил:

* 27 марта 2017 года состоялся III Санкт-Петербургский экономический конгресс, посвященный 50-летию выхода в свет бестселлера Дж. К. Гэлбрейта “Новое индустриальное общество”. Два дня позже в Москве об этом же говорилось на Форуме Вольного экономического общества России, проходившем в рамках Недели российской экономической науки. Доклады на них представил наш постоянный автор, д. э. н., профессор Г. Н. Цаголов. Мы публикуем его статью, основанную на этих выступлениях.

“Гэлбрейт – гений нашего времени”. Отец внимательно следил за новинками западной экономической мысли. Ни о каком-либо другом зарубежном исследователе своего времени он так никогда не отзывался.

Личное знакомство с Гэлбрейтом произошло летом 1990 года в Париже. Одной американской консультационной фирмой там был организован международный семинар на тему: “Будущее Советского Союза и Восточной Европы. Экономические реформы и возможности в сфере бизнеса”. В числе приглашённых участников, помимо Гэлбрейта и Меньшикова, оказался и я. Высокий, двухметрового роста Гэлбрейт, выступая с докладом и в дискуссии, зажигал аудиторию, искромётно шутил. Вечером организаторы встречи пригласили нас поужинать в известный ресторан “Максим”. Находящийся в центре всеобщего внимания почтенный мудрец держался просто и непринуждённо.

Становление и расцвет

Он родился 15 октября 1908 года в Канаде, в южной части провинции Онтарио. Его отец, владевший фермой около 60 га, был школьным учителем и главой страховой компании. В 18 лет Джон поступил учиться в местный сельскохозяйственный колледж, где изучал курсы птицеводства и основы слесарных работ. Но когда в конце 20-х годов разразилась Великая депрессия, молодого человека больше заинтересовали экономические вопросы. Свою дипломную работу он защитил в университете Торонто, после чего поступил в Калифорнийский университет в Беркли, где в 1934 году получил степень доктора по экономике сельского хозяйства. Затем преподавал в Гарварде.

На мировоззрение раннего Гэлбрейта оказали влияние произведения американского учёного Торстейна Веблена, особенно книга “Теория праздного класса”. “Влияние Веблена, – вспоминает Гэлбрейт, – продолжалось очень долго. Хотелось, чтобы и одна из моих работ вызвала раздражение у тех людей, которые удобно устроились на высоких тёпленьких должностях. Только потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. М., “Эксмо”, 2008. С. 14).

Отчасти под влиянием идей Маркса и в полемике с ним, Веблен в работе “Инженеры и система цен” (1921) утверждал, что их новое поколение откажется от роли послушных “лейтенантов бизнеса” и передаст власть “Генеральному штабу инженеров и техников”. Веблен полагал, что именно представители технического прогресса смогут вывести общество на “третий путь” между “плутократией капитализма и диктатурой пролетариата”. Эта считавшаяся тогда утопической “технократическая концепция” получила дальнейшее развитие в работах известных американских экономистов Адольфа Берли, Гардинера Минза, Джеймса Бернхэма (“революция управляющих”). Но дальше всех в этом направлении пошёл Гэлбрейт, о чём подробнее ниже.

Несколько позже другим его учителем и кумиром стал английский экономист Дж. М. Кейнс, чья теоретическая звезда ярко светила по обе стороны Атлантического океана и труды которого обосновывали то, что делал президент Франклин Рузвельт. В 1937 году, вскоре после выхода в свет главного творения англичанина – “Общей теории занятости, процента и денег” – Гэлбрейт решил “присоединиться к этому Храму”. Получив в рокфеллеровском Совете по исследованиям в области социальных наук стипендию на год, он поступил в Британии в Кембриджский университет, где мог слушать лекции Кейнса.

Хотя Гэлбрейт никогда не относился к марксистам, он высоко ценил труды немецкого классика и не раз ссылаясь на них в своих книгах, подмечал, например, что “никто, кроме Маркса, не предвидел, что экономика гигантских корпораций станет сутью экономической системы”. В книге-диалоге с Меньшиковым Гэлбрейт замечает: “Йозеф Шумпетер (*крупнейший австрийский экономист, с конца 30-х годов живший и работавший в США. – Г. Ц.*) называл Маркса одним из величайших учёных всех времён, и, откровенно говоря, я считаю Маркса слишком крупной фигурой, чтобы целиком отдавать его вам, социалистам и коммунистам” (Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. “Капитализм, социализм, сосуществование”. С. 79).

В конце 1930-х годов Гэлбрейт становится гражданином США и преподаёт экономику в Принстонском университете. Вскоре его приглашают на работу в аппарат администрации Рузвельта, а с началом войны назначают главой

федерального ведомства по контролю над ценами. Гэлбрейту удаётся предотвратить гиперинфляцию. Сразу после войны он возглавил союзническую комиссию по изучению последствий бомбардировок германской промышленности. Вывод комиссии был неожиданным для властей Вашингтона: ущерб военно-промышленному потенциалу фашистского режима был минимальным. Особенно осторожно американцы бомбили находившиеся в Кёльне заводы Форда. В 1946 году Гэлбрейт руководит Службой обеспечения экономической безопасности в Государственном департаменте. С 1943-го по 1948 год он входил в редколлегию журнала «Форчун». Именно тогда он стал много писать. Затем Гэлбрейт возвращается в Гарвард. Аудитории профессора переполняются студентами, многие слушают его стоя.

В 1952 году вышли две книги Гэлбрейта: «Американский капитализм: концепция уравнивающейся силы» и «Теория контроля над ценами».

В первой развенчиваются мифы о свободной рыночной экономике и рассматривается вопрос о концентрации экономической мощи. Он описал различные виды давлений, к которым прибегают корпорации, профсоюзы и государство, старающиеся противодействовать друг другу, в результате чего возникает некое равновесие, благодаря чему экономика остаётся более или менее стабильной. До Гэлбрейта никто из немарксистских учёных не отмечал положительную роль профсоюзов и рабочего движения в развитии и преобразовании современного капитализма. В вышедших в 1980-х годах мемуарах Гэлбрейт, правда, признал, что практика показала, что три десятилетия назад он несколько преувеличил их «уравнивающую» силу.

В «Теории контроля над ценами» Гэлбрейт обобщил опыт, накопленный им во время работы в департаменте по ценам. Труд получил высокую оценку со стороны специалистов. «Единственная сложность с этой книгой, — отмечал Гэлбрейт, — вызвана тем, что её прочитали всего пять человек. Может быть, десять. После неё я решил, что больше никогда не буду зависеть от мнения технических экономистов (technical economist), которые обладают огромной властью в стране и игнорируют то, что я написал. Я решил ориентироваться на более широкий круг читателей» (Гэлбрейт Дж. К. «Избранное». С. 16).

Через несколько лет он выпускает ещё две книги, но уже предназначенные для массовой аудитории. Они становятся бестселлерами.

В работе «Великий крах 1929» он пролил свет на ошибки, совершённые в предкризисный период, и высказал предположение, что некоторые из них могут повториться. Когда книга появилась (1955), Гэлбрейт выступил на слушаниях в Сенате и заявил, что следующий крах неизбежен. В этот день фондовый рынок обвалился, и в его адрес посыпались обвинения в случившемся.

«Общество изобилия» вышло в 1958 году. Автор выявил корни существования зон хронической стагнации и бедности в самой богатой, бахвалящейся внешним изобилием капиталистической стране. Обрушившись на неоклассическую догму, согласно которой рядовой потребитель — это и есть некоронованный король рынка, он показал, что в действительности свои законы рынка диктуют крупные концерны. Часть книги посвящена разоблачению паразитического потребления богатей. США выпускают много товаров, но предоставляют обществу мало социальных услуг. Стремление произвести как можно больше товаров ведёт к опасности усиления инфляции и экономического спада, чему в значительной степени способствует искусственно наращиваемый спрос на второстепенные и вообще ненужные продукты, поощрение людей чрезмерно активно прибегать к потребительским кредитам и слишком высокая ставка на частный сектор за счёт общественного.

Указывая на важность экологического движения за десять лет до того, как это направление стало считаться важным, Гэлбрейт ставил вопрос: стоят ли такие явления, как увеличение объёма продукции или повышение эффективности, того отрицательного влияния, которое они оказывают на окружающие нас воздух, воду и территории, располагающиеся в сельских местностях? Он призывал изменить ценности, остерегаться рекламных приманок, быть сторонником хорошего жилья и оказывать помощь искусству.

С середины 1950-х годов Гэлбрейт становится советником по экономическим вопросам влиятельных политических и государственных деятелей. Был наставником губернатора Иллинойса Эдлая Стивенсона, кандидата от Демократической партии на выборах на пост президента страны в 1952-м и 1956 годах.

Гэлбрейт сотрудничает и с президентом Джоном Кеннеди, бывшим его студентом в Гарварде. Когда в 1952 году Кеннеди избирают в Сенат, он обращается к своему бывшему профессору за советами. Став хозяином Белого дома в 1960 году, Кеннеди назначил Гэлбрейта послом в Индии. Находясь в Южной Азии, учёный критически относился к внешней политике своей страны и постоянно высказывал резкие суждения в шифровках президенту, минуя госдепартамент. В послахе он продержался недолго.

После убийства Кеннеди гарвардский профессор участвовал в разработке федеральной программы по борьбе с бедностью, предусматривавшей пособия малоимущим семьям и медицинскую помощь престарелым. Он являлся спичрайтером президента Линдона Джонсона и занимался составлением программы Великого общества. Но затем их отношения испортились из-за разногласий по вопросу о войне во Вьетнаме: Гэлбрейт выступал активным противником эскалации американского милитаризма.

Новое индустриальное общество

В ходе работы над “Обществом изобилия” Гэлбрейта осенила мысль, что в американской экономике произошли радикальные перемены, противоречащие исходным постулатам учебников по экономике, в том числе и наиболее известному из них – будущему лауреата Нобелевской премии по экономике Поля Самуэльсона. Гэлбрейт решил изложить новые идеи в следующей книге, первый набросок которой он закончил к 1961 году. Но когда его назначили послом, пришлось положить рукопись в сейф. Гэлбрейт вновь вернулся к ней в 1963 году. “Если бы не перерыв, связанный с дипломатической работой, я, пожалуй, опубликовал бы худший вариант. Я бы посоветовал каждому автору, если он не может стать послом, хотя бы взять продолжительный отпуск и использовать его для размышлений”, – писал он (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 32–33). Автор неустанно работал над рукописью ещё три года. “Данная книга – здание, более ранняя книга – окно: оно позволило впервые заглянуть внутрь” (там же. С. 33).

В мемуарах Гэлбрейт вспоминает любопытные детали, предшествовавшие её выходу: “В конце 1966 года книга была завершена и отправлена издателю. Той же осенью Би-Би-Си пригласила меня прочитать лекции в Лондоне, и я взял с собой гранки, чтобы порадоваться им и внести исправления. Мои лекции должны были содержать в сжатом виде идеи этой книги. Сначала с удивлением, затем с ужасом и, наконец, в абсолютном гневе я обнаружил, что мой редактор в “Хоутон Миффин”, обычно в высшей степени сдержанный и осторожный, решил исправить и сделать более ясной мою терминологию. Конкуренция стала “свободной конкуренцией”, все упоминания капитализма были переделаны в “нашу американскую систему свободного предпринимательства”, рынок превратился в “свободный рынок”. В виде жеста примирения и успокоения издательство набрало заново почти всю книгу. С того времени я избавился от такого рода редакционных исправлений” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. С. 1019, 1020).

В чём же заключается основная идея нашумевшей книги? На Западе, как известно, утвердилось мнение, что главным регулятором экономики капитализма является рынок, из чего вытекает превосходство покупателя над производителем. Гэлбрейт доказывает обратное. Рыночные отношения остались лишь во второстепенной части экономики. В доминирующем же мире крупных корпораций их вытеснила противоположная рынку “планирующая система”. И произошло это в силу целого ряда обстоятельств.

Власть в большом бизнесе перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов и других носителей знаний, которых Гэлбрейт называет *техноструктурой*. Решения принимаются ими коллегиально, а не единолично собственниками фирмы, как раньше. “Современный руководитель – дитя организации, а не наоборот... В своё время Джон Рокфеллер, Дж. П. Морган и Генри Форд считались звёздами первой величины. Их капиталистическую власть повсюду либо приветствовали, либо разоблачали. Сейчас никто, за исключением узкого круга деятелей корпораций, не знает фамилий руководителей компаний “Экссон”, “Морган Гаранти”, “Форд”. На фондовой бирже не происходит никаких потрясений, если руководитель

одной из этих фирм уходит в отставку, запивает или получает инфаркт. Рынок признает реальное положение вещей, а оно состоит в том, что власть принадлежит организации – техноструктуре” (там же. С. 754, 1018).

Если владельцы капитала заинтересованы в максимальной прибыли, то у техноструктуры иные мотивы. Она стремится к обеспечению стабильного роста компании, что приносит её членам надежные оклады и бонусы, способствует сохранению должностей и карьерному росту. В случае увольнения для них заботливо готовятся “золотые парашюты”. Стремясь отгородиться от превратностей рынка, техноструктура с помощью рекламы и других средств оказывает на потребителя мощное воздействие, навязывая ему всё новые модификации своей продукции и заставляя его покупать то, что ей нужно. С усложнением производства потребность фирм в гарантированном сбыте и замене рынка планом становится всё более настоятельной. Поскольку проектирование и производство самолётов или автомобилей занимает несколько лет, то такая нужда становится вполне понятной. “Нельзя отрицать свидетельств того, что производитель влияет на потребителя. Никакое другое стремление так не проявляется; огромная индустрия убеждения посвящена этой цели. Даже беспристрастный взор экономиста не в состоянии совершенно укрыться от настойчивого мира телевидения” (там же. С. 752).

Между тем, малый и средний бизнес по-прежнему не располагают такими возможностями воздействовать на рынок. Они с трудом выживают в острой конкурентной борьбе между собой и под гнётом большого бизнеса. Таким образом, в экономике, по Гэлбрейту, возникла *бимодальная* (двойственная) система. Но в учебниках по “экономикс” по-прежнему исходят из доминанты законов рынка, что совершенно неверно и требует пересмотра.

В изданных в 1981 году и переведённых на русский язык в 1986 году мемуарах “Жизнь в наше время” Гэлбрейт замечает: “Для пишущего учебник самое мудрое – высказать точно то, что уже сказано ранее, с небольшими вкраплениями чего-то новенького, что издатель выпятит в своей рекламе. Тем самым обеспечивается спокойное принятие учебника к изданию, между тем как автор, который смело вторгается в реальную жизнь, например, в мир большой корпорации, многим рискует... Такой взгляд на экономическую, социальную и политическую жизнь позволял и до сих пор позволяет каждый год обучать сотни тысяч студентов экономической теории, не допуская мысли о том, что в силу своих врождённых и органически присущих черт крупная корпорация оказывает влияние на цены, стоимость, технологию, вкусы покупателей, военные расходы и правительственную политику. Правда, не всех студентов можно убедить в этом. Но зато гораздо спокойнее, если тема власти корпорации не становится предметом открытого обсуждения” (там же. С. 1015, 1016).

А в статье “Время и “Новое индустриальное общество”, опубликованной в 1988 году, Гэлбрейт так же не без юмора акцентирует внимание на следующем: “Наше сопротивление переменам вполне соответствует нашим же социальным и экономическим интересам. В служении этим интересам теория рынка (подчинение всех решений и действий всеобъемлющей рыночной власти) умалчивает об очень неудобной реальности, в которой осуществляются разнородные усилия крупных корпораций по овладению властью. Как было бы хорошо, если бы, как в наших рекомендациях и теориях, вся экономическая сила подчинялась бы всеобъемлющей силе рынка. И некоторые провалы экономикса в ответ на вызовы меняющегося мира лежат на совести вредных учебников. Эти книги, говоря без пренебрежения, написаны не для того, чтобы показать реальность, а для того, чтобы получить признание. Итак, взоры обращены не на изменчивую реальность, а на ранее принятые взгляды. И, увы, экономисты неизбежно начинают верить в то, чему сами учат” (там же. С. 755).

Свершившиеся изменения, подчёркивает Гэлбрейт, льют воду на мельницу техноструктуры, но не всего общества. Потребителю навязывается масса ненужных товаров, или *симулякров*, как выражаются сегодня. Там же, где существует контрактная система, техноструктура срашивается с государством. В военно-промышленной сфере это приводит к усилению милитаризма, так как заинтересованные в непрерывном расширении оборотов своей продукции производители оружия используют союзников в политических и оборонных ведомствах для раскручивания маховика гонки вооружений:

“Крупные производители оружия – “Локхид”, “Дженерал дайнэмикс”, “Грумман”, аэрокосмические филиалы “Текстрона” или “Линг-Темко-Воут” – предлагают Пентагону системы оружия, которые, по их мнению, выгодно разрабатывать и производить. Министерство обороны сообщает им о системах, к получению которых стремятся вооружённые силы. Окончательное решение затем оправдывается либо необходимостью идти в ногу с Советами, либо необходимостью оставаться впереди Советов. Две бюрократии, одна государственная и другая номинально частная, сильнее, чем одна” (там же. С. 575).

Гэлбрейт предлагает национализировать военные концерны, что ограничило бы лоббизм и гонку вооружений. В связи с этим он прямо говорит о том, что “новый социализм... навязывается обстоятельствами” (там же. С. 570). Но к выводу о “новом социализме” подводит не только это. К тому же подталкивает и общая необходимость искоренения пороков, связанных с расширяющейся властью техноструктуры. Поэтому Гэлбрейт призывает к расширению зоны “нового социализма” и внедрению **централизованного планирования, охватывающего основные пласты американской экономики**: “Понадобится создание государственного планового органа. Он, в свою очередь, должен находиться под строгим надзором со стороны законодательных органов, так как именно здесь встретятся самые трудные из проблем общественной компетенции. Требуется планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а общественные интересы” (там же. С. 606).

При этом, считает Гэлбрейт, в этом заинтересована и часть “рыночной системы”, поскольку такие её области, как медицина, образование или искусство, нуждаются в защите и государственном регулировании.

Надежду на реализацию необходимых реформ американского общества Гэлбрейт возлагает на “сословие педагогов и учёных”, которое в связи с потребностью производительных сил в интеллектуальном труде становится всё более многочисленным.

Высказанные “социалистические” идеи спровоцировали травлю Гэлбрейта со стороны американского экономического сообщества и политического истеблишмента. Одни тщились отлучить его от экономической науки и заявляли, что “Гэлбрейт не экономист, а социолог”. Другие не останавливались перед грубой руганью, не имеющей ничего общего с академическими традициями. Так, гарвардский профессор, будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу поместил в университетских учёных записках непристойный пасквиль. Между тем, Гэлбрейт лишь беспристрастно констатировал объективные тенденции экономического развития и высказывал вытекающие из этого рекомендации по реформированию американского общества. “Форчун” – журнал, в котором он когда-то работал, – теперь уже предостерегал читателей: “Гэлбрейт подрывает существующее логическое обоснование капитализма” (там же. С. 1021). Естественно, тем самым он навсегда закрыл себе дорогу и в Нобелевские лауреаты.

Особый интерес представляет заключительная часть книги “Новое индустриальное общество” – “Приложение о методе экономических исследований и особенностях дискуссий по социальным вопросам”. Она начинается с вопроса о специализации. Гэлбрейт отмечает, что его книга не ограничивается анализом узкого круга вопросов и что при её написании он использовал многие труды в качестве опорных конструкций. “Но всё же следует помнить, – замечает Гэлбрейт, – что специализация в науке – это удобство, а не добродетель” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 465). Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. Как это переключается с Марксом, подмечавшим: “В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым уступам” (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 25).

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мысль, что исследование крупного пласта изменений предполагает необходимость дополнить, а возможно, и по-новому осветить работы узких специалистов. И не без элементов сарказма формулирует следующий вывод: “В экономической науке (и в общественных науках в целом) правомерно проводить различие между квалифицированными и неквалифицированными работами. Что же касается различия между работами

широкого и узкого профиля, то здесь имеется меньше оснований для категорических суждений, понятных только в том случае, когда человеку, восхваляющему свою собственную линию, необходимо поддержать чувство уважения к самому себе” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 468).

В работах Гэлбрейта вообще и в книге “Новое индустриальное общество”, в частности, читатель не встретит таблиц или графиков, часто находящихся в иных экономических исследованиях. Его труды отличаются на редкость ясным выражением мыслей. Эта непринужденность и раскованность стиля, по словам Гэлбрейта, “приходит, когда я работаю над четвертым или пятым вариантом рукописи” (там же. С. 31). Задача, связанная с изложением материала, представляется Гэлбрейту ещё более трудной, чем задача исследования. “В экономической науке мало имеется (если вообще имеется) таких дельных идей, которые нельзя выразить понятным языком. Неясность изложения редко свидетельствует (если вообще когда-нибудь свидетельствует) о сложности рассматриваемого вопроса и никогда не служит подтверждением недосягаемости учёности. Она обычно говорит либо о неумении излагать предмет, либо – что бывает чаще – о путаных или незрелых мыслях” (там же. С. 469).

О конвергенции

Тезис о сходстве и конвергенции двух противоположных социально-экономических систем встречается во многих работах Гэлбрейта. Предварительно знакомя читателя с идеями книги “Новое индустриальное общество”, он уже в первой её главе сообщает, что один из основных выводов его анализа “заключается в том, что происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем” (там же. С. 42).

В 1960-е годы эти идеи высказывали такие столпы общественной мысли, как П. А. Сорокин, У. Ростоу (США), Ян Тинберген (Нидерланды), Ф. Перру и Р. Арон (Франция). Пионером стал выдворенный в 1922 году на “философском пароходе” из Советской России и осевший затем в Гарварде социолог Питирим Александрович Сорокин. О конвергенции он упоминает ещё в работе “Россия и Соединённые Штаты” (1944). А в 1960 году вышла книга “Взаимная конвергенция Соединённых Штатов и СССР”. В ней им высказана гипотеза: “Господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный... Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьёзных дефектов каждого типа” (<http://www.km.ru/referats/333281-pitirim-sorokin-russkaya-sotsiologiya>).

Апеллируя к растущему сближению двух систем, учёные выводили возможность мирного сосуществования и предотвращения ядерного апокалипсиса. Желая смягчить острые углы капитализма и провалы рынка, Запад вполне сознательно заимствовал у социализма немало полезных для него свойств: элементы плановой системы хозяйствования, перераспределение доходов через бюджет и налоги, что сглаживало социальные контрасты и кризисы. С другой стороны, и реальный социализм, стремясь не уступать в экономическом соревновании капитализму, временами пытался включить в свой арсенал прибыль, предприимчивость, рыночные механизмы и стимулы.

Из всех аналитиков Гэлбрейт глубже всех раскрыл экономические корни конвергенции. К этой теме он не раз возвращается и во многих других работах. Так, в 1980-х годах он пишет: “Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. То же касается и побудительных мотивов. Я изучал их в Советском Союзе и пришёл к следующему удивительному заключению. Крупным организациям, где бы они ни существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же сложности, они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. Побудительные мотивы – желание получить одобрение коллег, идентификация с задачами организации, стремление приспособить их к своим собственным – похожи, если не одинаковы. Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В широком смысле, они движутся друг к другу – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии

и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам” (Гэлбрейт Дж. К. “Избранное”. С. 1019).

В последней главе “Нового индустриального общества” Гэлбрейт предвещает, что идеи конвергенции в силу идеологических и классовых факторов ещё долго окажутся невостребованными ни на Западе, ни в социалистическом мире. “Из всех слов, имеющих в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами. . . Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации. . . Сказанное здесь о конвергенции двух систем **не скоро получит всеобщее признание** (выделено мной. – Г. Ц.). Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно. . . Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее” (Гэлбрейт Дж. К. “Новое индустриальное общество”. С. 452–455).

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле “не повезло”. Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина – идеологические и классовые факторы. А в социальной науке они весьма значимы.

Стеснённые марксистскими постулатами, советские авторы с порога отвергали такие взгляды, называя их “очередной и опасной выдумкой буржуазной идеологии”. На Западе же после краха СССР и победы в холодной войне посчитали, что наступил капиталистический “конец истории”. Мейнстрим продолжал исповедовать старые постулаты, а Гэлбрейта и других апостолов конвергенции замалчивали.

Между тем, практические предтечи конвергенции появились ещё в 20-х годах прошлого века. После Октября 1917 года большевики, радикально руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Не готовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугублённый мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспечённого режима. Но Ленин не был бы собой, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил, был введён нэп. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открылись шлюзы капитализму. В итоге образовалась многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы ещё продолжался нэп. Но он умер, и вскоре почил и нэп.

В статье “О кооперации”, входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: “Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм” (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376). Что конкретно Владимир Ильич имел под этим в виду – остаётся тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Именно нэп дал первый пример эффективности, благотворной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему нэп был так быстро свёрнут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм “беспримесное” плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы. После этого страна

стремительно бросилась в другую сторону – рынка и капитализма, и теперь большую часть времени пребывает либо в кризисе, либо в стагнации.

Между тем, зная конвергенции подхватили другие страны – и на Западе, и на Востоке. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошёл даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире. Дж. М. Кейнс первым заявил, что без государственного вмешательства капитализм потерпит крах. На него сыпались беспочвенные упреки в агитации за социализм, хотя он хотел лишь упрочить и продлить существование буржуазного общества. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских стран. Но больше других в этом направлении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам.

Новое интегральное общество

То, что капитализм и социализм несут в себе две прямо противоположные идеи – либеральную и коммунистическую, – сомневаться не приходится. История показывает, что обе они привлекательны и на каком-то этапе исторического процесса весьма прогрессивны. И вместе с тем, практическое воплощение каждой из них рано или поздно сопряжено с развёртыванием острых противоречий, ведущих к драматическим последствиям, хотя и разного рода.

Мысль о конвергенции или новом интегральном обществе ныне получает второе дыхание. Правда, акценты расставляются уже по-другому. Речь идёт о построении оптимальной модели общественного устройства как комбинации преимуществ капитализма и социализма и отсечении или минимизации их пороков. Подробнее об этом говорится в книге “Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика”. Под редакцией Г. Н. Цаголова. М., Ленанд, 2016. Среди её авторов – академики О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазев, известные учёные профессора Г. Г. Водолазов, С. М. Меньшиков и др.

Мировой опыт последнего времени даёт немало козырей приверженцам таких взглядов. Произшедшие четверть века назад “тектонические сдвиги” отнюдь не поставили окончательную точку над “i”, не решили исторический спор между капитализмом и социализмом. Продолжающий своё развитие под социалистическими флагами Китай с его населением в 1,5 млрд человек стал главным локомотивом мирового экономического развития. Опрометчиво же перешедшая в противоположный капиталистический лагерь Россия хлебнула столько трудностей и разочарований, что теперь всё чаще задумывается о поиске какого-то иного пути.

Вслед за распадом СССР плановое хозяйство было предано анафеме, а государство изгнано из экономики. К голосу авторитетных учёных, наших и зарубежных, предлагавших срединный путь, не прислушивались. “Шоковая терапия” проводилась по лекалам Вашингтонского консенсуса. Разрушение социализма “до основания” означало большевизм наоборот. Итог: уродливая система криминально-спекулятивного, а затем компрадорского бюрократическо-олигархического капитализма. Бывшую сверхдержаву быстро переформатировали в сырьевую периферию мирового хозяйства.

Реальные доходы населения за последние два года резко упали. Предприниматели разоряются в массовом порядке, возрастают безработица и число тех, кто зарабатывает ниже прожиточного минимума, в связи с чем в правительстве участились предложения о введении продовольственных карточек для малоимущих. Тают и наши валютные резервы. Вместе с тем, нарастают бюрократические тенденции, а призывы к ликвидации отсталости экономики, диверсификации так же, как и заклинания о модернизации, инновациях, а последнее время и импортозамещении, увы, не подкрепляются (или почти не подкрепляются) конкретными делами.

Одна из причин нашего неблагополучия – нахождение экономического блока правительства в плену рыночного фундаментализма и либеральных мантр, игнорирование ими заслуживающих внимания альтернативных теоретических наработок. Хотя именно они должны лежать в основе экономической

жизни, служить основой для проведения успешного экономического курса. Долгосрочных “стратегий” и “программ” у нас хватает. Только ни одна из них не сбывается. И ни в одной из них нет даже постановки вопроса о том, в какой общественно-экономической формации мы живём и к чему следует стремиться.

Между тем, становится всё более ясным, что ни прежний социализм, ни утвердившийся ныне в России капитализм (да и капитализм вообще) не отвечают требованиям времени и социального прогресса. Мировая практика демонстрирует не только возможность, но и императив новой формации, совмещающей в себе преимущества предыдущих систем и сводящей к минимуму их пороки. Вопреки укоренившимся предрассудкам и догмам, такое не только возможно, но уже существует.

В связи с непреложными успехами Китая множатся трактовки его “экономического чуда”. Некоторые объяснения сводятся к тому, что он совершил переход от плана к рынку, от социализма к капитализму. Но они не верны. На самом деле там поддерживается плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное или интегральное общество. И это придаёт ему синергетики. Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нём демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: почти 40 лет подряд страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превысила 75 лет.

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

В Индии также действуют оба регулятора. Возглавляемая премьером страны Плановая комиссия определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. В основе текущей 12-й пятилетки лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Темпы роста экономики Индии в последнее время не уступают Китаю, а временами даже обгоняют их.

На постсоветском пространстве конвергентные тенденции явно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают, что в ходе преобразований они руководствовались идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

В современном мире просматривается новое интегральное общество двух типов. В **капиталистическом интегральном обществе** власть принадлежит представителям буржуазии. Там, где у власти находятся коммунистические партии, складывается **интегральное общество социалистического типа**. В этих странах действуют экономические законы и капитализма, и социализма. Здесь отчасти функционирует и социалистический закон планомерного, пропорционального развития, и капиталистический закон прибавочной стоимости. В Китае, например, где компартия насчитывает около 90 миллионов членов, неуклонно повышается жизненный уровень населения. По сути своей, социал-демократическое руководство КНР отодвинуло вопросы классовой борьбы на второй план. Но народовластие в стране не подорвано. В отличие от России, капитализм там носит преимущественно созидательный, а не спекулятивный характер, хотя число миллиардеров возрастает и превышает уже 400 человек – больше только в США. Неслучайно известный западный аналитик Ниал Фергюсон называет сформировавшийся в КНР тип общества “капиталистическо-коммунистическим” (Фергюсон Н. “Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира”. М., “АСТ”. 2014).

Такая интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному жизнеустройству.

Седьмая формация

Спрашивается, каково же историческое место общества нового типа? Думается, что это **седьмая по счёту формация**. Почему? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации научными авторитетами справедливо упоминалась ещё и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов и жидилась на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о “восточной деспотии” особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Симбиоз капитализма и социализма или, наоборот, социализма с капитализмом сегодня, как правило, не вызывает споров у теоретиков. Более того, считается, что смешанное общество идёт на смену “доконвергентным” системам чуть ли не в большинстве стран. Логически же следующий из этого вывод о развитии новой, седьмой формации пользуется значительно меньшей популярностью. Между тем, в пользу такого умозаключения говорит многое. Теоретическая закостенелость вступает в конфликт с неопровержимыми фактами современности, подтверждающими данный тренд.

Факты непреложно свидетельствуют о том, что седьмая формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека. В её основе находится **биполярная, взаимодополняющая планово-рыночная система**. План и рынок не непримиримые антитезы, а разные способы экономического регулирования. Коллизии возникают как раз там и тогда, когда действует лишь один из них.

Продолжающая и развивающая идеи Гэлбрейта теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в результате ошибочно проведённых реформ в системе координат зависимо от Запада бюрократическо-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путём пока ещё сохраняются.

Демонтаж всякой общественно-экономической системы предполагает проект создания новой. Некоторые могут, конечно, сказать (и говорят), что они выступают за нормальный капитализм или *капитализм с человеческим лицом*. Мнение других – вернуться к социализму в его обновлённом и лишённом прежних недостатков виде. Однако оба варианта представляются не вполне адекватными и конкретными. И в самом деле, где начинается и заканчивается норма? Или каковы гарантии, что во втором случае мы не наступим на те же грабли? Но самое важное, пожалуй, заключается даже в другом: не игнорируем ли мы в таких случаях мировой опыт последнего времени? А ведь он явно говорит об императиве седьмой интегральной формации.

Сложившаяся в России экономическую систему определяют по-разному. Долгое время у нас бытовала формула “о переходе к рынку”. Правящей элите она была удобна, так как экономические неурядицы списывались на это состояние. На деле же переход был к капитализму, и он давно завершился. Среди наименований отечественного капитализма довольно часто встречаются следующие определения: мутантный, поздний, периферийный. Справедливо подчёркивая те или иные стороны существующего в стране строя, они всё же, на наш взгляд, не характеризуют самого главного его свойства. Новый российский капитализм прошёл несколько этапов развития и пребывает ныне в бюрократическо-олигархической стадии. В своей основе наш капитализм монополистический, не созидательный, а спекулятивный, зависимый от Запада, сырьевой и периферийный или, вернее, полупериферийный.

Миллиардеры срослись с высшими государственными чинами, и вкуче составляют властвующую элиту страны. Ленинская формула – “сегодня министр – завтра банкир, сегодня банкир – завтра министр” – справедлива для наших дней, как никогда прежде. Государственные корпорации, призванные, по идее, служить созидательным противовесом спекулятивно-компрадорской олигархии, отчасти уподобились тем, кому надлежало давать положительный пример.

В России сейчас официально насчитывается около 80 долларовых миллиардеров. Если отнести их совокупные состояния к ВВП страны, получим 18% –

один из самых высоких показателей в мире (“Forbes № 5, 2015. С. 67). Децильный коэффициент – официально 16 – (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% наиболее бедных граждан) также впечатляет. Но многие исследования говорят о том, что он значительно выше, а в Москве и вообще приближается к 100. В других странах богатства крупнейших собственников, как правило, связаны с созданием того или иного нового товара или услуги. У нас это главным образом результат отъёма прежнего общенародного имущества с помощью пресловутых залоговых аукционов и чисто спекулятивных операций, замешанных на коррупции чиновников.

Именно характер нашего капитализма привёл к системному кризису, в котором страна сейчас пребывает. Экономический блок правительства пытается списать наши невзгоды на внешние обстоятельства: санкции и снижающиеся мировые цены на нефть. Это не так. Понижительная тенденция началась задолго до этого.

Практика показывает, что, сохраняя плановые и социальные преимущества нашего прежнего строя, надо было отказаться от ряда обветшалых положений и сделать капиталистическую прививку – дать свободу предпринимательству, начиная с аграрной сферы, торговли или сферы услуг. В спорах о сути социализма некоторые сторонники концепции “рыночного социализма”, по сути, представляли собой провозвестников и сторонников идеи конвергенции. Для критики с позиции правого марксизма они оказывались весьма уязвимыми. Что и происходило.

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах “вернуться к старому”.

Вследствие закреплённой в новой Конституции России “деидеологизации” возвысились либералы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вёл к всё большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу в нашей стране совершился регресс. Известный мыслитель А. А. Зиновьев неспроста окрестил перестройку “катастрофой”. Впрочем, какая-то конвергенция всё же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее ликвидировано.

Теория седьмой формации даёт ключ к нахождению новой идеологии России. С утверждением этой концепции и принятием её на вооружение появляется возможность верной интерпретации нашей истории, понимания допущенных просчётов, видения нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде её инструмента – планового хозяйства. В экономике необходимо постоянно поддерживать оптимальный баланс между плановыми и рыночными началами.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Адам Смит полагал, что с помощью “невидимой руки” рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Но разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Жизнь человека зависит и от процветания того общества, в котором он живёт, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность. Марксисты же всегда акцентировали на справедливости и социальных аспектах, ставя их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития. В своё время американский писатель Фрэнсис Скотт Фитцджеральд заметил: “Проверкой подлинного разума является способность удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом сохранять способность действовать” (<http://smartfiction.ru/prose/crash/>). И творцам экономической политики для нахождения оптимального курса необходимо следовать этому совету.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Союза писателей России

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОНБАССА

Как издатель с пятидесятилетним стажем и организатор литературного, духовного, исторического поля с помощью книги, знаю, что мы не всегда были довольны изданием альбомов о той или иной области и республике страны, хотя они хорошо оплачивались и выкупались местными властями, да и столица помогала. Но всё-таки во многих из них был отягощающий стандарт: столько-то снимков промышленных предприятий, столько-то бескрайних хлебных полей и комбайнов на них, столько-то лесных массивов и природы, столько-то главных улиц и памятных домов, столько-то знатных людей. Всё вроде бы правильно, но часто терялось что-то своё, необычное, красивое. Нет, нет, не всегда, но иногда не хватало чего-то вроде бы задушевного, лёгкой грусти и радости открытия нового. Но всё равно такие издания вспоминаются как художественная летопись наших земель и нашего времени.

И вот мне подарили новую книгу о людях и земле Донбасса “Земляки”, выпущенную в Донецке при поддержке главы Донецкой народной республики А. В. Захарченко. Вроде те же задачи, та же тема земли, людей. Вроде тот же большой, не очень удобный формат, но... Какая-то радость и душа проступали на страницах этого издания.

И нынче, когда гремят взрывы, погибают дети и бойцы, из глубины лет поступает к нам своего рода сигнал: вот за что сражаются эти люди и за что они погибают, и не сдаются, вот почему у всех нас болит сердце и душа.

Да, с большинством этих исполнителей, о которых написана книга, я встречался, говорил, выпускал их книги...

Даже по разделам альбом необычен. Конечно, ничего плохого нет, когда он начинается с рассказа о предприимчивом предпринимателе, признанном финансисте и банкире, о хорошем хозяине завода. Но последнее время кажется, что наши журналисты и литераторы разучились писать о людях труда, о тружениках, которых 25 лет назад знала вся страна.

Поражаешься, какую героическую летопись вписал в нашу историю трудовой Донбасс. Вот имя, которое известно во всех краях нашей земли и за рубежом: в Китае, Вьетнаме, Монголии, странах Ближнего Востока и Африке — это Стаханов! Как путеводная звезда для всех, кто хотел прославиться трудом. И ведь стал примером, хотя и на его имя проливалось много недоверия и грязи. Не должен же трудовой человек быть звездой — он же не модель, не кинодива, а чумазый человек, сидит себе там, в глубине земли, может, и денежки получает немалые, выпивает, дебоширит. Так и представляли наши либеральные демократы рабочий люд. А он не хотел, чтобы так рассуждали о нём, он продолжал давать высокие образцы духа, заражая молодых трудовым примером.

А вот шахтёр, дважды Герой Социалистического Труда Иван Стрельченко, установивший мировой рекорд по добыче угля в сутки и за месяц, которого с восхищением обнимал сам Фидель.

Помню, как на XIV съезде ВЛКСМ в Кремлёвском дворце окружали молодые люди известного на всю страну шахтёра-новатора Кузьму Северинова. Девчонки, не стесняясь, трогали его Звезду Героя, парни расспрашивали, как ему это удаётся. Кузьма рассказывал, что у них в бригаде все шахтёры такие. На трибуне съезда он обернулся к Президиуму, где сидел Хрущёв, и чётко наставлял его: “Давайте, конечно, с Америкой дружить, а мы, шахтёры-проходчики, пробьём туннель от Чукотки до Аляски, пусть они только деньги дают, а если зарываться будут, то мы покажем им кузькину мать”. Народ в зале хохотал. Никита эти его слова повторил и в Америке, хотя иностранные журналисты так и не смогли перевести слова “кузькина мать”.

Во Дворце съездов я впервые выступил в 1978 году на XVIII съезде комсомола. Мы подготовили в “Комсомольской правде” большой репортаж о выдающейся работе, о рекордах и достижениях молодого шахтёра Саши Михайлова. Этому была отведена перед съездом целая полоса в газете. Когда я назвал фамилию Саши, зал грянул аплодисментами. Саша, делегат съезда, встал и поклонился. Зал встал за ним и с криками: “Молодец, даёшь стране угля!” – долго не мог успокоиться. Журналист Гена Бочаров, который готовил полосу, побывал с Сашей в забое, побеседовал с его товарищами, был и в семье, походил по посёлку, постоял перед курганом и написал от сердца и души, без ложного пафоса, но высоко и сердечно. Так надо было писать о рабочем человеке.

Шахтёров знала и любила вся страна – и фильмы, и песни, и лучший санаторий в Сочи “Шахтёр”. Была искренняя любовь, понимание трудностей работы, улыбка и неприкрытая гордость. Поэт Коля Анциферов писал о труде шахтёра, знакомом ему с молодости, с гордостью и улыбкой: “Я работаю, как вельможа, я работаю только лёжа”.

Наши большие комсомольские стройки, наш энтузиазм вроде бы касались строек на Востоке, в Сибири, на целине. Но не только! Энтузиазм и размах были и в Донбассе. Сейчас некоторые люди у нас в стране в ужасе от зарубежных санкций. Боже мой, да они всегда накладывались на нашу страну.

Помню 1957 год. Наши “друзья-поляки” объявляют, что больше не будут посылать в СССР свой уголь, а продадут его Западу. Власть не дрогнула – решила срочно строить шахты на малоэффективных и не разрабатываемых пластах угля. Было прямое обращение к комсомолу Украины: построить по одной шахте от области. Энтузиазм был высокий, всё закипело. Из всех областей приехали отряды добровольцев-комсомольцев, конечно, и с опытными, зрелыми людьми. За год шахты были возведены. Я тоже привёз туда одну группу молодых ребят, человек 25–30, и был с ними долгое время. Многие были моими учениками из строительного техникума, где они получали профессию строителя, столяра, штукатура. Шестнадцати-семнадцатилетние парни, в основном сельские ребята, жили рядом с одесситами, с которыми была в Николаеве конкуренция. Они спорили: “Николаев возник раньше Одессы. – Откуда вы знаете? – Нам учитель рассказывал”. Пришлось разряжать обстановку и рассказать об истории наших земель. Я уже тогда занимался историей создания Новороссии. Одесская и Николаевская шахты были построены в короткий срок. Я получил нелёгкий радикулит, ибо зимой бегал там в одном плащике – на пальто ещё не заработал, но ребят спасали длинные ватники, о которые с таким презрением говорят теперь наши враги. Да, вся промышленность Сибири, да и Донбасса, строилась в ватниках, и не стоит этого стесняться. Заводы и здания стоят крепко.

Не только шахтёрская “армия труда” была важна для Донбасса, не менее значимой была и металлургия.

Зажигали “свет у мартеновских печей” во время Отечественной и в послевоенные годы на “Азовстали” в Мариуполе, ставили мировые рекорды по выплавке стали герои Григорий Горбань и Макар Мазай. Их имена знала вся страна. Так и представляю их на фоне мартеновских печей, в горячих искрах, как показывали в наших документальных фильмах. Прямо какие-то древнегреческие боги, как Гефест или герой Прометей.

На станции Марьяновка в Сибири, где я жил до войны, да и по всей стране хорошо знали машиниста-железнодорожника из Славянска Петра Кривоноса, который увеличивал скорость своих поездов благодаря умелой форсировке

их паровых котлов. Вся страна знала: в Донбассе самые мощные, тяжёлые и быстрые поезда. В общем, всех столь же славных людей Донбасса – Героев Труда и не назовёшь.

Думаю, что, когда в полной мере наше общество поймёт великую зиждательную роль Героев-созидателей, на памятнике двухтысячелетия России будут скульптурные портреты не только царей-правителей и полководцев, что, конечно, тоже важно, но и своё достойное место займут лица Героев труда и, прежде всего, Герои труда Донбасса.

И, конечно, там должна быть изображена великая героиня, дважды Герой Социалистического Труда, трактористка Паша Ангелина. По её примеру в Союзе были созданы сотни женских тракторных бригад. Многие женщины стали трактористками, что в немалой степени помогло нашей стране, когда все мужчины-трактористы ушли на фронт. Когда присуждается степень доктора наук, то одним из условий является наличие школы последователей. У Паши была не только школа, но целая академия по всей стране.

Высокая, красивая, крепкая. Один из наших друзей за границей назвал её Пролетарской Венерой Милосской. Да, вполне можно и так назвать её.

Ну, а там, где Герои труда, рядом и большая наука Донбасса.

Ну, конечно, первым надо назвать Ефима Славского из Макеевки. Это один из организаторов и руководителей атомной промышленности Союза, бывший в своё время шахтёром, а потом ставший трижды (!) Героем Социалистического Труда. Вот так, наш атом шёл из Донбасса.

А хирург-онколог от Бога, к которому ехала вся страна, – Григорий Бондарь, педагог-новатор Виктор Шаталов из Донецка, которого знали все педагоги, с кем спорили, многих он благословлял на учительство.

А большие государственные деятели Союза – это гордость наша, её пастиры и учителя. Безусловно, это Николай Рыжков. Его школа познания мира, страны объёмна и велика. Это и знаменитый Уралмаш, где пригодилось его шахтёрское начало из Донбасса, а дальше – секретарь ЦК, Предсовмина. Потом трагический Спитак Армении. Чернобыль, где он был, руководил операцией по спасению, вызволял людей из беды. Много лет я состою в МИД-клубе (Московский интеллектуальный деловой клуб) под началом Рыжкова, где выступали все выдающиеся люди страны (митрополит Кирилл, будущий патриарх, мэр Москвы Ю. М. Лужков, Г. Зюганов, С. Миронов, президент АН России и др.). Уверенный, спокойный, наполненный опытом Николай Иванович выслушивал всех, давал спокойные комментарии. После ухода с поста Предсовмина, казалось, он мог почить на лаврах или сломаться, но он взялся исполнять большое, державное дело. Вместе с губернатором Е. Савченко, с белгородцами он создал выдающийся патриотический центр, гениальный музей и духовное Прохоровское поле.

Да, Донбасс связан был своими земляками со всей страной, со всем русским миром.

Но надо бы почаще вспоминать и создание Первой Донецко-Криворожской Советской Республики в 1918 году (Республика позднее была передана из России Украине), её создателя – товарища Артёма (Фёдора) Сергеева. Его именем назывались многие посёлки, улицы и хорошо известный ныне Артёмовск. Аннексией это вроде не назовёшь, ибо передала Украине Донецко-Криворожскую республику советская власть “с целью укрепления пролетарского ядра хуторянской Украины”, но...

В прошлом году в “Нашем современнике” была напечатана моя пьеска-бурлеск “Если бы да кабы...” – отклик на то, как в 1953 году Никита Хрущёв без всякого референдума и опроса населения “аннексировал” Крым у России (РСФСР) и передал Украине (УССР). По сюжету, У. Черчилль и Эйзенхауэр решили дать отпор России, объявить ей санкции, поставить вопрос об агрессии Украины в ООН, начать волнения в стране, но Никита никакого увещевания не послушал (по сюжету, Молотов и Каганович возражали, как было и в действительности). Вмешивался даже Мао Цзедун, обещая прислать пять миллионов добровольцев в помощь СССР. Да солдат Иванов из Крыма и его побратим из Мариуполя, оба награждённые медалью “За взятие Берлина”, выпивают, хохочут, что их хотят разделить: “Никогда этого не будет!”

А вот видишь, хотят нынче...

Ну, а ещё талантливый руководитель промышленности, министр угольной промышленности и даже зампред Совмина СССР Александр Засядько.

Поэт Феликс Чуев, чьей страстью были авиация и Сталин, в самые анти-сталинские годы от Сталина не отказывался. Уже в 70-е годы все оставшиеся поклонники Сталина доверяли ему свои мысли и воспоминания. Делал это и маршал Голованов, и авиаконструктор Яковлев, и В. М. Молотов, и Лазарь Каганович. Именно Каганович рассказал ему историю про Засядько и Сталина. “Это было до войны. Одна из шахт в Донбассе постоянно давала план или даже превышала его. Сталин попросил вызвать директора этой шахты. Прибыл гигантского вида шахтёр, который и организовал эту работу. Это был Засядько. Сталин расспросил его обо всём, а потом задал вопрос: “Товарищ Засядько, а вы водку пьёте?” Тот ответил: “Конечно, пью. – А стакан можете выпить? – Могу. – Наливайте”. Засядько налил и выпил. “А второй можете выпить? – Могу и второй. – Наливайте и пейте”. Засядько выпил. “А третий можете выпить?” Засядько вытер губы и сказал: “Нет, Засядько норму знает”. Сталин отпустил его, а через несколько месяцев предложил назначить его наркомом угольной промышленности.

На Политбюро произошло обсуждение. Каганович сказал: “Засядько же крепко выпивает”. Но Сталин возразил: “Нет, товарищи, Засядько норму знает”.

В общем, в своих личных пристрастиях Засядько норму знал, а в отрасли, в которой он руководил, работал без усталости и без меры.

Ну и, конечно, нельзя было представить нашу жизнь без космоса. Один космонавт превращал страну в космическую державу, а из Донбасса их вышло целых три.

Один из них – лётчик-космонавт, Герой Советского Союза за подвиг на войне и Герой Социалистического Труда за космос Георгий Береговой. Мы хорошо знали его, любили за разумность, за крепкий украинский и солдатский юмор. В издательстве “Молодая гвардия” часто встречались с ним при подготовке нескольких книг. А ещё он возглавлял Всесоюзный поход по местам боевой и трудовой славы, в котором участвовали миллионы молодёжи.

Вообще Донбасс из глубин земли был устремлён в космос. Донбасс – космическая держава.

Тысячи воинов дал Донбасс Красной армии во время Великой Отечественной войны. Назову лишь двух замечательных полководцев из этой книги, Героев Советского Союза генерал-полковника Ивана Людникова, участника Сталинградской и Курской битв, закончившего войну на востоке с Японией, и маршала Советского Союза Кирилла Москаленко, ставшего дважды Героем. А сколько их, известных и неизвестных воинов побед, вышло из Донбасса! И теперь знаменитая битва-сражение за Саур-Могила в 2014 году, курган, где полегли воины и во время Отечественной войны, и сегодня, и героев которой должна знать вся страна, а битва должна стоять в ряду защиты Брестской крепости, обороны Севастополя, битвы под Сталинградом.

Ну и, конечно, созвездие деятелей культуры – целый континент, возвышающийся в стране. Возьмём двух писателей: Павла Беспощадного и Бориса Горбатова. Первый, безусловно, пролетарский поэт, участник знаменитого объединения “Забой”. К его голосу прислушивались в Москве и в Ленинграде, на Урале и в Кузбассе. За его яркое поэтическое слово в честь тружеников забоев ему было присвоено звание “Почётный шахтёр СССР”. Его знаменитые строчки звучат и сегодня как клятва: “Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано!”. А написано это в 1942 году.

Во время войны на фронте и в тылу читали сборники рассказов Бориса Горбатова: “Письма к товарищу”, “Рассказ о солдатской душе”. Помню его роман “Непокорённые”, близкий сегодняшнему дню Донбасса.

А музыканты и певцы от Бога и народного духа Донбасса! Чего стоит народный композитор Владимир Захаров, чьи песни “Ой, туманы мои”, “И кто его знает” звучали во многих уголках России. Высшая почётная, заслуженная им роль музыкального руководителя народного хора имени Пятницкого не случайна – и руководил он самым русским хором страны. Вот она, высокая мелодическая песенная душа Донбасса! А всех певцов этого песенного края, конечно, не назовёшь, не перечислишь. Юрий Богатиков, неизменный Иосиф Кобзон, с которым, кажется, слилась послевоенная песенная эпоха патриотической песни. Конечно, потеря звания почётный гражданин Кобеляк – потеря, хотя и не замеченная особенно никем, а вот почётный гражданин Донбасса, Герой Донецкой народной республики, народный артист Союза – это поистине важно для славы Донбасса и для него лично.

Безусловно, самый выдающийся из композиторов России в XX веке – Сергей Прокофьев, – конечно, тоже из Донбасса. В разделе “Солнечный гений” скромные строчки: “Им создано 130 музыкальных произведений, 11 опер, 7 балетов, 7 симфоний, 8 концертов, писал музыку к кинофильмам”. “Вставайте, люди русские!” – его гимн России из кинофильма “Александр Невский”. Поистине, гений!

Или вот необычное небесное явление – певец Анатолий Соловьяненко. Когда я приходил домой, мама кричала: “Иди, иди, твой Соловьяненко поёт!” Да, он был мой, он был наш! Его голос знали не только на Украине, но и на Камчатке, в Казахстане, Нижнем Новгороде. Он был свой. Его фамилия полностью соответствовала его сути – он был чудесный соловей своей великой страны. Пусть у нас не было Карузо, но у нас был Соловьяненко. И хотя мы, конечно, не умеем придавать своим гениям мирового характера, но народный артист СССР, народный артист Украины, кавалер ордена “За заслуги перед Итальянской Республикой” (!!!) (а итальянцы толк в голосах очень понимают) всё-таки был известен в мире. Надо, чтобы мы тоже помнили о великом певце, именем которого и был назван оперный театр Донецка. Ну, и как бы ни хотелось продолжать ряд земляков-донбассцев, заканчиваю именем композитора Михаила Пляцковского из Енакиева, автора энергичных песен “Морзянка”, “Увезу тебя я в тундру”, “Лада”, “С голубого ручейка начинается река”. Помню, как мы награждали его премией Ленинского комсомола, ибо его песни бойко распевали молодые парни и девушки.

Или могучий танцовщик – лучший танцовщик мира по версии ЮНЕСКО – Валерий Писарев из театра оперы и балета Донецка...

Ну, а когда мы вспоминаем артистов кино из Донбасса, иногда кажется, что весь Донецк переехал на “Мосфильм”, где Николай Гриценко играл в фильмах “Хождение по мукам”, “Анна Каренина”, “Адъютант его превосходительства”, “Два капитана” и др., а красавица Лилия Гриценко из Горловки, народная артистка РСФСР, оперная певица, снималась более чем в 40 кинофильмах: “Черевички”, “Верные друзья” и др.

Ну, а актёр, режиссёр Леонид Быков! Он из Славянского района – какое-то чудо перевоплощения, дивной простоты, и все знали, что, если Леонид играет в фильме, то фильму обеспечен успех. Тут и “Укротительница тигров”, и “Максим Перепелица”, и “Добровольцы”, и “Алёшкина любовь”, и незабываемый фильм всех времен “В бой идут одни старики”.

Всё, заканчиваю, советую ещё раз посмотреть “Земляков”. Ну, как же без спортсменов, да ещё каких! Полина Астахова – элегантная, сильная, красивая. Вот был я на ЭКСПО-67 в Канаде, где целый этаж отвели актрисе Мэрилин Монро из США. Не очень умеем мы делать для мира звёзд. Западные красавицы выбираются по величине и объёму талии и бюста. Ну, у Полины Астаховой с этим было всё в порядке, но она ещё пятикратная олимпийская чемпионка. Как же приучили нас наши гимнастки, что мы самые сильные в мире, мы даже не сомневались в этом, а сейчас? Полина – выпускница Сталинского (Донецкого) техникума физкультуры, заслуженный мастер спорта СССР.

Ну, а великий спортсмен Сергей Бубка, установивший 35 мировых рекордов! Говорят, прыгнул в XXI век.

И, конечно, “самый сильный человек мира”, получивший этот титул от многих спортивных обозревателей, Юрий Власов, мажеевский парень, который был и олимпийским чемпионом, и чемпионом Европы, и обладателем 28 мировых рекордов. Мы в издательстве “Молодая гвардия” выпускали его книгу. Он обладал недюжинной эрудицией, широко мыслил. С ним было интересно говорить не как с гиревым тяжелоатлетом, а как с гармоничным человеком. Да, это были звёзды спорта на весь мир!

Ну, а как же без художников из Донбасса? Сочный, тщательный Кончаловский или аж из XIX века Куинджи с его необычными пейзажами и красками!

Да и вообще, историческое, культурное прошлое Донбасса велико. Достаточно назвать полярного исследователя Седова. Донбасс и Арктика! Вот дуга-то!

А основатель русского кинематографа, его апостол Александр Ханжонков? Он отсюда создавал первые игровые ленты, пророчески снял первый российский полнометражный фильм “Оборона Севастополя” в 1911 году. А всего им и его компанией было создано более 400 фильмов. А знаменитый советский

фотограф, фотокорреспондент с фронтов Победы Евгений Халдей? Его “Знамя над рейхстагом”, съёмки Потсдама, многие его фотографии были предъявлены в качестве доказательных материалов на Нюрнбергском процессе. Все агентства обращались к нему, а он, конечно, давал фотографии и нам в “Молодую гвардию”. Ну, а как же я забыл знаменитого режиссёра кино Ларису Шепитько? Красавица, умница, да и комсомолка, которая подтрунивала над ярыми патриотами: “А я не Ефимовна, а Юхимовна”. Она в составе нашей комсомольской делегации в Японии серьёзно и вдумчиво говорила о кино, беседовала со знаменитым японским режиссёром Акира Куросава, который был автором фильма “Дерсу Узала”. А ведь и она из Донбасса, из Артёмовска.

Ну, вот кажется и всё. Да, нет, не всё из книги “Земляки”, да и по жизни. А вот мне, по крайней мере, ещё нескольких великих из Донбасса не хватило.

Первый – это великий исследователь, учёный и системщик Даль. Он, конечно, больше из Луганской области, но и из Донбасса тоже, где произошло чудо – он создал на его земле свой хрестоматийный словарь, 4-томник русского языка, слога, выражений, пословиц. Он собирал их не где-нибудь, а в Донбассе. Честно говоря, это сногшибательный аргумент о русском мире, что именно Донбасс стал той сокровищницей, которая делает его частью русского мира, частью большой цивилизации и высокоточным духовным оружием от недоучившихся дикарей, которые убивают и истребляют донбассцев за то, что те не так говорят. А они ведь так говорили веками, дали корень и основу словарям и пословицам русским.

И конечно, надо вспомнить и напоминать о святости этой земли, о её святых подвижниках и пастырях.

Жемчужина всего Донбасса и всего Православия – Святогорская Лавра, преподобный Иоанн Затворник, другие подвижники, благодатные чудотворные иконы. Святые места своей земли, святых подвижников должны знать все...

И ещё, конечно, не хватает “Молодой гвардии”, этого примера героизма, самоотверженности, мужества молодых людей в борьбе за Родину.

Все мы знаем и должны были назвать при приёме в комсомол маршалов Победы и молодоговардейцев. Мы знали Олега Кошевого, Ивана Туркенича, Любу Шевцову, Ульяну Громову, Ивана Земнухова. А после войны я встречался с выжившими Жорой Арутюнянцом, Валерией Борц, Радиком Юркиным и другими.

Большой наш писатель, председатель Российского и Международного Детского фонда Альберт Лиханов, когда беседует со школьниками, просит поднять руки, кто читал “Молодую гвардию” Фадеева. Поднимают немногие. Выдохся, обветшал её книжный фонд в библиотеках. Лиханов недавно собрал средства Детского фонда и выпустил “Молодую гвардию”. Но этого, конечно, мало. Нельзя, чтобы “Молодая гвардия” ушла из памяти юных, на неё ведь покушались все эти годы.

Помню, что в 1970 году мне было поручено от ЦК ВЛКСМ присутствовать и приветствовать открытие нового здания музея молодогвардейцев в Краснодоне вместе с Героем Советского Союза лётчиком-космонавтом Борисом Волиновым. Мы были там, беседовали с родителями, живыми героями. Кажется, память о них будет вечной. И вот она стала немного затухать, но в последние годы вспыхнула вновь, чувствуя призыв века. Так, в последние годы на нашем юношеском всероссийском конкурсе “Гренадёры, вперёд!” всё больше сочинений о мужественных молодогвардейцах. Значит, так нужен их пример!

Один из читателей книги “Земляки” сказал: “Тут видишь в Донбассе лучших людей – русских и украинцев”. Да, украинцев, которые показали и подтвердили раньше и сейчас, что вот они и есть истинные украинцы, спаянные воедино со своим братом русским. Как же забыть слова Николая Васильевича Гоголя, сказанные по поводу запорожских казаков: “Да разве найдутся такие силы, которые пересилили бы русскую силу!” И он восхищался слитностью русского и украинского в письме в 1844 году: “Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимуществу ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая

из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве... Русский и малороссиянин — это души близнецов, пополняющих одна другую, родные и одинаково сильные” (24 декабря 1844 года)”.

Вот великие слова великого писателя и мыслителя Гоголя. А наши диспутанты только и повторяют слова Бжежинского о том, что России без Украины не обойтись. Ни России без Украины, ни украинцам без русских не обойтись, ибо они близнецы-братья, родные и одинаково сильные. Донбасс это доказывал и доказывает, а наши враги имеют главную цель — не экономическую, не геополитическую только; главное для них — поссорить наши народы. Не дождётесь!

И ещё, приезжая раньше, в юности, в Донецк, ты оказывался в море цветов. Тот “Миллион, миллион алых роз”, о которых пела певица, был на улицах города. Несколько слов надо сказать и об этих заботниках, украшателях города и земли.

Да, окинув взглядом героев небольшой книги “Земляки”, убеждаешься, что Донбасс — это целый мир, целая цивилизация, покорить которую никому не дано. Эта восхищающая, неизмеримая панорама высоты и глубины. И спустилась с небес золотого человеческого образа — образа духовного, культурного, исторического богатства Отечества, которую дарит нам книга “Земляки”. И вокруг этого сокровища должен быть отнюдь не только политический разговор, а, скорее, философский, мировоззренческий, глубокий разговор, потому что это панорама людей духа, силы, мысли и таланта. Это книга-реквием и гимн этим людям прошлого, настоящего и будущего. В ней заложен приговор злу и смерти. Донбасс не только непокорённый, как писал Борис Горбатов, но и непобедимый!

И кто борется с ним, решив уничтожить, как древнюю Пальмиру, тот борется с целой цивилизацией, а это уже преступление против человечества.

ЕЛЕНА ЛАРИНА,
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ПРЕСТУПНОСТЬ ЭПОХИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА

Власть без порядка

Темпы общественной динамики связаны, в первую очередь, с наиболее динамичным элементом современной цивилизации, а именно со скоростью изменения науки, техники, технологий. Несмотря на то, что, начиная с XVI века, темпы научно-технического прогресса ускорились, они вплоть до последней четверти XX века росли в арифметической прогрессии, а в последней четверти XX века и в XXI веке стали расти по экспоненте. Арифметическая прогрессия предусматривает, что прирост измеряется процентами и носит более или менее стабильный характер.

У читателя может возникнуть вопрос, а какое отношение темпы научно-технического прогресса, в частности, и общественной динамики в целом имеют к закону и квалификации преступного поведения. Отношение они имеют самое прямое. Любой закон в любом государстве — это выверенная, согласованная внутри общества и его правящих элит норма, которая закрепляет прошлый опыт. На протяжении всей человеческой истории законы принимались, исходя из уже накопленного обществом опыта. Грубо говоря, закон — это отражение прошлого в настоящем.

Пока мир был медленным, законы эффективно выполняли свою роль. Будущее в значительной степени было продолжением настоящего. Соответственно квалификация поведения в качестве преступного или благонамеренного в подавляющем большинстве случаев совпадала с фактическим положением дел.

Здесь будет уместно отметить и ещё одну принципиальную для юристов и правоохранителей черту, которая подавляющему большинству населения кажется второстепенной тонкостью. В мире не существует единой системы построения законов. Даже если анализировать европейскую цивилизацию, к которой принадлежит Россия, дела обстоят весьма неоднозначно.

Большая часть европейских стран, включая, например, Германию, Францию, Россию, Италию и т. п., строит своё законодательство на принципах римского, или как ещё его называют, континентального права. Римское право предусматривает, что высшим критерием при принятии любого судебного решения является закон, его статьи, параграфы и т. п.

По-другому дело обстоит в Великобритании и по большей части в США, а также других странах Британского Содружества наций, например, Канаде,

* Начало в №3 за 2017 год.

Австралии, Новой Зеландии и т. п. Здесь господствует так называемое прецедентное право. Законы в этих странах тоже существуют. Однако они играют роль не непреложных истин, а ориентиров для судов присяжных, которые выносят каждый раз вердикт применительно к конкретной ситуации и ранее имевшимся прецедентам, в которых имели место схожие коллизии.

У каждой из систем есть свои преимущества и недостатки. Система континентального права минимизирует роль адвокатуры и других факторов, связанных с наличием или отсутствием у подсудимых финансовых ресурсов, обеспечивает единообразие принятия решений и равенство граждан перед законом. Однако в силу своего единообразия она негибка и консервативна.

Напротив, прецедентное или англосаксонское право максимально подвижно, позволяет идти в ногу со временем и постоянно совершенствовать законодательство через принятие прецедентных решений по мере появления новых явлений и развития не существовавших ранее процессов. Однако эта же система превращает юристов едва ли не в ключевые фигуры общества и ставит страны в полную, почти рабскую зависимость от функционирования огромной и избыточно дорогой юридической машины, включающей полчища адвокатов, юрисконсультов, специалистов по отдельным видам права, экспертам по поиску доказательств и т. п.

В общем, идеального законодательства, как, впрочем, и любых других вещей, в мире нет. У всего есть плюсы и минусы, светлые и тёмные стороны. Однако в любом случае, **чем быстрее развивается научный и технологический прогресс, разворачиваются производственные революции, тем острее становятся коллизии между законом и действительностью**, тем больше возникает “серых” зон, где действительность не ограничена какими-либо законодательными рамками.

Этому способствуют и политические причины.

Сегодня можно говорить о появлении огромных зон беспорядка, хаоса и так называемых несостоявшихся государств. На последнем хотелось бы остановиться особо. Отличительной особенностью нынешнего мира стала фрагментарность. Например, в одних районах Алеппо (Сирия) могут вести упорные бои с применением танков и лёгких ракет, а в других продолжает кипеть жизнь, женщины прогуливают детей и пульсирует тысячами сделок знаменитый Алеппский базар. Если в прошлом в ходе боевых действий разрушения носили ковровый характер, то сегодня они имеют преимущественно очаговый вид. Это ведёт к тому, что на просторах несостоявшихся государств на Ближнем Востоке, в странах Магриба, в тропической Африке действуют функционирующие городские зоны. В них отсутствует полиция, нет судов, улицы не патрулируют регулярные войска, зато отлично действует широкополосный интернет, работает телевидение, действуют небольшие мастерские по производству боевых роботов или видеоконтента. Несмотря, а возможно и благодаря более чем 10-летней гражданской войне в Сомали, этот регион стал известен не только пиратами, нападающими даже на танкеры, но и изготвлением радиоуправляемых пехотных мин. В Месопотамии, где идут непрерывные бои между иракскими вооружёнными силами и войсками американской коалиции с иррегулярными подразделениями ИГИЛ, успешно функционируют студии по созданию компьютерных игр, учебных онлайн игр и видеоконтента. По качеству продукции эти студии, расположенные в небольших городках, не уступают продукции производителей из Лондона и Сан-Франциско. **В современном мире высокотехнологичная преступность всё чаще локализована не в мегаполисах, а в зонах беспорядка и в несостоявшихся государствах.**

Появление крупных региональных объединений, носящих не только экономический, но и отчасти политический характер, в первую очередь, ЕС, НАТО и т. п. привело к ограничению возможностей государств, в том числе в правоустанавливающей и правоприменительной деятельности.

Появление региональных группировок, будь то уже упомянутые ЕС, НАТО или же ЕАЭС, ШОС, является ответом на развитие трансграничного, в значительной мере регионального и даже глобального разделения труда и производства. Или, как говорит известный российский экономист О. Григорьев, происходит формирование компактных технологических зон. Появление указанных и подобных структур является не данью политической конъюнктуры и не прихотью политиков, а производственно-экономическим императивом.

Однако любое такое объединение будет эффективным лишь в том случае, если имеет в арсенале различные, в том числе законодательные и нормативные методы реализации целей. Соответственно такого рода структуры, вне зависимости от желания из создателей, просто в силу собственной внутренней логики развития, будут стараться брать на себя часть государственных функций. Государства же, являясь носителями суверенитета, за которым стоят как властвующие элиты, так и подвластное население, будут стараться воспрепятствовать перетоку полномочий и прав в сторону наднациональных институтов. Собственно, “брексит” стал первой, но не последней ласточкой этого процесса.

Как бы там ни было, благословенные времена Вестфальской системы с однозначно зафиксированным суверенитетом национального государства миновали. Наднациональные органы будут пытаться взять на себя часть суверенитета. Даже в том случае, если эти попытки не увенчаются успехом, любой конфликт между легитимными структурами власти создаёт “серые” зоны для преступников и ограничивает возможности эффективной борьбы с преступностью из-за множющихся споров.

Известный американский учёный Ричард Хаас (Richard N. Haass) в одной из своих последних статей “Мировой порядок 2.0” вообще сделал вывод о том, что в глобализированном мире глобальная операционная система, основанная исключительно на принципе уважения суверенитета **“Мировой порядок 1.0”**, становится всё более неадекватной: происходящее внутри одной страны перестает быть интересом одной только этой страны. Сегодняшние реалии, считает Хаас, требуют обновлённой операционной системы **“Мировой порядок 2.0”**, основанной на идее “суверенных обязательств”: суверенные государства должны иметь не только права, но и обязательства перед другими странами. Причём Хаас причисляет киберпространство к той сфере, где, в первую очередь, целью должно стать создание международных механизмов, стимулирующих препятствие злоупотреблениям. Правительствам, пишет он, придётся постоянно работать в рамках этого режима в соответствии со своими суверенными обязательствами, в противном случае они столкнутся с санкциями или контрмерами.

Часто проблема взаимоотношений между государствами и наднациональными органами маскирует, а иногда и подменяет ещё более серьёзную и опасную в перспективе в политическом плане проблему взаимодействия государства и крупнейших корпораций. Бывшая администрация США Б. Обамы пыталась решить эту проблему в рамках создания Транстихоокеанского торгового и Трансатлантического инвестиционного и торгового партнёрств. Нынешняя администрация Д. Трампа делает всё, чтобы поставить на этих партнёрствах крест. Однако позволим себе высказать гипотезу, что крест поставить не удастся. Более того, в том или ином виде в ближайшие годы эти партнёрства возродятся и будут ратифицированы.

Как известно, краеугольный камень Вестфальской системы – это принцип национального, то есть локального географического суверенитета государства и возглавляющей его правящей элиты. Сложился этот принцип ещё до начала первой промышленной революции. Каждая следующая промышленная (производственная) революция вела к взлому локальных рынков и формированию глобального разделения труда и производства.

Новая производственная революция – не исключение. Как отмечалось ранее, несущей конструкцией, стержневой отраслью новой производственной революции являются информационно-коммуникационные технологии. Если на первом, подготовительном этапе нынешней производственной революции, получившей название “интернет-революция”, основные экономические достижения были связаны с формированием новых торговых рынков, рынков рекламы, пиара и т. п., то на нынешнем этапе **информационно-коммуникационные технологии пришли непосредственно в производство.**

Производственной революции без заметного увеличения темпов производительности труда не бывает. Именно поэтому интернет-революция – это никакая не отдельная революция, а лишь подготовительный этап нынешней. Этап, когда создавался рынок, а также среда для торговли, рекламы, накопления данных и передачи информации.

К началу 2017 года можно выделить примерно 25 крупнейших корпораций, в основном, в Соединённых Штатах, Японии, Южной Корее, а также Китае, Скандинавских странах и Германии, которые займут на период ближайших

10–20 лет лидирующие позиции в производстве робототехники, оборудования для синтетической биологии, 3D-печати, в торговле и дистрибуции, индустрии развлечений и т. п. Например, пять крупнейших по капитализации компаний Америки и мира – это Apple, Google, Facebook, Amazon и Microsoft.

Эти компании действуют по всему миру. Уже сегодня, а тем более завтра будет более важным не то, что, например, Amazon продаёт товары в Америке и в Европе, а то, что облака Amazon и экспортную систему этой компании используют мелкие производители одежды, обуви и других товаров народного потребления по всему миру. Сегодня им трудно работать без Amazon, а завтра они просто не смогут отключиться от него, поскольку иначе остановится весь производственный процесс. Абсолютно то же самое можно сказать про роботизированные комплексы Google по всему миру, гибкие перенастраиваемые на выпуск любой продукции комплексы фаб-лабы, приобретённые недавно Microsoft и т. п.

В результате возникает дилемма. С каждым годом растущее по экспоненте число производителей, логистов и покупателей будет завязано на глобальные компании. А продолжать жить они будут в государствах. Уже сегодня по экономической мощи, например, Google является восьмой экономикой мира. По оценкам МТІ, к 2020 году Google, Amazon и Microsoft обгонят по годовому объёму ВВП России, Бразилию и Мексику.

Поскольку основная деятельность всё растущего числа активных участников производственного процесса и потребителей будет происходить на глобальных платформах, соответственно эти платформы будут просто вынуждены брать на себя функции недопущения преступлений, мошенничеств, хищения средств в рамках организованной на них производственной деятельности. Однако такая платформенная борьба с преступностью не имеет ничего общего с нынешним пониманием системы информационной безопасности. По сути, речь идёт **о необходимости появления в ближайшие годы своего рода международного платформенного законодательства и соответствующих структур, пресекающих и наказывающих за нарушения законодательства.**

Однако в привычном нам мире все перечисленные функции брало на себя государство. Они были неотъемлемыми компонентами его суверенитета. Отсюда несложно предположить, что буквально в ближайшие годы между платформами и государствами будут нарастать споры и антагонизм. В рамках Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств имелось в виду постараться упреждающим образом снять этот конфликт, создав специальные суды, которые могли бы рассматривать процессы, участниками которых являются три стороны: государство как носитель суверенитета, платформы как среда производственной деятельности и коммерческой активности и, соответственно, потерпевший или подозреваемый человек либо группа.

Нет сомнений, в рамках создания партнёрств крупнейшие корпорации преследовали и собственные цели, противоречащие интересам населения и государств. Однако наличие таких эгоистических интересов не отменяет того факта, что в самом скором времени описанные выше конфликты станут реальностью. С ними всё равно придётся что-то делать, если их своевременно не решить. Преступники получают колоссальную фору и перед гражданами, и перед государствами, и перед корпорациями.

Не удастся также вырезать экономикой из деятельности, связанной с деятельностью глобальных платформ. В нынешних условиях это будет означать автаркию, развитие, опираясь исключительно на собственные силы. Принимая во внимание тенденции мировой динамики, страна, взявшаяся проводить такую политику, буквально в течение трёх–пяти лет отстанет от мира больше, чем КНДР сегодня.

Несложно заметить, что изменения возможностей и отчасти роли государств чем дальше, тем больше порождает всё возрастающее число “серых” зон и “чёрных” дыр. В этих зонах и дырах преступники, не признающие национальных границ и использующие различного рода законодательные и властные противоречия между государственными органами, получают шансы и возможности, каких у них не было никогда в истории криминала.

Однако спорами вокруг компетенций и суверенитета между государствами, наднациональными и международными органами, а также корпорациями грядущие неприятности не исчерпываются. Власть беспорядка подпитывается

экспансией человека в среды, не затронутые каким-либо регулированием и законодательной практикой.

Примерно в течение 20 лет интернет как прибежище “гиков”, “нердов” и “ботаников” мало интересовал государственные органы. Лишь в нулевые годы, с появлением широкополосного дешёвого интернета и приходом в него основной доли населения всех развитых стран мира, интернет был тут же осмыслен как пятая сфера, наряду с сушей, морем, воздухом и космосом.

Известно, язык в значительной степени формирует мышление. Слова, которыми мы пользуемся, помимо нашего сознания складываются в определённую картину реальности. Эта картина в итоге превращается в фильтр или тоннель реальности, через который проходят все впечатления внешнего мира. Поэтому использование того или иного термина – вещь не только немаловажная, но и в отдельных случаях небезопасная.

Вряд ли найдётся человек, не знающий терминов киберпространство или интернет-пространство. Соответственно мыслится, что государство в интернете может так же, как и на суше и на море, установить границы, обнести их колючей проволокой и пустить по нейтральной полосе бравых пограничников с собаками. Вся печаль состоит в том, что никакого кибер- или интернет-пространства не существует и существовать не может. Если вода, суша, воздух и космос – это реальные физические среды, то **киберпространство – это типичный мираж**. Никакого киберпространства нет. Существуют электромагнитные и оптические волны. Они пронизывают воздух и космос, при желании их можно передавать в водной среде и под землёй. Однако особенность оптических и электромагнитных волн такова, что, хотя их можно заглушить – экранировать, – их не представляется возможным ограничить.

На практике это означает, что при всей политической важности и справедливости термина информационного суверенитета, связанного, например, с хранением персональных данных на серверах территории той или иной страны и т. п., в чисто производственно-технологическом плане – это нонсенс. Электромагнитное поле планеты Земля, в котором распространяются волны, представляет собой единый неделимый объект, более того, уходящий в космос.

Вся концепция суверенитета, сложившаяся в XVII веке, базировалась на географической локализации. Чётко ограничивалась территория, включая в последующем морское и воздушное пространство, где государство в лице руководителей или властителей могло делать всё, что угодно, и другие государства в это вмешиваться не могли. С электромагнитной средой это сделать невозможно именно по причине её полевого характера. Бесспорно, те или иные аппаратные средства можно разместить в любой географической точке. Однако уже сегодня, а тем более завтра, с появлением квази-квантовых компьютеров, любое устройство, соединённое с сетью, перестанет быть изолированным и, соответственно, может быть достижимо для многофункциональных программ, в том числе шпионского и боевого характера.

Поэтому **концепция информационного суверенитета – это, прежде всего, политическая концепция**. Она предполагает, что подавляющее большинство стран заинтересовано в том, чтобы договориться о невмешательстве в информационные сферы и работу программно-аппаратных устройств и сетей других стран. Основными сторонниками и этого подхода являются Китай, Россия, Индия. Противниками – Соединённые Штаты, ЕС, Япония. Однако парадокс заключается в следующем. В максимальной степени в принятии на международном уровне правовых норм информационного суверенитета заинтересованы, в первую очередь, страны с максимальным уровнем развития информационных технологий, то есть, прежде всего, США, Великобритания, Япония, Скандинавские страны. Чем больше в стране развит интернет, тем она уязвимее против многофункциональных, шпионских и боевых программ. Хорошая новость заключается в том, что администрация Д. Трампа понимает все опасности кибервойн и кибернападений на Соединённые Штаты и, похоже, готова двигаться к заключению соглашения об уважении информационного суверенитета.

Плохая новость в известной степени обесценивает хорошую. **Трансграничная высокотехнологичная преступность бесповоротно отрицает сам по себе подход информационного суверенитета**. Отличаясь от государственных служб пренебрежением к законам, преступность может и уже действу-

ет поверх любых границ, используя межгосударственные споры, недоговоренности и взаимные обвинения.

Более того, сама по себе **кибервойна является лучшей формой проведения операций под чужим флагом**. В недалёком прошлом спецслужбы многих государств, например, нацистской Германии перед Отечественной войной или Соединённые Штаты в период высадки союзников в Италии, а также страны НАТО в 70-е годы использовали уголовных преступников, выдавая их за радикальные политические группы, ориентированные на Москву. Такого рода активные действия получили название “операции под чужим флагом”. В ближайшем будущем можно ожидать, что преступные группировки будут проводить те или иные высокотехнологичные операции, в первую очередь, против финансовых, правительственных и иных структур, маскируясь под государственные подразделения. Если раньше разведчики выдавали бандитов за спецподразделения других государств, то уже завтра бандиты будут маскироваться под спецслужбы, стравливая одни государства с другими. Более того, возможно, что это происходит уже сегодня. Ряд признаков говорит о том, что взлом серверов Демократической партии в США был делом рук многонациональной разветвлённой группировки, заинтересованной в долгосрочной дестабилизации финансовых рынков. При этом взлом был организован таким образом, чтобы он максимально походил на действия российских провластных хакеров.

В конце XX – начале XXI веков люди во многих странах больше всего боялись воцарения *нового мирового порядка*. Как это часто бывает, действительность превосходит самые смелые ожидания, а прогнозы сбываются с точностью до наоборот. Наш сегодняшний, а тем более завтрашний мир наиболее точно можно описать как власть беспорядка.

Гуманитарное измерение преступности

Практики и теории борьбы с криминалом едины в понимании преступности как нарушения национальных и международных законов. Однако современное государство и его законодательная система – это проходящее явление. Были в истории человечества периоды, когда их не существовало. Кроме того, появляется всё больше признаков, что время существования государств не бесконечно, и человечество вновь может оказаться в безгосударственной эпохе.

Кстати, известный экономист и политический деятель Жак Аттали в своей книге “Краткая история будущего” как один из вариантов развития человечества прогнозирует возможное наступление на планете **варварской эпохи**, когда мир погрязнет в разрушительных войнах. А государства, религиозные объединения, террористические группировки и пираты, используя новейшее оружие, будут уничтожать друг друга. Такой ход событий Аттали назвал гиперконфликтом. По существу, реализацию такого сценария мы видим на примере ИГИЛ, Талибана, латиноамериканских наркокартелей.

Кроме того, наряду и бок о бок с современной цивилизацией продолжают существовать племена и народности, как бы застывшие во времени. Антропологи, изучающие их быт и нравы, единодушно утверждают, что даже у самых примитивных племён есть в языке, а главное, в повседневной практике понятия и явления, близкие к тому, что мы понимаем под преступностью.

Множество относящихся к различным временам и народам, всесторонне подтверждённых и многократно проверенных фактов свидетельствует, что преступность как вид деструктивного поведения древнее и шире преступности как деятельности, нарушающей установленные государством или международным правом законы.

В своей основе преступность имеет не политический, а социально-психологический характер. Политическая форма, то есть нарушение законов, установленных властью в лице государства, включает в себе более универсальное содержание. Ещё в конце XIX века этологи и представители других естественных наук установили, а в XX–XXI веках окончательно подтвердили, что преступное поведение неразрывно связано с неоправданной агрессией, деструкцией, нарушающей нормальную жизнедеятельность тех или иных сообществ. На сегодняшний день неопровержимо установлено, что такого рода поведение свойственно не только человеку, но и многим видам млекопитаю-

ших, в том числе приматам, то есть обезьянам. Пожалуй, человек как биологический вид отличается от других высших млекопитающих, включая обезьян, тем, что является единственным биологическим видом, способным к геноциду, то есть массовому немотивированному убийству себе подобных, а также каннибализму, то есть поеданию представителей своего либо родственного вида. Ни одно сложное животное, за исключением человека, ни на что подобное не способно. На сегодняшний день это утверждение перешло из разряда гипотез в твёрдо установленный научный факт.

Столь малопривлекательные черты человека как биологического вида связаны не с каким-то потусторонним злом, материализовавшимся в его природе, и не с врождённой злобностью нашего биологического вида, а с его эволюционными достоинствами. Ещё в прошлом веке выдающийся советский психофизиолог П. Анохин достоверно установил, что поведение любых живых существ базируется на опережающем отражении действительности и адаптации к ней. Анохин в течение экспериментов, длившихся десятилетия, показал, что человек создаёт себе модель будущего в виде цели и затем действует сообразно этой модели. Это открытие позволило ему сформулировать теорию функциональных систем. Эта теория не только признана сегодня всем мировым сообществом, но и, что более важно, легла в основу многих успешных организационных, социальных и иных технологий. Иными словами, прошла проверку практикой.

Поскольку в отличие от других высокоорганизованных живых существ человек, как доказал другой советский выдающийся психолог В. Брушлинский, обладает наиболее развитой способностью к прогнозированию, именно эта способность вкупе с организующей ролью опережающей адаптации и толкает человека как представителя животного мира к агрессивному поведению и девиантным поступкам. Они являются не чем иным, как попыткой заранее пресечь развитие неблагоприятных процессов и устранить конкурентов, которые в будущем могут представлять собой угрозу. Иными словами, порицаемые черты человеческого поведения являются не каким-то отдельно взятым феноменом, а оборотной стороной наиболее сильной способности человека прогнозировать развитие ситуации.

Именно в этой взаимосвязи и заключена глубинная основа девиантного поведения, агрессивных поступков и, в конечном счёте, преступности. При этом сама по себе преступность – это не столько психофизиологическая характеристика, сколько социальное явление. Ещё в XIX веке закончились споры о возможности и способности живого существа стать человеком в одиночку. Сотни примеров детей, похищенных животными либо лишённых общения со взрослыми и в результате так и не овладевших человеческой речью, способностью работы с понятиями и осуществлением целесообразной деятельности, убедительно подтвердили, что человек – существо социальное и может существовать только в группе или сообществе.

Существование сообщества – это более высокая ценность, чем существование каждого отдельного индивидуума. В определённых ситуациях жизни отдельных членов сообщества приносятся в жертву ради существования всего сообщества. Соответственно насилие, агрессия и преступления имеют социальные измерения. Один и тот же агрессивный поступок, вплоть до убийства, в одних случаях может быть не только разрешён, но и поддержан сообществом, а в других – порицаем и жесточайшим образом наказываем. Соответственно преступления – это поступки, противоречащие интересам сообщества и закреплённые, как правило, в различных традициях, нормах и т. п. В этом смысле преступление как нарушение закона – лишь закрепление и оформление гораздо более древнего и мощного основания классификации поведения на одобряемое и девиантное, связанной с интересами сообщества как целостности.

* * *

Социопсихологическая глубинная основа преступности увязывает в тугой узел тенденции развития криминала с динамикой демографических процессов. Ранее уже отмечалось, что мы живём в удивительное время – период демографического перехода. Впервые за всю историю человечества его численность перестаёт расти и постепенно стабилизируется. Помимо и в рамках

демографического перехода имеет место ещё один уникальный процесс, не имевший аналогов в прошлом. Последние без малого 300 лет население в мире и даже в развитых странах непрерывно, хотя и различными темпами, молодело. С конца XX века в развитых странах имеет место прямо противоположная тенденция: происходит старение населения.

Всё было бы ничего, если бы старение населения не сопровождалось усилением неравенства во всех развитых странах мира и стагнацией доходов у среднего класса и менее обеспеченных слоёв населения. Например, в Соединённых Штатах доходы среднего класса не растут с 1985 года, в Германии – с 2002 года, в России рост реальных доходов, имевший место с начала века по 2014 год, за последние три года сменился регрессом, и реальные доходы откатились на уровень 2007 года.

Комбинация старения населения, усиления неравенства и стагнации доходов у подавляющей части населения имеет своим следствием отключение социальных “лифтов”. По сути, все привлекательные места оказываются заняты. В истории в таких случаях, вне зависимости от степени развитости общества, имеет место повышение уровня преступности. Пока в Северной Америке, в Европе и в России эта тенденция не слишком заметна. Объяснение этому удивительному факту весьма простое. Только и именно молодёжь способна занимать рабочие места, предполагающие новые компетенции, знания, профессиональные навыки, которых нет у лиц старших возрастов. Интернет, информационные технологии дали возможность в девяностые и нулевые годы в развитом мире смягчить последствия отключения социальных “лифтов”. Однако с середины нулевых этот компенсаторный этап сходит на нет.

Новая производственная революция с роботизацией, способная, по самым различным оценкам, в ближайшие 10 лет заполнить роботами примерно 40% рабочих мест не только в промышленности и транспорте, но и в сфере услуг, чуть в меньшей степени – в компьютерной индустрии, делает проблему отключения социальных “лифтов” и устройства молодёжи в жизни острой, как никогда в истории. Если общество не найдёт путей решения этой проблемы, то ответом молодёжи обществу будет волна высокотехнологичной преступности.

Демографические процессы с точки зрения динамики преступности имеют и ещё одно измерение. В современном мире происходят парадоксальные процессы. С одной стороны, он непрерывно фрагментируется на отдельные сообщества, субкультуры и т. п. А с другой – стремительно растёт связанность мира. Географические расстояния перестают играть роль барьеров, каковыми они были в прошлом.

В 2011 году известный норвежский историк и антрополог, советник НАТО и правительства Германии Гуннер Хайнсон опубликовал книгу “Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении нации”. За пять лет работа переведена более чем на 30 языков, за исключением русского. В книге Г. Хайнсон обосновывает, используя эмпирическую базу мировой и страновой статистики за 1960–2005 годы, тезис о сильном влиянии демографического фактора на возникновение гражданских волнений и государственных и межгосударственных войн, уровень насилия и преступности в обществе.

В своей книге “Сыновья и мировое господство” Хайнсон даёт объяснение явлению, породившему непредвиденную и необъяснимую волну криминала, терроризма и насилия, которая сокрушает в настоящее время наш мир, назвав это явление “злочастивным демографическим приоритетом молодёжи, (“Youth Bulge” или, дословно, “разбухание молодёжи”).

Определение этого явления подтверждается элементарным математическим расчётом – сравнением количества мужчин в возрасте 40–44 лет с мальчиками в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический сбой происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится меньше, чем 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. В Германии это соотношение равно 100/50, а в секторе Газы – 100/464.

Хайнсон использует термин “демографический сбой”, чтобы охарактеризовать страны, которые будут неспособны сопротивляться “приоритету молодёжи” из других стран. Германия и Япония демографически готовы к сдаче странам, подобным мусульманским, – Афганистану (100 мужчин/403 мальчика), Ираку (100 мужчин/351 мальчика) и Сомали (100 мужчин/364 мальчика).

Насилие, включая рост преступности, имеет тенденцию происходить в тех обществах, где юноши от 15 до 29 лет составляют больше 30% от общего на-

селения. Причины – религия, национализм, отключение социальных “лифтов” и т. п., то есть во имя чего вершится это насилие, – несущественны. Сейчас в мире существует 67 стран с демографическим приоритетом молодёжи, в 60 из них уже происходит либо массовый геноцид, либо гражданская война*.

Первое издание вышло в 2003 году на немецком языке. В 2006 году Г. Хайнсон доработал модель и предоставил прогноз ближайших событий на Ближнем Востоке, который он рассматривал как взрывоопасный регион. Как известно, вскоре началась “арабская весна”, а Г. Хайнсон стал мировой знаменитостью.

Другим шокирующим подтверждением старой истины, что каждое положительное явление и процесс имеет тёмную сторону, стали результаты многолетних исследований, проведённых американскими и британскими университетами в сотрудничестве с полицией Нью-Йорка, Чикаго, Сиэтла, Лондона и Эдинбурга. Эти исследования напрямую связаны с гуманитарным, а точнее – с социопсихологическим измерением преступности.

В течение 17 лет – с 1993-го по 2010 год – исследователи изучали взаимосвязь между преступлениями, совершёнными несовершеннолетними, вызовами родителей в школу и в полицейские участки в качестве профилактической меры, связанной с нарушающим общественные нормы поведением детей, и наблюдением детей у психотерапевтов, психоаналитиков и в центрах реабилитации детей с отклоняющимся поведением. Исследователей интересовали не средние величины, а наличие связи трёх указанных факторов в судьбе каждого конкретного ребёнка.

Полученные результаты были столь неожиданны, что исследователи в течение нескольких лет колебались, публиковать ли итоговый доклад. В итоге он вышел в свет лишь в 2015 году. Если в 1993 году из 100% правонарушителей, чьи деяния были квалифицированы как преступления, у чуть более 30% детей родители до этого в профилактических целях вызывались в школу и менее 7% наблюдались у психотерапевтов и т. п., то в 2010 году показатели оказались следующие: профилактически вызывались родители не более чем у 22% детей, зато под наблюдением психотерапевтов оказалось 34%.

Доклад породил множество споров. Более того, начиная с 2016 года ряд американских, австралийских и французских университетов начал аналогичные исследования, которые должны либо подтвердить, либо опровергнуть опубликованные результаты. При этом в ходе обсуждения чётко выявились две позиции. К одной принадлежали школьные учителя, а также представители различного рода общественных организаций и организаций помощи и реабилитации малолетних преступников. Они обвинили авторов доклада в нарушении научной этики, нетолерантности и сегрегационном отношении к детям. Подавляющее большинство практиков из правоохранительных органов, врачей и психотерапевтов, а также психофизиологов, занимающихся стрессом, горячо поддержали авторов доклада. Их аргументы состояли в следующем.

Футурошок, который испытывают значительная часть населения западных стран, неизбежно ведёт к напряжённости в семьях, а также в отношениях детей и родителей. Стремительно нарастающее число и интенсивность действий стрессовых факторов, особенно в крупных мегаполисах, подтверждённое сотнями независимых исследований на всех континентах, не может пройти мимо психики детей. Детская психика гораздо более подвижна и пластична. В соответствии с эмпирическими факторами и теоретическими прогнозами дети, прежде всего, тинэйджеры реагируют на стрессовые факторы протестным поведением. Далее протестное поведение перерастает, в том числе под влиянием старших сверстников, а также криминальной среды, в преступное поведение.

Хотя спор и не закончен, на состоявшейся в 2016 году конференции профайлеров и психологов полицейских подразделений крупнейших городов Америки был сделан вывод, что всё растущее число молодых преступников имеет приобретённые асоциальные черты типа социопатии, нарциссизма, невротизма и т. п.

Представляется, что в споре правозащитников и правоохранителей правда жизни находится на стороне полицейских, а не общественников. Коль скоро преступность в своей глубинной основе – это не только нарушение закона,

* Г. Хайнсон. Сыновья и мировое господство. Террор при росте и падении нации. <http://www.budyon.org/gunnar-heinsohn-sohne-und-weltmacht-terror-im-aufstieg-und-fall-der-nationen/>.

но и, прежде всего, нарушение общественных норм, традиций и правил поведения сообществ и общин, молодые люди, не идентифицирующие себя с обществом, противопоставляющие себя ему, не видят в правилах и традициях обязательные нормы поведения. Они даже не столько противопоставляют себя обществу, сколько просто не чувствуют и не понимают тех или иных запретительных норм. Они для них не существуют.

В последние годы было проведено ещё одно исследование, заметно изменившее взгляды на преступность. Традиционно не только в Советском Союзе с его марксистско-ленинской идеологией, но и на Западе бытовала точка зрения, что бытие и условия, прежде всего, материальной жизни определяют сознание и поведение. Исследования, проведённые в Европе и в Америке в последние пять-семь лет, позволяют с уверенностью говорить, что в жизни имеет место кольцевая либо циклическая зависимость. Бытие действительно определяет сознание, но и сознание не в меньшей степени формирует бытие и, прежде всего, поступки того или иного человека.

Северо-восточный университет США, Токийский университет и Цюрихский технологический университет по просьбе правоохранительных органов провели в 2011–2014 годах исследования, связанные с влиянием компьютерных игр на психику тинэйджеров. Заказ правоохранителей был вызван при-скорбными, можно даже сказать, трагическими событиями. Начиная с 2011 года в Северной Америке, Европе и Японии не прекращается волна самоубийств среди детей и тинэйджеров. В рамках международной программы по противодействию этому страшному процессу и было заказано исследование в университетах, имеющих мощные бихевиористские лаборатории.

Выяснилось, что у детей в возрасте от 10 до 13 лет, играющих в компьютерные игры на четверть времени больше, чем в среднем по данной возрастной группе, участие или попытка участия в индивидуальных или коллективных самоубийствах больше на 17%, чем в среднем. У тинэйджеров в возрасте от 14 до 17 лет эта доля увеличилась до 23%. Неожданной стала следующая цифра. У тинэйджеров, которые увлечены компьютерными играми больше, чем сверстники, почти на треть выше шанс оказаться среди задержанных полицией за действия, инкриминируемые как уголовно наказуемые.

Доклад имел неожиданные последствия. Несколько крупных международных компаний – производителей компьютерных игр – выступили в специальных изданиях с опровержением исследования и критикой его методологии. В результате компании-производители и университеты-участники программы, а также правоохранители-заказчики исследований провели совместный круглый стол. О его результатах было сказано широко общественности. Выяснилось, что игры играм рознь. Когда организаторы исследования, задокументированного с необычайной тщательностью, исключили из времени, потраченного на игры, стратегические игры, то результаты оказались ещё более ошеломительными. Дети, увлечённые различного рода атмосферными играми, ужасами, имитацией манги, склонны примыкать к движению коллективных самоубийц почти наполовину чаще, чем их сверстники, увлекающиеся играми в пределах нормы. Что же касается преступлений, то здесь ещё более сильная зависимость была выявлена для тинэйджеров, проводящих часы напролёт за различного рода “стрелялками” и аркадными играми. Психологи-практики, выступавшие на круглом столе, сказали, что их результаты исследования ничуть не удивили. Они об этом пишут уже в течение 20 лет. В качестве доказательства были приведены названия статей и книг, изданных на эту тему в мире за последние 25 лет.

Психологи объяснили: не только неокрепшая детская психика, но даже психика тинэйджеров остаётся весьма пластичной, ориентированной на приобретение новых навыков и впечатлений. Чем чаще подросток играет в компьютерные игры, тем слабее его мозг как психофизическая система различает сигналы, поступающие из реальности и виртуального мира. Он начинает жить в единой цифровой реальности. Живя в единой цифровой реальности, подросток на бессознательном уровне запоминает, что в случае плохого итога игру можно отключить, а при неудаче пройти препятствия ещё раз. В результате в реальности у него формируется игровое поведение. Для игрового поведения характерно непонимание необратимости поступков и отсутствие сформированного чувства ответственности за те или иные действия.

Ещё два десятилетия назад географические расстояния, а тем более моря и океаны были трудно преодолимой преградой для антропополюсов. Однако сегодняшний мир стал маленьким в буквальном смысле этого слова. Не только телекоммуникации, но и разветвлённые дешёвые воздушные и морские перевозки сделали Европу и Северную Америку доступными для обитателей других континентов. В XXI веке резкое повышение логистической доступности резонансно наложило на погружение огромных территорий в войны, беспорядки, бедность, нищету. В Европу, начиная с “арабской весны” конца нулевых годов, устремился поток беженцев-эмигрантов из стран Магриба, Леванта, Сирии, Ирака, Афганистана. Великобритания испытывает всё растущий напор иммиграционных волн из африканских стран Британского содружества наций и Индии. В Соединённые Штаты прибывают миллионы мигрантов, частично законных, частично – нет, из Мексики и других стран Центральной и Латинской Америки.

Если в течение XX века власти развитых стран осуществляли программы по ассимиляции вновь прибывших, стараясь добровольно, а иногда и насильно адаптировать беженцев и мигрантов из третьего мира к европейской и американской культуре, обществу, нормам и традициям, то в конце 90-х годов и в XXI веке победил мультикультурализм.

Мультикультурализм означает, что вновь прибывшие в новую страну жительства вправе сохранять свою культуру, традиции, нормы поведения и проживать замкнутыми сообществами, минимизируя контакты с внешним миром.

В 2016 году Европол опубликовал доклад “Изменения в методах деятельности Исламского государства. Новые задачи для правоохранительных органов стран ЕС”. В нём приведены поистине поразительные факты.

“По данным комиссий ЕС, в результате мультикультурализма наиболее сильно пострадали интеграционистские социальные связи в Бельгии, Дании и Германии. Политика мультикультурализма в соседних странах привела к усилению напряжённости во Франции. Де факто не поддерживая мультикультурализм, на практике французские власти вынуждены все чаще действовать не в рамках политики Трёх А, а в рамках мультикультурализма. Если ещё в 90-е годы вновь прибывающие преимущественно из районов Магриба и Ближнего Востока мигранты-гастарбайтеры в течение первых трёх лет в доле не менее 60% осваивали немецкий язык. В настоящее время каждый второй вновь прибывающий в Германию в течение трёх лет не общается с немцами вообще, а более 2/3 не предпринимают попыток к изучению немецкого языка. Это приводит к замыканию мусульманских общин. В настоящее время на территории Франции находится более 720 замкнутых мусульманских общин, в Германии – более 640, более 160 – в Бельгии, и почти 90 – в Дании. Подобные общины трудно проницаемы для правоохранительных органов и, по сути, ведут отдельное от стран размещения существование”.

Таким образом, мигранты, проживая на территории Северной Америки и Европы, не адаптированы к современному обществу. Более того, согласно тому же докладу, значительная часть из них не знает даже языка страны проживания и не собирается его учить. В результате вновь прибывшие мигранты живут по законам, традициям и установкам своего сообщества, подчас находящегося под влиянием джихадистского ислама или других экстремистских идеологий. В силу незнания языка и отсутствия устойчивых профессиональных и даже человеческих контактов с населением страны нового проживания, мигранты ведут себя так, как это диктует их община, а не законы и культурные нормы страны пребывания.

Практически во всех странах с высоким уровнем нелегальной миграции правоохранительная статистика демонстрирует устойчивый рост бытовой и уличной преступности со стороны вновь прибывших нелегальных мигрантов. Это вызывает политические волнения, недовольство коренного населения, влияет на политические кампании. Например, успех Д. Трампа в США, “брексит”, а также поправление избирательных предпочтений в Германии и Франции являются следствиями именно этого процесса. Однако есть основания полагать, что пока правоохранители имеют дело лишь с лёгкими последствиями нелегального антропополюса. В странах, подвергшихся разрушениям и превратившихся в зону военных действий, например, Сирии, Ливии, отчасти в Ираке до трагических событий была развита промышленность,

сфера образования и т. п. В этих странах немало инженеров, конструкторов и даже айтишников. Они также оказались среди беженцев. Определённая часть из них, безусловно, нашла работу и адаптировалась в новых регионах проживания. Однако это относится далеко не ко всем. Соответственно с каждым годом возрастает опасность проникновения в страны Северной Америки и Европы не только террористов-джихадистов, но и террористов и преступников, использующих в качестве орудия преступления компьютерные программы, биокомпоненты и т. п. В уже упомянутом докладе Европола отмечено, что в 2016 году джихадисты впервые, используя марокканский маршрут, пытались вместе с биотехнологами из Ливии перебросить в Европу биологическое оружие. В ходе оперативных мероприятий правоохранными органами Франции и Германии удалось пресечь деятельность нескольких расположенных в замкнутых общинах своеобразных школ для молодёжи. Там молодых людей учили основам компьютерной грамотности и методам использования троянов и вредоносного софта для осуществления террористических актов и преступной деятельности.

Приведённые выше примеры показывают, что рассматривать и изучать преступность исключительно под углом зрения закона в современном мире является неоправданной роскошью. Наряду с правовым, технологическим, постоянно возрастает значение гуманитарного измерения преступности. Человеческие психика и мозг, как недавно выяснили учёные, эволюционируют гораздо быстрее, чем человеческое тело. Этот факт чем дальше, тем больше будет определять общественную жизнь и характер схватки между криминалом и правоохранными органами.

Картография высокотехнологичной преступности

Заголовки типа “Высокотехнологичная преступность в мире выросла на 30%” или “Страну захлестнули высокотехнологичные преступления” заполнили страницы электронных СМИ, экраны телевизоров. Однако сделаем парадоксальное заявление. Ни в международном, ни в национальных законодательствах нет такого термина, как “высокотехнологичная преступность”. Более того, термин “компьютерная преступность” в большинстве стран мира, и Россия – не исключение, относится к реальности, существовавшей лет 25 назад, и никак не соприкасается с днём сегодняшним.

Однако это полбеды. Как мы уже отмечали, в 2015 году был издан серьёзный труд *Future crime* бывшего оперативника, высокопоставленного международного чиновника и профессора Марка Гудмана. Он быстро стал бестселлером Amazon и уже более года входит в число наиболее продаваемых книг в Америке. В нём можно найти оценку объёма высокотехнологичных преступлений, совершённых в мире в 2014 году на уровне полутора триллионов долларов. В 2017 году по англоязычным кабельным каналам начал демонстрироваться документальный телесериал *Deep Dark Tech*. Тема всё та же – высокотехнологичная преступность. Сериал комментировали ведущие аналитики в области компьютерной преступности, действующие сотрудники правоохранных органов Северной Америки и Европы, журналисты-расследователи, хакеры и даже бывшие компьютерные преступники. В фильме оценка масштабов высокотехнологичной преступности дана на уровне четырёх триллионов долларов.

В реальности на сегодняшний день ни полицейские, ни эксперты, ни Интерпол, ни Европол не знают реальных масштабов высокотехнологичной преступности. Это связано не только с тем, что, несмотря на широкое использование термина, издание специальных исследований ООН, Международного союза электросвязи, доклады Интерпола, Европола, ФБР, документы специальных структур СНГ и ОДКБ, он не имеет чёткого нормативно-правового определения, а правовое определение компьютерной преступности в подавляющем большинстве стран устарело. Проблема гораздо глубже.

Полицейские, исследователи и правоохранными, не имея правового определения высокотехнологичной преступности, чисто интуитивно выработали собственное неформальное. Оно базируется на использовании преступниками различных достижений и инструментария хайтека как орудий преступления. Именно такого, сложившегося в реальной правоохранительной деятельности понимания высокотехнологичной преступности будем придерживаться и мы в этой работе.

В 2016 году на одной из конференций Европола представители Скотланд-ярда поведали показательные цифры. Выяснилось, что в Лондоне примерно

о 65% преступлений бытового характера их жертвы и невольные свидетели заявляют в полицию, и более чем по 90% из них открываются дела. Применительно к имущественным преступлениям против бизнеса эти цифры выглядят так: 75% и более 90%. В случае же компьютерных преступлений заявляется не более чем о 20% преступлений, и менее чем по трети начинаются оперативно-розыскные и следственные действия.

Цифры можно было бы посчитать случайными, если бы не выступление одного из руководителей учебного центра ФБР на крупной международной конференции в Лос-Анджелесе в 2016 году. В Калифорнии по заявлениям граждан, связанным с физическим насилием и преступлениями имущественного характера, открывается более 80% дел от общего числа обращений. В тех случаях, когда речь идёт о компьютерных преступлениях, открывается не более 15–20% дел.

Несложно заметить, что потерпевшие, будь то физические или юридические лица, не очень верят в способности полиции найти и наказать высокотехнологичных преступников, а правоохранительные органы, избегая “висяков” — нераскрытых дел, — стараются под любым предлогом либо не принимать заявления, либо не возбуждать дел по ним.

Сложившаяся ситуация ведёт к двум весьма неблагоприятным и чем дальше, тем бóльшим последствиям. Поскольку потерпевшие не заявляют, а правоохранители, в основном, либо не находят виновных, либо стараются не возбуждать дел, никто доподлинно не знает ни масштабов, ни динамики, ни структуры высокотехнологичной преступности. Эта ситуация характерна не только для Соединённых Штатов, Великобритании, но практически для всех стран мира, включая Россию. А когда врага не знаешь (или избегаешь), с ним трудно, а подчас и невозможно бороться.

Отсутствие во многих, если не в большинстве случаев обращений потерпевших от высокотехнологичных злоумышленников в полицию, а также слабая раскрываемость подобных преступлений формирует у высокотехнологичных преступников не только чувство безопасности, но и превосходства по отношению к правоохранителям. Сочетание высокой результативности подобных преступлений с их относительно невысокой ценой и доступностью не только для крупных организованных группировок, но и небольших групп и даже одиночек при низких рисках быть наказанными делает высокотехнологичную преступность самым привлекательным направлением преступности XXI века. Её масштабы нарастают, как снежный ком. Причём есть основания полагать, что с каждым годом не только объёмы, но и динамика выручки компьютерных преступников увеличивается. В сети *Tor*, ставшей де факто глобальным виртуальным преступным пространством, время от времени проходят своего рода онлайн-конференции преступников по обмену опытом. На этих конференциях криминал оценивает масштабы компьютерной преступности уже сегодня как сопоставимой с объёмом мирового наркотрафика.

Большая часть всемирно известных экспертов в области современного криминала, включая Марка Гудмана, Брюса Шнайдера, Тима О’Коннора, в книгах, выступлениях и интервью в основном сводят высокотехнологичную преступность к криминалу в области информационно-коммуникационных технологий. В значительной части этой верно. Информационные технологии являются несущей конструкцией и наиболее динамичным элементом новой производственной революции. Какое её направление ни возьми — роботы, 3D-печать, синтетическую биологию, искусственный интеллект, — везде на первом плане программно-аппаратные средства, компьютерные или информационные технологии.

Работа, находящаяся в ваших руках, базируется на несколько ином, более широком подходе. Несмотря на то, что технология происходит от древнегреческого *techne* или искусство, по сути, она ближе не к труду художника, а к работе программиста. Любая технология — это алгоритм. Последовательность действий и операций с использованием конкретных навыков и инструментов, обеспечивающая при правильном выполнении достижение заранее заданного результата. Технологии присутствуют везде: в обработке, хранении и транспортировке вещества, энергии и информации. В производственной, финансово-экономической и социальной жизни. Везде есть примитивные технологии, предполагающие наличие простых навыков и применение примитивных инструментов, и продвинутые, предъявляющие особые требования к человеку и орудиям.

В работе, хотя преимущественно речь будет идти об использовании в криминальных целях информационно-коммуникационных или компьютерных технологий, будут затронуты темы преступного применения передовых поведенческих, психофизиологических и организационных технологий.

До сих пор не только среди общественности, но и среди правоохранителей всех развитых стран мира идут дискуссии о высокотехнологичной преступности и высказываются различного рода предложения, как повысить эффективность работы полиции и следствия в борьбе с цифровым криминалом. Представляется, что время для таких дискуссий безвозвратно ушло. Уже сегодня, а тем более завтра нетехнологичной преступности не существует и не будет существовать вообще.

Это верно не только для лидеров в области ИКТ – США, России, Великобритании, Южной Кореи, Китая, Франции, но и для стран Азии, Латинской Америки, Африки, включая даже несостоявшиеся государства и зоны беспорядка.

Поскольку техника и технология сегодня проникли во все сферы деловой, общественной и повседневной жизни и мир стремительно вступил в эпоху интернета, в любом преступлении имеется высокотехнологичный компонент. Например, не обременённые излишними навыками и знаниями малолетние преступники в трущобах африканских городов обмениваются планами уличной кражи при помощи смартфонов, используя, например, шифрованные мессенджеры.

В нынешние времена, когда интернет всего из прогноза превратился в повседневную реальность, мир и особенно развитые страны охватила **паранойя по поводу приватности**. Взрослые люди на полном серьёзе опасаются, что Большой Брат под именами Google, Apple, Facebook и т. п. следит за ними и фиксирует каждый шаг. Запуганные электронными СМИ, люди склонны видеть в интернете исключительно негативную сторону вроде чайника, убивающего своего хозяина. Между тем, уже в 2016 году только в Соединённых Штатах было зафиксировано более 2000 случаев, когда подозреваемые избежали серьёзных наказаний и возбуждения дел против них, поскольку имели неопровержимые алиби. Алиби предоставили им не родственники или случайные свидетели, а их умные дома, гаджеты и т. п. Непрерывно фиксируя передвижения своих хозяев, они предоставили полицейским неопровержимые данные, что в момент преступления подозреваемые находились в другом месте и не могли быть замешаны в случившемся. Любой процесс, а интернет – не исключение, имеет не только отрицательную, но и положительную сторону. Он не только создаёт новые угрозы со стороны преступников, но и даёт правоохранителям дополнительные возможности не только раскрывать, но и профилактировать криминал.

Возвращаясь к теме высокотехнологичной преступности, вслед за правоохранителями и практиками **будем считать преступность высокотехнологичной в том случае, если криминал использует аппаратные либо программные средства не для коммуникаций между собой, а непосредственно как инструмент преступления.**

Таким образом, высокотехнологичная преступность – это использование высоких технологий одиночками, группами или сообществами в деятельности, выходящей за рамки законов, а также норм и установок, признанных в обществе. Любая высокая технология может иметь гражданское, военное и криминальное применение.

В зависимости от уровня знаний и профессиональных навыков, требующихся для использования тех или иных аппаратных либо программных средств, различается низко- и высокоуровневая технологическая преступность. В зависимости от уровня компетенции и степени владения знаниями, навыками, требуемыми для использования высоких технологий как преступных инструментов, криминал подразделяется три группы.

Первая – это **пользователи**. Преступники-пользователи – это криминал, способный разобраться в программно-аппаратных средствах и применить их возможности в преступной деятельности.

Вторая – это **комбинаторы**. Преступники-комбинаторы обладают более высоким уровнем технологических компетенций, чем пользователи. Они хорошо знают возможности и потенциал различных устройств, приборов, программ, сервисов и т. п. и способны составлять из них комбинации, позволяющие осуществлять более сложные преступления или традиционные преступления с гораздо более высокой степенью эффективности и незаметности.

Третья – это **разработчики**. Преступники-разработчики – это, как правило, специалисты, обладающие высоким уровнем профессиональных компетенций, в основном не просто окончившие высшие учебные заведения, но имеющие опыт работы по специальности. Для совершения тех или иных преступлений или ведения преступной деятельности в определённой сфере они самостоятельно или в составе преступной группы создают те или иные программные или аппаратные средства. Если в конце XX – начале XXI века преступники-разработчики создавали технологии для себя, то сегодня, в основном, они делают это для продажи, реализуя на криминальных рынках в оффлайне и онлайн.

Поскольку высокие технологии, используемые в преступных целях, в равной степени подходят криминалу, террористам, а также государственным структурам несостоявшихся государств и стран, попирающих нормы международного права, то чем дальше, тем больше деятельность криминала пересекается с активностью криминальных групп и операциями злонамеренных государств.

В связи с тем, что преступность является неотъемлемым спутником человеческой цивилизации, то как отдельный феномен она будет сохраняться в самых высокотехнологических обществах. Также весьма вероятно, что даже в наиболее динамичных и сложноорганизованных обществах по-прежнему будет иметь место деление на уличную, спонтанную и организованную преступность. Наряду с преступниками-одиночками будут, несмотря на все усилия правоохранительных органов, сохраняться все более замаскированные и меняющие свои структуры организованные преступные группы.

При наличии определённых инвариантов преступной деятельности, вне зависимости от её технической оснащённости, анализируя последние 25 лет, можно выделить и несколько набирающих силу тенденций. Прежде всего, наряду с организованными преступными группами, в том числе этнического характера, по мере развития информационно-коммуникационных технологий **начали складываться наднациональные трансграничные группировки, увязывающие в единое целое преступников-одиночек, спонтанные группы, ОПГ в масштабах национальных государств, распределённые мозговые центры и своеобразные фабрики преступников-разработчиков.**

Также налицо тенденция найма государственных разведывательными органами для проведения операций не только хакерских, но и организованных преступных группировок. Эта тенденция, сформировавшаяся в онлайн, в интернете, уже в XXI веке набирает силу и в оффлайне. Всё чаще представители, а иногда и целые организованные преступные группировки рекрутируются для ведения военных действий в рамках частных военных компаний или иррегулярных вооружённых формирований в рамках прокси-войн. Особо широкое распространение эта тенденция получила в Центральной Америке, на Среднем Востоке и в зоне Золотого треугольника.

Наконец, согласно докладу Интерпола и Европола, посвящённому киберпреступности и финансовой преступности, опубликованному в 2016 году, растут масштабы и крепнут связи между легальным бизнесом и добропорядочными с виду финансовыми и инвестиционными институтами и киберпреступниками, а также другими представителями высокотехнологичного криминала. Эти связи имеют двусторонний взаимовыгодный характер. С одной стороны, легальный бизнес нанимает высокотехнологичный криминал для кражи интеллектуальной собственности и компрометации конкурентов, а с другой – легальные финансовые институты во всё возрастающих масштабах отмыывают преступные деньги.

В заключение солидаризируемся с выводом подавляющего большинства докладов Интерпола, Европола и других международных организаций, а также ассоциаций работников правоохранительных органов относительно проникновения высокотехнологичной преступности во все ключевые сектора экономики, сферы повседневной жизни и даже политические и, более того, правительственные структуры многих государств мира. К сожалению, высокотехнологичная преступность для подавляющего большинства жителей развитых государств превращается из предмета разговоров либо темы телесериалов во врага, с которым рано или поздно предстоит встретиться. Поэтому лучше изучить его заранее. Узнать его сильные и слабые стороны, чтобы чётко понимать, как и к кому обратиться за помощью и на что реально можно рассчитывать, взаимодействуя с правоохранительными органами и частными структурами безопасности.

(Продолжение следует)

НИКОЛАЙ КРИЖАНОВСКИЙ

НОВЫЙ ГОЛОС “РОДНОЙ КУБАНИ”

В начале 2017 года журнал “Родная Кубань” обрёл нового редактора. Им стал известный критик, литературовед, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета Юрий Павлов.

В слове к читателям руководитель издания подчёркивает преемственность традиций редакционной политики и обозначает конкретные параметры дальнейшей работы: “публиковать всех талантливых авторов, не обращая внимания на место их проживания”, затрагивать проблемы “веры, казачества, образования, культуры, истории, политики, молодёжи”, привлекать “тексты разной направленности”. Отдельно говорится о том, что на страницы журнала закрыт путь “только ненавистникам Православия и России”.

Несколько непривычной стала обложка журнала. На неё помещено “лицо номера” – фото писателя, ставшего автором центральной публикации. С обложки первого номера на читателя пристально смотрит слегка уставший Захар Прилепин. Здесь же цитата из его публикации: “Лестно было называться воином русским...”, – которую можно понять и буквально (в свете последних событий жизни писателя), и символически, в отношении ко всем публикациям журнала.

В первом номере собраны авторы из разных регионов России. Тем не менее, из восемнадцати публикаций журнала одиннадцать подготовлены кубанскими авторами. Наш край представлен журналистскими работами Е. Золотовой, В. Рунова и М. Синкевич, прозой И. Шейко, поэзией Н. Зиновьева и В. Серкова, научными статьями А. Безрукова, Г. Козловой, В. Касьянова, критикой и публицистикой Г. Соловьёва, И. Басовой. На страницах “Родной Кубани” опубликованы работы москвичей Ю. Лошица, В. Михальского, А. Тимофеева, нижегородца З. Прилепина, вологжан Н. Дегтерева и Н. Устюжанина. Таким образом, перед нами вертикальный, с юга на север, “срез” отечественной словесности.

Стержнем номера стали три интервью, расположенные в начале, середине и последней части журнала. В первом губернатор Кубани В. Кондратьев ответил на вопросы Е. Золотовой и В. Рунова. В двух других М. Синкевич беседует с заместителем главного редактора журнала “Наш современник” А. Казинцевым и настоятелем строящегося в Краснодаре храма о. Иоанном (Макаренко). Эти материалы объединяет стремление каждого, дающего интервью, к созиданию России, отстаиванию её рубежей. Хозяйственному – на уровне руководства края, литературно-творческому – в области русского слова и смысла на литературно-публицистическом поле страны, духовному – в труде и заботах пастыря-строителя, вставшего на борьбу с духовными недугами людей. А. Казинцев так выразил мысль о созидании: “Надо делать всё, чтобы дать возможность людям, которым предстоит жить в будущем, свершить что-то, что это будущее украсит и сделает его пригодным для русского человека”.

Отдел прозы журнала представлен разными по возрасту, жизненному и писательскому опыту, стилю авторами. Роднит их стремление заглянуть во внутренний мир современного человека и выразить его состояния: боль, радость, переживания и надежды в соотнесении с жизнью России.

“Бывшие” – так называется новый рассказ В. Михальского, маститого автора, творчество которого на протяжении десятилетий, к сожалению, не было объектом пристального внимания критиков. В произведении явно присутствуют автобиографические нотки: в одном из интервью писатель признавался, что на протяжении многих лет беседует по телефону с опытным медицинским работником.

Смысл названия и основные идеи рассказа легко поймут те, кто хоть немного, краешком своей сознательной жизни прикоснулся к человеческому теплу людей и общей атмосфере советской эпохи. Мысли главной героини, бывшего врача-кардиолога высшей категории Анастасии Александровны, постоянно “крутятся” вокруг того, что было раньше, и того, что она переживает теперь: “Сколько же несправедливого неравенства видит вокруг себя молодёжь...”; “...И при советской власти дурных руководителей хватало, но на них было много разной управы, и всякому человеку было куда пожаловаться”; “Раньше в поликлиниках и больницах исцеляли-лечили, а теперь оказывают медицинские услуги”.

В произведениях В. Михальского образам женщин часто отводится центральное место. По мысли писателя, “неистребимая жизнестойкость русского народа как в эмигрантском, так и в советском, и в постсоветском мире держится, конечно же, на женщинах”. Героиня рассказа, каждый день отправляющаяся на электричке на нелюбимую работу, терпящая духоту и толчею транспорта, тяжело переживающая увеличивающуюся человеческую разобщённость, ухаживающая за девяностолетней больной мамой, постоянно находит в себе силы чему-либо радоваться. Даже самому малому: вовремя пришедшему электропоезду, глотку свежего воздуха, умению устроить рабочее место... По сути, Михальский рисует человека из “бывших”, способного сопротивляться обстоятельствам, не падать духом и черпать жизненные силы в умении радоваться, жить для окружающих и помогать им. “Бывшие” в рассказе – это не только врач-кардиолог, работающий в страховой компании, но и геологи, инженеры, педагоги, вынужденные, чтобы выжить в лихие 1990-е, как-то влиться в “рынок” и забыть о любимой работе.

Характеризуя литературный процесс в России, критик А. Татаринев отмечал, что многие современные отечественные писатели увлечены исторической темой, а точнее – часто в своих произведениях говорят о сущности исторического процесса и о судьбе России. В небольшом рассказе Михальского тема судьбы Отечества и народа звучит не единожды. Наиболее серьёзные размышления на эту тему вложены в уста приятеля Анастасии Александровны, бывшего когда-то пациентом в кардиоцентре, а после ставшего на многие годы её телефонным собеседником. Оценивая страшный общественный сдвиг в постсоветской России, герой замечает: “За последнюю четверть века у нас начало формироваться сословное общество, и все учёные, литераторы, вся профессура и т.д. явно принадлежат теперь к низшему сословию”. Но трагизм судьбы нашей России преодолевается необъяснимой никакими разумными доводами “милостью Божьей”, благодаря которой, по мысли героя и автора, “с Россией всё будет хорошо”.

После прочтения рассказа “Бывшие” ловишь себя на мысли, что он слишком быстро закончился. Остаётся желание ещё побыть рядом с героями Вацлава Михальского или найти его книгу, чтобы опять окунуться в бытовую и одновременно философскую, но неизменно тёплую и душевную прозу русского мастера слова.

В. Михальский – один из центральных “персонажей” журнала. Это подтверждает помещённая в разделе “Критика и публицистика” статья заместителя главного редактора “Родной Кубани” М. Синкевич, в центре которой – осмысление ранней повести писателя “Катенька” (1965). Главная героиня произведения помещена автором публикации в один ряд с Василисой Ильичиной Мелеховой (“Тихий Дон” М. Шолохова) и Анной Владимировной Карповой (“От Двуглавого Орла к красному знамени” П. Краснова) и является воплощением соборного типа личности. Катенька, переживая в прямом и переносном смысле сложнейшую эпоху революции и гражданской войны, выдерживает

испытание на человечность. Её бытие сосредоточивается не на себе: жертвенность и нравственное мужество ведут Катеньку по жизни.

Осмысляя систему персонажей повести, М. Синкевич приходит к выводу, что в раннем творчестве писателя выражена достаточно критичная оценка революционных событий и самих революционеров. А мы в очередной раз убеждаемся: советская литература не была однородной, и наряду с произведениями, ставшими воплощением идей партийности и классовости, в ней существовали тексты, о которых можно сказать: они “вне партий и направлений” и рядом с человеческим сердцем.

Из других прозаических публикаций журнала более всего впечатляют рассказы студентки 4 курса журфака Кубанского университета Ирины Шейко. Это проникновенные, наполненные теплом и любовью ко всему окружающему истории. Рассказ “Благодарная” – психологическое повествование от лица девушки, лечившейся от туберкулёза. Героиня с горечью провожает в мир иной потерявших способность сопротивляться больных, а после выздоровления осознаёт всем сердцем благодарность Тому, Кто дал ей силы преодолеть недуг.

“Там, где шумят берёзы” – так назван рассказ И. Шейко о поездке молодой женщины в родные с детства места после восемнадцатилетней разлуки с ними. Многие роднит это произведение с известными текстами В. Белова “За тремя волоками” и “Плотницкие рассказы”: и тема возвращения, и лиричная тональность, и повествовательная манера.

Рассказ Н. Устюжанина (псевдоним В. Баракова) “Жульё у моря” – незатейливый и динамичный текст о современном русском незадачливом проституте, обманутом соблазнительной рекламой и сочинскими продавцами квартир. Так и хочется, чтобы кто-нибудь хоть раз крикнул простоватому герою фразу Ильи Муромца из шукшинской киноповести “До третьих петухов”: “Ванька, смотри!” Однако после неудачи ни потеря времени, ни тяжкие переживания о деньгах, ни скандал с обманщиками, ни предстоящее объяснение с женой – ничто не делает его обозлённым. А после всего, омывшись в Чёрном море, часть денег он относит в храм.

После прочтения рассказов “молодого традиционалиста” (термин А. Татаринова) А. Тимофеева, помещённых в “Родной Кубани”, остаётся некоторое чувство досады. Идеейно и тематически они близки к произведениям традиционной русской прозы. Но слог и стиль рассказов “В тёплых лучах”, “У моря” и “Первый вечер” крайне неровные, а речевые погрешности сильно затрудняют восприятие.

К отделу прозы примыкает рубрика “Пером и пулей”, в которой помещена глава из новой книги Захара Прилепина “Взвод: офицеры и ополченцы русской литературы”. В журнале “Родная Кубань” эта глава стала своеобразным “гвоздём” номера.

Современному читателю Прилепина представлять не надо. Его личность и творчество неизменно вызывают сильную реакцию: от полного прития до абсолютной ненависти, от восхищения до возмущения. При этом оценки со временем могут меняться, как это произошло с В. Полозковой, Д. Быковым и другими представителями либерального крыла отечественной литературы, не простившими писателю ни понимания величия личности Сталина, ни жертвенной любви к Родине и русскому народу.

Своё отношение к произведениям Прилепина я выразил в статьях “Куда идёт Захар Прилепин?”, “Такие “пацанские” рассказы...”, “Движение к сердцу России”. И сегодняшний выбор человека и писателя – быть среди бойцов за русский Донбасс – я искреннее понимаю. Складывается ощущение, что не только личный опыт, но и написание новой книги, героями которой стали многие поэты и писатели “пушкинской поры”, многом повлияли на Прилепина.

Сама книга в какой-то степени – манифест писателя, своеобразное утверждение: русский творец всегда готов встать под ружьё и защищать народ и Отечество пером и пулей. Глава, опубликованная в “Родной Кубани”, посвящена поэту и офицеру Павлу Катенину. Прилепину удалось и увлекательно рассказать о личности и судьбе воина-писателя, и проявить связь его творчества с литературным процессом, и обнаружить творческие открытия. Особое внимание уделено боевому, напористому характеру Павла Катенина: “самолюбивый и самоуверенный”, “с диктаторскими замашками”, “спорщик – неутомимый”, начальникам “возражал... вежливо”, “вольнодумец, скептик и гордец”. В творчестве поэта отмечены тонкое художественное чутьё и даже

прозорливость, резкость критических оценок, стремление к поэтическому эксперименту и смелое обращение со словом: “Как критик он стал одним из центральных персонажей той эпохи”; “Для Катенина было свойственно демонстративное экспериментаторство; он вовлекал в поэзию архаизмы и прозаизмы...”; “Он объяснил, что в русскую поэзию надо тащить всё, что иные чудаки будут истово ненавидеть даже двести лет спустя, — все эти берёзки, осинки, портянки”. И главное: “...Катенин более всего любил Отечество своё. А издёвок над ним не терпел”.

Прилепин так формулирует итог жизни и творчества Катенина: “...Русское имя своё он пронёс безупречно”. Такая судьба — своего рода завет именитого воина и талантливого писателя первой половины XIX века каждому жителю России в любую эпоху.

Поэтические страницы журнала открывают стихи известного литературоведа, критика, писателя Юрия Лощица. Это трагические произведения, многие из них связаны с утратой близкого человека. Стихи выражают глубокое горе, внутреннее одиночество и одновременно христианское приятие мира. Первые строчки стихотворения, открывающего цикл “Там, где нету тебя...”, отобразили тягостные раздумья лирического героя:

*В миру стоит гора.
Нет, я не о Фаворе.
Стоит посредь песков,
среди пустых полей.
Стоит из-за лесов...
Она зовётся — горе.
Нависла над тобой,
безропотной моей.*

Сопоставляя эти стихи с последними строчками финального стихотворения, можно прийти к выводу: преодоление глубокой скорби в стихах Лощица происходит с помощью обращения к небу, от которого нигде не укрыться и которое даёт свет:

*Но всё-таки зимой и летом
оно исполнено примет,
что этот переменный свет
однажды станет полным светом.*

Поэтому, что бы ни случилось с человеком, поэт призывает: “...Одно лишь имя славь”.

Стихи Н. Зиновьева, известного Кубани и всей России поэта, элегичны и проникновенны, просты и афористичны. Боль о России, любовь к деревне, воспоминания о счастливом детстве и ощущение близости “всемирного плача”, когда “и пространство, и время упряднятся”, — вот основные мотивы новых стихотворений поэта, получивших на страницах “Родной Кубани” общее название “Снова осень в российской глубинке”.

Произведения поэтов В. Серкова (Сочи) и Н. Дегтерева (Шексна) развивают темы любви к родной стороне, осознания себя в русском мире и русского мира в себе, воспоминаний и размышлений о любимом, родном.

Рубрика “основы православной культуры” объединила две публикации учёных из Армавира А. Безрукова и Г. Козловой. На материале русской литературы от истоков до произведений писателей XIX–XX веков А. Безруков прослеживает развитие сущностных идей отечественной словесности: восстановление погибшего человека на пути обретения христианских ценностей, верное служение России и неприятие индивидуализма. По мысли автора, в контексте “жёсткого идеологического противостояния полярных мировоззренческих систем” именно русская художественная словесность берёт на себя роль духовной крепости народа.

Проблема школьного анализа зарубежной литературы остро звучит в статье Г. Козловой “Некоторые аспекты изучения “Ромео и Джульетты” и “Гамлета” У. Шекспира в школе (православный взгляд)”. Исследователь соотносит поведение персонажей пьес с христианским идеалом, проявляет философскую наполненность сценического действия и приводит читателя к выводу:

в пьесах Шекспира ярко отобразилось антропоцентрическое начало эпохи Ренессанса в сочетании с протестантским индивидуализмом. Г. Козлова справедливо указывает на то, что школьное изучение литературы формирует поведенческие стереотипы детей. А в содержании пьес Шекспира воссоздаётся “западный канон” поведения человека, они являются зеркалом западного сознания. Именно поэтому школьники в России, усвоив точку зрения автора, должны сделать следующий шаг: соотнести традиционные идеалы русской жизни с идейно-тематическим содержанием пьес. Это поможет нашим детям правильно осмыслить и самоубийство влюблённых, и кровавую месть Гамлета, и многие другие поступки героев Шекспира.

Декан факультета журналистики Кубанского университета В. Касьянов выступает на страницах “Родной Кубани” с осмыслением переплетений судеб Кубани и Крыма в античную эпоху в статье “Одна родина – одна судьба”. Автор прослеживает этнические, социальные, лингвистические аспекты взаимодействия двух регионов и показывает общность их истории и культуры.

Критико-публицистическая часть журнала открывается полемической работой недавно ушедшего из жизни талантливого журналиста и учёного Георгия Соловьёва “В лабиринтах псевдолитературы”. Это статья о гламурной и антигламурной “недолитературе” в исполнении О. Робски, С. Минаева и их последователей в столице и провинции. По мнению автора, тексты этих псевдописателей появляются, в первую очередь, из-за наличия “невзыскательного читателя”, оторванного от национальных и культурных приоритетов и выросшего в эпоху 1990-х – 2000-х годов. Это время, когда “в духе растущей демократии и свободы слова популяризировали книги авторов, которые невозможно читать даже мало-мальски просвещённому человеку и которые пестуют равнодушие к святыням нравственности”. Критик обращает внимание читателей на ещё один факт: псевдолитература появляется в тот момент, когда литератор имитирует процесс творчества, изливает свой графоманский пыл на бумагу. Ещё одно важное условие процветания недословестности – равнодушие издателей к качеству публикуемых книг, их погоня за прибылью.

Поставив диагноз, Г. Соловьёв отмечает: лечить болезнь отечественной словесности следует “включённостью сознания” читателей, писателей и критиков, а также пониманием, что путь нравственной деградации в литературе – это путь гибели общества.

Завершает публикация журнала небольшая критическая работа И. Басовой о новом фильме К. Серебренникова “Ученик”. Студентка четвёртого курса факультета журналистики Кубанского университета раскрывает в статье художественную несостоятельность новой кинокартины одиозного либерального деятеля отечественного театра и кино. Она убедительно показывает ходульность и шаблонность персонажей картины, отсутствие понимания азов христианства и его исторической роли в жизни русского народа, стремление карикатурно изобразить серьёзные явления жизни. Руководитель “Гоголь-центра” К. Серебренников, по мысли И. Басовой, действует по принципу: “оскорбил – спровоцировал – собрал лавры”. Он заигрывает со зрителем, ожидая от него чётко рассчитанной негативной реакции на любые проявления религиозного сознания. Работы Г. Соловьёва и И. Басовой открыто противостоят стремлению значительной части либерально ориентированной творческой интеллигенции подменить истинные ценности ложными, настоящую литературу – псевдопроизведениями, искреннюю веру в Бога – фанатичным и слепым следованием нескольким догмам.

“Родная Кубань” с самого основания называется журналом литературно-историческим. Однако до конца 2016 года это издание скорее можно было назвать историко-литературным, поскольку в нём преобладали публикации об истории родного края. Первый номер 2017 года стал не только полностью соответствовать общей тематической направленности издания, но и, как мы видим, продолжил и развил заложенные В. Лихоносовым традиции. Редакция не отказалась от исторических публикаций, но нарастила литературную, публицистическую и научно-критическую составляющую. В этом отношении разнообразие жанровой палитры и соседство на страницах “Родной Кубани” имён маститых авторов с именами начинающих, полемичность и нацеленность на активное включение в общероссийский литературный процесс свидетельствуют о том, что журнал, вся редакционная коллегия которого – преподаватели и студенты факультета журналистики Кубанского университета, – обретает новый голос, а в его жизни началась новая эпоха.

ВИКТОР ПЕТРОВ

КОЛЫБЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Поэзия есть принадлежность человека:
без неё он не может дышать.*

Н. И. Костомаров

*Баю-баю, о лю-лю,
Усыплю да удремлю...
Из народной колыбельной*

Сколько лет я читал записи колыбельных песен и не замечал их внутреннего затаённого богатства! Читал, как книгу, про себя, соскальзывая с плоскости листа. И вот произошло неожиданное. Прошлым летом, настезь растворив окно в палисад, стал я не читать, а напевать строки. Ветер оживлял листву яблоньки под окном, вызывая на ней и в моей душе зыбь. И началось чудо оживления народного Слова. Тут мне помогла моя мама. Из памяти всплыл её голос. Он звучал негромко и задушевно, и я услышал слова песни, так и не встретившейся мне в обширном фольклорном фолианте:

*Ой лю-лю, ой лю-лю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Витя крепко спать...*

И, как в детстве, я погрузился в некое пограничное состояние сознания между явью и дрёмой. Мама подарила мне золотой ключик, которым и открылась дверь в мир колыбельного слова, до этого наглухо впечатанного в книгу собрания русской народной словесности.

Тот, кто в своём младенчестве слушал колыбельную песню, тот всю свою последующую жизнь будет, по крайней мере бессознательно, чутким к слову. И это в любом народе, поскольку душа у людей одной природы и поскольку существует общечеловеческое чувство прекрасного, а значит, и необходимого. Из всех традиционных жанров фольклора колыбельная песня в большей или меньшей степени присуща всем языкам, этносам, что косвенно говорит о её древности, вернее, изначальности. В ней исток поэзии, пробивающийся не только в отдельных индивидуумах, но и во всём человечестве. Даже при нынешнем общем угасании традиций колыбельная песня дольше других жанров фольклора удерживается в домашнем обиходе. Безусловно, она трансформируется, преобразуется, то обедняется, то обогащается, но не исчезает и,

дай-то Бог, никогда не исчезнет. Она является очевидной константой духовности, культуры, словесности, связующей воедино все эпохи, а посему неистребима. Невозможно войти в поэзию родного языка, минуя звучащее над люлькой материнское колыбельное слово. Если сравнить новорождённого с зерном, то в колыбельной песне заключена сила, зовущая к прорастанию, к движению вверх, к теплу и свету. К небу.

Как в благодатном чреве матери вынашивается плод будущего человека, так в тёплом уюте люльки-зыбки, окутанной атмосферой песни, ещё задолго до проблесков разума пробуждается в ребёнке душа. Она купается в её искренней заботе, дрожит в её ритмах от радости роста, постепенно осваивая родной язык задолго до произнесения первого слова.

Одна в избе русская печь, согревающая всю семью, одна в доме и люлька на всё подрастающее поколение. Старшие дети покидали колыбель, младшие занимали её. Сравнение русской печи и колыбельной песни приведено не для красного словца, оно, как мне представляется, имеет глубокий и символический смысл. Русские народы, оттеснённые к арктическим пределам, выработали особое чувство тепла и защищённости. Если долгими зимами не топить печи, то тепло исчезает, а с ним и жизнь. Отсюда и широкое применение в нашем языке прилагательного “тёплый”, относящееся и к слову, и к звуку, и к взгляду человека, и к разговору, и к отношениям между людьми, и к душе, и т. д. И это не дарованное самой природой, как у южных народов, а рукотворное тепло, впитанное с молоком матери, сформированное особым укладом быта и бытия.

“Печь” – слово не менее древнее, чем “колыбель”. Происходит оно от старославянского “пещь”, “пешть”. От него возникло слово “печора” (“пещера”), то есть укромное место, где можно укрыться от непогоды, согреться, почувствовать себя в безопасности. Известна поговорка: “Печь нам мать родная”. По Владимиру Далю, глагол “печь” означает “прогреть на огне” “либо в вольном духу нежидкую пищу, снедь, яство”. Пекли хлеб, пеклись о младенце. В стародавние времена часто телесное и духовное обозначали одним словом, извлекали из общего корня. Слова ещё не затвердели в понятиях и свободно плавали в объятиях речи. Когда хорошо на душе от песни или доброго разговора, говорили: “Словно у печки погрелся”. Младенца согревала колыбелька, а старца – лежанка на верху русской печки. Древнее попечение о ближних! Форма и того, и другого предмета традиционного народного быта – совершенны! Но люлька без материнского поэтического слова – что печь без огня.

Впеваюсь в колыбельные песни и оттаиваю, душа начинает петь, как ветер в печной трубе, дрожать, как медная печная заслонка, трепетать, как молодая листва моей яблоньки. Убаюкивающие звуки примиряют меня с реальностью, соединяют с вечностью, оставляя в душе следы, ведущие в жизнь бесконечную. Только надо не читать, а голосом, пением, интонацией воскрешать светлую магию:

*Люли, люлюшки,
О, о, о, о, о,
Коло!
О! о! баиньки —
О! баю, баю, баю!
Баю милую!
О, о, о, о, о, о, о!
Коло! Баиньки,
Баю Нинушку.*

В нашей родовой глубине, на генетическом уровне, рождаются чувство и образ, уводящие в магическую древность. И становится ясно, что в любом поэтическом произведении важны не только слова, но и чувство родного голоса, его оберегающая и согревающая интонация, ритмическая уютность, нежно и взволнованно разливающаяся по телу. Колыбельное слово проникает в туманный внутренний мир младенца, поднимает в нём духовное солнце и побуждает к росту.

Словом “колыбель” обозначали круговое движение, подобно тому, как по небесному кругу солнце (коло, колесо) видимо обходит землю. Этимоло-

гически оно родственно словам: колебать, колыхать, зыбить, лелеять, то есть покачивать и нежно оберегать. И это покачивание обязательно сопровождалось голосовым пением. Корень “коло” проступает во многих словах, например: колокол, коляда, колодец. Возможно, в поэтическом сознании предков колыбель (люлька, зыбка) представлялась особым душевным колодцем, обеспечивающим рост ребёнка, который вновь и вновь наполняется живой водой родной речи. Не случайно же в народе говорят: каков в колыбельку, таков и в могилку. Для прояснения этой поговорки потребовалось бы целое исследование. Сейчас лишь замечу, что тема рождения-взросления и тема старения-смерти в народном сознании составляют единый круг жизни, её коловорот, а мотив смерти мыслился, как это ни покажется странным, как элемент оберегающей младенца магии, как своеобразное зачатие жизни смертью:

*Баю, бай да люли,
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.*

*Завтра мороз,
Снесут на погост.
— Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце
Накрыть младенца...*

Замечу, что в слове “сколочу” проступает магическое созвучие “коло”. И ещё отмечу, что колыбель по своей форме схожа с погребальной ладьёй.

Колыбель — особый предмет старинного русского обихода, ныне в первоначальном виде сохранившийся, пожалуй, лишь в этнографических музеях русского Севера. Она напоминает некий старинный народный музыкальный инструмент. Качая зыбку, мать словно перебирает струны гуслей, напевая, убаюкивая ребёнка своим вещим словом, а потом, когда дитя засыпает, с помощью пения отправляется в воображаемый мир лучшего будущего, сбрасывая с себя тяготы реальной жизни. Действительно, перед нами сложнейший поэтический “инструмент взросления” и успокоения человека, причём как ребёнка, так и взрослого.

Стенки люльки мастера украшали деревянной резьбой и разрисовывали яркими узорами и картинками. Изображались по бортам люльки райские птицы, поющие на мировом древе жизни, горлицы, курочки, петушки, коньки-горбунки. Предполагалось, что они оберегают дитя от всяческого зла. Обычно на люльку накрывали старую мамину юбку. Считалось, что материнский запах успокаивает дитя. Отсюда и поговорка: рос под маминой юбкой. Колыбельки украшали бархатными тесёмками, занавешивали кружевами, превращая их в подобие театра русских скоморохов. Пение над люлькой становилось своеобразным театрализованным представлением, было на виду у домашних. Колыбельная песня воздействовала на всех домочадцев, врезалась в память, передавалась из поколения в поколение, создавая традиционную атмосферу светлой жизни, добра и красоты, усиливая поэтическую составляющую колыбельного слова.

Буквально все жанры фольклора несут в себе отголоски, тонкое эхо колыбельной поэзии. Не вызывает сомнения, что эта поэзия восходит к языческим временам, к ворожбе, охранительной магии. Об этом говорят и изображения-обереги, символы древнего волхования, и сами образы песен. Не стоит православному человеку этого опасаться. Красота спасительна для младенческой души, восходящей к истинной поэзии. И Василий Розанов говорит (“Опавшие листья. Короб первый”): “Язычество есть младенчество человечества, а детство в жизни каждого из нас — это есть его естественное язычество. Так что все мы проходим “через древних богов” и знаем их по инстинкту”.

Мать прикасалась к ребёнку, как музыкант к струнам, дитя мирно и мерно качалось в колыбели. Мера слова угадывалась женским опытом и чутьём. Выйдя из водной среды материнского чрева, с ещё не развившимся слухом, новорождённый попадал в воздушную среду ритмично качающейся колыбели. Это более нежный переход к автономной жизни, нежели ныне: на стол роддома, в плоскость кровати, в первое транспортное средство человека — коляску.

При этом в новорождённом естественным образом формировалось особое чувство – “чувство равновесия”, позволяющее различать “мельчайшие вариации силы тяжести, покрывающие, подобно ряби на океане, вездесущее поле тяготения” (Борис Белоголовый, “Шестое чувство”).

“Баю-бай” – самое частое словосочетание колыбельных песен. От этого старинного звуко сочетания родилось слово – обаяние (о-бая-ни-е). С младенчества человек попадал под обаяние ничем не заменимого материнского слова. Тем самым осуществлялся первый шаг к восприятию языка поэзии, а в дальнейшем – и к самостоятельному словесному творчеству:

*Сходитесь ночевать,
Моё дитячко качать,
А вы, санные девушки,
Прибаюкивать.
Баюшки, баю,
Баю детку мою!..
Спи, усни,
Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми.
Баюшки, баю,
Люлюшки, люлю!*

*Баю, побай,
Да ржаной каравай.
Спи, дитя, мило,
Нам не надобно ино.*

Звуко сочетанием “баю” на Руси издревле обозначали певучую поэтическую речь, а поэтов называли “баянами”, которые своим пением приносили утешение страждущим. С принятием христианства “баяние” стали воспринимать как синоним волшебства, наследие “тёмного” язычества. В современном многотомном словаре русского языка XI–XVII веков есть множество тому подтверждений: “бая и дивы творя”, “баснями баяху”, “бают тихо, чтобы не накликасть лиха”. Слово “басня” родственно этому древнему “баю”. И сегодня можно услышать в русских деревнях: “Не прибавай”, – то есть не рассказывай небылиц, басен.

Колыбельную песню не считали байкой, отдавая должное очевидной пользе поэтической магии при первоначальном погружении ребёнка в богатства родного языка:

*Баю, бай да побай,
Ты, собачка, не лай,
Белолапа, не скули,
Нашу Машу не буди.*

Колыбельное слово, зародившееся в глубочайшей древности, донесено женщиной-матерью до исторических времён, обновляясь, но не теряя своей мощной силы. Оно органично вписано во всё многообразие традиционного русского быта, труда и праздника, и относиться к нему необходимо не только как к тексту, но и как к театрализованному действию. И в райке, и в колыбельной песне обитают и действуют устойчивые персонажи: Сон, Дрёма, Угомон, Сикорёк-Сикорец (косец), Кот-Баюн, а также бабушка-старушка, соболь, собачка, корова, лисица, ласточка, конёк и другие. Со многими из них ребёнок позже встретится в волшебных сказках. Героем колыбельной песни является и сам адресат, называемый по имени, данному ему от рождения. Все они действуют в пространственно-временных декорациях, среди привычных предметов домашнего обихода.

Колыбельные песни всегда оснащены припевом, полны повторов и порой длинны по словесному наполнению и времени исполнения. Когда дитя засыпало, колыбельная ещё долгое время звучала, плавно переходя в лирическую песню, варьируясь до бесконечности, а при внезапном пробуждении младенца, плаче вновь начиналась с припева.

*Сон идёт по сеням,
Дрёма по терему,
Сон говорит:
— Усыплю да усыплю! —
Дрёма говорит:
— Удремлю да удремлю! —
Ищет-поищет Софьюшку мою,
Где найдёт, тут и спать укладёт...
По полу, по лавочкам
Похаживает,
Ванечке в зыбочку
Заглядывает...
Приди, котик, ночевать,
Малютку колыхать.
Ишёл котик по лавке,
Нёс малютке баранки;
Ишёл по дорожке,
Нёс сапожки;
Ишёл котик с заморья,
Нёс малютке здоровья...*

Круг образов-персонажей колыбельной песни век от века пополнялся новыми действующими лицами, расставался с устаревшими героями. Любопытно, что фигура отца в колыбельных песнях практически отсутствует. Это свидетельствует о том, что творцом колыбельного слова была женщина, которая по народно-педагогической традиции отвечала в семье за воспитание детей обоего пола до семилетнего возраста. Нет в колыбельных байках и образов языческих богов. Вероятнее всего, они были вытеснены историей, но, возможно, в их присутствии матери не чувствовали необходимости. А вот христианские образы и лица густо населяют духовное пространство колыбельной песни:

*Успения Мать,
Уложи младенца спать
На тесову на кровать.
Уложи, усыпи
На всю тёмну ночь.
Как я байкала, качала
И Успенью завичала.
Богородица Мария,
Уложи дитя скорее
На всю тёмну ночь,
На весь белый день,
Да на всю тёмную ночь.
Как я байкаю, хожу,
Да никому я не скажу;
Как я байкала, качала,
Божьей милости начало.*

Христианские мотивы свободно сопровождаются в колыбельной песне языческими припевками, архаичными словами, устаревшими образами, что характерно для всей тысячелетней русской поэзии: “О лю-, лю-лю, лю-, лю-лю, лелюшки, лю-лю баюшки, баю”, а рядом — “Спи-ко ты, дитяtko, с Богом, со Христом”:

*Все хранители с тобой,
Спас, Микола над тобой,
Спас, Микола в головах —
Крестна сила на грудях.
Михайло Архангѣв
Да со ангелами,*

*Кузьма и Демьян
Со апостолами —
Они тебя хранят,
Они и милуют
От болезней, от скорбей,
От тяжёлых болестей.*

Подчас в колыбельных песнях разыгрываются настоящие мистерии, сближая их как с духовными стихами, так и со сценами из народного театра, применяясь, скорее всего, в качестве особой пропедевтики религиозного воспитания:

*Бог тебя дал —
Христос даровал,
Пресвятая Похвала
В окошечко подала,
В окошечко подала,
Иваном нарекла:
— Натя-тко
Да примите-тко
Моё дитячко...
Баю, баюшки, баю,
Нет ли местячка в раю,
Хоть на самом на краю?
В раю ангелы поют,
К себе деточку зовут...*

Есть в колыбельной песне изысканная рифмовка, особая сердечная интонация, словесная чистота, разлитая в звуках чутко настроенных слов, сказочно-языческая и божественно-ангельская, и простая, светлая материнская любовь:

*Баюшки, баю!
Я сугревушку свою,
Я сугревушку свою,
Я к чему примерю?
Примерю теплу
Свою сугреву,
Летом — к алому цветочку,
Зимой — к белому снежочку.*

С ходом исторического времени меняется и колыбельная песня, наполняясь новыми реалиями, например, ценностью денег, золота, развлекательных скоморошьих потех. Может быть, это служило простым пожеланием новорождённому человеку лучшей доли в изменяющемся не в лучшую сторону окружающем мире:

*Уж я зыбочку качаю,
Сына мила усыпляю;
Когда Санишка уснёт,
На базарчик я пойду,
На базар, на ярмарку.
Что мне в лавочке приглянется?
Приглянулась мне-ка люлечка,
Я за люлечку два грошика дала,
За лучок — пятачок,
За верёвочку — копеечку...
Баюшки, баю,
Баю детку мою!
Вырастешь большой,
Будешь счастливый, талантливый.
Будешь в золоте ходить,*

*Золоты кольца носить,
Золоты кольца носить,
Камку волочить,
А обнопочки будешь дарить
Мамушкам, нянюшкам!
Баюшки, баю,
Баю детку мою!*

В колыбельном слове мать или нянька изображают огромный мир. Они не задаются единственной целью – убаюкать младенца, но раскрывают перед ребёнком свою душу, повествуют о радостях и бедах современной им жизни, вливают в древние ритмы новое содержание, раскрепощая своё воображение, творят искреннюю поэзию, вступив на путь свободных художественных ассоциаций. Казалось бы, зачем? Ведь ребёнок не понимает смысла песни, мал ещё. Но разве мы, взрослые, понимаем, “о чём поёт ветер?” (Александр Блок). Вот так же и мать пела над колыбелью, раскрывая свою душу, согревая дитя своим выстрадавшим теплом.

Особенно важно, что пелись и младшим, и старшим детям, по сути дела, одни и те же песни, они естественно, на бессознательном уровне, входили в память ещё во младенчестве, а потом, в более зрелом возрасте, воспринимались вполне осмысленно как что-то интуитивно знакомое, родное. Так входила народная поэзия, речевое богатство родного языка в сердечную сокровищницу русского человека.

Только единство поющего и слушающего делает поэтическую речь притягательной. А слушать и не перебивать на Руси умели. Колыбельная песня и её исполнение были вне критики и запрета. Она достигала видимой цели – младенец засыпал, и вся семья вздыхала с облегчением. Но параллельно этой утилитарной задаче достигалась невидимым образом и духовная цель: освоение богатств отечественной культуры.

Первый собиратель русской народной словесности Пётр Киреевский, прекрасно знакомый с фольклором западноевропейских стран, заметил: “Едва ли есть в мире народ певучее русского”. Он знал, что говорил. “Собрание народных песен П. В. Киреевского” (1831 год) – первоначальный капитал особой русской духовности и душевности. Сохранился черновик вступительной статьи к первому тому этого грандиозного свода, написанный А. С. Пушкиным, который, кстати, передал Киреевскому свои записи великорусских песен. В нём поэт называл разнообразные жанры устного народного творчества “лестницей чувств”. Вот на этой лестнице первой ступенью и является колыбельная песня.

Качаясь на волнах колыбельного слова, младенец бессознательно и естественно, как эхо, впитывал с молоком матери и развивал способность к неслышимому, но видимому (сочувственное выражение глаз, таинственное движение губ, отклик на ласку и т. д.) внутреннему диалогу с самим собою. И это задолго до формирования речи-общения. Говорить с другими – проза. Говорить с Богом – молитва. Поэты высоко ценили “безыскусное” песенное слово. Прикоснуться к нему, по выражению поэта Николая Языкова, не больше и не меньше, как “душу освежить”. С этим невозможно не согласиться! Не случайно многие русские поэты – А. Плещеев, Н. Майков, М. Лермонтов, А. Фет, Н. Некрасов, А. Блок и другие – писали свои “Колыбельные песни”.

Для нас, привыкших к крепкому градусу книжной поэзии, колыбельная песня, в лучшем случае, оставляет ощущение лёгкого хмеля от молодой браги. Нет в ней плотного метафоризма, изощрённой ритмики и рифмовки, нет витиеватых сюжетов, политической позиции. И вот мы, минуя первую ступень “лестницы чувств”, отлучаемся от истоков поэзии. Спасти безнадёжное положение может лишь колыбельное слово, возвращённое в младенчество наших детей, безропотно и самозабвенно впитывающих его с молоком матери. В детском саду и школе это лучшее время для формирования поэтического чувства будет уже упущено. Да кто сегодня будет петь традиционные народные колыбельные песни, те единственные, что воспитывают певучесть души? В лучшем случае – наушники на голову и погромче то самое, что и взрослого сбивает с пути природного поэтического развития. Вот и ситуация, когда современный человек не то чтобы другого, но и сам себя не слышит. То, что для западной культуры – правило, то для нас – беда. Картина абсурда просмат-

ривается не только на межличностном, но и на межгосударственном уровне. Поэтому в нынешних стихотворных произведениях нарастает усложнённость, алогичность, нарочитая запутанность, отсутствие адресата, политизация. Пифии в Элладе и то были вразумительнее! Но подделки под народную традицию недопустимы. Как-то я с изумлением прочёл современную авторскую колыбельную: "... Месяц скрылся в облака // под стрельбу с телеэкрана".

Русская душа излучает поэзию в силу своей природы, можно сказать, генетически, на основе выработанного множеством поколений чувства колыбельного равновесия – первого из основных чувств народившегося человека. И это наследие ныне ветшает. Поэт засыхает на корню, когда отделяет себя от слушателя (читателя, умеющего слышать) и замыкается в своём "гордом" одиночестве. Это своего рода безумие. Представьте картину: мать поёт колыбельную, качая люльку, а в ней – пусто!

В колыбельной песне слово зыбко, легко переставляется с места на место, поддаётся контаминации, инкрустируется древними и вновь появившимися словами, звукосочетаниями, каламбурами. Гибкость и подвижность её не знает границ. Она выполняет главную свою миссию – гармонизирует дух, пробуждает к росту душу, озаряет её любовью.

Язык колыбельной песни оживает не в печатном виде, не в записи, но в душе матери, а душа раскрывается в голосе. Песня поётся, а не читается, она отражает состояние души и всякий раз звучит по-новому, как бы заново создаётся, а не воспроизводится по памяти. Звучащее слово всегда отличалось от письменного, навечно застывшего в знаке. И когда звуки и буквы сливаются в певучей душе – начинается поэзия. Она – цветение и плодоношение родного языка, освежающий культуру ливень. Звук стремится запечатлеться в знаке (букве), а буква – обратиться вновь в форму звука. Таков круговорот поэзии в языке. А. С. Пушкин на вопрос: "Что такое поэзия?" – отвечал: "Поэзия определяется по своей цели, а цель поэзии – поэзия". Колыбельная песня, лишённая поэзии, – пустой звук.

Нельзя, хотя бы вкратце, не остановиться на сопутствующих колыбельному слову жанрах фольклора, также созданных женщиной, но предназначенных уже не для внутренних чувств засыпающего ребёнка, а внешних чувств пробуждающегося для бодрой деятельности малыша. Речь идёт о пестушках, потешках и прибаутках, соединяющих колыбельную песню с русской народной сказкой. Цель их не в воспитании души и сердца, а в развитии тела и ума. Если оставить за границей эссе этнопедагогический аспект и обратиться к поэтической составляющей этих народных миниатюр, то откроется пиршество материнской поэзии: яркое словотворчество, остроумие, ритмическая упругость, игровая изобретательность, неожиданная образность. Едва ли в мире найдётся народ, создавший столь бесподобную устную словесность!

Примеров простейшей и такой яркой, запоминающейся поэзии – целые тома текстов, собранных и прокомментированных исследователями фольклора. Оздоровительная магия? Возможно. Однако уже в античной древности философы открыли врачующую силу поэзии, стихотворного ритма, образного слова ("Очищения Эмпедокла"). Знали об этом и в Древней Руси. Если колыбельная песня – росток поэзии, то пестушки-потешки – цветочки, а лирические и эпические песни – плоды, безусловные поэтические ценности, признанные всем миром. Но если бы колыбельное слово не зародило в младенце чувства меры и поэзии, то и русской певучести не из чего было бы расти.

Колыбельные песни записаны собирателями с голоса и зафиксированы в свободной стихотворной форме. Как в истинном поэтическом произведении, эта форма не задана извне, а рождена душевным порывом, вдохновением творца песни и сообразно особенностям внутреннего мира младенца. Форма эта устоялась, но если взять её как некий сосуд и наполнить абсолютно новым содержанием, то колыбельной песни не получится. В поэзии нет вопроса о первичности формы или содержания. Они как вдох и выдох. Так дышит и поэзия материнского, колыбельного. Как сказал Гёте (перевод Вяч. Иванова), "В духе формы стройных песен, // В сердце песен жизнь и жар".

Когда ребёнок засыпал и даже уже спал довольно крепко, пения не прерывали, а содержательную составляющую колыбельной лишь усиливали. Казалось бы, зачем? Цель-то достигнута. Младенец спит. Значит, не в этом заключена цель колыбельного слова. Думается, уже в доисторические времена люди открыли воспитательный эффект поэзии. Дети, лишённые живительной

атмосферы колыбельного слова, развивались слабее, были беднее душевно, менее красноречивы, чем их более счастливые одногодки. Более того, именно в пограничном состоянии между сном и бодрствованием воздействие колыбельного слова на младенца оказывалось наиболее эффективным. Ветхозаветные мудрецы высоко оценивали это переходное состояние, считая, что именно в такие мгновения младенца посещают ангелы, святые небожители, обостряя его внутренние потенции, раскрывая дар божественного слова. В “Книге Иова” (33) читаем: “Бог говорит однажды, и если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей во время дремоты на ложе. Тогда он открывает у человека ухо и запечатлевает своё наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом”. И совсем не случайно многие колыбельные песни сродни вечерней и утренней молитве.

Несомненно, что образование человека, душевное, а затем и умственное, начинается с поэтически и музыкально оформленного колыбельного слова, звучащего в “тонком сне”, на границе сна и бодрствования. Современное воспитание подрастающего поколения лишилось этого начала, как и самой зыбки-колыбели. Ещё в начале позапрошлого века А. С. Пушкин горько сожалел, что устная народная словесность исчезает “в дыму столетий”, что же говорить русскому человеку начала третьего тысячелетия!

Музыку языка, азы звучания, слово-звук, хорошо темперированную поэзию – вот что открывает нам материнская колыбельная песня. Она если и не начало и внутренняя основа поэзии, то, несомненно, волшебное мгновение пробуждения поэтического чувства, врата в родной язык.

БОРИС КУРКИН

РУССКОЕ КОЛЕСО

(Размышления над первой сценой “Мертвых душ”)

В отечественном литературоведении первая сцена из “Мертвых душ” традиционно рассматривается в двух планах: в плане обсуждения вопроса, какой смысл несет в себе гоголевское выражение “два русские мужика”, и в плане “обличения пороков русской жизни”. У каждой из указанных тем есть своя довольно обширная библиография.

Находились, впрочем, и те, кто видел в первой сцене поэмы и “Мертвых душах” в целом клевету на Россию. Так, граф Ф. Толстой-Американец (тот, что “ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом”) открыто называл Гоголя врагом России и говорил, “что его следует в кандалах отправить в Сибирь”.

Двум гоголевским мужикам, обсуждающим вопрос, “доедет колесо или не доедет”, явно не повезло: большинство отечественных филологов видели и в них и до сих пор видят символ безысходности и тупости русской жизни.

Как о “сборище уродов” говорил о гоголевских героях советский исследователь В. Гиппиус: “Вряд ли кто-нибудь станет вслед за Шевыревым умиляться человечности Селифана, а вонючий Петрушка и идиоты Митяй и Миняй вместе с двумя “русскими мужиками” первой главы дополняют впечатление”. И далее: “Художественные приемы Гоголя превращают изображенный им мир существователей в действительное “сборище уродов”.

Еще резче высказывался по сему поводу Г. Гуковский: “Уже на первой странице перед нами появляются “два русские мужика, стоящие у дверей кабака”; они ведут в высшей степени комически-нелепый пьяный разговор насчет крепости колеса чичиковской брички. Так и звучит в этом разговоре беспробудная тоска “идиотизма деревенской жизни”.

Насчет “идиотизма деревенской жизни” – это уже не к Гоголю, а к Марксу с Энгельсом. И впору, перефразируя Коробочку, спросить: “Почем ходят призраки?” Но, право же, идиотизм как “способ существования белковых тел” неспособен породить “живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман” и мастеров, которым “если по-настоящему, только на одного государя и работать”, да и самой птицы-тройки.

Чуть снисходительнее к двум русским мужикам был И. Серман: “... разговор “двух мужиков”, которым открывается поэма – все-таки разговор. Эти мужики, скорее всего оброчные, знают и Казань, и Москву, судят и рядят о колесе с почти профессиональным интересом”.

“Все-таки разговор”.

“Тоже люди”. Именно эти слова героя “Войны и мира” приходят на ум по прочтении пассажа Сермана. Однако далее следует существенная оговорка:

“Только в одном случае слова и действия мужика целенаправленны, обдуманно и осмысленны – когда мужик стремится в кабак, который единственное доступное ему средство забвения”.

Взгляд на диалог двух мужиков (“доедет колесо или не доедет”) как на бессмысленный стал в отечественном литературоведении традиционным. Актуален он и поныне. Как о тупом и бессодержательном говорят о нем О. П. Монахова и М. В. Малхазова. Черты алогизма в образе города, утверждают авторы, доведены до предела: с них и начинается повествование.

Куда пронизательнее был в этом отношении А. Белый, писавший о колесе, исследуя особенности гоголевского сюжета: “Два мужика рассуждают о колесе чичиковского экипажа: доедет или не доедет? Никакого видимого касанья к сюжету: пустяк оформления, которого не запомнить читателю; через шесть или семь глав: выскочило таки *то самое колесо*, и в минуту решительную: Чичиков бежит из города, а оно, колесо, отказывается везти: *не доедет!* Чичиков – в страхе: его захватят с поличным; колесо – не пустяк, а колесо *Фортуны*”. И далее: “Ничто не сказано; кажется ж: *что-то* сказано”.

Сказано, даже на первый взгляд, многое. Об этом же писал уже в наши дни В. Кожин, которого “как-то изумило замечание известного нынешнего критика, что-де открывающий поэму разговор двух мужиков “бессмыслен”. < > А ведь “два русских мужика напроорочили, что не достигнет Чичиков конечной своей цели...”

Однако для того, чтобы прийти к такому выводу всего-то и требовалось, как соотнести завязку поэмы с ее финалом*. Таким образом, смысл и значение первой сцены можно постичь лишь по прочтении поэмы, когда читатель узнает, кто и что есть Чичиков.

По нашему мнению, сцену можно охарактеризовать так: зримая встреча бытия и небытия, или вторжение небытия в бытие**.

У первой сцены “Мертвых душ” много слоев. Будем осторожно снимать их один за другим.

На первый взгляд, она подчеркивает, что въезд Чичикова в город был незаметен “для мира”. Но сказать, что он был просто незаметен, было бы не поголовски, и присутствие мужиков у кабака прекрасная деталь. Равно как и фигура молодого человека в белых канифасовых панталонах, оглянувшегося на Чичикова и пошедшего дальше своей дорогой***.

Первая сцена вроде бы чисто житейское наблюдение, почти анекдот, задающий камертон неспешно развивающемуся, но постепенно набирающему обороты действию-повествованию. Два мужика стоят у двери кабака и вяло переговариваются на совершенно абстрактную тему колеса.

Не сцена, а сплошное очарование, которое не в состоянии передать даже лучшие переводы. Сравним, например, живое гоголевское “Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” с английским (Д. Дж. Хогарт, 1916): “Look at that carriage”, one of them said to the other. “Think you it will be going as far as Moscow?” [16], немецким (В. Козак, 1988): “Siehst du”, sagte der eine dem andern, “das ist einmal ein Rad! Wie glaubst du: könnte man

* То же можно сказать и о немой сцене “Ревизора”. Сколько всего сказано было о ее смысле и значении, однако никто не попытался соотнести ее со сном Городничего о двух “необыкновенных” крысах – “черных, неестественной величины”. А что же означает явление во сне крысы? Сонник, приписываемый Симону Зилоту (Кананиту), толкуют крыс в качестве символа врагов. Предположим, что две крысы – это два ревизора: один фальшивый, другой настоящий, и оба “черные, неестественной величины” (“У страха глаза велики”). Крысы не причинили Городничему ни малейшего вреда: пришли, понюхали – и пошли прочь. В этом свете “Ревизор” предстает глубоко пессимистичным произведением: ничего не меняется даже после визита чиновника, командированного “по Высочайшему повелению”, т. е. по приказу самого Царя. Подробнее об этом см.: Куркин Б. А. “Оперативное дело “Ревизорь”. М.: 2011.

** Такое вторжение становится возможным тогда, когда в человеческом бытии намечаются серьезные изъяны. Показательно, что принимая с перепугу Чичикова за Наполеона-антихриста, чиновники города NN тотчас же и со страхом вспоминают все свои грехи.

*** Точно так же иллюстрирует ставший роковым для Чичикова ночной въезд в город NN Коробочки. Безлюдность обстановки подчеркивает сонный будочник, казнивший при свете фонаря на своем ногте “зверя” и заснувший тотчас же “по уставам своего рыцарства”.

mit so einem Rad, wenn es nötig wäre, bis Moskau kommen?“ или французским (А. Монго, 1925): “Regarde-moi cette roue, dit l’un; en cas de besoin irait-elle jusqu’à Moscou?”

Что-то неуловимое, присутствующее в нарисованной Гоголем картине, уходит при переводе. И причина тому не только принципиальная невозможность адекватного перевода текста с одного языка на другой. Здесь присутствует нечто большее – некая гоголевская, скажем больше – русская тайна.

Глубоко прав был В. Кожин, утверждавший, что “Мертвые души” – наименее понятая, наименее освоенная отечественной мыслью из всех великих книг русской литературы”.

Порой для того, чтобы понять ситуацию в ее полноте, приходится начинать издалека и исследовать совершенно неожиданные темы. В нашем случае для того, чтобы больше узнать о первом мужике, приходится отвечать, например, на такой вопрос: “Где находится город NN?” Разумеется, мы будем держать в уме и другую тему, которой озаботился в свое время И. Анненский: “Где, собственно, происходит действие “Мертвых душ”? Из какой полосы России взяты Коробочки, Митяи и Миняи? Какая среда, украинская или великорусская, выпустила Чичикова?” Иными словами, критик поднимал тему не в узко социологическом, но философском плане.

Будем помнить и слова А. Н. Веселовского о том, что родной страной для Гоголя “была не только многострадальная Русь николаевских времен, но и мир ее грез”.

Ответ на вопрос, в какой географической точке России происходит действие “Мертвых душ”, дает Л. Г. Мощенская, весьма обоснованно утверждающая, что город NN, исходя из гоголевского текста, есть Тверь. Далее она подсчитала, какова была приблизительная величина пробега чичиковской брички по губернии и городу до поломки ее колеса, и установила, что пробег чичиковской тройки составил не менее ста семидесяти верст. Если учесть, что от Твери до Москвы – 168 верст, а от Твери до Казани – 995, то получается, что до Москвы бы колесо доехало, а до Казани – нет. Полученный результат говорит о высоком профессионализме первого мужика, особенно если учесть, что ходовая часть рессорной брички представляет собой относительно сложную конструкцию. Ну и где здесь “пьяный тупой разговор”? Это беседуют два профи, способные с первого же, причем хмельного, взгляда на изделие определить его рабочий ресурс. Одним словом, мужик оказался куда большим профессионалом, нежели многие из тех, кто о нем писал.

Тем не менее, сама Мощенская, ссылаясь на Ю. Манна, подчеркивает, что с самого начала Гоголь хотел избежать какой-либо привязки этих событий к реальным фактам. И все это имеет принципиальный смысл, поскольку “попытки более или менее точно локализовать действие поэмы противоречат ее поэтике”.

Тем не менее, Гоголь, пусть и неявно, привязывал действие “Мертвых душ” к конкретной местности. Точно так же, как явствует из текста комедии, он обозначил место действия “Ревизора” в городе Петровске Саратовской губернии, хотя, разумеется, речь в пьесе идет о некоем городе-символе, а не о конкретном уездном городке. Если бы такой привязки не было, оставалось бы предположить, что все детали деловых поездок Чичикова и описания природы созданы лишь для того, чтобы подчеркнуть глубокий профессионализм первого мужика! Но такая изощренность, на наш взгляд, была бы поразительной даже для Гоголя.

Возвращаясь к двум гоголевским мужикам, спросим себя и их хулителей: “Так в чем же неоднократно поминаемый в литературоведении “идиотизм ситуации”? При чем тут бессмыслие и тупость жизни?”

Да, мужики выходят из кабака: при входе в заведение русский человек не задерживается и уж тем более не отвлекается на мимолетные обстоятельства времени, места и образа действия, не предается созерцанию. По выходе из него – сколько угодно.

Будем держать в уме, что в отличие от трактира, где можно отобедать и отужинать, кабак – особое, отдаваемое государством на откуп узкопрофильное питейное заведение, где не столько пьют, сколько пропивают. Однако трезвость экспертной оценки первого мужика позволяет делать вывод, что мужики были просто под хмельком. Да и не сказано у Гоголя, что они были пьяные. И кто сказал, что все русские мужики были пьяницы?

Обратим внимание на то, что Гоголь говорит, что это были именно *мужики*, сиречь крестьяне. Вернее всего, крепостные какого-то из окрестных помещиков (того же Манилова, например)*. Но тут же возникает другой, философский вопрос, задававшийся Анненским: “В какие годы происходит действие? Что это в сущности за страна?”

То, что это были именно *мужики*, крайне важно для нас как читателей. И вот, почему: мужик как никто другой занят живым и богоугодным делом, без которого невозможна земная жизнь.

Приехавший же в город Чичиков живет мертвечиной. Его занятие – спекуляция призрачным и несуществующим. Показательно, что Чичиков останавливается в гостинице, расположенной напротив кабака. Иными словами, Гоголь символически и одновременно зримо противопоставляет бытийное начало – мужика – началу небытийному – Чичикова.

Как отмечал Анненский, “даже колесо, которое до Москвы доедет, а до Казани не доедет, – стали бессмертны, как самые совершенные из типов Гоголя: такую яркую жизненность умел разливать Гоголь на все, до чего ни касался он своим магическим пером”.

Вернемся к гоголевским мужикам и посмотрим на них еще раз с учетом уже полученного нами знания. Вот губернский город NN, маленький, сонный. Вечереет. Подул ветер (молодой человек еле удерживает на голове картуз). Уж не Чичиков ли привез с собой враждебные миру вихри? Два вышедших из заведения мужика лишь подчеркивают обыденность или даже унылость происходящего.

На душе у них тихо и спокойно, в теле истома.

А вот и колесо. Сейчас оценим качество “изделия”.

О чем говорить двум подвыпившим мужикам, слушающим музыку Вселенной? О первом, что попало на глаза; колесо в мужицком хозяйстве вещь незаменимая. О барах – неинтересно. Что они, бар средней руки не выдвали? Перебросились парой реплик и умолкли.

Спокойствие. Дремота. Умиротворение.

Пустынность города подчеркивает фигура молодого человека “в белых ка-нифасовых панталонах”, оборотившегося назад, посмотревшего экипаж и пошедшего своей дорогой.

Это гоголевский “глубокопроникающий и всевидящий эпический взор, то же всеобъемлющее эпическое созерцание”, о котором говорил К. С. Аксаков.

Немотствуют мужики. А о чем им *говорить*? О чем *философствовать*?

Что такое философия? Она есть **вопросание**.

О чем вопрошать, ежели все нужное для жизни тебе уже открыто в Евангелии?

А посему русская философия есть – молчание.

Что ты можешь познать еще, кроме того, как исхитриться в познании грубой материи исключительно для того, чтобы смастерить новую бричку, колесо которой доезжало бы дальше прежнего? И даже не в познании, а в ориентации в мире грубой материи, сводящейся к умению найти тот заветный краник, повернув который, остается лишь немного подождать, чтобы из него полилась необходимая для субъекта материя, которая будет пущена на всепобеждающее дело достижения комфорта.

Так что же ты в таком случае “познаешь”?

“Я знаю, что ничего не знаю и не узнаю”?

Вот и весь “прогресс”: он весь сводится к качеству новой брички. Это теперь ее делают такой, чтобы она вскорости ломалась до основанья, а затем... а затем покупалась бы новая.

Убить живой мир, Космос, выпотрошить его, съесть под соусом, пользуясь ножом и вилкой, обглодать и обсосать его кости и выкинуть на помойку! Вот и весь “прогресс”!

* То, что действие, по всем изображенным Гоголем деталям, происходит во времена правления Александра I, выясняется из текста поэмы: еще жив Полицмейстер, воочию видевший Наполеона, умершего в 1821 г., проносятся слухи о бегстве узурпатора-антихриста с о. Св. Елены, партизанит капитан Копейкин, которого критик И. Золотуский нежданно-негаданно записал в “комические персонажи”. Последнее не могло продолжаться долго. Впрочем, время действия у Гоголя тоже, как и место действия условны. Такова присущая “Мертвым душам” двойная оптика Гоголя: пространство и время в “Мертвых душах” условны и призрачны.

Это ли не торжество идей Гуманизма и Просвещения?

Вспомним, что говорил о просвещении незабвенный Михаил Семенович Собакевич, а как бы и не сам Николай Васильевич Гоголь? “Толкуют – просвещение, просвещение, а это просвещение – фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично”.

“Просвещение – фук”.

А что такое “фук”. Лёгкое дуновение. Подули – и нет ничего.

В наши дни вполне мог случиться и такой диалог: “Вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Валгаллу или не доедет?” – “Доедет”. – “А в Эдем-то, я думаю, не доедет?” – “В Эдем не доедет”.

Тоже прогресс.

Мужик живет в циклическом времени, и западное “познание” ему не то, чтобы совсем не нужно (добротная вещь всегда в хозяйстве пригодится), но он устроен так, что подобное “познание” ему глубоко чуждо, ибо строй его мыслей и чувств совсем иной.

Чичиков же живет в линейном времени, стремящемся из вечности в НИКУДА, точнее, к своему концу.

Мужик живет в вечности, *пребывает* в ней, ибо занят вечным и богоугодным делом. Чичиков – *существует* во времени, и сфера его деятельности – виртуальная действительность (аферы с мертвыми душами). Тем самым, мужик вечен и бесконечен, Чичиков – мимолетен и переходящий.

За мужиком стоит ПРАВДА, за Чичиковым – ложь. Он и сам является сыном лжи, и потому у него множества личин, но нет лица. Лицо старательно прячется. Как справедливо отмечает А. Михайлов, “. . . помещики первого тома поэмы – это характеры, а он (Чичиков – **Авт.**) по сравнению с ними не характер, а скорее играющее в характер существо без личных черт”^{*}.

Таким же изображен в “Борисе Годунове” Самозванец. Чичиков тоже – самозванец и потому априори связан с инфернальным миром.

Мужик – бытиен, Чичиков небытиен. Он лишен бытийности, ибо есть по природе своей нечистая сила и, следственно, чистая негативность. Чичиков – есть НИЧТО.

Мужик вечен, как земля, будь то Микула Селянинович или Кола Брюньон. Мужикам все эти чичиковы не интересны. Все господа для мужика на одно лицо и измеряемы общим аршином.

А теперь зададимся вопросом: не есть ли гоголевское колесо некий символ? Уместно в этой связи рассмотреть вопрос о том, какова символика колеса.

Это символ мира, символ движущей силы Космоса как живого и организованного внутри себя существа, символ непрерывного изменения и повторения, символ рождения, смерти и возрождения.

Пророк Иезекииль в своем видении узрел исполненные очей колеса, которые движут престол Божий (Иез. 1). Пылающие колеса вокруг головы Бога появляются в Книге Даниила. “Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь” (Дан. 7, 9).

Но если мужик вечно пребывает в циклическом времени, в вечном круговороте Бытия, то Колесо становится и символом Мужика! И не случайно одного из мужиков Коробочки зовут “Колесо Иван”, а мужика Плюшкина “Григорий Доезжай-не-доедешь”! Куда можно доехать в бесконечности, ведь мужик – бесконечен, Чичиков – конечен.

Однако колесо является одновременно и символом Чичикова. Но в отличие от колеса-солнца, колеса-коловрата – символа вечного и вневременного мужика, символом Чичикова становится совсем иное колесо – Колесо Фортуны. И если колесо Бытия крутится равномерно в одну и ту же сторону, определяя жизненные циклы Космоса, то Колесо ветреной Фортуны может крутиться в совершенно разных направлениях. Чичикову ли этого не знать!

^{*} Михайлов А. В. Гоголь в своей литературной эпохе // Кожин В. В., Осетров Е. И., Паламарчук П. Г. (сост.) Гоголь: история и современность (к 175-летию со дня рождения): [сб. ст.] М.: “Советская Россия”, 1985.

Торгуя канцелярскими образами мертвецов и погружаясь в мрачную символику, делая своим орудием ложь, он входит в прямой контакт с нечистой силой, становясь частью ее — знаменитая тема Д. Мережковского.

Колесо — это, помимо прочего, одна из ипостасей рода нечистой силы — ведьм и колдунов. “Ведьма превращается в колесо”, говаривали в старину, разъясняя сказочные символы. Малороссы были уверены, что ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге колеса, и если его проткнуть палкой, то наутро женщина-ведьма окажется пробитой колом. И если бы это было не так, они не сжигали бы на Ивана Купалу старые колёса и метлы, лишая ведьм и ведьмаков их привычных средств перемещения во времени и пространстве. И малороссу ли Гоголю было того не знать!

И вновь вернемся к гоголевским мужикам, теперь уже как символам Бытия.

Оба они — воплощенное Бытие.

“Свете тихий”.

Се — Русский Космос.

Два созерцателя. Два чувствователя и переживателя жизни.

Спокойствие и умиротворение.

Ан, как бы не так! Черт приехал. Незаметно. Тихо. Вкрадчиво.

И задул ветер.

Скоро все начнется.

Так же незаметно, тайно покинет Чичиков этот городок, оставив его обитателей в смятении: “Что же это было? Уж не выпущенный ли из плена на пагубу всему роду человеческому антихрист?”

“И решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков”.

Так начинается Смута.

И покатится по России дьявольское колесо.

*Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве*.*

Гром грянул. Крестьятся мужики: “Господи, помилуй!”

Так первая сцена “Мертвых душ” становится той точкой, которая, взрываясь, рождает Вселенную гоголевской поэмы.

* Стихотворение Ю. П. Кузнецова.

РОМАН СЕНЧИН

МЕЖДУ КОТЕЛЬНОЙ
И ПОДЪЕЗДОМ

Илья Константинов. Мятёжник. М., “ПЕНТА”, 2016.

Очень трудно, а может, и невозможно определить рамки, разделяющие документальную прозу и художественную, сказать, что вот это – фикшн, а это – нон-фикшн. К тому же, между ними возникли и довольно бурно развиваются (впрочем, возникли, наверное, ещё на заре литературы, но в последнее время активно вводятся в литературоведение) *not fiction, faction*...

Может, и не нужно делить, определять, хотя это в природе читателя: ему хочется знать, было ли это на самом деле или автор всё выдумал; было ли так или *не совсем так*...

Не стану касаться зарубежных литератур, взгляну на нашу, русскую. Точнее, на крошечный её временной отрезок. Вот писатели – эмигранты первой волны. Во многом ради денег большинство из них пишут этакие беллетризованные воспоминания о литературной жизни России нулевых – 20-х годов XX века: Бунин, Георгий Иванов, Ходасевич... Георгий Иванов особенно активно эксплуатировал эту тему, используя один и тот же сюжет в нескольких очерках, вольно или невольно переиначивая его. И сколько критики, а то и брани, обвинений во лжи выслушал...

Или возьмём оставшегося в Советском Союзе Мариенгофа, его книгу “Роман без вранья”. Множество известных имён, и, в первую очередь, главный герой – Есенин, узнаваемые из произведений других авторов факты, реалии, но каждый (или почти каждый) исследователь того периода, о котором писал Мариенгоф в своей книге, отшатнётся в негодовании, если вы заговорите с ним о “Романе без вранья”, закричит тонким от возмущения голосом: “Это – враньё! Вранье без романа!” Да и современники встретили книгу Мариенгофа более чем враждебно, её автор на долгие годы стал в литературе изгоем.

Или вот сверстник Иванова и Мариенгофа – Валентин Катаев, которому довелось дожить до вегетарианских времён так называемого “застоя”, а вернее – до старости, когда опасаться было уже не очень нужно. И он выплеснул несколько главных, по моему мнению, произведений своей жизни. В том числе и роман “Алмазный мой венец”, где под прозрачными псевдонимами, а точнее – прозвищами вывел многих писателей 20-х годов. И тоже попал под каток обвинений во лжи, хотя свидетелей описанных (или выдуманных) событий к тому времени практически не осталось. Возмущались дети и внуки легко узнаваемых прототипов, их почитатели, литературоведы. Позднейшие исследования доказали, кстати сказать, что почти всё Катаевым взято из действительности, а не порождено старческим воображением.

Но главное: читать все эти произведения интересно, интереснее любой, даже самой талантливой беллетристики, самой глубокой и умной художественной прозы... Известные прототипы или тени известных, известные приметы времени, обстоятельства, многие ситуации, и всё это документальное (или же псевдодокументальное) описано художественным языком.

О политике таким же методом написано значительно меньше, чем о творческом мире. Хотя интерес к политическим процессам, к фигурам, участвующим в них, куда больше, чем к литературному процессу, к богеме. Может быть, это можно объяснить тем, что изнутри о политике писать по существу некому: или писательского дара с гулькин нос, или страшно рассказать обо всём начистоту (а тем более правдоподобно пофантазировать на тему действительно произошедшего). Даже мемуары политики-пенсионеры пишут по большей части настолько сухие и пресные, столько не договаривают, что возникает вопрос: а зачем написали-то?

После этого длиннющего, но, как мне кажется, оправданно длиннющего введения перейду к сути: расскажу о книге Ильи Константинова “Мятежник”.

Думаю, многие запомнили этого бородатого депутата Верховного Совета России 1990–1993 годов, одного из лидеров обороны Белого дома в октябре 93-го...

Судьба Константинова типична для социально активного человека тех первых лет так называемой “новой России” – России, во многом насильственно брошенной в начальную стадию капитализма со всеми её ужасами и озверением.

Перестройку он встретил кочегаром одной из ленинградских котельных. Вошёл в круг радикальных демократов – Марины Салье, Анатолия Собчака, Галины Старовойтовой, – а через неполные пять лет упоминался в СМИ исключительно в одном ряду с Макашовым, Баркашовым, Анпиловым... Ночь на 5 октября встретил в случайном подъезде, куда забились бывшие защитники Дома Советов...

События этих пяти лет – между котельной и подъездом – и составляют содержание романа-хроники “Мятежник”, занимающего основной объём одноименной книги.

Это ни в коем случае не мемуары, а действительно роман (ну, может быть, если судить слишком строго, повесть). Повествование ведётся от первого лица, главного героя зовут так же, как и автора, среди персонажей есть Ельцин, Руцкой, Хасбулатов, Макашов, Немцов, Зюганов, Лимонов, но язык вполне художественный, много прямой речи, есть лирические отступления, находится место и сатирическим штришкам, самоиронии.

Наверняка историки и очевидцы тех событий найдут в романе Константинова неточности, но, на мой взгляд, это вполне исторически достоверное произведение. А главное, это исследование процесса изменения восприятия людьми того, что происходило в стране и со страной, отношения к главной надежде демократов (а демократами в конце 80-х были многие) – Борису Ельцину. Константинов проводит исследование на себе, защищавшем Дом Советов с Ельциным внутри от ГКЧП в августе 1991-го, а в сентябре – октябре 1993 года – тот же Дом Советов от Ельцина и его сторонников...

Не стану пересказывать сюжет “Мятежника”. Надеюсь, у книги будет читатель, она этого достойна. Тема, конечно, тяжёлая, но роман читается легко, с увлечением. Да и само время тогда было увлекательным – страшным и увлекательным. Иногда даже не верилось, что всё это происходит на самом деле, в реальности...

Что называется, для затравки, приведу два отрывка из романа.

Вот о первом за много десятилетий явлении триколора на официальном мероприятии (на дворе май 1990 года), который через год с небольшим станет государственным флагом России:

“Двое депутатов-москвичей из числа демократов установили на своих столиках трехцветные бело-сине-красные флаги времён Российской империи.

– Позор! – кричал в микрофон кто-то из “Коммунистов России”, – в зале заседаний Съезда народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики я вижу флаги власовцев – пособников фашизма, предателей русского народа. Требу ю удалить фашистскую символику из зала!

– Прошу убрать постороннюю символику из зала, – не слишком уверенно затараторил председательствующий.

– Это флаг не пособников фашизма, это флаг государства российской республики, – горячился один из москвичей. – И, между прочим, это флаг Российской республики, существовавшей с февраля по октябрь 1917 года; республики, уничтоженной в результате кровавого большевистского переворота!

– Да что с ними разговаривать, – дюжий коммунист бросился к флажку, пытаясь его сорвать.

– Убери руки, – возвысил голос бородатый демократ.

Началась небольшая свалка, в которой флажки удалось отстоять.

Борис Ельцин, сидевший с каменным лицом среди депутатов Свердловской делегации, будущий владыка всея Руси, казался совершенно безразличным к происходящему; взгляд его был устремлён куда-то вперёд, в сторону председательского места, которое он мысленно готовился взять”.

А это очень яркий пример лабиринта власти... Герой романа осенью 1991 года возвращается из поездки в Северную (территория России) и Южную (территория Грузии) Осетию с пакетом документов, которые передал ему в Цхинвали для президента РСФСР Ельцина. Докладывает Виктору Илюшину, помощнику Ельцина:

“– Как раз в тот момент, когда я находился в Цхинвали, состоялось заседание Верховного Совета Южной Осетии, на котором был принят целый ряд важных решений. Я привёз оттуда документы.

Илюшин молчал, не проявляя ни малейшего интереса к моим словам.

– Там обращение к президенту России, личное письмо председателя Верховного Совета Гассиева, справка о сложившейся ситуации, подготовленная военными, другие секретные документы, – я положил пакет с документами на стол перед Илюшиным. На конверте значился гриф “Совершенно секретно” и крупным шрифтом: “Президенту РСФСР Ельцину Б. Н. Лично, в собственные руки”.

Илюшин искоса посмотрел на конверт и осторожно отодвинул его от себя подальше:

– Напишите Борису Николаевичу записку на депутатском бланке с изложением сути дела. Я передам. А пакет пока заберите. <...>

В назначенное время я вновь был в приёмной. Не говоря ни слова, Илюшин протянул мне мою записку, на которой рукой Ельцина красным карандашом было начертано: “Разобраться Руцкому”. <...>

Руководитель секретариата Руцкого Алексей Царегородцев <...> не хуже него (Илюшина. – **Р. С.**) понимал в тонкостях бюрократического этикета:

– Александр Владимирович эти бумаги не примет, – категорично заявил он, повертев в руках пакет.

– Но ведь президент поручил!

– Вы видите, что написано на конверте: “Ельцину в собственные руки”. Вице-президент не имеет права его вскрывать.

– А вы понимаете, что там идет война?

– Тем более! Не впутывайте Александра Владимировича. У него и без того неприятностей хватает: чего только на него не вешают, как дело гиблое – сразу Руцкой! Написано “Ельцину”, вот Ельцину и вручайте.

<...> Пакет жёг мне руки, и я поспешил к Бурбулису, в то время – третьему лицу в официальной российской иерархии. <...>

– Вскрывать не имею права. И звонить Борису Николаевичу по этому вопросу не буду, он уже в курсе, – вяло отреагировал он.

<...> И вот я снова в пахнущем кофе и табаком большом кабинете Хасбулатова. Руслан Имранович спокоен и даже несколько ироничен:

– Хе-хе! – тихо хмыкнул он, выслушав рассказ о моих хождениях по президентским кабинетам. – Такова техника безопасности власти. Ну ничего, не расстраивайся, я тебя в это дело впутал, я и выпутаю. Мы этот пакет сожжём, не вскрывая.

– Как сожжём? – не понял я сначала.

– Так, спичкой... Никакого риска! Пойми, Илья, – он резко перешёл на серьёзный тон, – у нас нет другого выхода: вскрывать – нельзя, хранить – нельзя, выбрасывать – нельзя и отправлять обратно – недипломатично. Сожжем, не вскрывая, и заактируем. При свидетелях. Согласен?

Разочарованно пожав плечами, я кивнул в знак согласия. Вскоре в туалетной комнате исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР весело заиграло пламя небольшого костерка, в котором сгорели не

только южноосетинское “Обращение к президенту и народу России” и прочие совсекретные документы, но и мои последние политические иллюзии”.

После Беловежского соглашения и начала “шоковой терапии” Константинов и часть демократов уходят в оппозицию не столько Ельцину, сколько его правительству. К оппозиционерам присоединяются сначала “умеренные” коммунисты и “неоголтелые” националисты, а потом и радикальные... В итоге вице-президент Ельцина Руцкой и большинство депутатов оказались против дальнейших шагов ельцинского правительства, не подчинились противоречащему Конституции указу 1400, и Верховный Совет был разогнан силой.

Многие недавние соратники Константинова из демократического лагеря, вовремя перешедшие к Ельцину или хотя бы поведшие себя тихо в те дни 1993-го, были избраны в Государственную Думу, получили высокие посты, помощь в бизнесе, а он остался, в общем-то, не у дел. Для одних – с клеймом мятежника, для других – как честный человек...

Роман дополнен рассказами, в которых *вещества прозы*, на мой взгляд, больше, чем в романе. Именно они, вроде бы частные истории частного человека, демонстрируют, что в нашу литературу пришёл новый сильный писатель. Очень рекомендую с ним познакомиться.